МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

К 145-летию со дня основания
Томского государственного университета
и 105-летию открытия историко-филологического факультета
Томского государственного университета

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА, СООБЩЕСТВ, ГОСУДАРСТВ

Сборник материалов XVII Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 20–22 апреля 2022 г.)

Выпуск 17

Томск
Издательство Томского государственного университета
2022

УДК 93/99 + 327(082)
ББК 63 + 66
И90

Рецензент
д-р ист. наук, проф. С.А. Некрылов

Редакционная коллегия: д-р ист. наук, проф. М.В. Грибовский, д-р ист. наук, зав. каф. В.П. Румянцев, д-р ист. наук, проф. Н.В. Трубникова, д-р ист. наук, проф. Е.В. Хахалкина, д-р ист. наук, зав. каф. М.П. Чёрная, д-р ист. наук, зав. каф. Д.Н. Шевелев, д-р ист. наук, проф. Л.И. Шерстова, д-р ист. наук, проф. В.В. Шевцов, канд. ист. наук, зав. каф. О.В. Зайцева, канд. ист. наук, доц. В.В. Миркин, канд. ист. наук, доц. С.Н. Мирошников, канд. полит. наук, доц. Е.В. Попова, канд. ист. наук, ст. преп. И.А. Дунбинский, канд. ист. наук, асс. А.Ю. Красноперов, ст. преп. И.П. Глызин, асс. А.В. Мунько, аспирант Д.Д. Вячистый, аспирант П.А. Домбровский, магистрантка Ю.В. Лобанова, студентка И.С. Сметанина, студентка А.Е. Чабина.

И90 **Исторические и политические исследования в XXI веке: трансформация человека, сообществ, государств** : сборник материалов XVII Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 20–22 апреля 2022 г.) / отв. ред. М.В. Грибовский, И.А. Дунбинский. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2022. – Вып. 17. – 324 с.

ISBN 978-5-907572-46-1

Представлены материалы XVII Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, прошедшей на факультете исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета 20–22 апреля 2022 г. В публикуемых тезисах докладов представлены результаты исследований малоизученных и актуальных проблем отечественной и всеобщей истории, методологии истории, теории и практики современных международных отношений, археологии и краеведения, социальной антропологии, политологии и документоведения.

Для студентов и преподавателей исторических факультетов вузов и всех интересующихся проблемами исторических и политических наук.

УДК 93/99 + 327(082)
ББК 63 + 66

ISBN 978-5-907572-46-1 © Авторы статей, 2022
© Томский государственный университет, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Абаскалов А.М. Разведывательная авиация СССР в 1920–1930-е гг. Особенности формирования и развития....8

Андреев Я.М. Наконечники стрел из кости и рога с могильника Пинчуга-6....12

Антипина Д.В. О нюансах подходов черногорских историков – носителей «западной» идеи – в описании современной истории Черногории....17

Богданов К.В. Предпосылки формирования колумбийского левого движения в первой четверти XX в....21

Брилевская Я.С. Дестабилизирующий феномен Республики Фахани: «Маленькая Палестина» внутри Ливана....26

Брянцев В.А. Периодизация истории изучения памятника Черноозерье II (Омская область, Саргатский район)....32

Бугреева К.И. Маркиз де Лафайет в исторической памяти: между «героем двух миров» и «политическим насекомым»....37

Бурнаков А.А. Основные проблемы и подходы в исследовании шаманизма в отечественной историографии....42

Бурнатов А.И. А.Я. Гуревич об эпохе викингов....47

Бурцев Г.А. Образ побежденного на примере отношения к Белому движению в РФ и к Конфедерации в США....53

Былков Е.В. Влияние PESCO на трансатлантические отношения в перспективе 2020-х гг. 57

Глинкин В.С. Низкий герой волшебной сказки у чжуан: евразийские параллели....64

Горбунова А.М. Культура народов Центральной Азии в трудах А.В. Потаниной....68

Готка А.И. Трансформация образа Вудро Вильсона на страницах газеты «L'Action Française»....72

Громов Г.О. Романтический национализм в Иране: образ древних иранских династий в произведении Ага Хана Кермани (1854–1896) «Три послания».....78

Данильян А.Э. Векторы развития арабского образования в Израиле: реформы демократического государства, радикализирующие общество.....81

Домрачева А.А. Порядок работы с документами абитуриентов в приемных комиссиях Национального исследовательского Томского государственного университета в условиях цифровой трансформации.....87

Евдокимова В.А. Вторая поправка к Конституции США: любимая винтовка нации.....93

Захаров В.Е. Образ революции в трудах Питирима Сорокина.....98

Зырянова А.Д. Место электронного документа в системе МВД России.....103

Иванченко И.С. Незаконнорожденные в крестьянском обществе Тюменского уезда Тобольской губернии (на материалах метрических книг записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходу Тюменской Успенской церкви).....108

Карими С.В. Влияние массовой культуры на политическое представительство.....112

Касьянова Т.А. Общенациональная идея объединения П.Б. Струве в 1920-е гг. 116

Кожаева А.А. Феномен вынужденной миграции «лишенцев» сельских районов Западной Сибири в города в 1928–1936 гг. 120

Кориневский Ю.А. Перспективы участия Российской Федерации в интеграционных процессах Латинской Америки.....126

Котович К.А. Динамика общественного мнения во Франции по вопросам отношения к мусульманам и исламу в 2010–2021 гг. 130

Крохина К.Н. Взгляды студентов ФИПН ТГУ на осознанное отношение к обучению.....136

Крылова Д.Д. Нарратив: понятие, метод, подход. Проблемы определения и применения конструкта в историческом исследовании.....140

Кудрина Н.С. Русское присутствие в подмандатной Палестине по материалам прессы русского зарубежья.....146

Кукса Е.Н. Создание периферийной системы Осоавиахима (1927–1930 гг.): решение проблемы численности организации на примере городов Красноярского края.....152

Ли Л. Факторы формирования культурного взаимодействия между Россией и Китаем.....157

Лыгденов Б.З. Коммуникативный подход к понятию «политическая идеология».....162

Мальчикова С.П. Самопрезентация Японии: формирование образа Страны восходящего солнца после ее «открытия».....167

Мананникова А.Г. Субъективность историка: проблема или потенциал? К вопросу об исторической эпистемологии Поля Рикёра.....171

Мартыненко Ю.А. Патриотическое воспитание в контексте изучения локальной истории (на примере исследований обучающихся МБОУ Первомайской СОШ по истории Первомайского района Томской области).....177

Маснев Д.В. Китайская специфика выращивания «единорогов».....182

Мен Я. Головные уборы алтайцев России и монголов Китая: смысловое содержание.....187

Миронюк С.А. Концептуальные подходы к формированию новой политики в отношении России в правительстве Д. Ллойд Джорджа и странах Антанты в сентябре–декабре 1919 г. 193

Мищенко Е.А. «Страсти Христовы» как нарратив: опыт анализа книжного памятника древнерусской пассийной традиции.....198

Никитина А.В. Восточный вопрос в дипломатических переговорах между Россией и Антантой в годы Первой мировой войны.....202

Пашаян Д.А. Инновационные сети как новая форма трансрегионального сотрудничества.....207

Пискун А.М. Перспективы управления интернетом: выбор между многосторонним и межправительственным подходами.....212

Плешивцев А.К. Взаимодействие этоса и идеологических предпочтений еврейских интеллектуалов в 1880–1890-х гг. (на материалах еженедельных газет «Рассвет» и «Русский еврей»).....217

Потапова Д.Д. Анализ политической повестки тематических онлайн-сообществ (на примере феминистических в социальной сети «ВКонтакте»).....223

Прудиус Т.О. Советский гражданин в оптике плакатной живописи 1920-х гг. 227

Расколец В.В. Научно-исследовательская работа студентов в Томском институте радиоэлектроники и электронной техники (1962–1972 гг.).....232

Романов М.П. Женское духовное образование в Енисейской епархии имперского периода: исторические условия становления и развития....237

Ромахова А.А. Письма выпускниц Сибирских высших женских курсов как источник по проблеме востребованности высшего женского образования в начале XX в. 242

Румянцева Е.Н. Материально-техническое обеспечение Томского нотариата (1917–1930-е гг.).....248

Саитгареева М.А. Исторические и религиозные предпосылки возникновения ИГИЛ.....253

Самбук Д.С. Россия в японской политике интернационализации образования 2010–2020 гг. 258

Скляренко Н.С. Журнал «Каторга и ссылка» как источник по изучению политической ссылки в Енисейской губернии.....263

Сорочкина А.А. Образовательный облик Кузбасса в условиях модернизации в конце XIX – начале XX в. 267

Субботина А.А. Политическая выживаемость местных глав-«варягов» в условиях конкурсной модели избрания (случай Пермского края).....271

Сыромятников М.Д. «Сделка века» – очередная ошибка в ближневосточной политике США?.....277

Тихонова А.Д. Грунтовый могильник с керамикой вольско-катакомбного типа в Саратовском правобережье.....282

Ткачев В.В. Общественная инициатива жителей Иркутской губернии в организации и проведении художественных мероприятий второй половины XIX – начала XX в. 290

Федотова Д.А. Роль заказчика и камнереза в формировании текстов эпитафий каменных надгробий Урала конца XIX – начала XX в. 295

Харланович А.Д. Археология деревни Силина (по итогам полевых работ 2021 г.).....298

Хохлов В.Р. Сравнение образа белогвардейцев на страницах советских школьных учебников 1960–1970 гг. и кинофильмов «Бег» и «Дни Турбиных».....303

Шамшидинова К.Ф. Модернизация Саудовской Аравии.....308

Шепс А.В. Новые лики старых богов. Религии вселенной Волкодава....314

Сведения об авторах.....319

УДК 9.93/94

А.М. Абаскалов

Разведывательная авиация СССР в 1920–1930-е гг. Особенности формирования и развития

Секция III: *Исследования науки, техники и здоровья: сопроизводство инноваций и общества*

В статье рассматривается вопрос о проблемах разведывательной авиации СССР перед Великой Отечественной войной. На основе справочной литературы автором воссозданы особенности и сложности развития этого вида войск в предвоенный период.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, ВВС, авиация, самолет-разведчик

Исследования, связанные с Великой Отечественной и Второй мировой войной, не теряют своей актуальности и сегодня. Внимание исследователей привлекают военно-технические вопросы, организация войск и их участие в боях. Но при всем этом существуют темы, которые не получили должного освещения в исторической литературе. Изучение разведывательной авиации в предвоенный период не являлось предметом специальных научных изысканий. В работе М.А. Боброва был затронут вопрос о состоянии разведывательной авиации, но внимание сфокусировано на периоде Великой Отечественной войны [1].

Цель настоящей статьи заключается в воссоздании особенностей развития разведывательной авиации в 1920–1930-е гг. и выявлении сложностей этого процесса.

В 1920-е гг. основу Военно-воздушных сил СССР составляли самолеты, доставшиеся РСФСР и СССР в наследство от Императорского воздушного флота, закупленные у других государств, а также доставшиеся в качестве трофеев от белогвардейцев. В большей части эти самолеты были разведчиками. Во многом это определялось теми представлениями об авиации, которые основные авиационные державы вывели в ходе Первой мировой войны. Противовоздушная оборона ещё только начинала свое развитие, вооружение у самолетов пока ещё не отличалось большой мощностью. Поэтому разведка была той задачей, которую возлагали на плечи авиации в те годы в первую очередь.

Об этом свидетельствуют как программа обучения летчиков и авиационного персонала, так и серьезные шаги в области фотографии. В 1918 г. была создана Высшая аэрофотограмметрическая школа Красной Армии. В учебном плане созданного в 1920 г. Института инженеров Красного воздушного флота (со 2 августа 1922 г. – Академия Воздушного флота имени проф. Н.Е. Жуковского) еще отсутствовали такие дисциплины, как «Авиавооружение» и некоторые другие, но уже была «Аэрофотография», а в штатном расписании института – должности фотолаборанта и аэрофотограмметриста [4].

Если говорить об основных типах самолетов-разведчиков в рядах красного воздушного флота, то к середине 1920-х гг. это были самолеты «Fokker» типов C. IX и D. IV [9. P. 18], а также многоцелевые самолеты Ju-21, применявшиеся в том числе и для разведки [2. С. 100–101]. В 1924 г. на вооружении разведывательной авиации появился и первый отечественный самолет-разведчик Р-1.

К октябрю 1925 г. на вооружении СССР имелось около 600 разведывательных самолетов и 50 морских разведывательных самолетов. Это при наличии в частях ВВС всего 200 истребителей [9. P. 45]. И это не какая-то специфическая черта СССР. К примеру, Япония располагала в это же время 630 разведывательными самолетами, 530 морскими разведчиками и всего 360 истребителями [9. P. 18]. То есть самолеты-разведчики в этот период являлись основой военно-воздушных сил любого развитого государства.

Кроме того, аэрофотосъемка была востребована не только в военной, но и в гражданской сфере [9. P. 45], что способствовало развитию деятельности в этой сфере и выполнению различных технических задач.

С появлением новых разработок истребительная, штурмовая и бомбардировочная авиация стала занимать больший удельный вес в вооруженных силах. К тому же процесс формирования различных видов авиации продолжался и еще не был завершён. Из бомбардировочной выделились дальняя и ближнебомбардировочная, появилась штурмовая авиация, продолжила свое развитие истребительная авиация.

Однако в формировании и развитии разведывательной авиации с конца 1920-х по конец 1930-х гг. мы можем выявить ряд диспропорций.

Если мы посмотрим на летно-техническую составляющую, то здесь был определенный прогресс. Авиаконструкторы продолжали работать

над новыми типами самолетов для разведки. В этот период появляются самолеты Р-3, Р-7, Р-Z, самолеты Р-5 и Р-10, ставшие основой авиационной разведки в 20–30-е гг. [8. С. 17–40]. Появились и отечественные морские разведчики КОР-1, КОР-2, МДР-7 [7. С. 137–148]. То есть к середине 30-х гг. было разработано немало проектов самолетов-разведчиков. Однако большинство из них использовались не только как разведчики. Их всё ещё рассматривали как многоцелевые самолеты, пригодные в том числе как транспортные, учебные и даже как истребители.

Вместе с тем ряд задач так и не был решен. После участия в Гражданской войне в Испании, конфликтах у оз. Хасан и на реке Халхин-Гол, СССР смог испытать свои самолеты в бою и сделать выводы относительно дальнейших перспектив своей авиации, довольно неутешительных. Свои проблемы были выявлены и у истребительной, и у бомбардировочной авиации. Что же касается разведчиков, то было выявлено, что самолет Р-10 не может уйти от преследования японским истребителем Ки-10 и тем более от немецкого «Мессершмитт» Bf-109 [8. С. 47].

О чем это говорит? Развитие авиации в 1920–1930-е гг. привело к тому, что к каждому типу самолетов стал предъявляться определенный порог требований. И для разведывательной авиации это предполагало две ниши: дальний разведчик для ведения стратегической разведки и ближний разведчик для ведения разведки в интересах отдельной армии или корпуса.

Проблема отставания в истребительной и бомбардировочной авиации была отчасти решена. К началу войны советская промышленность начала поставки новых типов техники, соответствующих, пусть и с оговорками, требованиям времени. К тому же в этих видах войск наметилось стремление к унификации техники и сокращению типового состава авиапарка.

В то же время в войсках не появилось специализированного, нового, отвечающего требованиям времени разведывательного самолета. Это кажется довольно серьезным упущением со стороны советского руководства, особенно если учитывать несколько важных факторов. Перевооружение армии, начатое в конце 30-х гг., так или иначе затронуло практически все области армии и оборонной промышленности, поэтому должно было коснуться и разведывательной авиации. Военная и политическая доктрина исходила из того, что после оборонительных боев на границе начнется война на территории противника, что само по себе предполагает использование всех доступных данных разведки, в том числе и авиаци-

онной. Да и оборонительная операция также подразумевает, что необходимо вычислить направление главного удара противника, и воздушная разведка здесь – первый помощник.

Все это удивительно смотрится на фоне тех проектов, которые для разведывательной авиации все же были созданы перед войной. К примеру, это проекты БОК-11 и БОК-12 – высотные стратосферные самолеты-разведчики. Конечно, в реализации подобных проектов конструкторы столкнулись с трудностями, но основной причиной, затормозившей проект, было отсутствие информации об имеющихся самолетах такого типа в Германии и, как следствие, нежелание распылять силы и средства на эти проекты [8. С. 59–61].

Конечно, нужно учитывать и тот факт, что, приступив к перевооружению, СССР располагал довольно ограниченными ресурсами, в том числе, он был ограничен во времени. Ограниченными ресурсами следовало распорядиться правильно. Поэтому, не преуспев в создании специализированного самолета-разведчика, высшее военное руководство решило использовать для этого бомбардировщики и истребители, просто размещая фотооборудование в свободных отсеках. Уже в годы войны на базе некоторых из них были созданы специальные разведывательные версии этих самолетов, к примеру, Пе-2Р и Ту-2Р [8. С. 62].

Проблемы испытывала разведывательная авиация и в области кадров. Если в начале 20-х гг. аэрофотосъемка была важной частью обучения военного летчика, то к концу 30-х ситуация изменилась. Сеть авиационных училищ в стране расширилась [3], однако специалистов для аэрофоторазведки готовили только в Московской школе спецслужб. Позднее, в 1940 г., на базе этой школы было организовано Гомельское училище аэрофотослужбы [6]. Иными словами, недостаток кадров сказывался и на качестве авиационной разведки Красной Армии в предвоенный период, в том числе и во время советско-финской войны [5].

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны разведывательная авиация СССР испытывала ряд серьезных проблем. В первую очередь, в авиации отсутствовал специализированный тип самолета для дальней разведки. Ближней разведкой занимались устаревшие По-2, Р-10 и Р-Z. Кроме того, острой была и проблема квалифицированных кадров, способных проводить аэрофотосъемку и передавать данные в штаб. Заниматься решением этих проблем авиаконструкторам и высшему военному руководству пришлось уже в годы Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Бобров М.А. Организация и ведение воздушной разведки в период Великой Отечественной войны 1941–1945 // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 7–10.

2. Виноградов Р.И., Пономарев А.Н. Развитие самолетов мира. М. : Машиностроение, 1991. 384 с.

3. Малахов Д.Н. Организационное строительство ВВС РККА накануне Великой Отечественной войны // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 71–75.

4. Матиясевич Л. Аэрофоторазведка: уроки нового времени // Красная звезда. 2008. 10 дек.

5. Петров П.В. «…Сведения заслуживают доверия». О работе разведывательного отдела Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2020. № 5. С. 264–293.

6. Советская аэрофоторазведка в небе войны // [Topwar.ru]. [Б. м.], 2015. URL: https://topwar.ru/85912-sovetskaya-aerofotorazvedka-v-nebe-voyny.html (дата обращения: 12.11.2021).

7. Шавров В.Б. История конструкций самолетов в СССР (1938–1950). М. : Машиностроение, 1988. 568 с.

8. Якубович Н.В. Все самолеты-разведчики СССР. М. : Яуза, 2016. 224 с.

9. Anderson L. Soviet Aircraft and Aviation in 1917–1941. London : Putnam, 1997. 361 p.

УДК 902.01

Я.М. Андреев

Наконечники стрел из кости и рога с могильника Пинчуга-6

Секция VIII: *Диалектика прошлого, настоящего, будущего в археологическом и краеведческом контексте*

В статье представлен результат систематизации и анализа наконечников стрел из кости и рога, найденных на могильнике Пинчуга-6. Удалось классифицировать 16 экземпляров из 2 погребений. Установлено, что все наконечники делятся на 4 группы по сечению пера. Наконечники имеют аналогии на других синхронных памятниках Кузнецкой котловины, Приобья, Среднего Енисея, Ачинско-Мариинской котловины. В результате работы установлена более узкая датировка для наконечников стрел из кости и рога – III–IV вв. н.э.

Ключевые слова: Пинчуга-6, костяные наконечники стрел, ранний железный век, классификация, хронология

Косторезное дело Средней Сибири на сегодняшний день остаётся малоизученной темой. В поле зрения археологов, как правило, попадают уникальные изделия из кости и рога, в то время как вопросы технологии производства, культурных связей и сырьевой базы остаются без внимания. Есть примеры работ по косторезному делу на территории Западной Сибири, как, например, монография А.П. Бородовского, в которой он анализирует сырьевую базу и первичное расщепление кости и рога, а также воссоздает технологию производства на примере наконечников стрел из кости и рога [1. С. 28–65].

Могильник Пинчуга-6 располагается в нижнем течении р. Ангары на правобережной террасе напротив посёлка Пинчуга. Археологической экспедицией СФУ в 2018–2019 гг. было вскрыто около 700 кв. м и выявлено 16 погребений, некоторые из которых были повреждены «чёрными копателями». Могильник датирован второй четвертью I тыс. н.э.

Захоронения выполнены по обряду трупосожжения на стороне. Остывший прах усопшего помещали в могильные ямы овальной или округлой формы вместе с сопроводительным инвентарём, при этом замечена различная вариативность в их размещении. На верхнем уровне некоторых комплексов рассыпаны фрагменты обожженных костей и других вещей, отмечаются пятна прокаленной почвы и небольшие древесные угли. Погребения содержали выразительный материал, который находит аналогии в позднекулайских, фоминских и таштыкских комплексах [2. С. 168].

Наконечники стрел из кости и рога находились в пяти могилах. Всего найдено не менее 48 наконечников стрел из кости и рога, из которых восстановить полностью удалось только 10. Имеется также шесть фрагментов, у которых возможно определить сечение и форму пера и сечение черешка. Все предметы обожжены и фрагментированы из-за пребывания в погребальном костре, кроме наконечников из погребения № 1. Несмотря на небольшое количество наконечников, они разнообразны по своим морфологическим признакам. Предметы были классифицированы по группе – сечению пера и типу – форме пера. По способу крепления все наконечники относятся к одному классу – черешковых.

Главной задачей данной статьи является классификация наконечников стрел из кости и рога с могильника Пинчуга-6, а также ввод в научный оборот новых, ранее не опубликованных материалов. Разделение на группы и типы позволит выявить наиболее распространённые формы

пера и сечения пера для раннего железного века, а также установить связи с сопредельными территориями на основе аналогий.

Группа 1. Ромбические в сечении наконечники стрел (5 экз.).

Тип 1.1. Наконечники стрел с пером листовидной формы и коротким, плоским черешком (2 экз.).

Данный тип представлен целым наконечником из кости и одним фрагментом из рога с повреждённым пером. На одном наконечнике прослеживается продольный желобок. Длина пера уцелевшего наконечника превышает длину черешка: 4,4 и 2,5 см соответственно. Общая длина наконечника 6,9 см.

Наконечники стрел данного типа встречаются в Айдашинской пещере. Было найдено 5 экземпляров ромбических в сечении наконечников стрел с пером листовидной формы и с коротким, плоским черешком [3. С. 170–171]. При раскопках 1980 г. выявить культурные слои не удалось, что затрудняет точную датировку этого комплекса.

Тип 1.2. Наконечники стрел с пером листовидной формы и удлиненным, круглым в сечении черешком (3 экз.).

Тип представлен двумя наконечниками стрел из рога, из которых восстановить полностью удалось только один. Длина пера восстановленного наконечника составляет 3,2 см, а черешка – 20,6 см. Общая длина – 23,8 см.

Имеется также вариант подобного наконечника с овальным в сечении черешком и продольным желобком. Полностью восстановить его не удалось.

В Айдашинской пещере найдено девять наконечников стрел с ромбическим в сечении пером листовидной формы и круглым в сечении, удлинённым черешком. Пять наконечников выполнено из кости, а четыре из железа [3. С. 178–203]. В Холмогорской коллекции зафиксировано пять наконечников стрел из металла с ромбическим в сечении пером листовидной формы и удлинённым, круглым в сечении черешком. Наконечники датированы III–V вв. н.э. [4. С. 124]. Аналогичные наконечники из металла зафиксированы в Ишимской коллекции. Отличительной чертой этих наконечников является наличие шипов [5. С. 5–6].

Группа 2. Треугольные в сечении наконечники стрел (11 экз.).

Тип 2.1. Наконечники стрел с пером уплощённо-листовидной формы и коротким, плоским черешком (3 экз.).

Этот тип наконечников представлен тремя экземплярами из кости с продольным желобком. Длина пера наконечников данного типа несколь-

ко превышает длину черешка. Длина первого наконечника 6,8 см (перо – 4,5 см); второго – 8,4 см (перо – 5,1 см); третьего – 7,8 см (перо – 4,7 см).

В Айдашинской пещере зафиксировано четыре экземпляра наконечника из кости с треугольным в сечении пером уплощённо-листовидной формы и коротким, плоским черешком [3. С. 170].

Тип 2.2. Наконечники стрел с пером удлинённо-треугольной формы с круглым в сечении черешком (3 экз.).

Наконечники данного типа можно разделить на два варианта. Первый вариант представлен наконечником из рога с пером удлинённо-треугольной формы и с круглым в сечении черешком. Длина сохранившейся части пера наконечника составляет 3,5 см, а длина черешка – 8,8 см. Общая длина наконечников 7,9 и 12,3 см.

Второй вариант наконечников представлен экземплярами, найденными в погребении № 1. Черешки этих наконечников намного длиннее пера. Длина первого наконечника 17,8 см, длина пера – 5 см, а длина черешка – 12,8 см; длина второго наконечника составляет 17,9 см, длина его пера равна 4,1 см, а длина черешка – 13,8 см.

Наконечники стрел треугольные в сечении с пером удлинённо-треугольной формы и круглым черешком найдены в Айдашинской пещере. Всего там было зафиксировано 27 экземпляров [3. С. 175–178].

Тип 2.3. Наконечник с ярко выраженным пером удлинённо-треугольной формы и круглым в сечении черешком (2 экз.).

Всего имеется два наконечника из рога. Длина черешка у таких наконечников превышает длину пера. Общая длина первого наконечника – 12,9 см, пера – 4,7 см, черешка – 8,2 см; длина второго наконечника – 12,6 см; длина пера – 5,5 см; длина черешка – 7,1 см. В Холмогорской коллекции содержится пять наконечников стрел из кости с ярко выраженным пером удлинённо-треугольной формы, треугольным в сечении. Отличительной чертой является наличие шипов. Наконечники датировали концом I тыс. до н.э. – серединой I тыс. н.э. [4. С. 124]. На могильнике Ближние Елбаны-7 в погребении № 26 найдено 3 сломанных наконечника стрел из кости с таким же сечением и формой пера, но с шипами [6. С. 23]. Погребение № 26 могильника Ближние Елбаны-7 датируется II–III вв. н.э. и относится к фоминской культуре. В Айдашинской пещере найдено восемь наконечников с треугольным в сечении пером удлинённо-треугольной формы и круглым черешком, а также с наличием двух шипов [3. С. 181–183, 191].

Тип 2.4. Наконечники с пером треугольной формы и круглым в сечении удлинённым черешком (3 экз.).

Данный тип представлен тремя экземплярами из рога. Восстановить полностью удалось лишь один экземпляр. Черешок имеет гораздо большую длину, нежели перо. Общая длина целого экземпляра составляет 14,3 см; длина пера – 1 см.

В Айдашинской пещере найдено 13 экземпляров наконечников с треугольным в сечении коротким пером треугольной формы и длинным черешком круглой формы [3. С. 176–178].

В ходе работы были восстановлены 12 наконечников стрел из кости и рога. Все целые наконечники классифицированы с учётом также пяти фрагментов, у которых возможно определить сечение и форму пера и черешка. Опираясь на выделенные группы и виды, можно сделать вывод о наибольшем распространении наконечников стрел треугольного сечения и формы (тип 2.2) как в погребальном инвентаре Пинчуги-6, так и на других памятниках, датированных финалом раннего железного века. Большая часть наконечников памятников этого времени, возможно, сломана намеренно, а также была сожжена.

Особенности форм наконечников стрел раннего железного века, а также наличие аналогичных наконечников из металла могут говорить о бытовании единых форм для наконечников стрел из разных материалов.

Наконечники имеют аналогии на памятниках Кузнецкой котловины, Приобья, Среднего Енисея, Ачинско-Мариинской котловины. Датировка наконечников стрел на основе аналогий осложняется отсутствием узкой датировки материалов из Айдашинской пещеры, что связано с широким бытованием треугольных и ромбических в сечении черешковых наконечников, а также с невозможностью выделить слои на памятнике. Холмогорская коллекция датирована III–IV вв. до н.э., что является самой узкой из всех представленных дат. Могильники фоминской культуры Кузнецкой котловины датированы II–III–IV вв. н.э. Ишимская коллекция датирована II–V вв. н.э. Таким образом, вероятная датировка наконечников стрел могильника Пинчуга-6 – III–IV вв.

Источники и литература

1. Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). Новосибирск : Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. 224 с.

2. Дедик А.В. Антропологические останки из захоронений по обряду кремации с территории могильника Пинчуга-6 (предварительные итоги) // Археологические памятники Южной Сибири и Центральной Азии: от появления первых скотоводов до сложения эпохи первых государственных образований. СПб. : Институт истории материальной культуры РАН, 2021. С. 168–170.

3. Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. Новосибирск : Наука, 1980. 208 с.

4. Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Холмогорский клад. Екатеринбург : Сократ, 2001. 176 с.

5. Ермолаев А.П. Описание коллекций Красноярского музея. Археологический отдел. Красноярск : Типография М.И. Абалакова, 1914. 20 с.

6. Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алату в начале I тысячелетия н.э. (погребения фоминской культуры). Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2003. 288 с.

УДК 930:94(497.16)

Д.В. Антипина

О нюансах подходов черногорских историков – носителей «западной» идеи – в описании современной истории Черногории

Секция I: *Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы*

Тема посвящена деятельности современных черногорских историков и их взглядам на историю Черногории. Рассматриваются точки зрения Р. Распоповича, Щ. Растодера и Ж. Андрияшевича на взаимоотношение Черногории с Российской империей и странами Западной Европы. Таким образом, выявляются способы, с помощью которых данные историки аргументируют историческую значимость Черногории.

Ключевые слова: Черногория, историография, западный взгляд, роль России, борьба взглядов, международное сотрудничество

Небольшим, недавно получившим независимый статус странам особенно важно изучать свою историю – это формирует базу для государственности. Для Черногории это было как нельзя важно в 2006 г. Это время, когда черногорцам было необходимо доказать собственную историческую значимость, историческое право на существование своего государства, так как в 2006 г. произошло разделение конфедеративного Государственного союза Сербии и Черногории на два государства по результатам референдума. С октября 2007 г. Черногория провозглашалась

независимым суверенным государством с республиканской формой правления. Так, только в начале XXI в. эта страна на побережье Адриатического моря получила независимость, о которой мечтала долгие века.

Основной проблемой исследования был вопрос о том, как и почему современные черногорские историки показывают историю своей страны в контексте её взаимоотношений с Россией. В частности, как демонстрируют историю ученые, придерживающиеся так называемых «западных» взглядов. Хочется обратить внимание на то, что это только одна часть исследователей, в Черногории трудятся и ученые, склонные иначе трактовать исторические события и источники, приходя к другим выводам.

В настоящий момент в Черногории выделяются несколько крупных историков, они занимаются созданием научной литературы по черногорской истории. Их имена – Радослав Распопович, Щербо Растодер и Живко М. Андрияшевич. Их мнение считается авторитетным в Черногории и на Балканском полуострове в целом. Поэтому анализ и сравнение представляемых ими работ являются интересными и актуальными – в 2022 г. официальное черногорское правительство приняло антироссийскую позицию по вопросу о военной спецоперации на территории Украины.

Для решения поставленной проблемы было необходимо сравнить два источника – «Црна Гора и Русија» Р. Распоповича [1] и «История Черногории...» Ж.М. Андрияшевича и Щ. Растодера [2]. Для последующего анализа надо было выделить позиции авторов, то, как они интерпретируют историю страны, и сравнить их между собой с целью выявить их мотивы. Монография Р. Распоповича полностью посвящена черногорско-российским отношениям, благодаря этому можно проследить весь путь взаимодействия и понять, как какой период оценивается историком. Книга Ж. Андрияшевича и Щ. Растодера больше похожа на учебник по истории Черногории, содержащий в себе информацию о территории будущего государства начиная с конца VI в. н.э. Обе книги позиционируются как литература для широкого круга лиц, а не только для профессиональных историков.

Сравнение производилось по трём ключевым историческим точкам – установление отношений с Российской империей в целом и влияние России на освобождение от Османской империи, взаимодействие России и провозглашенного княжества Черногория (т.е. 1852–1918 гг.) и решения Берлинского конгресса о вопросе независимости Черногории (1878–1918 гг.).

Р.М. Распопович – доктор юридических наук, директор Исторического института, Университет Черногории. В 1998–2002, 2009–2015 гг. – главный редактор ведущего исторического журнала Черногории «Historical Records», а также член Комиссии Комитета по экзаменации дипломатов и консулов при Дипломатической академии, основанной Министерством иностранных дел и Европейской интеграции Черногории.

Р. Распопович не раз бывал в России, работал в местных архивах, собирая материал для своих исследований.

Щ. Растодер является многолетним президентом Национального совета Черногории. Окончил Белградский университет, философский факультет. В настоящее время работает профессором, преподает в Университете Черногории на философском факультете в Никшиче. Также является директором и главным редактором ассоциации Almanah Podgorica. Его брат Р. Растодер является заместителем спикера парламента Черногории и вице-президентом Социал-демократической партии Черногории, что, несомненно, влияет на взгляды, которые демонстрирует Щ. Растодер.

Ж. Андрияшевич – историк, занимающийся больше древней и средневековой историей Черногории, автор стандартного исторического словаря Черногории, изданного в 2006 г.

Надо сказать, что государственный заказ историкам появился в Черногории в конце 1940-х гг., когда была создана Коммунистическая партия Черногории (1948–1991 гг.), которая проводила курс на отделение от сербских представлений об истории.

Историкам начала XXI в. надо было аргументировать период вхождения Черногории в Югославию, т.е. 1918–2006 гг. и показать её статус не реципиента, а дискриминируемой части Югославского государства. Эта позиция не выдерживает никакой критики, так как Югославия давала большие возможности, например, возможность получить качественное образование – большинство черногорских врачей, ученых, многие политики окончили Белградский университет.

Ж.М. Андрияшевич и Щ. Растодер, по-видимому, ставят основной своей задачей подчеркнуть важность Черногории на международной арене и её исключительность по отношению к другим балканским землям – авторы говорят о том, что в начале XIX в. (1711 и 1715 гг. соответственно) только с черногорской династией Негошей установили связи и Россия, и Австрия [2. С. 75]. Следуя политическому курсу страны, авторы

прибегают к трактовке через негатив большинства событий, связанных с сотрудничеством Черногории с Россией.

Р. Распопович, посвятив свою книгу черногорско-русским отношениям, пишет в гораздо менее агрессивной форме о тех негативных последствиях, которые принесло сотрудничество России и Черногории. Автор учебника обращается к мотивам недовольства черногорцев некоторыми аспектами черногорско-российского сотрудничества, однако не прибегает к подмене фактов и обвинениям. Противоположная тенденция прослеживается в работе «Русское консульство в Которе» [3], где автор не занимает прозападных позиций, а, наоборот, подчеркивает дружественность российской и черногорской сторон и ту выгоду, которую каждая из земель получала в результате военных и дипломатических контактов. Распопович – современный черногорский историк, который, показывая положительные стороны сотрудничества с Западом, в то же время предлагает не выпускать из вида приносящую реальные экономические дивиденды Подгорице или Черногории (российские инвестиции, Ростуризм, сотрудничество в ТЭК) трудносовместимую в современных условиях задачу развития взаимоотношений с Российской Федерацией. Проблема здесь заключается в том, что плотно курирующий, с применением тематики союзничества в рамках НАТО и перспектив вступления Черногории в ЕС, Запад ставит в настоящее время на полное и безоговорочное прекращение всего комплекса своих отношений с Россией, жестко требуя того же самого от зависящих от него государств.

Можно заключить, что изучаемые черногорские историки акцентируют внимание на недобровольном участии Черногорских земель и народа в спорах сначала между Османской империей и Венецией, потом – Османской империей и Россией, далее – Австро-Венгрией и Россией. В этих войнах Черногория, по мнению авторов, больше теряла, чем получала, зачастую принося себя в жертву, защищая интересы союзников. Чтобы усилить это впечатление, авторы в красках описывают историю своей земли, показывая её важность, выводя на первый план все самые значимые исторические события, при этом забывая о некоторых важных событиях, способных в некоторой степени очернить страну.

Источники и литература

1. Распопович Р.М. Црна Гора и Русија. Огледи и есеји. Београд; Подгорица, 2005. 432 р.

2. Андрияшевич Ж.М., Растодер Щ. История Черногории с древнейших времен до 2006 года. Подгорица, 2009. 319 с.

3. Распопович Р.М. Россия и Черногория в начале XIX века. Русское консульство в Которе в 1804–1806 гг. СПб. : Алетейя, 2009. 207 с.

УДК 329

К.В. Богданов

Предпосылки формирования колумбийского левого движения в первой четверти XX в.

Секция VI: *Запад в новых исторических реалиях: от осмысления прошлого к формулированию будущего*

В статье автор рассматривает предпосылки формирования левого движения в Колумбии. Оценивая роль внешних и внутренних факторов, автор исследует эволюцию данного процесса и делает вывод о том, что предпосылки стали формироваться задолго до институционального оформления левого движения.

Ключевые слова: левое движение, Коминтерн, антиимпериализм, социализм, коммунизм

Антиимпериалистические традиции в Колумбии стали постепенно формироваться с середины XIX в. Наиболее репрезентативным примером этого может служить череда отказов колумбийского Конгресса ратифицировать договор с США относительно строительства межокеанского канала.

Развивающиеся события, связанные с этим сюжетом, и последующие восстания народных масс продемонстрировали желание колумбийского народа сопротивляться империализму, однако шансы на успех были крайне невысоки ввиду отсутствия институциональной структуры, которая была бы способна взять на себя руководство антиимпериалистической борьбой.

Еще одним знаковым событием в ранней антиимпериалистической традиции Колумбии стало движение против трехстороннего договора, подписанного представителями Колумбии, Панамы и госсекретарем США 9 января 1909 г. [1]. Его унизительные положения были отвергнуты широкими кругами населения, что вызвало демонстрации студентов и ремесленников с требованием публичного обсуждения договора и против диктатуры Рейса. Особо примечательна оценка событий издани-

ем «El Tiempo». На страницах газеты эти события были названы «подрывными движениями… социалистического и анархистского характера» [2. P. 14].

В народных движениях начала XX в. значимую роль также играли ремесленники. Колумбийский исследователь У. Монтойя справедливо пишет о демократических обществах, основанных ремесленниками еще в XIX в.: «Хотя эти общества нельзя назвать в чистом виде профсоюзами, но определенно они могут называться первой исторической попыткой организовать рабочих для защиты общих интересов» [3. P. 120]. Именно ремесленники в период между обретением независимости и началом XX в. вели относительно независимую политическую деятельность. Крестьянство же, составлявшее основную массу рабочих, было военно-мобилизовано и не могло играть самостоятельной роли.

Еще в конце XIX в. на железной дороге также происходили забастовки между рабочими, продвигавшими строительство Панамского канала под руководством французской компании. Однако такие забастовки представляли собой единичные явления, еще не связанные с процессом необратимого переформирования пролетариата.

Необходимо отметить, что народные волнения вскоре стали принимать довольно постоянный характер. Регулярные стачки привели к первому забастовочному буму 1918–1919 гг., одновременно с этим в период между 1910 и 1919 гг. уже предпринималось несколько попыток создать рабочую партию. В первые годы, по словам колумбийского политика Торреса Хиральдо, эта идея находила отражение в некоторых журналистских изданиях, но проект партии так и не оформился в какой-либо организационной форме [4. P. 87].

Рост числа наемных рабочих и постепенное обострение противоречий между пролетариями и предпринимателями пробудили среди рабочих склонность к союзу. Это привело к тому, что в этот период предпринималось множество попыток профсоюзной организации рабочих. В эти годы выходит более пятидесяти газет с рабочими названиями в разных городах страны. Эти бюллетени чаще всего обслуживались местными рабочими организациями, пролетарскими кружками и т.д.

В Картахене в декабре 1910 г. появился один из первых коммунистических еженедельников «El Comunista», в котором провозглашалось создание рабочей партии, принципами которой являлись: 1) воинствующий

антиклерикализм; 2) борьба за настоящую демократию; 3) стремление к социализму [5].

Наряду с появлением печатных изданий в 1913 г. в Боготе возникла организация, призванная объединить существовавшие до того профсоюзные организации. Точно так же в Хонде спустя 2 года появился местный профсоюз рабочих, объединивший в своих рядах в основном ремесленников. Программа, опубликованная в газете «El Obrero», включала требование права образования для рабочих и утверждения идеалов справедливости и равноправия [2. С. 17].

В декабре 1915 г. рабочую партию решила создать группа ремесленников. В Манифесте к народу было провозглашено: «Мы вынуждены призвать вас, чтобы сегодня образовать рабочую партию, которая была бы способна продвигать интересы пролетариата» [6. P. 176]. Манифест давал определенное понимание классовой борьбы, которая присутствовала в колумбийском обществе.

Этот жест ремесленников представлял собой еще один шаг, направленный на консолидацию народного движения. Однако одной из характерных черт этого процесса был скорее экономический характер борьбы, иными словами, рабочие преследователи цель повысить свое экономическое благосостояние, а не участвовать в политической борьбе. Несмотря на попытки институционального оформления левого рабочего движения, по ряду причин они не увенчались серьезным успехом, но вместе с тем заложили серьезный фундамент для будущего его формирования.

В январе 1918 г. в Колумбии вновь вспыхнуло забастовочное движение, одной из характерных его черт был радикализм в действиях. Забастовки вызвали глубокий резонанс в национальном сознании и послужили примером для других слоев рабочих. События забастовочного бунта вновь возродили идею создания собственной партии.

К январю 1919 г. было проведено Всеобщее собрание рабочих, на котором участники одобрили свою социалистическую платформу, которая должна была послужить основой для партии. Она представляла собой попытку систематизации идеологических воззрений политически активных кругов рабочих. Одной из особых черт этой программы было дистанцирование от уже действующих в Колумбии политических партий. Это было выражено и в том, что авторы социалистической платформы 1919 г. критиковали капитализм с точки зрения мелкого кустарного про-

изводителя, что свидетельствовало о том, что социалистическая платформа представляла собой реформистское политическое течение по своей программе и мелкобуржуазное по своему составу [2. P. 17].

Немаловажным результатом стало и то, что Всеобщее собрание рабочих сформировало исполнительный орган и постановило созвать Первый социалистический съезд в августе 1919 г. [2. P. 17]. В начале марта 1919 г. правительство Марко Фиделя Суареса издало указ, разрешающий закупку военной формы за границей, что вызвало волну возмущения среди ремесленников. Существующие социалистические кружки взяли на себя задачу подготовить протест против декрета.

16 марта в Боготе состоялось восстание рабочих. В ходе протестов на улицах погибли демонстранты, что способствовало дискредитации правительства и в то же время определило этап подъема социализма. Доказательством тому были торжества 1 мая 1919 г. Торрес Хиральдо отмечает, что празднование дня рабочего класса прошло под знаком «пролетарской солидарности и приверженности Великой советской социалистической революции, важность которой подчеркнули более 20 выступающих в разных местах страны» [4. С. 45].

В мае 1919 г. вновь было созвано рабочее собрание, которое окончательно оформило создание Социалистической партии на основе провозглашенной ранее платформы. Характерно то, что Учредительное собрание Социалистической партии внесло важное новшество по отношению к январскому собранию, а именно определило необходимость участия в политической борьбе. 7 августа собрался I съезд Социалистической партии, инициированной общим собранием в январе 1919 г. Однако в программных вопросах не было достигнуто никакого прогресса, что стало основой для разразившейся в конце 1919 г. профсоюзной борьбы. На улицы выходили представители разных профессий – от железнодорожников до текстильщиков. Все бастующие требовали повышения заработной платы и установления 8-часового рабочего дня, пожизненной пенсии [4. С. 45]. В конце концов эти требования были частично выполнены: заработная плата была увеличена на 25 %, рабочий день был ограничен 9 часами, налажено медицинское обслуживание.

Эта забастовочная борьба во многом еще определялась последствиями экономического кризиса, последовавшего за Первой мировой войной, в которую была вовлечена колумбийская экономика. Эта ситуация вновь спро-

воцировала рабочих выйти на защиту своих экономических интересов, что, в свою очередь, продолжило процесс организации социализма в Колумбии.

К 1920 г. становилось понятно, что укрепление позиций Социалистической партии в политической жизни Колумбии было неизбежным. В том же году в Хонде по случаю праздника рабочих был проведен II Конгресс социалистов, на котором был утвержден программный документ, один из пунктов которого гласил: «Социалистическая партия не ищет насильственного уничтожения современного государства, общества и собственности…», что определяло в целом деятельность данной политической платформы [7. С. 174].

Этот документ представляет собой значимый источник в оценке истории развития колумбийского левого движения. Привлекает внимание, что в документе не нашел отражение аграрный вопрос. Это свидетельствовало о том, что объединившиеся круги не понимали одной из главных структурных проблем колумбийской экономики того времени. Более того, в целом это демонстрировало явно городской характер сформировавшейся платформы. Оценка данного документа позволяет говорить о том, что он более походил на своеобразный список реформ, а не на полноценную партийную программу.

В 1921 г. забастовочное движение заметно пошло на убыль, но в то же время активизировалась электоральная деятельность. В том же году в марте состоялись выборы в палату, а в октябре – выборы в муниципальные советы. И в первом, и во втором социалисты одержали видимые победы [2. P. 18].

Другими словами, между 1919 и 1921 гг. Социалистическая партия превратилась в серьезную политическую платформу. Период с середины 1923 по 1926 г. можно охарактеризовать как переходный между реформистским социализмом и революционным социализмом. В 1923 г. возникли группы, называемые коммунистами, обычно состоящие из интеллектуалов. Центральной фигурой таких групп стал русский иммигрант Сильвестр Савицкий, который рассказывал молодым интеллектуалам Боготы об Октябрьской революции [2. P. 18].

Именно с того момента можно говорить о наиболее серьезном импульсе в развитии революционного движения в стране. С появлением группы С. Савицкого в 1924 г. окончательно было объявлено о создании Коммунистической партии Колумбии. Особенно важны усилия, которые

прилагали С. Савицкий и его группа по установлению связей с Коминтерном. С того момента история левого движения Колумбии неразрывно связана с деятельностью III Интернационала [8. P. 24].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предпосылки для формирования левого движения стали складываться задолго до его окончательного институционального оформления. На этот процесс оказывали влияние как внутригосударственные факторы, так и мировые события.

Источники и литература

1. Treaties between the United States and the Republics of Panama and Colombia relating to the Panama Canal, bath signed January 9, 1909 // Office of the Historian. [S. l], 2022. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1909/ch36 (access date: 06.04.2022).

2. Medina M. Historia del Partido Comunista de Colombia. Tomo I. Centro de Estudios e Investigaciones Sociales, 1980. 624 p.

3. Urrutia M. Historía del Sindicalismo en Colombia 1850–2013. Bogotá : Universidad de los Andes, 2016. 311 p.

4. Torres G.I. Los Inconformes. Historia de la rebeldía de las masas. Vol. 1. 4a ed-Cali : Universidad del Valle, 2009. 198 p.

5. El Comunista. 1910. 4 de diciembre.

6. Arrana R., Guerrero I. Movimiento obrero y protesta social en Colombia. 1920–1950 // Historia Caribe. 2013. Vol. VIII, № 22. P. 167–193.

7. Uribe M. Los años escondidos: sueños y rebeldías en la década del veinte. 3ª ed. Bogota : Centro de Estudios e Investigaciones del Trabajo (CESTRA), 2010. 353 p.

8. Jeifets L., Jeifets V. El Partido Comunista Colombiano, desde su fundación y orientación hacia la «transformación Bolchevique». Varios episodios de la historia de relaciones entre Moscú y el comunismo colombiano // Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura. 2001. № 28. P. 4–37.

УДК 94

Я.С. Брилевская

Дестабилизирующий феномен Республики Фахани: «Маленькая Палестина» внутри Ливана

Секция VII: *Восток между радикализацией и модернизацией: исторический опыт и современность*

Автор рассматривает внутригосударственную ситуацию в государстве Ливан в период 1960–1970-х гг. В центре исследования находится положение палестинской общины под эгидой ООП, которая рассматривается как негосударственный актор в рамках существующего в государстве

«гибридного суверенитета». Также выявляется дестабилизирующее воздействие палестинской общины на систему внутриполитической стабильности Ливана.
Ключевые слова: Ближний Восток, Ливан, ООП, гибридный суверенитет, Израиль, арабо-израильский конфликт

Одним из ключевых процессов в XX в., имевших место в различных регионах мира, в том числе и на Ближнем Востоке, стала деколонизация, приведшая к возникновению здесь независимых государств. Однако хорошо известно, что колониальное наследие таких «новоиспеченных» государств неоднозначно, и одним из главных его элементов нередко становятся накопившиеся неразрешенные социально-экономические, политические проблемы и противоречия.

Не исключением стал и Ливан, получивший независимость в 1943 г. и унаследовавший главный корень внутренних противоречий – принцип конфессионализма, легший в основу его государственного устройства. Национальный пакт 1943 г. утвердил этот принцип на официальном уровне, формально закрепил существующую раздробленность общества, вызванную существованием множества религиозных общин. Национальный пакт представляет собой неформальное соглашение между христианином-маронитом Бишаром эль-Хури, ставшим первым президентом Ливана, и мусульманином-суннитом Риадом эль-Солем, избранным впоследствии на пост премьер-министра, – оно должно было представлять собой компромисс между христианской и мусульманской общинами и носить переходный характер с целью консолидации общества и последующей отмены этого принципа. Так, депутатские места в парламенте распределялись в фиксированном соотношении 6:5 между христианами и мусульманами. Четко оговаривалась численность депутатов от религиозных общин. На этой же основе распределялись три ключевых поста в государстве: президентом мог стать только маронит; премьер-министром – мусульманин-суннит; председателем парламента – шиит. Стоит отметить и тот факт, что закреплялось неравноправное положение общин, так как преимущество было на стороне представителей христианства, прежде всего маронитов. Так, им отводились командные посты в армии и службе безопасности [1]. Очевидно, что уже с момента создания государства Ливан в нем были заложены предпосылки для разгорания внутренних противоречий между рядом социальных группировок, кото-

рые только что созданная система государственной власти не была способна устранить. Таким образом, Ливан часто рассматривается как типичное «слабое государство», а его суверенитет нередко описывается как «гибридный», т.е. государство не рассматривается как единый согласованный институциональный субъект, а скорее как совокупность различных противоборствующих субъектов, борющихся за господство в государстве.

Неразрывно с характеристикой гибридности ливанского государства связан вопрос пребывания на его территории сообщества палестинских беженцев, покинувших территорию Палестины после ряда неудачных арабо-израильских войн. В связи с этим представляется интересным рассмотреть процесс проникновения столь значимого негосударственного субъекта, как палестинская община под эгидой ООП, в систему существующего в Ливане «гибридного» суверенитета и воздействие ее на внутриполитическую ситуацию здесь.

Ряд событий, имевших место в конце 1960-х – начале 1970-х гг. XX в., способствовал серьезному укреплению позиций палестинцев и их главного представителя, ООП, в Ливане, прежде всего южном – граничащем с Израилем. Ключевыми событиями стали: подписание Каирского соглашения между ООП и ливанским правительством при посредничестве Египта 3 ноября 1969 г., а также кампания «Черный сентябрь», начатая в сентябре 1970 г. королем Иордании в отношении ООП. Каирское соглашение стало результатом предшествовавших его подписанию столкновений между ливанской армией и боевыми отрядами ООП, которые пытались установить контроль над южной частью Ливана. Столкновения во многом были спровоцированы частыми актами агрессии со стороны Израиля, пытавшегося ликвидировать популярность палестинского сопротивления на территории Ливана, а также его деятельность здесь и связи с местным населением. Это дестабилизировало внутреннюю ситуацию в Ливане и привело к политическому кризису, в условиях которого начались открытые боевые действия между палестинскими фидаинами и ливанской армией: армия не смогла одержать решающую победу над палестинскими отрядами [2. P. 925]. Каирское соглашение стало итогом упомянутых событий и узаконило палестинское военное присутствие в Ливане, а также фактически передало контроль над лагерями беженцев командованию Палестинской вооруженной борьбы. Ключевыми пунктами

соглашения были: предоставление палестинцам в Ливане права на работу, проживание и передвижение; создание местных комитетов в лагерях; создание постов палестинской вооруженной борьбы внутри лагерей; предоставление палестинцам в Ливане права участвовать в вооруженной борьбе против Израиля [3]. В результате этого ООП превратила район Фахани в Западном Бейруте в свою ключевую штаб-квартиру. Исследователь Ближнего Востока Йезид Сайиг отмечал следующее: «ООП превратилась в нечто большее, чем "государство в государстве" в Ливане, она стала государством в изгнании, с автономией, ставшей результатом соединения территориального контроля, финансовых ресурсов и международного признания. Это была эпоха "Республики Фахани", как иногда называли критики штаб-квартиру ООП, расположенную в районе Фахани на западе Бейрута» [4. P. 448]. Очередное усиление позиций палестинцев в Ливане произошло вследствие упомянутой ранее кампании «Черный сентябрь»: король Иордании Хусейн предпринял военную операцию по вытеснению сил ООП с территории страны. Толчком к этому послужили события 1970 г., когда президент Египта Г.А. Насер пошел на заключение с Израилем соглашения о прекращении огня в Войне на истощение, после чего лидер ДФОП (ранее – НФОП) Жорж Хабаш заявил: «Если соглашение с Израилем вступит в силу, мы превратим Ближний Восток в ад» [5]. За этим последовали несколько покушений на короля Иордании, а также захват и последующий взрыв палестинскими боевиками самолетов [6]. Конфликт продолжался вплоть до июля 1971 г., привел к гибели тысяч палестинских боевиков и гражданских лиц, разрушению ряда палестинских городов и лагерей беженцев и завершился изгнанием ООП с территории Иордании, в результате чего палестинское движение было вынуждено перенести свои штаб-квартиры в Дамаск, а практически – в Бейрут с ослабленным политическим контролем [7]. Таким образом, вследствие указанных событий Ливан стал ключевой военной базой и оплотом палестинских фидаинов, действовавших против Израиля.

Это стало катализатором роста израильских нападений на Ливан, принимавших разные формы: обстрелы южных деревень, вторжение и оккупация приграничных районов, воздушные бомбардировки ливанских гражданских объектов и лагерей палестинских беженцев и др. Очевидно, эти действия имели целью обострить отношения между ливанским правительством и палестинским сопротивлением, а также между палестин-

цами и ливанским населением, дабы последнее оказало давление на правительство для устранения сопротивления с территории страны. Многочисленные обстрелы привели к обезлюдению многих приграничных деревень и создали массу бездомных и озлобленных людей, обвинявших правительство в бессилии. Беспомощность правительства перед лицом израильского давления ослабляла его авторитет и порождала в обществе чувство мятежа. Раскол вносился в и без того противоборствующие правохристианские и националистические группировки, имевшие разные позиции по вопросу нахождения палестинцев в Ливане: националистический блок поддерживал палестинцев; правохристианский блок, видя в палестинцах главную причину внутреннего кризиса, придерживался антипалестинской позиции и стремился отойти от антиизраильской позиции и выйти за рамки ближневосточного конфликта [1. С. 30]. Это не могло не привести к эскалации отношений между палестинцами и ливанскими властями. События 1975 г., когда в пригороде Бейрута фалангисты (правые) совершили нападение на автобус с палестинцами и ливанцами и вызвали гибель 27 человек, по сути своей стали началом крупного вооруженного конфликта в Ливане, переросшего в многолетнюю гражданскую войну. Вскоре последовало и вторжение Израиля в 1982 г., придавшее войне еще более ожесточенный характер и нанесшее решающий удар по палестинскому присутствию в Ливане [8]. Другой стороной дестабилизирующего влияния палестинцев на ситуацию в Ливане было то, что они представляли опасность для «костяка» государственной системы. Присутствие воинственного, в целом прогрессивного и не разбитого на отдельные общины народного движения в обществе неравенства, где привилегии небольшого числа ведущих семей поддерживались неустойчивых политических порядков, было дестабилизирующим элементом. А изначальная широкая популярность фидаинов только усиливала эту опасность [9. P. 54]. То есть проблема вооруженного присутствия палестинцев в Ливане накладывалась на уже существующие социально-экономические и политические конфликты между религиозными общинами, вызывая еще большее усугубление ситуации.

Итак, можно сделать следующие выводы. В рассматриваемый период времени Ливан представлял собой типичное постколониальное государство, унаследовавшее целый комплекс проблем, которые он был вынужден решать. Одной из ключевых стала система власти, построенная на

оказавшемся достаточно опасным для устойчивости государственной системы принципе конфессионализма, придавшем ливанскому суверенитету «гибридный» характер и создавшем благоприятную почву для проникновения в существующую систему инородного элемента – палестинской общины под эгидой ООП. Процесс укрепления ее позиций в Ливане имел сжатые временные рамки и привел к возникновению фактической палестинской автономии на юге Ливана, порой демонстрирующей черты «государства в государстве». Присутствие палестинской общины с учетом как слабости ливанского режима, так и региональных реалий, выражавшихся в незатухающем арабо-израильском конфликте, где ООП выступала одним из ключевых акторов, расшатывало внутригосударственную стабильность Ливана, делая его все более уязвимым как перед внутренними угрозами (гражданская война), так и перед внешними (иностранная интервенция).

Источники и литература

1. Савичева Е.М. Ливанский кризис: гражданская война и ненадежный мир // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2008. № 2. С. 29–39.

2. Siklawi R. The Palestinian Movement In Lebanon 1967–82: Survival, Challenges, and Opportunities // Arab Studies Quarterly. 2017. Vol. 39, № 3. P. 923–937.

3. Cairo Agreement between the Lebanese Authorities and the Palestinian Guerrilla Organizations // Palestinian Journeys. Cairo, 1999. URL: https://www.paljourneys.org/en/timeline/historictext/9625/cairo-agreement-between-lebanese-authorities-and-palestinian-guerrilla-organizations (access date: 21.04.2022).

4. Sayigh Y. Armed Struggle and the Search for State: The Palestinian National Movement, 1949–1993. New York : Oxford University Press, 2004. 998 p.

5. Popular Front Most Militant Commando Group // The New York Times. 1970. 13 September.

6. Hijacks Create Grave Mideast Crisis // The New York Times. 1970. 13 September.

7. Black September: The Jordanian-PLO Civil War of 1970 // ThoughtCo. New York [s. a.]. URL: https://www.thoughtco.com/black-september-jordanian-plo-civil-war-2353168 (access date: 21.04.2022).

8. Reilly J.A. Israel in Lebanon, 1975–1982 // MERIP. Chicago, [s. a.]. URL: https://merip.org/1982/09/israel-in-lebanon-1975-1982/ (access date: 21.04.2022).

9. Brynen R. PLO Policy in Lebanon: Legacies and Lessons // Journal of Palestine Studies. 1989. Vol. 18, № 2. P. 48–70.

УДК 902

В.А. Брянцев

Периодизация истории изучения памятника Черноозерье II (Омская область, Саргатский район)

Секция VIII: *Диалектика прошлого, настоящего, будущего в археологическом и краеведческом контексте*

В статье анализируется история изучения памятника эпохи финала палеолита Черноозерье II. Проводится сравнительный анализ методических подходов, технических возможностей на разных исследовательских этапах. На основе выявленных качественных изменений в подходах и методах исследований предлагается периодизация истории изучения. Делаются выводы о перспективности продолжения исследований памятника.
Ключевые слова: Черноозерье II, верхний палеолит, В.Ф. Генинг, В.Т. Петрин, ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, И.В. Шмидт, Т.А. Горбунова

Стоянка Черноозерье II является памятником эпохи позднего палеолита, дающим представление о динамике заселения и культурного развития человека позднесартанского периода на юге Западно-Сибирской равнины [1. С. 64]. Актуальность изучения Черноозерья II в последнее время связана с попыткой прояснить образ финала палеолита территории юга Западной Сибири на основе получения новых индустриальных и геоморфологических данных, новых дат. Также в фокусе зрения современных исследователей находится реконструкция методики работы на памятнике, информации о которой сохранилось мало. Со стороны коллег существовали попытки включить памятник в контекст верхнего палеолита Уральского региона. Схожесть стоянки с памятниками уральской культуры отмечает П.Ю. Павлов [2. С. 13]. Однако вопрос о путях культурных взаимодействий населения верхнего палеолита остается открытым.

Нашим же объектом изучения является история исследований стоянки Черноозерье II. Предмет исследования – материалы отчетов с 1967–1972 гг., 1995 г. по 2016–2021 гг.

Цель работы – хронологически выстроенный нарратив, отражающий основные этапы изучения, достижения исследователей и изменения в методических подходах, качественно дополняющие каждый этап.

Стоянка Черноозерье II находится в 1,2 км на юго-запад от окраины д. Черноозерье Саргатского района Омской области. Она расположена на

краю останца первой надпойменной террасы левого берега р. Иртыш, в 1,7 км к северу от русла реки. Стоянка открыта в 1967 г. группой студентов под руководством В.Ф. Генинга [3. С. 1].

Периодизация исследований памятника строится согласно исследованиям основных институциональных организаторов. Под институциональными организаторами нами понимаются разнообразные учреждения, имеющие право заниматься проведением археологических исследований, включая специалистов, их осуществляющих.

На первом этапе институциональным организатором является Уральский университет им. Горького. Созданная В.Ф. Генингом в 1961 г., Уральская археологическая экспедиция производит разведку у с. Черноозерье в 1966 г. С 1967 г. начинается первый этап исследований стоянки. Он был связан с работой кандидата исторических наук В.Ф. Генинга, а после 1969 г. с сотрудником лаборатории археологических исследований УрГУ В.Т. Петриным.

Если кратко резюмировать, то археологами Уральского университета был обнаружен памятник, произведены раскопки с целью определения направления распространения культурного горизонта (1967–1968 гг.) [4. С. 1–2]. Дальнейшие раскопки должны были установить приблизительные границы памятников (1969 г.) [5. С. 3–5]. После смены руководства, когда раскопки возглавил В.Т. Петрин, ему уже были известны границы памятника, и его основные интересы состояли в выборке максимально большой площади в центральной части раскопа (отчеты 1970, 1971 гг.) [6. С. 1]. Для первоначальных организаторов было важно собрать коллекцию материала для типологической атрибуции, определить характер стоянки и сопоставить ее с известными на тот момент комплексами финального палеолита. Результаты исследований даны в ряде тезисов и более уверенно в монографиях В.Т. Петрина и В.Ф. Генинга. На момент публикации первой монографии было вскрыто и изучено 2 151 кв. м, при этом отмечалось, что культурные отложения памятника не исчерпаны. Последние раскопки данного периода произведены в 1971 г., к исследованию комплекса археологи УрГУ более не возвращались (хотя, по воспоминаниям коллег В.Т. Петрина, он очень желал их возобновления).

Таким образом, логическое завершение изучения значительной части памятника состоялось. Методические особенности данного этапа заключаются в: 1) освобождении территории, намеченной к вскрытию, от верх-

них культурных напластований (преимущественно эпохи бронзы); 2) применении тяжелой техники для подготовки площади (до 108 кв. м одновременно) к вскрытию палеолитических отложений, что сильно изменило прилегающий к раскопам ландшафт); 3) неясности методов разбора культурных горизонтов (они плохо описаны в отчетах, в монографиях не упоминаются). Выбранная методика позволила за короткий период исследований вскрыть значительные по охвату площади, получить представительные коллекции материалов, провести их атрибутацию и интерпретацию.

Новый этап изучения комплекса начинается в 1994 г. Институциональным организатором на данном этапе является ОмГПУ. В результате договора по паспортизации и инвентаризации памятников археологии Омской области между лабораторией археологических исследований ОмГПУ и комитетом по культуре и искусству при администрации Омской области была проведена разведка в Саргатском районе по открытому листу, выданному на имя И.Е. Скандакова. В этот период были проведены инструментальная съемка и фотофиксация всего комплекса археологических памятников в районе поселения Саргатское. Подобные крупномасштабные разведочные работы не были бы возможными без совершенствования технического арсенала археологов, что и влияло на методику разведок. Отметим, что инструментальный план, данный в отчете Скандакова, используется исследователями до сих пор. Задача, стоявшая перед исследователями, заключалась в определении современного состояния культурного слоя, подготовке истории изучения и съемки инструментального плана [7. С. 4–6].

По результатам работ был сделан вывод, что установить границы стоянки не представляется возможным. Раскоп не охватил всю площадь культурных отложений. С северо-восточной и западной сторон примыкают участки наиболее возвышенной части террасы, перспективные в плане исследования культурного горизонта [7. С. 29].

Таким образом, второй этап работ, связанный с паспортизацией объекта, актуализировал интерес к данному памятнику.

Третий выделяемый нами этап начинается в 2013 г. Институциональным организатором на данном этапе становится ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. В связи с участившимися случаями несанкционированной раскопочной деятельности «черных археологов» отрядом Омского государ-

ственного университета им. Ф.М. Достоевского была проведена разведка в Саргатском районе Омской области вблизи д. Черноозерье под руководством Т.А. Горбуновой. В ходе разведки произведен осмотр территории памятника Черноозерье II. Выявлены нарушения поверхности, возникшие в результате хозяйственной деятельности местного населения. Были уточнены высоты террасы, обнаружены следы деятельности «черных археологов», собран подъемный материал [8. С. 61]. Несмотря на удовлетворительную сохранность памятника, научный интерес к его изучению подтолкнул археологов вернуться к исследованию Черноозерья II в 2015 г.

В 2015 г. на южных границах памятника был заложен шурф 14 кв. м, выявивший стратиграфическую разницу в распределении культурных горизонтов центра и периферии комплекса [9. С. 53–54].

В 2018 г. в ходе зачистки и бурения в северо-западной части стоянки (северная периферия; восточная стена Раскопа III; 1969 г.) зафиксирован погребенный горизонт с углистыми примазками. Заложенный здесь же шурф подтвердил культурный характер отложений. Их обнаружение на участке, согласно данным вскрытом в 1969 г., было полной неожиданностью [10. С. 12–13]. Прояснить ситуацию удалось в ходе дальнейших раскопок.

В 2019 г. И.В. Шмидт и Т.А. Горбунова продолжили вскрывать Раскоп III в юго-восточном направлении. Было выбрано 22 кв. м культурных отложений, зафиксированных ниже горизонта раскопок 1969 г. [10. С. 25]. Сложность ситуации заключалась в том, что, согласно визуальным привязкам, раскоп был заложен внутри изученной площади. Но ошибка в представлениях была обусловлена неизвестностью границ подготовленных к вскрытию «полигонов», в котловане которых раскопы 1969 г. и закладывались. Эта информация нигде не была зафиксирована. Стенки раскопов радикально снивелированы за сорок лет их естественной рекультивации. Контуры ландшафта передают границы котлованов, вырытых грейдером.

В 2020 г. работы в траншее Раскопа III были продолжены. Помимо участка с культурными отложениями, была найдена северо-западная граница Раскопа III 1969 г. [11. С. 43–44]. Только после этого пришло осознание непростой методической истории работ на данном участке памятника.

Помимо необходимых границ 1969 г., за период 2018–2021 гг. собран материал для датировки, получены новые даты комплекса; начала формирование новая коллекция артефактов, подтверждающая большую значимость стоянки для процессов понимания культурного развития региона; значительно расширен актив методов исследования: археологическое бурение, работа малыми площадями с получением большого количества проб для проведения всевозможных анализов (ряд которых реализуется немецкими, новосибирскими и томскими коллегами). Необходимо отметить повышение технологического уровня исследований: использование тахеометрического оборудования сделало возможным применение различных методов постобработки в цифровом формате материалов памятника, включая построение планов расположения находок в Mapinfo, отрисовку профилей в Автокаде и склейку ортофотопланов в Credo Transorm. Применялись разные способы выборки грунта. Проведены гранулометрический и морфономический анализы почвы. Метод бурения, апробированный на памятнике Черноозерье II, показал высокий информативный потенциал при минимальной инвазивности, дальнейшее его использование поможет определить границы культурного слоя и глубину их залегания на всём памятнике, что входит в актуальную повестку дальнейших исследований.

Новый этап не только позволил пересмотреть некоторые выводы исследователей 1967–1971 гг., но и наметить перспективные векторы продолжения планомерного изучения стоянки.

Все три выделенных нами периода являются основными, маркирующими особые цели, технические возможности и методы проведения археологических работ.

Источники и литература

1. Макаров С.С. Динамика культурного развития и освоение Западно-Сибирской равнины в позднем плейстоцене // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2009. Т. 8, № 3. С. 63–76.

2. Павлов П.Ю. Культурные связи населения Уральского региона в эпоху палеолита // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 1 (18). С. 6–23.

3. Генинг В.Ф. Отчет об археологических исследованиях у с. Черноозерье Саргатского района Омской области, произведенных летом 1967 г. Уральской археологической экспедицией. Свердловск, 1968. 150 с.

4. Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Омской области в 1968 г. Свердловск, 1969. 160 с.

5. Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Раскопки Черноозерья II // Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Омской области в 1969 г. Свердловск, 1969. 170 с.

6. Петрин В.Т. Отчет об археологических раскопках, произведенных на ст. Черноозерье II, в Саргатском районе Омской области в 1971 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4460.

7. Скандаков И.Е. Отчет о раскопках курганного могильника Усть-Тара VII в Тарском районе и о разведках в Тарском, Муромцевском и Саргатском районах Омской области в 1994 году. Омск, 1995. 57 с.

8. Горбунова Т.А., Шмидт И.В. Перспективы изучения памятника эпохи позднего палеолита Черноозерье II в Омской области (по результатам разведки 2013 г.) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2014. № 1 (1). С. 59–62.

9. Шмидт И.В. Отчет о научно-исследовательской работе по проведению археологической разведки с осуществлением локальных земляных работ на территории коренной террасы левого берега р. Иртыш в Саргатском районе Омской области в 2015 году. Омск, 2016. 69 с.

10. Шмидт И.В. Отчет о результатах археологических полевых работ на территории объекта культурного наследия федерального значения «стоянка Черноозерье II» в Саргатском районе Омской области, проведенных в 2019 г. Омск, 2019. 57 с.

11. Шмидт И.В. Отчет о научно-исследовательской работе по проведению полевых археологических работ в Саргатском районе Омской области, в окрестностях д. Черноозерье, первая надпойменная терраса левого берега р. Иртыш в 2020 г. Омск, 2020. 57 с.

УДК 929

К.И. Бугреева

Маркиз де Лафайет в исторической памяти: между «героем двух миров» и «политическим насекомым»

Секция I: *Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы*

Жильбер де Лафайет является одной из ключевых фигур не только во французской, но и в американской истории. Уже при жизни образ маркиза был далек от однозначной оценки. Подвергшись критике со стороны различных политических сил, деятельность де Лафайета обесценивается, а с течением времени подвергается историческому забвению. Но историографическая ценность фигуры маркиза заключается в уникальности его жизненного пути и кросскультурного характера исторической памяти.

Ключевые слова: Маркиз де Лафайет, историческая память, историческое забвение, Великая французская революция, Американская война за независимость

Жильбер де Лафайет не создавал утопические теории, не начинал террор, не завоевывал другую страну, не был правителем и не устанавливал законы. Но при этом невозможно недооценить его заслуги перед Францией, и в то же время заметна его роль в формировании и утверждении американского демократического идеала. Он все еще остается тем человеком, память о котором почитается равно как в Старом Свете, так и в Новом, правда почитание это носит весьма различный характер. Маркиз за несколько десятилетий своей насыщенной жизни успел побывать по обе стороны революционных баррикад, заслужить как уважение, так и презрение. В нашей стране имя Жильбера де Лафайета редко упоминается в учебниках в параграфе о Великой французской революции, в отличие от имен М. Робеспьера, Э. Сийеса, О.Г. Мирабо или Ж. Дантона. Для французов имя Лафайета хоть и популярно, но все-таки обладает не совсем положительными коннотациями. В США же он заслужил посмертный почет и славу, сравнимую с популярностью отцов-основателей. Из одиозной неоднозначности фигуры Лафайета и вытекает цель данной работы – показать, с одной стороны, многогранность исторической памяти о деятелях прошлого, а с другой – ее избирательность и, в каком-то роде, беспощадность. Нельзя не отметить ту осторожность, а также отсутствие полноты в современных его биографиях – больший интерес уделяется ранней жизни маркиза, а не его карьере в XIX в. Почему при всех заслугах и прижизненной славе память о маркизе де Лафайете столь скудна и скромна? Какие факторы биографии маркиза повлияли на это?

Здесь не предполагается полный обзор биографии Лафайета, об этом уже написано достаточно монографий. Но для понимания, почему все-таки при всей своей значимости маркиз не имеет однозначной благоприятной репутации у себя на родине, как некоторые его современники, необходимо рассмотреть несколько моментов. Однажды он напишет: «Как только при мне было произнесено слово “Америка”, я полюбил ее: едва я узнал, что она борется за свою свободу, как меня охватило желание пролить за нее мою кровь...» [1. С. 176]. Юный маркиз направился в Новый Свет для помощи делу Штатов. Это авантюрное предприятие заканчивается ни больше ни меньше вступлением в войну французов, которые в союзе с новообразо-

ванными Штатами сумели одержать победу над войсками Великобритании. За время своего пребывания на поле Войны за независимость Лафайет участвовал в нескольких крупных сухопутных и морских сражениях. Маркиз также финансово помогал континентальной армии до окончательного вступления Франции в боевые действия. Лафайет возвращается героем во Францию. Через несколько лет перипетии 1789 г. снова ненадолго возвращают Лафайета в гущу событий, но революция, гонимая массами, неуправляемая, отвергает его. Он боролся за свободу в Старом и Новом Свете, но, в конце концов, сам стал заключенным в Ольмюце, лишенным права голоса в своей стране. Нужно отметить, что Лафайет высоко ценил американскую модель государства, но не верил в возможность осуществления ее на территории Франции. Именно по этой причине Лафайет медлил, и медлил именно в тот момент, когда ситуация требовала другого. В итоге на фоне деятельности якобинцев, роялистов, жирондистов и других принятые маркизом решения оказались недостаточными, как и его действия на посту командующего Национальной гвардией. Ходили слухи, активно поддерживаемые якобинцами, что маркиз покушается на власть. Другим обвинением тех же якобинцев в дальнейшем будет расстрел демонстрации на Марсовом поле в июле 1791 г., которая станет тем факторам, который способствовал потере былой популярности командующего. Что касается короля и роялистов, то сам факт того, что Лафайет одним из первых переходит в Зал для игры в мяч, его участие в деятельности Учредительного собрания отвернули от него аристократические круги. За все время Лафайет не отступил от своих принципов, но людьми это трактовалось как малодушие, властолюбие и высокомерие.

Так сложилось, что у одного человека было две репутации. Защитник и герой, с одной стороны, выглядит как безжалостный деспот и первый душитель свободы – с другой. Показательными являются обличающие Лафайета письма и речи М. Робеспьера [2], который каждый раз обличал Лафайета как «самого подлого, самого жестокого, самого отвратительного из тиранов». Каждый раз, когда Робеспьер упоминает имя маркиза, поток нелицеприятных слов обрушивается на человека, который даже оправдаться в своих действиях не смог без ущерба для репутации, уничтожая авторитет и влияние командующего Национальной гвардии. А тем временем Лафайет был не последним человеком в те дни: его небывалая популярность в народе обеспечила ему должность в Национальной гвардии, он стал одним из первых

дворян, которые присоединились к третьему сословию, более того, Декларация прав человека и гражданина написана не без участия маркиза. Но факт того, что командующий настаивал на идее конституционной монархии при популярности республиканских идей и избегал массовых столкновений, собраний народа, создал ему репутацию роялиста и человека, держащегося за старый порядок. Некоторые якобинцы не стеснялись в выражениях, но вплоть до бегства Лафайета из Франции в 1792 г. его слава и уважение в народе не померкли, несмотря на значительное охлаждение к нему. И каждый раз Робеспьер, обличавший маркиза, стремился открыть его пороки перед обществом, отнять у него уважение народа. Речи Робеспьера были обращены к потомкам, которые в будущем будут «краснеть и за то, чем Лафайет был, и за то, чем хотел стать» [2].

Есть несколько социокультурных факторов, которые повлияли на формирование образа Жильбера де Лафайета в историческом и общественном сознании. Во-первых, его политические предпочтения. Лафайет стремился к свободе как к некой константе, необходимому условию человеческого существования, обязательному праву [3]. Но действительность была такова, что стремления, которые в Америке были приемлемы, во Франции столкнулись с жёстким сопротивлением современников. Возможно, именно взгляды Лафайета на свободу и равенство так отвернули от него тех, кто видел в Великой французской революции методы слома старого и построения нового режима. Эти взгляды отличались от радикальных взглядов тех же якобинцев, потому как призыв к свободе не был ядром Великой французской революции, целью ее было уничтожение старого режима, разрушение старых сословий и равенство [4].

Во-вторых, как историки, так и современники отмечают, что Лафайет не был политиком, ему недоставало адаптивных навыков, способности поступиться своими идеалами по необходимости. Он попросту не мог занять свою политическую нишу по причине ее отсутствия. Слишком радикальный для монархистов, но при этом роялист для республиканцев, Лафайет мог бы найти «своих» среди умеренных сторонников конституционной монархии, но такого «компромиссного» политического русла во Франции не было. В итоге его обвиняли в неспособности что-либо предпринять с высоты такого положения.

В-третьих, если обращаться к характеру общей репутации маркиза, то полной картины мы не получим. Большой симпатией пропитаны произ-

ведения западных историков, преимущественно американцев, для которых деятельность Лафайета остается национальным достоянием [4]. Портрет французского аристократа запечатлен не только в исторической науке, в США более сорока городов, улицы, площади, эскадрильи и военные корабли носят его имя. Через несколько десятилетий после Войны за независимость уже пожилой маркиз вновь очарует жителей США, боготворивших одно его имя, своим турне. Национальный герой, памятник которому стоит рядом с памятником Вашингтону рядом с Белым домом, отпечатался в умах каждого американца, которые точно знают хотя бы имя Лафайета [5].

В заключение стоит сказать, что хоть Жильбер де Лафайет был и остается национальным героем Франции, но его наследие принадлежит и другим странам, в жизни которых он оставил отпечаток. Этот кросскультурный характер его биографии [4. P. 276] обеспечил ему место в современной исторической памяти, несмотря на некоторое пренебрежение со стороны историков. Достоинства и деяния маркиза де Лафайета обеспечили ему свою нишу в истории Войны за независимость, Великой французской революции, Июльской монархии. Он был главнокомандующим Национальной гвардии, генералом штаба Вашингтона, одним из авторов Декларации прав человека и гражданина, масоном, маркизом и, наконец, гражданином. Лафайет сделал недостаточно для революции, для монархии, для народа, чтобы историки обращались к нему с таким же трепетом, с которым они пишут о Сен-Жюсте или Дантоне, но все равно он остается предметом гордости и почитания во Франции. Являясь видным деятелем революций, он все же отличался от тех, кто составлял их ядро, и поэтому, даже находясь в центре, так или иначе он был оттеснен на периферию в историческом пространстве. На это повлияло несколько факторов: идеалы самого Лафайета, который так и не смог найти компромисса между современными ему идеями и своими собственными убеждениями; фактор национальной принадлежности – деятельность маркиза была связана более с Францией, здесь он оставил более заметный и неоднозначный след (Великая французская революция, Июльская монархия), тогда как в США он запомнился как юный самоотверженный деятель свободы, здесь же широко распространился упрощенный символический образ героя [6]. К 200-летию Великой французской революции его назвали одним из самых знаменитых деятелей революции. Этот факт отмеча-

ется и у П.П. Черкасова, и у американского историка Л. Крамера – Лафайет намного более популярен среди широких масс населения, чем в недрах элитарного исторического круга [4. P. 273]. В конечном итоге, несмотря на всю избирательность революционной и постреволюционной французской истории, жизнь Лафайета, уже не маркиза, а просто человека, превратилась, по словам того же Крамера, в символ – символ, которым восхищались и критиковали. Сам же он не считал важным оправдывать свои действия ничем иным, кроме собственных убеждений и оптимизма человека, верящего в будущее своей страны. Жизнь его распорядилась так, что многие современники превозносили его до небес, но столько же людей с сильнейшей критикой обрушивались на его деятельность. Возможно, именно благодаря своему идеализму и в некотором роде оптимизму Лафайет последовательно шел по тому пути, который сам выбрал для себя, когда впервые пересек океан. Не было ни компромиссов, ни сделок с совестью, этот человек попросту сам создавал свою собственную историю, оставив в памяти современников и потомков привлекательный романтический образ.

Источники и литература

1. Черкасов П.П. Лафайет: политическая биография. М. : Мысль, 1991. 376 с.
2. Робеспьер М. Избранные произведения : в 3 т. М. : Наука, 1965. 554 с.
3. Bokobza S. Liberty Versus Equality: The Marquis de La Fayette and France // The French Review. Vol. 83, № 1. P. 114–131.
4. Kramer L. Lafayette in Two Worlds // Public Cultures and Personal Identities in an Age of Revolutions. North Carolina, 2000. 368 p.
5. Charles J. Stillé The Marquis de La Fayette in the American Revolution Source // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. Vol. 19, № 1. P. 1–21.
6. Гурченко Н.А. Советская историография американской революции XVIII в. (1985–1991 гг.) // Труды Белгородского государственного технического университета. Серия 6: История, философия. 2019. № 2 (227). С. 63–67.

УДК [001.89:256]:930(470)

А.А. Бурнаков

Основные проблемы и подходы в исследовании шаманизма в отечественной историографии

Секция IX: *Этнокультурное многообразие Евразии в историческом контекстсте*

В статье освещаются основные проблемы и подходы в исследовании шаманизма в отечественной историографии. Рассматриваются мнения

учёных, внёсших наибольший вклад в изучение феномена шаманизма. Полученные сведения использованы при исследовании религии хакасов XIX – первой половины XX в. В основу исследования легли опубликованные материалы отечественных учёных XX – начала XXI в. и неопубликованные материалы исследователя-краеведа Н.С. Тенешева.
Ключевые слова: шаман, шаманство, проблемы шаманизма, религия, мистика

Шаманизм (шаманство) – одна из форм религиозных верований достигшая наиболее развитых форм у многих народов Сибири, Центральной Азии, Северной и Южной Америк. Своё название шаманизм получил от ключевой фигуры священнослужителя – *шамана* [1. С. 13]. На сегодняшний день существуют две версии происхождения термина *шаман*.

I. Эвенкская (тунгусская), у этого народа термин – *шаман* (*саман*, *хаман*) [2. С. 7] обозначает возбуждённого, иступлённого человека. Другие народы Сибири употребляют свои термины: нанайцы, ульчи, негидальцы, орочи, маньчжуры – *сама* [3. С. 56]; нивхи – *чам*; телеуты, теленгиты, алтайцы, кумандинцы, шорцы используют термин *кам*; тувинцы – *хам*; буряты – *бӧ*; якуты – *ойун*; кеты – *сенин* [2. С. 7]. Хакасы называют шамана *хам* [4. С. 795].

II. Древнеиндийская, сторонники этой версии считали, что термин *шаман* происходит от «*шрамана*» (санскрит. śramaṇa, пали. samaṇa) – странствующий монах, отшельник, религиозный подвижник, отрицавший авторитет Вед. Исследователь XVIII в. Г.Ф. Миллер допускал, что современный ему шаманизм – это «деградировавшее» учение «саманеян» [5. С. 538].

Существует и ряд других неразрешённых проблем, наиболее крупные из которых мы рассмотрим.

I. *Определение содержания термина «шаман»*. Практически каждый крупный исследователь даёт своё определение этому типу священнослужителей. Л.П. Потапов характеризовал шаманов как «монопольных “специалистов”» широкого профиля по сношению с духами и божествами местного пантеона или пандемониума» [2. С. 8]. С.А. Токарев считал шаманов особыми людьми внутри коллективов, которые могли искусственно вводить себя в изменённое состояние сознания (экстаз) для непосредственного общения с духами [6. С. 271]. Л.Н. Гумилёв, будучи апологетом христианства в его православной форме, подчёркивал низкий уровень этой формы религии и считал шаманов избранни-

ками мелких в сравнении с богом личных духов женского пола, соответственно, исполнявших утилитарные функции [7. С. 259]. Более продуктивной нам представляется мысль В.Н. Басилова акцентировать внимание не на его многочисленные функции и особенности (вхождение в изменённое состояние сознания, это могли делать и не шаманы), а на главные идеи, присущие этой системе, т.е. фактически на религиозную доктрину [1. С. 11].

II. *Соотношение терминов «шаманизм» и «шаманство».* Часть исследователей разделяют эти термины, считая, что *шаманство* – это обрядовая часть деятельности шамана, а *шаманизм* – это религиозно-философская идеология того общества, в котором функционировал шаман. Другие исследователи, Л.П. Потапов, В.Н. Басилов, Т.В. Жеребина, рассматривают эти термины как синонимы, считая *шаманизм* термином европейской науки, а *шаманство* – российской.

III. *Определение сути шаманизма.* До настоящего времени в научном сообществе не выработано какого-либо универсального определения шаманизма, удовлетворявшего бы если не всех, то хотя бы часть исследователей, что говорит о сложности и незавершённости процесса изучения этого феномена [1. С. 3]. Подобного мнения придерживался и С.А. Токарев, относивший шаманизм к одной из самых трудных проблем истории религии. Учёный писал: «Несмотря на обилие литературы о шаманизме, ясного понимания этой формы религии до сих пор ещё не достигнуто» [6. С. 291]. Такого взгляда придерживаются и учёные-этнографы А.В. Смоляк [3. С. 6] и Т.В. Жеребина [8. С. 8].

IV. *Проблема территориальной локализации шаманизма.* Являлся ли шаманизм всеобщим (стадиальным) явлением в истории развития религии, через которое прошли многие, если не все народы, или же это локальное явление, распространенное лишь в определённых регионах (Европейский Север, Северная и Центральная Азия и т.д.). В.Н. Басилов, критикуя сторонников единого центра распространения шаманских верований, полагал, что шаманство характерно для всех народов на определённом этапе исторического развития [9. С. 10].

V. *Проблема соотношения шаманизма и религии.* Мнения учёных по этому вопросу также кардинально отличаются, и их можно объединить в две группы:

1) исследователи, которые без сомнений считают шаманизм отдельной религией: Л.П. Потапов [10. С. 21, 85], В.Н. Басилов [11. С. 221], Т.В. Жеребина [8. С. 7, 13–15] и др.;

2) исследователи, которые не признают шаманизм отдельной религией, а относят его к феноменам или к комплексам, связанным с деятельностью шамана. Подобных взглядов придерживались: В.М. Михайловский, Л.Н. Гумилёв [7. С. 249–257], Е.В. Ревуненкова [1. С. 6] и др.

Однако наиболее взвешенной и убедительной представляется концепция И.С. Вдовина, выделявшего в религиях аборигенов Сибири *собственно религию* – культы «добрых духов» и *шаманство* – культы «злых духов» [13. С. 268]. В отечественной историографии до него неоднократно высказывалось мнение о том, что шаманство не охватывает всех религиозных верований аборигенов Сибири [12. С. 173]. Однако лишь И.С. Вдовин, теоретически и эмпирически обосновал наличие в религиях народов Сибири двух крупных компонент различного генезиса, до этого считавшихся только шаманизмом [13. С. 279–280].

В автохтонной религии хакасов также выделяются две крупные компоненты: *собственно религиозная* (нешаманистские культы) и *религиозно-мистическая* (шаманистские культы). Следует пояснить, что под религией мы понимаем таинственную связь между человеком (как конечным существом) и Богом (как бесконечным и абсолютным Началом мира), а также благоговение перед бесконечным, которое обусловлено этой связью [14. С. 8]. Иными словами, это связь человека или группы людей с сакральным (священным) началом, осуществляемая естественным способом (мысленно или устно).

Однако предметом нашего исследования является вторая часть религии хакасов, именуемая нами *религиозно-мистической компонентой*, где главным священнодействующим лицом выступал шаман (*хам*). Основанием для такого определения послужило тесное переплетение в хакасском шаманизме в целом и конкретно в личности шамана как религиозных, так и мистических функций. Под *мистикой* нами понимается вера в возможность непосредственного духовного общения человека с таинственными метафизическими силами (Бог, безличный абсолют, первосущность мира, духи и пр.) путём, выходящим за пределы естественных человеческих способностей [15. С. 815]. Это явление достаточно подробно описано в трудах российских и советских исследователей, в том числе

и краеведа Н.С. Тенешева. Автором подробно записаны со слов самих шаманов их опыт мистического общения со сверхъестественными существами, включая описание полного опасностей путешествия неофита к главе шаманов *Адам-хану* для его утверждения в шаманской должности и получение рекомендаций по изготовлению своего одеяния и снаряжения. А также различные эпизоды общения с персонажами из потустороннего мира [16. С. 1–25]. Не менее ярким, но уже религиозно-мистическим опытом выступает обрядовая деятельность шамана на одном из главных праздников *Таг тайии* (*тайых*), посвящённых культу Духов-хозяев родовых гор (*таг ээзі*), являвшихся первопредками и покровителями отдельных родов (*сөөк`ов*). Где шаман, по сведениям Л.П. Потапова, совершив трудное мистическое путешествие к родовой горе (*төс таг*), доставлял дары и просьбы родовичей Духу-хозяину этой горы. В свою очередь, *таг ээзі* обязывался заботиться и защищать представителей рода и через шамана посылал отдельным счастливчикам удачу (*хасхах*), что должно было гарантировать им семейное благополучие [17. С. 16].

По нашему мнению, автохтонная религия хакасов состояла из двух крупных компонент: *собственно религиозной* и *религиозно-мистической*. В первом случае общение с сакральным началом в виде Неба (совр. хак. *Тигір*, в XIX в. *Тегир*, в XVIII в. *Тенгри*) и девяти небожителей (*чайан`ы, чайачы, худай`и, пурхан`ы*) происходит естественным способом в виде внутреннего или устного монолога без впадения в изменённое состояние сознания (ИСС). Во втором – общение с объектом поклонения (в основном это ландшафтные духи – *ээзі*) происходило через посредника-шамана, вступающего в непосредственный сверхъестественный контакт в состоянии ИСС. Причём происходит это не только при отправлении религиозных ритуалов, но и при проведении бытовых обрядов (лечебных, поисковых и т.д.).

Изложенные материалы подводят нас к мысли, что хакасский шаманизм следует определять как религиозно-мистическую компоненту традиционного хакасского религиозного комплекса, центральной фигурой которого являлся шаман (*хам*), посредник между миром посюсторонним и миром потусторонним.

Источники и литература

1. Басилов В.Н. Что такое шаманство // Этнографическое обозрение. 1997. № 5. С. 3–16.

2. Окладников А.П. Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. 222 с.
3. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение: (Народы Нижнего Амура). М. : Наука, 1991. 280 с.
4. Субракова О.В. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сöстік / под ред. О.В. Субраковой. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. 607 с.
6. Токарев С.А. Ранние формы религии. М. : Политиздат, 1990. 622 с.
7. Гумилёв Л.Н. В поисках вымышленного царства. СПб. : Абрис, 1994. 383 с.
8. Жеребина Т. Сибирский шаманизм: с древнейших времён до наших дней. СПб. : Пальмира, 2017. 463 с.
9. Басилов В.Н. Избранники духов. М. : Политиздат, 1984. 208 с.
10. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л. : Наука, 1991. 320 с.
11. Басилов В.Н., Винкельман И. Религиозные верования: Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 5. М. : Наука, 1993. 240 с.
12. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М. : Политиздат, 1986. 576 с.
13. Вдовин И.С. Проблемы общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л. : Наука, 1981. 284 с.
14. Садовников О.К., Згурский Г.В. Новейший словарь религиоведения. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 444 с.
15. Забияко А.П. Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. М. : Академический Проект; Гаудеамус, 2008. 1520 с.
16. Рукописный фонд научного архива Хакаского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова. 1957. Л. 1–25.
17. Рукописный фонд Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Ф. 3. Д. 34. Л. 16.

УДК 930

А.И. Бурнатов

А.Я. Гуревич об эпохе викингов

Секция I: *Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы*

Цель исследования – выявление идей, гипотез и подходов отечественного историка А.Я. Гуревича в отношении причин, содержания и последствий движения викингов. На основе анализа работ медиевиста, опубликованных в период 1966–1967 гг., были сделаны выводы о специфике его методологии по сравнению с основными подходами к медиевистике в СССР.

Ключевые слова: А.Я. Гуревич, эпоха викингов, норманны, медиевистика, Скандинавия

А.Я. Гуревич – отечественный историк, область научных интересов которого включала в себя различные аспекты медиевистики, скандинавистики и методологии истории. На заре своей карьеры ученый занимался вопросами крестьянства и землевладения средневековой Англии. В целях достижения наиболее полного понимания природы форм землевладения медиевист обращается к древнескандинавским текстам [1. С. 6]. Начав с социально-экономических характеристик, А.Я. Гуревич постепенно рассматривает и иные грани средневекового скандинавского общества. Статья посвящена его работам, связанным с экспансией викингов в истории скандинавских стран.

В работе были использованы историко-сравнительный и описательно-повествовательный методы. Актуальность ее заключается в том, что наиболее популярными в научном дискурсе в России остаются вопросы методологического новаторства А.Я. Гуревича на фоне корпорации советских медиевистов, а также его конкретные работы о средневековой культуре. Что касается работ о движении норманнов, то по отдельности они цитируются занимающимися данной тематикой исследователями, но историографические обзоры, содержащие комплексную характеристику идей историка в этой области, отсутствуют.

«Эпохой викингов» в историографии считается период 793–1066 гг. в истории Скандинавии. Само название связано с «викингами» – мореплавателями, нападавшими на побережья стран Западной Европы. А.Я. Гуревич подчеркивал, что таковыми захватчики назывались в самой Скандинавии, а в других странах имели иные имена – норманны, датчане, варанги, варяги, аскеманны и пр. [2. С. 82]. Историк апеллировал к современной ему гипотезе Ф. Аскеберга о происхождении слова «викинг» от глагола «vikja» – «уклоняться». С опорой на эту точку зрения и анализ скандинавских саг ученый резюмирует, что скандинавы применяли данный термин преимущественно к грабительским походам, а иногда и к их участникам, но с оттенком осуждения [2. С. 124]. Современный специалист А.А. Хлевов также отмечает скандинавское происхождение термина и подчеркивает, что вне региона он не был широко известен [3. С. 29–31]. Он заключает на основе данных современных лингвистических теорий и анализа саг, что «викинг» – это обозначение рода занятий участника грабительских морских походов, которое в конкретных условиях могло обретать негативную или романтическую коннотацию [3. С. 62].

Первая работа Арона Гуревича по проблематике норманнских рейдов «Датские бурги и походы викингов» входит в третью главу монографии «Походы викингов». Цель ее – проверка на основе данных зарубежной археологии гипотезы о существовании Йомсборга – крепости «идеальной общины» воинов. Предположение было сделано на основании данных саг и средневековых легенд. Остатки четырех крупных поселений, открытых археологами в послевоенный период в Скандинавских странах, удивили своими технологическими характеристиками, геометрической точностью, выгодным расположением. А.Я. Гуревич перебирает различные варианты происхождения и назначения лагерей: участие в создании византийских мастеров; эволюция скандинавской традиции строительства «длинных домов»; связь с наёмным войском Кнуда Могучего; попытка материального воплощения представлений о Вальхалле как обители избранных воинов и др. Он делает вывод о датском происхождении лагерей. Для подтверждения гипотезы об историчности Йомсборга данных было недостаточно, но медиевист отметил важность сделанных находок для общей оценки походов викингов [2. С. 116–122].

Монография «Походы викингов» 1966 г. – первая в СССР попытка создания научной картины движения норманнов через систематизацию данных зарубежной и отечественной историографии. Цель работы – преодолеть господствующие в историографии ошибочные точки зрения – христианскую (средневековые хронисты; викинги – кровожадные пираты, божья кара за грехи) и романтическую (скандинавские историки; викинги – витязи и герои). Специфика рассмотрения темы историком состоит в освещении именно скандинавов, тогда как основной интерес историографии в СССР сосредоточивался на «норманнском вопросе» в определении истоков древнерусского политогенеза. «Норманнской проблемы» он касается лишь мимоходом и кратко высказывает собственную позицию по ней – скандинавы оказали непосредственное влияние на создание государственности на Руси, но само государство создать не могли, так как этот процесс уже начался на момент их появления [2. С. 128–129]. Другой чертой работы является ее методологический склад: изданная в 1960-е гг. молодым советским ученым монография не содержала ссылок на классиков марксизма-ленинизма и положения «формационного» подхода.

В работе А.Я. Гуревич рассматривает движение викингов последовательно и с различных сторон – географической, социально-экономической,

политической и культурной. Первая глава содержит повествование о географических особенностях родины норманнов, в ней предлагаются историко-географические объяснения глубинных причин экспансии викингов и специфики их ментальной культуры. Данный ракурс напоминает геоисторический метод французского историка Ф. Броделя, который в своих исследованиях также особое внимание уделял пространственным ландшафтам, на которых разворачиваются исторические события.

Дальнейшие главы содержат археологическую характеристику развития кораблестроения, торговых отношений, а также раскрывают через описание ключевых событий сущность походов викингов и их значимость для становления государств в Европе.

В одной из своих мемуарных статей медиевист отмечал, что считает недостаточным указание на социально-экономические изменения в качестве причин экспансии викингов. А.Я. Гуревич считал определяющими не материальные, а культурные сдвиги, лежавшие в основе социальной и военной консолидации викингов [4. С. 22]. В этой связи интересна последняя глава монографии, где автор ищет внутренние стимулы, породившие экспансию. В IX в. ломается привычный образ жизни скандинавов – мирная жизнь в разрозненных уголках региона сменяется сначала внутренней, а затем внешней колонизацией, развитием торговли и мореплавания. Сдвиги характеризовались освобождением индивидуальности человека от господства коллективных представлений, ростом самосознания скандинавов, кризисом древней религиозной традиции. В изобразительном искусстве эти ментальные изменения проявились в виде новых тенденций в стилизации. С началом эпохи викингов на замену «животному стилю», к началу VIII в. ставшему монотонным и вялым, приходит «новый животный стиль», отличающийся экспрессивностью, выпуклостью, напряженностью фигуры «хватающего зверя». В орнаментации появляется индивидуальное начало – стили начинают различаться между собой. Подобную тенденцию А.Я. Гуревич видит в поэзии скальдов, где был виден переход к более сложной форме стихосложения, что означало превращение поэта из безличного продолжателя традиции в сознательного творца. Происходит упрощение рунического алфавита и его распространение внутри общества. В погребениях наблюдается возвращение к языческим обрядам вопреки уже начавшемуся влиянию христианства. Таким образом, ученый считал одной из ключевых причин широкой экс-

пансии ломку традиционного мироощущения скандинавов в результате начавшегося движения [2. С. 158–179].

Таким образом, эпоха викингов в монографии не предстает простой чередой пиратских рейдов. Ее многогранное содержание повлекло за собой развитие технологий, экономических и политических отношений внутри Скандинавии; тесное хотя и очень драматичное взаимодействие с Англией и Францией, способствовавшее их государственной централизации; открытие земель Ирландии и Гренландии, Северной Америки; кристаллизация национальной культурной традиции.

В работе 1967 г. «Начало эпохи викингов (проблемы духовной жизни скандинавов IX в. Факты и гипотезы)» историк ставит перед собой цель прояснить природу сдвигов в сознании скандинавов в IX в. Изучаются появившиеся на заре эпохи викингов культурные новшества. Гипотеза автора состояла в том, что эти новые виды, прежде чем стали укрепившейся национальной традицией, вобрали в себя стереотипы мышления, характерные для всего скандинавского общества того времени. Эти устойчивые черты выражались в одинаковом понимании значения кеннингов[1], а также в восприятии изображений «нового животного стиля». Как творцы, так и реципиенты видели в резных изображениях животных магические символы, призванные отгонять злые силы. Через какую-либо доминирующую в рисунке часть тела (например, увеличенную форму головы) скандинавы понимали целостный сюжет. Аналогично и в кеннингах – боги или знатные воины изображались через единичный эпизод их жизни (например, бог Один – «груз виселицы», ибо однажды он повесился), оставляя на долю слушателя восполнение основной картины. Другая общая черта разных художественных произведений – сочетание в них реального и фантастического. Присутствие животных с гипертрофированными частями тела в изображениях и определений одних вещей через противоположные в кеннингах (например, земля – «море оленей», а море – «земля кораблей»). Гуревич усматривает здесь аналогию с «примитивным мышлением», описанным антропологом Л. Леви-Брюлем, – человек начала эпохи викингов видел мир нераздельным. Эта мифологическая подоплека объясняла ему действительность. Сюжеты из жизни простых людей приобретали метафизическую масштабность, а мифы,

[1] Ке́ннинг – замена существительного обычной речи двумя словами, часто встречающаяся в поэзии скальдов.

наоборот, сливались с повседневностью. Так, резкое изменение в мышлении, вызванное не самими контактами с незнакомым миром, а внутренней реакцией на них, оборачивалось разрывом с прежним укладом жизни, индивидуализацией и ростом самосознания в обществе, которые кристаллизовались в произведениях искусства, погребениях, руническом письме [5].

Таким образом, вклад А.Я. Гуревича в отечественную медиевистику остается существенным. Во-первых, ему принадлежит первая обобщающая монография по данной теме, где походы норманнов рассматриваются с разных сторон как самостоятельное явление, существенно повлиявшее на ход всемирной истории, а особенно на генезис феодализма в Западной Европе. Во-вторых, автор выходит за рамки существующего в СССР методологического канона – дистанцируется от «норманнской проблемы», практически не ссылается на классиков марксизма, использует на примере последней статьи структуралистский подход, закладывая основы нового направления в исторической науке – исторической антропологии. Помимо всего, А.Я. Гуревич уникален своей исследовательской фокусировкой на ментальной культуре скандинавов. Наконец, историк вводит в оборот советской медиевистики обширные данные зарубежной историографии, археологии и антропологии.

Источники и литература

1. Гуревич А.Я. Почему Я скандинавист? Опыт субъективного осмысления некоторых тенденций развития современного исторического знания // Избранные труды. «Эдда» и сага. 4-е изд. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 5–12.

2. Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. 3-е изд. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 352 с.

3. Хлевов А.А. Кто такие викинги. СПб. : Евразия, 2021. 224 с.

4. Гуревич А.Я. «Генезис феодализма» и генезис медиевиста. Злые мемуары в роли предисловия // Избранные труды. Древние германцы. Викинги. 3-е изд. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 5–22.

5. Гуревич А.Я. Начало эпохи викингов / Ульвдалир. Эпоха викингов. Хальвдан, 2021. URL: http://ulfdalir.ru/literature/735/751 (дата обращения: 09.05.2021).

УДК 94(47+57)"1918/1922":94(73)"1861/1865"

Г.А. Бурцев

Образ побежденного на примере отношения к Белому движению в РФ и к Конфедерации в США

Секция I: *Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы*

В статье кратко изучен и сравнен опыт гражданских войн в США и Советской России для возможности анализа современного восприятия образов белогвардейцев и конфедератов. Сделан вывод о значении образа побежденного в социально-политическом аспекте.

Ключевые слова: Гражданская война, поражение, идеология, власть, общество, восприятие истории

Каждое новое поколение граждан разных стран начинает изучать события истории своих государств с новых сторон. Это касается всех событий, и немалое внимание привлекают войны, в том числе гражданские. При изучении материалов возник вопрос: кем являются побежденные в гражданских войнах для современной государственной системы образов? Составными частями этого образа является полное военное, моральное и идеологическое поражение в войне. Поскольку охватить все сферы, в которых существуют данные образы, в рамках существующего исследования не представляется возможным, есть вероятность изучить один из аспектов – социально-политический. Для возможности объективной оценки отношения следует ввести следующие критерии оценки отношения: качество упоминания данных образов политическими лидерами и СМИ (т.е. в каком контексте образы упоминаются); отношение к образам в мемориальном отражении – памятникам, названиям (т.е. степень сохранности, появление новых объектов). Есть необходимость, прежде всего, рассмотреть это отношение в двух важнейших державах мира: России и США. Согласно гипотезе исследования, в нынешних США власть старается забыть Конфедерацию как неприятный эпизод в истории, а в РФ образ Белого движения использован правительством как доказательство необходимости единства нации. Это объясняет и важность подобного исследования – рассмотрение коренным образом различных систем построения национального единства – необходимого для любой страны элемента.

Начало Первой мировой войны обнажило множество проблем Российской империи. Экономические трудности [1. С. 27] сопровождались затягиванием военных действий. Падение монархии вызвало распад всех институтов и идей, с ней связанных. Различные политические силы – в первую очередь, «красные» и «белые» – вступили в борьбу за власть [2. С. 36]. Это обусловливало чрезвычайную многогранность противоречий между сторонами конфликта. Эта многогранность и зачастую крайнее различие идей противоборствующих сторон выражались в жестоком обращении с противником. Однако ряд факторов оказался благоприятен именно для большевиков. К примеру, в рядах «белых» нарастали идеологические противоречия между различными группами, которых захватившие власть большевики не допускали в своих рядах [3. С. 251]. Различные факторы позволили «красным» вести успешное наступление по всем фронтам. Это оказало сильное влияние на моральное состояние сил, боровшихся против большевиков, и привело к поражению в войне [4. С. 17].

Большевики, вышедшие из Гражданской войны победителями, на протяжении существования Советской России определяли отношение людей к Белому движению [5. С. 25–26]. Белые показывались врагами рабочих и крестьян, пособниками иностранных капиталистов. Но распад СССР сильно изменил приоритеты. Потребовалось определить новый вектор развития российского общества, и этот вектор многие стали искать в прошлом. Варианты развития общества, выдвигаемые различными членами Белого движения, стали для некоторых специалистов наиболее оптимальными для России [6]. Однако власть решила конструировать новое российское общество на единстве граждан Российской Федерации независимо от социального слоя. Предполагалось, что Гражданская война и Белое движение с имеющимся резким идеологическим расколом достаточно опасны для создания подобного единства. Образы Гражданской войны и Белого движения оказались менее заметными и в восприятии общества, и в процессе мемориализации. На основании проведенных исследований специалисты сделали вывод: нынешние граждане имеют крайне смутные представления о Гражданской войне и ее участниках [7. С. 108–109]. Возможной причиной этому можно считать то, что свидетельства со стороны Белого движения оказались разбросаны по всему миру вместе с потомками эмигрантов, а те же, кто остался в Советской России, в большинстве своем предпочитали умалчивать об этом отрезке своей биографии.

Для США периода середины XIX в. существовал важный вопрос, способный расколоть граждан, – вопрос рабства. Из него возникал конфликт внутри правящих элит; это означало, что политическая борьба велась между представителями одного социального слоя, а не нескольких. Плантаторы стремились подстроить систему рабства под современную им эпоху ради установления господства на всей территории США [8. С. 8, 37]. Конфликт элит привел к тому, что часть штатов заявили об отделении от Союза и начали боевые действия. Своё слово сказала государственная пропаганда: нападение сил Юга моментально привело к разделению граждан на патриотов и предателей [9. С. 274]. Росли патриотические настроения совместно с принятием закона об отмене рабства [8. С. 155]. Отмена рабства привела к поражению основной идеи Конфедерации. Это дестабилизировало обстановку на Юге. Поскольку набор армии из рабов считался невозможным, политика рабства стала способствовать поражению сил Конфедерации в боестолкновениях [9. С. 832]. Вскоре войска южан начали капитулировать.

Относительно спокойное завершение войны позволило сторонникам Конфедерации свободно жить на территории США. Они оставались у власти в различных штатах, и это позволило в конце XIX в. провести кампанию по созданию мемориалов и памятников в честь героев Конфедерации. Однако уравнивание в правах представителей всех рас привело к попыткам изменить отношение людей к этой части истории страны [10. С. 94]. В наши дни ситуация приобрела многогранный аспект – проблема Конфедерации стала восприниматься как часть проблемы расизма. Это доказывает изучение опросов по поводу сохранения или сноса мемориалов [10. С. 95]. Власть пошла по пути создания и поддержания единства американской нации с помощью создания истории без конфликтов между представителями различных слоев США. При этом уничтожается всё, что не попадает под данный критерий. Это было заметно по массовому сносу памятников, проходившему летом 2020 г. Происходившие события объяснялись различными политическими и общественными силами как правильная интерпретация происходивших в прошлом событий [11. С. 22]. При этом президент США Дональд Трамп заявлял, что демонстрация символов Конфедерации и сохранение ее наследия являются вопросом свободы слова [12]. Здесь уже появляется элемент политической борьбы двух важнейших партий в Америке. При этом многие граждане США

имеют возможность изучить свою родословную, благодаря чему знают о своих предках-конфедератах [13]. Из-за этого вопрос об образе Конфедерации принимает вид вопроса о личной истории, к которой человек относится крайне бережно.

Ознакомившись с ситуациями в двух государствах, имевших в своей истории серьезный внутренний конфликт, можно подвести итоги. Несмотря на то, что гражданские войны в обеих странах имели немало общего, в современном восприятии существует сильно различающаяся картина. Образ Белого движения оказывается крайне сложен в силу различных причин, как существовавших со времен Гражданской войны, так и появившихся в наше время. Отсутствие мощного культурного пласта приводит к слабому пониманию этого образа у граждан. Однако распад СССР и построение новой исторической парадигмы позволяют смягчить этот образ в глазах властей. Белое движение уже не считается враждебным, но его включение в исторические нарративы затруднено из-за большой идеологической сложности. Образ Конфедерации имеет немало отличий от образа Белого движения в идеологическом плане. Глубокая личная память части американского общества позволяет активно использовать этот образ в современном мире. Попытки правительства отказаться от наследия Конфедерации из-за изменения социально-политической ситуации вызывают жесткую ответную реакцию и внутреннюю борьбу. Видно, насколько различен подход РФ и США к использованию подобного исторического наследия. Различие подходов (а именно это было центральным в выдвинутой гипотезе) и обусловливает актуальность продолжения исследования в данном направлении.

Источники и литература

1. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 376 с.

2. Розенберг У.Г. Революция и контрреволюция: синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920 годы) // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 35–62.

3. Харчук А.А. Роль иностранного фактора в Гражданской войне в России // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.). М. : Институт наследия, 2016. С. 249–253.

4. Шепелева В.Б. Гражданская война как второе издание политического этапа Октябрьской революции // Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.). М. : Институт наследия, 2016. С. 13–20.

5. Волков Е.В. Так говорили вожди: лики Белого движения в официальной риторике руководителей Советского государства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2006. № 17 (72). С. 25–29.

6. Каплиев А.С. О Белом движении в современной России // Сайт Российской круглосуточной информационно-разговорной радиостанции «Эхо Москвы». М., 2013. URL: https://echo.msk.ru/blog/kapliev/1032766–echo/ (дата обращения: 13.02.2022).

7. Ананченко А.Б., Шаповалов В.Л. Менталитет современной российской молодежи: отношение к Гражданской войне 1917–1921 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 1. С. 100–111.

8. Куропятник Г.П. Вторая американская революция. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1961. 264 с.

9. McPherson G.M. Battle Cry of Freedom. The Civil War Era. New York, 1988. 904 p.

10. Белов С.И. Конфликт в США вокруг мемориалов Конфедерации // США & Канада: экономика, политика, культура, 2019. № 49(4). С. 92–107.

11. Травкина Н.М. Ожившая история США: гражданская война памятников // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 2. С. 12–29.

12. Trump says flying Confederate flag is a «freedom of speech» issue // CBS Evening News. Paramount, 2022. URL: https://www.cbs.com/shows/cbs_evening_news/video/SUgbsNu91Tp6bq0uJlnmSJcqXinzSWQc/trump-says-flying-confederate-flag-is-a-freedom-of-speech-issue/ (дата обращения: 01.05.2022).

13. Гейгин Т. Американцы спорят о флаге Конфедерации // Русская Служба BBC. Рига, 2013. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/08/130830_usa_confederate_flag (дата обращения: 08.02.2022).

УДК 061.1

Е.В. Былков

Влияние PESCO на трансатлантические отношения в перспективе 2020-х гг.

Секция VI: *Запад в новых исторических реалиях: от осмысления прошлого к формулированию будущего*

Статья предоставляет характеристику ОПБО 2010-х гг. в условиях образовавшихся военно-политических разногласий между США и ЕС в

НАТО. Внимание уделено роли ОПБО внутри интеграции ЕС, ее институциональным недостаткам, ориентирам модернизации, нашедшей воплощение в запуске Постоянного структурированного сотрудничества (PESCO). Прогнозирование результатов проектной деятельности участников PESCO осуществляется для ответа на вопрос: как меры военно-политической интеграции (стимулирование европейских ВПК, повышение уровня мобильности военных структур) могут восприниматься в контексте развития НАТО со стороны США, какую динамику дальнейших отношений в перспективе нынешнего десятилетия могут вызвать.
Ключевые слова: ОПБО, ЕС, НАТО, трансатлантические отношения

В ближайший период после окончания «холодной войны» государства ЕЭС фиксируют переход на новый уровень экономической и политической интеграции подписанием Маастрихстского договора в 1992 г. На данном этапе подходы многостороннего взаимодействия наполняются новыми терминами. Так, Общая внешняя политика и политика безопасности, кодифицированная в договоре, представляет основу для согласования внешнеполитических позиций государств-членов ЕС [1. С. 95]. С проявлением этнических и территориальных конфликтов, «замороженных» в годы биполярного противостояния в балканском регионе, возросла необходимость консолидации в вопросах жесткой силы в целях самостоятельного разрешения кризисов, воздействующих на состояние безопасности отдельных стран и стабильность развития интеграционного объединения в целом.

В мировой политике нет государств регионального и тем более глобального значения, не обладающих оперативным военным потенциалом. В ОВПБ государства ЕС отводят роль планирования и использования жесткой силы Общей политике безопасности и обороны (ОПБО). Согласно Лиссабонскому договору, это – неотъемлемая часть ОВПБ, цель которой предоставить ЕС оперативный потенциал военных и гражданских активов и кадров. ОПБО используется за пределами союза для поддержания мира, предотвращения конфликтов и укрепления международной безопасности в соответствии с Уставом ООН [2. С. 37].

Опираясь на доклад Х. Соланы[1] «A Secure Europe in a better World» 2003 г., ЕС выделяет в качестве угроз общей безопасности терроризм,

[1] Верховный представитель по общей внешней политике и политике безопасности с 18 октября 1999 г. по 1 декабря 2009 г.

распространение ОМУ, региональные конфликты и организованную преступность [3. С. 5]. Региональные события 2010-х гг. – такие кризисы, как Арабская весна, конфликт на востоке Украины, расширение ИГИЛ[1] в Сирии, обстановка перманентной нестабильности в Афганистане, читаются в категориях угроз доклада Соланы, представляя собой один из стимулов продвижения новой политики обеспечения безопасности. Вместе с этим поиск внутреннего консенсуса по структурному усовершенствованию на фоне выхода Великобритании (скептической стороны в вопросах европейского оборонного развития) из ЕС стимулирует углубление военно-политической интеграции.

В течение 2000–2010-х гг. ЕС удалось совершить шаги в направлении практического использования жесткой политики. Соперничая с НАТО (при подготовке операции «Алтея» в Боснии и Герцеговине 2004 г., например) в перехвате инициативы управления кризисами, ЕС приобрел опыт, показавший, что военно-политические структуры его стран не отличаются высокой взаимосвязанностью.

На сегодняшний день неэффективность института ОПБО проявляется в отсутствии гармонизации вооружения. Так, совокупно к военной эксплуатации в ЕС принято 178 систем вооружений [4. С. 46], что при дальнейшей интеграции затруднит потенциальное многостороннее оперативное взаимодействие, планирование и регулярную эксплуатацию. Также отмечается невысокая интенсивность развития военно-тренировочных структур, логистики в границах ЕС, неподготовленность путей транспортировки техники из одной части континента в другую. Отсутствие опыта применения европейских боевых групп[2] в совокупности с ограниченностью их укомплектования рассматривается как еще один заметный пробел интеграции.

Как институт ОПБО после принятия Лиссабонского договора 2009 г. фреймировал углубление военно-политической интеграции государств через Постоянное структурированное сотрудничество (PESCO), однако

[1] ИГИЛ (или ДАИШ) – Исламское государство Ирака и Леванта – запрещенная в РФ террористическая экстремистская организация, ведущая активные боевые действия преимущественно на территории Сирийской республики 2013–2019 гг. с целью образования государства, основанного на праве шариата.

[2] Многонациональные формирования, включающие около 1,5 тыс. военнослужащих, предназначенные для оперативного мгновенного развертывания.

конкретного плана мер не было выработано, вопрос развития ОПБО оставался открытым. Запрос на углубление военно-политической интеграции в ЕС возник в 2010-е гг. на фоне напряжения взаимодействия в НАТО. Ключевая проблема лежала в плоскости финансовых противоречий между США, играющими роль центра военно-политического блока, и ведущими экономиками ЕС, чья справедливость участия ставилась под сомнение администрацией Д. Трампа. Внутренние слабые стороны ОПБО тем более становятся актуальными, чем большее напряжение приобретают трансатлантические отношения, приводя к невозможности «закрыть» собственные пробелы военно-политического развития потенциалами НАТО, например, через Берлин-плюс.

Совокупная повестка 2010-х гг. отразилась в Глобальной стратегии безопасности 2016 г. Стратегия акцентировала на взаимозависимости безопасности ЕС от обстановки на юге и востоке континента, выдвигая комплексный подход к урегулированию конфликтов и ставя в приоритет обеспечение безопасности граждан ЕС вместо миротворческих миссий. Особую поддержку встретила инициатива усиления оборонных возможностей путем объединения национальных ресурсов [5. С. 4].

Следующим за обнародованием ГСБ мероприятием стало проведение саммита глав государств. Возможно, именно отсутствие представителя от Великобритании на нем повлияло на принятие решения о запуске PESCO. Спустя год на фоне итогов майского саммита НАТО[1] и G7 (по итогам встреч прозвучало высказывание А. Меркель о необходимости брать [Европе] все в свои руки [6]) 13 ноября 2017 г. было подписано соглашение о PESCO [6. С. 1].

PESCO в практической плоскости на сегодняшний день представляет собой сотрудничество 25 государств ЕС (Мальта и Дания не включены), которые обязались следовать 20 установкам кооперации. К ключевым из них относятся увеличение оборонного бюджета в целом, а также последовательное среднесрочное увеличение инвестиций в оборону, стимулирование капиталовложений в научно-исследовательскую деятельность (до уровня 20 и 2% от национальных оборонных бюджетов соответствен-

[1] По итогам саммита отмечалась атмосфера недружелюбия между лидерами ЕС и представителями США; Трамп в ходе встречи склонил европейских коллег к увеличению вкладов в бюджет НАТО до 2 % ВВП, не менее 20 % из которых должны определяться на модернизацию вооруженных сил.

но). Участие является действительным, если государство задействовано в работе как минимум одного проекта развития [7. С. 2].

Сотрудничество определяется межгосударственной деятельностью по продвижению ОПБО в контексте указанных выше недостатков в рамках 46 проектов, которые подразделяются на направления по усовершенствованию совместных средств наземного базирования, логистики и мобильности; ВВС; кибербезопасности; военно-учебных программ и учреждений; военно-морской техники и систем; космического наблюдения [8. С. 2].

PESCO требует обязательного подхода к выполнению через увеличение национального финансирования в связи с широким списком намеченных проектов, ведение строгой отчетности каждого государства за прогресс выполнения в соответствии с Национальным планом реализации (National Implementation Plan). По инициативе Европейского оборонного агентства образован институт трансграничной финансовой поддержки проектов исследований и разработок военной техники ЕС – Европейский фонд обороны с бюджетом в 1,2 млрд евро на 2021 г. (на период 2021–2027 гг. запланирован бюджет в 8 млрд евро) в целях упреждения возможных финансовых препятствий.

Отдельное внимание уделяется учреждению вспомогательных органов, ответственных за проведение анализа оборонной политики. Осуществив пробный цикл 2017/18 гг., с 2019 г. Скоординированный ежегодный обзор по вопросам обороны (Coordinated annual review on defence – CARD) изучает деятельность оборонных структур государств ЕС в общем контексте прогресса в целях выявления потенциальных сфер межгосударственного согласования исследований и разработок [9. С. 3]. Образование CARD – прагматический шаг Совета ЕС, позволяющий усилить наднациональный характер кооперации, избежать издержек, не допуская ведения идентичных разработок в разных странах.

В контексте ОПБО PESCO представляется централизующим инструментом, направляющим государственные позиции по усовершенствованию обороны и безопасности в единое русло.

Ранее подобных систематических мер ЕС не предпринимал, и в экспертной среде возникает вопрос – что это может означать для трансатлантических отношений, неразрывно связанных с архитектурой европейской безопасности? В конце 2010-х гг. в экспертной среде популярным был скептицизм в отношении PESCO, допускалось, что деятельность в

этом направлении не состоится ввиду низкой заинтересованности государств в новых механизмах, обременяя себя финансовыми затратами, стимулируя ВПК и снижая уровень потенциального инвестирования в иные сферы (здравоохранение, образование) при имеющемся институте обороны НАТО [10. С. 10].

Сегодня, наблюдая, во-первых, принятые на национальных уровнях обязательства, условия регулярной отчетности прогресса их исполнения на протяжении 2021–2027 гг., во-вторых, деятельность органов по контролю исполнения, в-третьих, институт финансовой поддержки исследовательской деятельности, необходимо признать уже проявленную совместную волю движения стран ЕС в рассматриваемом направлении. При условии осуществления планов проектов в установленный срок ЕС усовершенствует внутреннюю логистику, оформит трек унификации вооружения вследствие стимулирования национальных ВПК и совместных НИОКР, а также повлияет на уровень интенсивности и качества военного обучения и мобильности военных потенциалов. Совокупность данных мер позволит совместно оптимизировать издержки на оборонную политику, создать условия, при которых национальные оборонные структуры будут более совместимы друг с другом. С одной стороны, данный вариант развития событий неуклонно укрепит «европейский столп» НАТО – предоставит больше возможностей эффективного проведения силовой политики как в трансатлантических интересах, так и отдельно в интересах ЕС. С другой стороны, тренд унификации вооружений, интенсификации НИОКР и повышение спроса со стороны национальных военных структур на новые образцы вооружений не являются желательными для США, чей ВПК, как и само государство (как показывала протекционистская политика Д. Трампа), заинтересованы в сохранении статуса главных производителей вооружения в странах НАТО. При успехе PESCO американские компании встретят усиление конкуренции на европейском рынке, ослабление контроля военно-политической обстановки в регионе.

Наименее вероятным вариантом развития событий настоящего десятилетия является сценарий, при котором крепкие трансатлантические отношения достигнут максимального напряжения и приведут к «трансатлантическому размежеванию», повысив вероятность угроз, озвученных Д. Трампом: присутствие войск США на территории Европы будет сокращаться, гарантии взаимной помощи поставлены под сомнение. Но при

данном сценарии должно рассматриваться достижение такого уровня военно-политического взаимодействия, при котором страны ЕС-27 будут находиться в полной безопасности и без обеспечиваемой пятой статьей Устава НАТО гарантии взаимной военной поддержки.

Источники и литература

1. Treaty on European Union (Maastricht, 7 February 1992). [S. l., s. a.]. URL: https://europa.eu/europeanunion/sites/default/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf (access date: 20.10.2021).

2. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community. [S. l., s. a.]. URL: https://eur–lex.europa.eu/legal–content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2007:306:TOC (access date: 20.10.2021).

3. A Secure Europe in a Better World. [S. l., s. a.]. URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST–15895–2003–INIT/en/pdf (access date: 20.10.2021).

4. НАТО versus PESCO: экономические аспекты / В.В. Воротников, Н.П. Грибин, Д.А. Петляева [и др.] // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 6. С. 40–50.

5. Могерини: Глобальная стратегия позволит ЕС реализовать свой значительный потенциал. 18.10.2016 // Европейская служба внешних связей. [S. l], 2016. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters–homepage/12278/mogerini–globalnaya–strategiya–pozvolit–esrealizovat–svoy–znachitelnyy–potencial_ru (дата обращения: 01.11.2021).

6. «Merkel sieht in den USA keinen verlässlichen Partner mehr» Veröffentlicht am 28.05.2017. [S. l], 2017. URL: https://www.welt.de/politik/deutschland/article165008816/Merkel-sieht-in-den-USA-keinen-verlaesslichen-Partner-mehr.html (access date: 20.10.2021).

7. Notification on Permanent Structured Cooperation (PESCO) to the Council and to the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. [S. l, s. a.]. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/31511/171113–pesco–notification.pdf (access date: 20.10.2021).

8. Permanent Structured Cooperation – PESCO Deepening Defence Cooperation among EU Member States. [S. l, s. a.]. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/pesco_factsheet_2021–05–version–2.pdf (access date: 20.10.2021).

9. 2020 Card Report Executive Summary. [S. l, s. a.]. URL: https://eda.europa.eu/docs/default–source/reports/card–2020–executive–summary–report.pdf (access date: 20.10.2021).

10. Никуличев Ю.В. «Пробуждение спящей красавицы»: программа PESCO между атлантизмом и европеизмом // Проблемы европейской безопасности. 2018. № 3. С. 47–63.

УДК 398.2

В.С. Глинкин

Низкий герой волшебной сказки у чжуан: евразийские параллели

Секция IX: *Этнокультурное многообразие Евразии в историческом контекстсте*

В статье рассматривается фольклор чжуан, крупнейшего национального меньшинства КНР. Приводятся примеры проявления распространённого в мировом фольклоре сюжета об угнетаемом младшем родственнике в чжуанских сказках. Рассматриваются влияние ханьской культуры на чжуанские сказки и мотив «собака пашет землю», появление которого в сказках чжуан говорит о влиянии на них австронезийских народов, населения Южного Китая, Вьетнама и более южных районов.

Ключевые слова: чжуаны, сказки, фольклор, «низкий герой», ханьская культура

Чжуаны являются самым большим этническим меньшинством из 55 официально признанных правительством в КНР.

Темой данной работы является чжуанская культура, а в более узком смысле – чжуанские сказки.

Источниковая база исследования – чжуанские сказки, собранные и скомпонованные в сборник М. Милликен [1]. Уезд Умин, где были собраны сказки, является столичным уездом Гуанси-Чжуанского автономного района КНР, единицы национально-территориальной автономии чжуан на уровне провинции.

Материалы собраны автором сборника от информантов-чжуан в 90-е гг. XX в. В рамках одной книги, разумеется, можно представить только небольшую часть наследия устной культуры народа. Однако важной особенностью именно этих историй является то, что они бытовали в устном творчестве и рассказывались на публику. Книга издана на трёх языках: чжуанском, китайском и английском. Сказки в книге разделены на следующие части: истории о добродетелях, истории о храбрости и трудолюбии, ум и креативность, волшебные сказки, детские сказки, борьба хитрецов.

В основе работы лежит мнение в том, что сказки, хотя и имеют во многом сходное строение в разных культурах (например, В.Я. Пропп выделил функции сказочных персонажей, которые применимы для большинства сказок в мире), но каждый фольклорный текст также имеет и уникальные черты, которые могут стать предметом исследования.

В данной статье рассматриваются истории *о низких героях.*

Традиционным героем собранных чжуанских сказок является «низкий» человек, младший брат, сестра, обижаемый сирота, который в конце концов побеждает своих гонителей. В принципе, все сказки в сборнике посвящены «низким героям», хотя не все они именно волшебные.

Например, первая сказка сборника, входящая в раздел «О традиционных добродетелях», говорит о двух братьях-сиротах [1. P. 38]. Старший обманывает младшего при дележе наследства родителей, единственного быка. Старший получает быка, младший – многоножку. Многоножку съедает курица. Курицу – собака. Хозяин собаки ему её отдаёт, младший брат учит собаку пахать поле. Старший узнаёт об этом, крадёт собаку, пытается пахать на ней, не получает желаемого и убивает собаку. Младший в горе уходит из деревни, приходит в храм *мяо,* там видит фей, ест их еду, уходит обратно. Старший хочет также обмануть фей, феи его ловят. В результате старший лишается носа.

Во второй сказке бедная обделённая героиня – старшая сестра. Младшая её обманывает, заставляет работать без награды. В результате обманутая старшая встречает на дороге старика, находит змей и готовит из них суп. Суп в горшке на утро оказывается золотом. Младшая ленивая сестра в конце сказки беднеет.

В очередной сказке под названием «Собака пашет поле» сюжет о собаке, которая пашет поле, повторяется. Младший брат не получает ничего, кроме насекомого из хвоста быка, которого поделили. Насекомое съедено курицей, курица съедена собакой. Собака оказывается волшебной, пашет поле. Старший брат её убивает из ревности, на могиле собаки вырастает бамбук с золотыми монетами на ветвях. В конце старший брат в результате ещё нескольких поворотов сюжета гибнет, сброшенный в тыкве со скалы.

В социально-бытовых сказках, например сказках о Цзуйгуне, главный герой – тоже обездоленный член семьи. В предыстории к серии историй об этом герое сказано: *В деревне жил бедняк по имени Цзуйгун, и жил глупый богач. Родители Цзуйгуна давно умерли. У Цзуйгуна было только поле чуть больше одного му (0,06 га) У глупого богача было три дочери, старшую он отдал за Цзуйгуна. Цзуйгун работал у тестя много лет, но получал за свой труд едва ли чашку пустой рисовой каши. В конце концов он ушёл обратно к себе, забрав жену и детей, и стал подшучивать над тёщей.*

С социальной точки зрения Цзуйгун представляет собой типичного «низкого героя», обижаемого родственниками. В сказках всегда сюжет начинается с того, что Цзуйгуна обижают, не платят ему за работу, или игнорируют. Хотя он – член семьи и муж старшей дочери. Эта несправедливость вынуждает его мстить родственникам: в первых сказках – обманывать тёщу, в дальнейшем – других членов семьи, мужей сестёр своей жены. Месть его бывает довольно жестокой: если в первой сказке он просто обманом пробирается на пир, чтобы хорошо поесть, то дальше он ворует корову у своей семьи, продаёт её на рынке и обставляет это как происки злых сил. В дальнейшем он обманывает своего тестя при дележе наследства и получает из трёх оставшихся коров две. После смерти тёщи мужья младших сестёр его жены оскорбляют его на поминальном пиру, он обмазывает их навозом.

Здесь нужно сделать уточнение касательно принятых по обычному праву чжуан правил наследования – имущество родителей по их смерти переходит к старшему сыну. Замужние дочери не получают наследства. Незамужние младшие дочери могут получить незначительную его долю.

По словам Е.М. Мелетинского, идеализация младшего брата отнюдь не случайна, это «социальное явление… частное выражение (специфичное для волшебной сказки) протеста против возникающего в период разложения родового строя классового неравенства» Имеется в виду, что во времена матриархата старшие сыновья уходили в род жен, а младший оставался с родителями и становился наследником дома (так как у старших сыновей уже были дома). По такому принципу и возник минорат – ситуация, когда к младшему ребенку в семье переходит имущество родителей. С воцарением патриархата старшие братья стали оттеснять младших, поэтому возник майорат. «Майорат не только делал нищими сыновей многих знатных семейств (при феодализме), но и приводил к выделению целых “младших” ветвей знатных семейств, ветвей, опускающихся в социальные низы. Майорат восторжествовал в феодальном классовом обществе. Победа майората над миноратом сделала младшего сына социально обездоленным» [2. С. 30].

В этой связи месть Цзуйгуна и победу обездоленного младшего брата в первых сказках можно расценить как месть не просто за себя, а за нарушение традиций и разрушение принятых обычаев: например, делёж наследства при живых родителях, нарушения прав наследования и т.д.

О евразийских параллелях, прежде всего, говорит яркое ханьское влияние: указание площади рисового поля в му, традиционной мере площади в Китае, обычаи жертвоприношений, наличие чиновничьей печати, избегание опасности потери лица, упоминание заливного рисоводства, использование китайского термина *ямынь* для обозначения присутственного места. Описываемый в сказках быт чжуан сходен с бытом народов, проживающих в этом регионе Евразии: заливное рисоводство как основа хозяйства, использование волов, лошадей, собак, кур, бамбука и т.п.

Что касается более глубинных параллелей, интересно проследить сюжет «собака пашет землю», встречающийся в выбранных сказках. Этот сюжет, который фигурирует в повествовании о разделе наследства, китайские фольклористы находят впервые ещё в эпоху Тан, указывая, что этот мотив встречается «у многих народов Китая». По данным Е.Ю. Берёзкина и Е.Н. Дувакина [3], Е.М. Мелетинского, этот сюжет встречается у народов лису, сани (ветвь народа ицзу), чжуан. Хотя этот сюжет китайскими исследователями выделяется как китайский, он встречается в основном на территории Южного Китая, Вьетнама и более широко – Индокитая, что может говорить о влиянии пришедших с юга групп населения на этническую картину Южного Китая.

Кратким выводом служит то, что в чжуанских сказках можно увидеть очень большое влияние китайской (ханьской) культуры. Это связано с рядом объективных причин, прежде всего с особенностями этногенеза чжуан, проходившего в течение последней тысячи лет в тесном контакте с ханьцами. Но мотивы, лежащие в основе сказок, говорят о влиянии на чжуан представителей австронезийских народов.

Источники и литература

1. Milliken M. At Grand-father's knee – Zhuang folk tales from Wuming. Beijing : Nationalities Press, 2002. 405 p.

2. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М. ; СПб. : Академия исследований культуры, Традиция, 2005. 240 с.

3. Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. K56B. «Достойный награжден, недостойный наказан» // RUTHENIA. Объединенное гуманитаное издательство. Кафедра русской литературы Тартуского университета. Тарту. URL: https://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/k56b.html

УДК 9. 93/94

А.М. Горбунова

Культура народов Центральной Азии в трудах А.В. Потаниной

Секция IX: *Этнокультурное многообразие Евразии в историческом контексте*

В статье исследуется специфика «женского» понимания этнографической проблематики на примере исследовательской деятельности А.В. Потаниной. В XIX в. выбор женщиной профессии ученого порицался консервативной частью общества. Но А.В. Потанина, все же выбрав путь одной из первых отечественных женщин-этнографов, с художественно-этнографической стороны показала научному сообществу новые ранее недоступные грани быта азиатских народов и способствовала начавшемуся процессу феминизации науки.

Ключевые слова: Александра Викторовна Потанина, женщина-этнограф, Центральная Азия

Традиционно для XIX в. научная деятельность рассматривалась как преимущественно «мужской» род занятий. Имена женщин только начинали появляться в научном сообществе в связи с зарождающимся процессом женской эмансипации и связанным с ним включением женщин в систему высшего образования, хоть и в крайне ограниченных рамках. Несмотря на появление Высших женских курсов, поддержку прогрессивно мыслящей интеллигенции и зачисление в 1860-х гг. в Петербургский университет первых студенток (Н. Корсина, А. Кравцова, М. Богданова и др.), консервативная политика в решении данного вопроса, дискриминация девушек в стенах учебных заведений не позволяли сделать образование в Российской империи открытым вне зависимости от пола. Но все же процесс был запущен, постепенно происходила феминизация науки, и область этнографии не стала исключением. XIX в. подарил целую плеяду известных женщин-этнографов, в числе которых немаловажное место занимала Александра Викторовна Потанина.

А.В. Потанина прошла долгий путь от преподавательницы в епархиальном училище до путешественницы и исследовательницы народов Центральной Азии. Статус старшей дочери священника сулил «зачисление» за ней места отца, Виктора Николаевича, после ее женитьбы. Но укорененное чувство несправедливости вследствие «такого грубого принудительного соединения навеки, «из-за места», судьбы двух лиц» [1. С. XVIII], а также

интерес к научным изысканиям, пытливый ум и поддержка младших братьев изменили предначертанное ей будущее. Валериан Викторович Лаврский занял место священника после смерти отца, освободив сестру от обязанности вступать в брак и вести впоследствии глубоко религиозный образ жизни. Особую роль в процессе становления А.В. Потаниной как этнографа сыграл ее супруг Григорий Николаевич Потанин – общественный деятель, фольклорист, этнограф и один из главных идеологов сибирского областничества. Именно их случайное, но судьбоносное знакомство задало новый вектор развития Потаниной уже как одной из первых женщин-этнографов Российской империи второй половины XIX в.

А.В. Потанина принимала участие в четырех экспедициях, направленных по поручению Императорского Русского географического общества в разные регионы Центральной Азии: Северо-Западная Монголия (1876–1878 гг.), Тува (1879–1880 гг.), Китай и Тибет (1884–1886 гг., 1892–1893 гг.). Руководителем данных путешествий был Григорий Николаевич, а Александра Викторовна, по ее словам, выполняла роль главной помощницы в исследовательской работе мужа. Критик, историк искусств и общественный деятель Владимир Васильевич Стасов в «Моих воспоминаниях об Александре Викторовне Потаниной» отмечает: «Она постоянно отвечала мне: “Куда я еду? Зачем? Помогать мужу. Что он укажет, чем он сам будет заниматься, тем и я. Ему нельзя поспеть все сделать – у него столько хлопот, столько работы, вот я и вздумала делать все, чего он не поспеет”...» [2. С. 241]. В первых экспедициях А.В. Потанина официально даже не числилась, несмотря на тот огромный объем работы, который она выполняла. В документации она значилась лишь «сопровождающей начальника экспедиции женой» [3. С. 16]. Но необходимо отметить, что Александра Викторовна в совокупности с хозяйственными делами, помощью в сборе ботанических, зоологических, энтомологических коллекций, записью метеорологических данных занималась и собственными этнографическими изысканиями по культуре азиатских народов: бурят, китайцев, монголов, тибетцев, урянхайцев, широнголов. Присутствие Александры Викторовны в составе экспедиции позволяло ей изучать недоступный для посторонних мужчин женский быт народов Центральной Азии, поскольку к женщинам местное население относилось с меньшим подозрением. Так, Потанина обладала возможностью общаться с женщинами, изучать их обычаи, наблюдать специфику семейных свя-

зей, присутствовать на церемониях, в которых принимала участие женская часть населения.

Работы А.В. Потаниной не только раскрывали неизвестные научному сообществу подробности из жизни азиатских народов, но и содержали сведения о тех препятствиях, с которыми сталкивались путешественники в течение пути. Ярким примером такого описания является ее труд «Из странствий по Урянхайской земле». В предисловии очерка она замечает, что данный регион во второй половине XIX в. «редкий из русских читателей знает хотя бы по названию» [1. С. 48]. В 1880–1890-х гг. Урянхайский край (Тува) был одной из провинций Китая, что затрудняло исследовательскую деятельность ученых, и интенсивное изучение региона началось с экспедиции под руководством Г.Н. Потанина. Одной из основных проблем был транспорт. Потанина в работе упоминает об особенностях перемещения по местности на верблюдах: «Несмотря на все меры, случалось, верблюд скользил и падал на бок и катился вниз по косогору до тех пор, пока какое-нибудь препятствие… не останавливало его. Смотреть на маету с верблюдами… было ужасно тяжело и скучно» [1. С. 62]. Кроме этого, зачастую членам экспедиции приходилось ночевать в степи, в шалаше, спать на земле, на снегу под открытым небом или на тонком войлоке и питаться корнями из нор полевых мышей и кротов. В целом специфика этнографических трудов Александры Викторовны заключается в подробном описании картин быта и природы исследованных стран, а также во включении в текст личных впечатлений, переживаний и рассказов местного населения. Это отличает ее как исследователя, например, от ее супруга, Григория Николаевича, который в предисловии к первому изданию своих очерков по Северо-Западной Монголии признал излишнюю лаконичность своих описаний и отметил, что ограничился изложением одних только фактов топографии и этнографии [4. С. 10].

А.В. Потанина не только писала и готовила к последующей публикации свои труды, но и создавала рисунки этнографического характера, изображая костюмы, предметы быта, украшения, орнаменты, особенности жилища и окружающей природы. В контексте этнографических зарисовок А.В. Потаниной стоит вновь обратиться к воспоминаниям В.В. Стасова. Григорий Николаевич познакомил жену с Владимиром Васильевичем в Санкт-Петербурге, и тот проявил исследовательский интерес к ее рисункам, поскольку изображенные на них украшения, по его

замечанию, имели важное значение не только для художества, но и для истории культуры и религии. Перед Александрой Викторовной до начала третьего путешествия В.В. Стасов поставил особую цель – собрать как можно больше материалов по художественно-этнографической части. В частности, он рекомендовал Потаниной внимательно присматриваться к любым встречающимся в Средней Азии вышивкам по полотну и предметам с эмалью. В «Моих воспоминаниях об Александре Викторовне Потаниной» Стасов высоко оценил результаты деятельности Александры Викторовны. Он заключил, что ее рисунки вышивок пролили новый свет на некоторые подробности домашнего быта русского народа, на древние связи России с Востоком, и благодаря А.В. Потаниной, горизонт этого вопроса широко раздвинулся и ушел в еще большую древность [2. С. 248].

Если возвращаться к препятствиям, которые встречались на пути Потаниной в течение экспедиций, нельзя не упомянуть в данном аспекте и о преградах психологического характера. Несмотря на признанные в профессиональном сообществе заслуги Александры Викторовны перед наукой, она не переставала сомневаться в значимости собственных научных изысканий, литературных произведений и рисунков. В разговорах она часто умаляла значение своей деятельности, например, про сочинения могла сказать такие слова: «Не знаю, зачем я вообще мараю бумагу, мое ли это» [5]. Подобное самовосприятие было характерно для женщин в XIX в., поскольку в социуме было принято, что женщины всегда находятся «за мужем». Александра Викторовна долгое время не считала стоящими внимания собственные проблемы со здоровьем, даже чувствовала неловкость в моменты припадков. В сборнике ее трудов «Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю» отмечается: «Болезнь не лишила ее обычного спокойствия и мужества и в заботах о других и о делах экспедиций она как будто игнорирует свое опасное положение...». Во время четвертой экспедиции Александре Викторовне стало хуже, и она скоропостижно скончалась, до последнего момента думая не о себе, а том, что оставляет без верной помощницы мужа, Григория Николаевича.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что научная деятельность Александры Викторовны Потаниной позволила осветить культуру народов Центральной Азии (бурят, китайцев, монголов, тибетцев, урянхайцев, широнголов) с новой художественно-этнографической точки зрения. В научный оборот впервые были введены зарисованные ею

во время экспедиций костюмы, наряды, орнаменты, вышивки, предметы домашнего обихода жителей Бурятии, Монголии, Тибета, Китая. Вклад А.В. Потаниной оказал влияние на начавшийся процесс постепенной феминизации науки. Ни физические трудности в виде сурового азиатского климата и постепенного ухудшения здоровья, ни укорененное в сознании чувство собственной малозначительности, второстепенности по сравнению с заслугами мужа не помешали Александре Викторовне стать одной из первых женщин-членов Императорского Русского географического общества первой выступить с публичным докладом в Иркутске о молочном хозяйстве бурят и получить золотую и малую серебряную медали ИРГО.

Источники и литература

1. Потанина А.В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю : сборник статей А.В. Потаниной : с биографией, портретом, пятью таблицами рисунков и 34 политипажами в тексте. М. : Издание Географического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1895. 296 с.

2. Стасов В.В. Мои воспоминания об Александре Викторовне Потаниной // Северный вестник. 1895. № 4. С. 239–250.

3. Полунина Н.М. Этнограф и путешественница Александра Викторовна Потанина // Тальцы. 2002. № 1 (13). С. 15–21.

4. Зарин В.М., Зарина Е.А. Путешествия А.В. Потаниной. М., 1950. 100 с.

5. Мацковская А. Потанина. Как дочь священника стала этнографом, путешественницей и художницей // Томский обзор. Томск, 2021. URL: https://obzor.city/article/659624---potanina.-kak-doch-svjashchennika-stala-etnografom-puteshestvennicej-i-hudozhnicej (дата обращения: 07.04.2022).

УДК 94(44)

А.И. Готка

Трансформация образа Вудро Вильсона на страницах газеты «L'Action Française»

Секция VI: *Запад в новых исторических реалиях: от осмысления прошлого к формулированию будущего*

В статье рассмотрен процесс трансформации образа Вудро Вильсона в газете «L'Action Française» на протяжении Первой мировой войны. Сначала нейтральный, Вильсон затем был наделен положительными красками и сравнен с французским монархом, что может быть объяснено борь-

бой Шарля Морраса с демократической французской прессой за утверждение образа президента США.
Ключевые слова: Аксьон Франсэз, Вудро Вильсон, Первая мировая война, Третья Французская республика, образ

Официальная печать французской монархической организации «Action Française» – одноименная газета – продолжала выходить на протяжении всего периода Первой мировой войны, давая комментарии по любому поводу, касающемуся военных действий и политики республики. Фигура президента Вудро Вильсона, как и вся политика США, нашли отражение на страницах монархической газеты.

Поскольку данный сюжет не привлёк особого внимания ни в отечественной, ни в зарубежной исследовательской литературе, цель данной работы – реконструкция в печати «L'Action Française» образа Вудро Вильсона на посту президента США. В качестве определения понятия «образ» автор использует определение, данное отечественными исследователями А.В. Голубевым и О.С. Поршневой, а именно – продукт общественного сознания, отражающий индивидуальные и групповые эмоционально окрашенные представления о различных географических, социокультурных, исторических феноменах [1. С. 6].

Основной источниковой базой исследования послужила газета «L'Action Française», которая впервые обратилась к фигуре Вудро Вильсона во время войны в выпуске от 12 апреля 1915 г. Поскольку затем на протяжении четырех лет фигура президента США то и дело опять возникала на страницах газеты, в 1919 г. руководитель организации Шарль Моррас даже опубликовал сборник своих статей под названием «Три аспекта президента Вильсона» [2. P. 4]. Учитывая лидирующее положение Морраса в идеологическом поле организации, представленные в исследовании статьи написаны именно его рукой.

Первая статья из этого цикла – «Беспристрастный зритель» (Le spectateur impartial) от 12 апреля 1915 г. уже в самом своем названии содержит вполне четкую характеристику, которую Шарль Моррас дал американскому президенту до вступления США в войну на стороне Антанты. Моррас стремился осудить позицию США в отношении воюющих держав и одновременно оправдать ведение войны со стороны Французской Республики. Он ссылается на статью «Дейли телеграф», которая приводит запись речи Вудро Вильсона в методистской церкви Мэрилен-

да. В своей речи Вильсон говорил, что наступили дни великих затруднений и долго сдерживаемые силы вырвались на волю, однако в них можно разглядеть порыв высоких идеалов, за которые сражаются страны.

По мнению Морраса, это означало, что Вильсон поддерживает все страны, участвующие в конфликте. А значит: «под бомбами, разрушающими Реймс и Санлис, Суассон и Лувен, под блеском штыков и сабель, отсекающих детские кисти, разрывающих животы беременных женщин, совершающих постыдные жестокости по отношению к безоружным старикам, излучаются высокие идеалы» [3. P. 2]. Моррас описывает противников Франции буквально как военных преступников, совершающих немыслимые по своей жестокости преступления, а президент Вильсон предстает нейтралом, который поддерживает как защищающуюся Францию, так и кровожадную Германию, не видя разницы в сторонах конфликта.

Следующее обращение к фигуре Вильсона состоялось 24 января 1917 г., т.е. за несколько месяцев до вступления Соединенных Штатов в войну. Статья «Ни победителей, ни побежденных» (Ni vainqueurs ni vaincus) начинается с описания франко-американского банкета в честь Вудро Вильсона, на котором присутствовал Моррас, а французская интеллигенция поднимала бокалы за здоровье «высшего магистрата дружелюбного и великодушного народа». Как мы можем наблюдать, риторика сильно изменилась, в статье Моррас обращается к посланию Вильсона, в котором говорится о необходимости в сильном главе государства, у которого есть совесть и воля избавить мир от его страданий. Такой призыв к «моральному поступку» Моррас сравнивает с похожим призывом «бошского короля», т.е. Вильгельма II, при этом замечая, что «призыв Вильсона – прямой и искренний, а у Вильгельма совершенно лицемерный, представляющий состояние упадка и варварства»[4. P. 3].

Последующие статьи вплоть до вступления США в войну были посвящены идеям Вильсона о послевоенном устройстве мира. Так, статьи «Кант и мистер Вильсон» (Kant et M. Wilson) и «Кантианский пацифизм против мира» (Le pacifisme kantien contre la paix), ссылаясь на схожую риторику, снова проводят аналогию между философией Вудро Вильсона и Вильгельма II, а вместе с ним и философией Иммануила Канта, так Моррас называет философскую концепцию Вудро Вильсона – «Вильсонианским кантианством». Поэтому критика идей Канта применима и к идеям Вильсона. Моррас обвиняет Канта в том, что он стремился заме-

нить реальные гарантии мира в виде союзов и соглашений – идеалистическими представлениями о справедливости. С подобной критикой Моррас подошел к выступлениям Вудро Вильсона перед сенатом, в которых уже прослеживались будущие четырнадцать пунктов, он критикует чрезмерный идеализм и незнание природы Европы [5. P. 4]. До прямого вступления США в войну, хотя образ Вудро Вильсона и представлялся в положительных красках, что могло быть вызвано кредитами предоставляемыми Соединенными Штатами Великобритании и Франции, а также увеличением военного флота, «Аксьон Франсэз» все же указывают на его идеализм, схожий с кантианством, и оторванность от реальной политики.

Со вступлением США в войну несколько изменилась и риторика «Аксьон Франсэз». В самом названии статьи «Заморский самодержец I» (L'autocrate d'outre-mer I) от 17 апреля 1917 г. снова дается четкая характеристика. Приводя в качестве аргументации риторику Вильсона в его выступлениях, к примеру, в речи, касающейся комплектации армии США: «люди, необходимые для регулярной армии и национальной гвардии, будут получены, – путем добровольной вербовки до тех пор, пока президент не сочтет желательную систему призыва», Моррас указывает на сильную личную власть Вильсона и даже сравнивает его с Людовиком XIV, который являлся примером монархической власти. Моррас, к прочему, ссылается на министра иностранных дел Временного правительства России П.Н. Милюкова. Он замечает развитие позиции Вудро Вильсона конкретно целей Антанты в сторону их принятия. Причина этому – осознание Вильсоном неравенства целей Антанты и Центральных держав, а также растущие антигерманские настроения [6. P. 3]. Этот растущий антигерманизм Моррас подчеркивает в статье от 16 июня 1917 г. «Контакт реалий» (Le contact des réalités), указывая, «что Вильсон продолжает приписывать самодержавию немецкий милитаризм как ее причину, вместо того чтобы обвинять германизм, т.е. всю нервную и жизнерадостную субстанцию современной Германии. Однако и здесь есть коррекция, г-н Вильсон прежде ограничивался Германией феодалов и юнкеров, сейчас он добавляет учителей. Он как будто подозревает либералов и социалистов, т.е. буржуазию и пролетариат, съедаемых империалистическими страстями» [7. P. 4].

В статье «Заморский самодержец II» (L'autocrate d'outre-mer II) Моррас упоминает: «Мне любезно указано, что этот Людовик XIV “может быть переизбран через четыре года и никогда не переизбирается после

восьми”». Моррас соглашается с таким уточнением и указывает на то, что необходимость переизбрания была именно тем, что парализовало Вильсона в течение первых двух лет войны. Все его предшественники понесли такой же ущерб. Первые четыре года они готовятся к переизбранию, а затем наступает время, чтобы действовать. Далее он снова подчёркивает личную власть президента США: «Этот лидер партии, называемой демократической, но которая долгое время была партией патрициев в Соединенных Штатах, кажется, чувствует полезность, даже необходимость говорить: я хочу, я должен, я сужу, я здесь» [8. P. 5]. Касательно термина «демократическая партия» Моррас в статье «Послание мистеру Гомперсу» (Le message à M. Gompers) от 5 сентября 1917 г. указывает на иное понятие демократии в США, нежели в Европе: «Полвека назад противники черного рабства и южного рыцарства считались республиканцами. Сторонникам этого режима приписывались качества демократов… что не схоже с социальными или политическими режимами, которые обычно квалифицируются как демократия на старом континенте» [9. P. 2].

Моррас не забывает внести корректировки и в представление Вильсона как идеалиста. Он указывает в статье от 10 декабря 1917 г. «Хороший портрет мистера Вильсона» (Un bon portrait de M. Wilson): «...те, кто видел, как мистер Вильсон исправлял, изменял, дополнял принципы и выводы, как его ум приближался к своей цели и продвигался в познании Германии, послушные наблюдатели, внимательные читатели постепенно разглядели реализм Вильсона, поскольку он проявляется и усиливается от одного произведения к другому, к отчаянию космополитов и филобошей-социалистов» [10. P. 2]. Таким образом, вместе со вступлением США в войну Моррас стремится преобразить образ Вильсона, создаваемый им в предыдущие годы, его симпатии германскому правительству сводятся на нет, а кантианство и идеализм уступают место реализму. Вместе с тем он стремится противопоставить Вильсона как демократа – французским демократам, которые, к слову, являются внутренними врагами Франции [11. С. 80].

После этого фигура Вильсона возникла на страницах газеты уже после окончания Первой мировой войны, в это время «Аксьон Франсэз» обращалась преимущественно к вильсонианству и концепции послевоенного устройства мира. Однако это тема уже другого исследования.

Образ Вильсона конструируется с помощью заголовков, верно подобранных цитат и логических построений Морраса. Президент описывается в положительных тонах, а в те моменты, когда взгляды «Аксьон Франсэз» и Вильсона расходятся, газета пишет о заблуждении последнего. Со вступлением США в войну Моррас пытается описать Вильсона именно как сильного единоличного правителя, которому демократические институты скорее вредят и из-за которых он вынужден бездействовать четыре года. Это может быть объяснено интересом со стороны французских политиков и прессы к США – государству, только выходящему на арену мировой политики, но уже имеющему политические и экономические достижения. В то время как демократическая пресса стремилась указать преимущество демократии, ставя в пример США, Моррас вступил с ней в борьбу, пытаясь указать на иные причины успеха США, а именно на сильную президентскую власть и выдающиеся качества американских лидеров. Для этого Моррасу и требовалось переписать идеализм и оторванность Вильсона от реальной политики и оправдать это демократическими выборами.

Источники и литература

1. Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М. : Новый хронограф, 2012. 392 с.
2. Maurras C. Les Trois Aspects du président Wilson. Paris, 1919. 175 p.
3. Le spectateur impartial // L'Action Française. 1915. 12 avril.
4. Ni vainqueurs ni vaincus // L'Action Française. 1917. 24 janvier.
5. Kant et M. Wilson // L'Action Française. 1917. 16 février.
6. L'autocrate d'outre–mer, I // L'Action Française. 1917. 7 avril.
7. Le contact des réalités // L'Action Française. 1917. 16 juin.
8. L'autocrate d'outre–mer, II // L'Action Française. 1917. 10 avril.
9. Le message à M. Gompers // L'Action Française. 1917. 5 septembre.
10. Un bon portrait de M. Wilson // L'Action Française. 1917. 10 décembre.
11. Готка А.И. Отношение к Великой французской революции Шарля Морраса // Молодёжь третьего тысячелетия : сборник научных статей XLV региональной студенческой научно-практической конференции. Омск, 05–25 апреля 2021 г. Омск, 2021. С. 77–82.

УДК 93 + 821.222.1

Г.О. Громов

Романтический национализм в Иране: образ древних иранских династий в произведении Ага Хана Кермани (1854–1896) «Три послания»

Секция VII: *Восток между радикализацией и модернизацией: исторический опыт и современность*

В статье рассматривается образ древних персидских династий в свете теории романтического национализма в трактате «Три послания» одного из представителей иранской интеллигенции второй половины XIX в. мирзы Ага Хана Кермани (1854–1896). В качестве основных источников автор использовал персидский текст трактата «Три послания» Кермани, а в качестве дополнительных – исследования отечественных и зарубежных ученых.

Ключевые слова: Иран, Кермани, романтический национализм, Конституционная революция, эпос, Шахнаме

Мирза Абд-ал-хоссейн родился в небольшой деревне в районе Кермана в 1854 г. Он получил многостороннее образование на персидском и арабском языках в таких областях, как литература, риторика, логика, грамматика, математика, юриспруденция, история и теология [1].

Жизнь Ага Хана Кермани можно разделить на два этапа: первый – это его жизнь до эмиграции в Османскую империю, второй – после. В возрасте 31 года Кермани поступил на государственную службу в должности сборщика податей в Бардасире – городе к юго-западу от Кермана. После этого Кермани уехал в Исфахан, провёл там 2 года на службе у каджарского принца Мас‘уда Мирзы Зелл-е Султана. В 1886 г. он отправился из Тегерана в Баку, оттуда – в Стамбул, где провёл последние 10 лет своей жизни. В столице Османской империи мирза Ага Хан писал в местной антииранской газете «Ахтар» («Звезда»), а после знакомства с экс-послом Ирана в Великобритании мирзой Мальком-ханом – в газете «Канун» («Закон»). На стамбульский период жизни Кермани приходится его творческий расцвет: именно здесь он издал свою первую книгу «Резван» («Рай»), а также «Семь раев», «Зеркало Александра» и «Три послания». Из-за активной антишахской риторики в 1896 г. Кермани был депортирован в Иран, где его казнили в Тебризе.

В западной иранистике работы Кермани становились предметом исследований (см., например, [2]), но до сих пор не существует отдельной монографии, посвященной его наследию. В России творчество его предшественника – Фатали Ахундзаде – изучено больше, чем Кермани. Отечественные специалисты обходят вниманием произведения Кермани – его творчество не менее важно для интеллектуального движения второй половины XIX – начала XX в., чем произведения Ахундзаде. Также важно подчеркнуть, что данное интеллектуальное движение до сих пор не рассматривалось в свете теории романтического национализма.

В рамках исследуемого периода произошла романтизация легендарного наследия иранского мира. Реформистски настроенная часть интеллектуальной элиты Ирана второй половины XIX в., вдохновляясь сюжетами классической персидской литературы (в первую очередь, «Шахнаме» Абу-л-Касима Фирдоуси (935–1020), главного иранского эпического произведения), создаёт образ «Великого Ирана». Этот идеализированный образ является отправной точкой в рассуждениях о нынешнем положении дел в государстве: представители интеллектуальной элиты стараются осмыслить, почему Иран, страна с великим прошлым, безнадежно отстала от государств Европы. Данный процесс впервые прослеживается в работах мирзы Фатали Ахундзаде (Ахундова) (1812–1878 гг.), который в своем трактате «Три письма индийского принца Кемал-уд-Доуле…» критикует современные устои, и на примерах из «Шахнаме» демонстрирует былое величие Ирана. Продолжил и развил это направление мирза Ага Хан Кермани в своей поздней работе «Три послания». Он сохранил нарратив и диалоговое построение повествования Ахундзаде, но сделал большие акценты на арийском прошлом Персидской империи.

Мы провели исследование на основе трактата «Три послания» Кермани и работ зарубежных исследователей. В статье использовалась теория романтического национализма, предложенная Джозефом Лерссеном, – это воспевание нации, которая определяется ее языком, историей и культурным характером, как вдохновляющего идеала для художественного выражения (в поэзии, прозе, искусстве) и инструментализации этого выражения в политическом сознании [3]. Нам удалось охарактеризовать романтический национализм в Иране. В первую очередь, это романтизация доисламского прошлого – Кермани неоднократно обращается к Ирану, который утратил своё былое величие:

«О, Персия! Куда пропало твое прежнее могущество и благоденствие, которые были твоей гордостью во времена Куруша, Виштаспа, Ануширвана и Хосрова-Первиза» [4. P. 86].

«О, Персия! Твои сыны даже не сохранили письменных памятников твоего прежнего величия. О твоей минувшей славе мы должны узнавать от других, а именно: от греков, древние летописи которых до сих пор остаются единственными свидетельствами твоего величия, ибо греки лучше других народов древнего мира изучили твою почтенную, седую древность» [4. P. 87].

Репрезентативен также следующий пример из «Ста посланий»:

«Когда во времена Кира власть следовала природе своего народа, ей удалось добиться такого добродетельного правления, которое было хорошо известно на протяжении всей истории. Напротив, когда персидские правители в другие эпохи забывали природу их людей, они впадали в тиранию» [5].

Кермани утверждает, что «хороший» правитель – это тот, кто учитывает происхождение своего народа. К «плохим» он относит правителей постсасанидской эпохи. Мы находим подтверждение этому в «Трёх посланиях» – Кермани перечисляет все династии исламского периода от Сафаридов до Каджаров и утверждает, что Персия не засвидетельствовала таких бедствий во времена Сасанидов и Ахеменидов, какие ей пришлось пережить после прихода ислама [4. P. 87].

При апелляции к теории романтического национализма необходимо обозначить роль эпической литературы. И Ахундзаде, и Кермани участвовали в интерпретации главного эпического произведения «Шахнаме» Абул-Касима Фирдоуси для переосмысления доисламского Ирана. Сюжеты Фирдоуси использовались Каджарами, в частности, Фатх Али Шахом (правил в 1797–1834 гг.), для легитимизации своей власти. Однако националистическому дискурсу удалось победить монархический: в то время как шахская интерпретация подчеркивала подданство иранцев монарху, Кермани удалось сформировать чувство принадлежности людей к общей земле (так называемой terra iranica или zamin-e irān) и к общей истории, уходящей в доисламскую эпоху. К началу XX в. «Шахнаме» воспринималась как национальная эпическая литература, а не шахская [6. P. 106].

Зарубежные исследователи, в частности, Педжман Абдольмухаммади, называют Кермани отцом иранского национализма. Мирза Ага Хан по-

нимал необходимость создания политического движения среди иранцев, которое будет направлено на борьбу с отсталостью Ирана от западных держав [7. P. 157–158]. Его идеи повлияли на формирование национальной идентичности иранцев, но среди правящей элиты они стали популярны только с приходом к власти Резы Шаха Пехлеви, который использовал национализм как один из инструментов укрепления своей власти.

Таким образом, мы можем дать характеристику древним персидским династиям и иранскому романтическому национализму. Кермани в трактате «Три послания» описывает идеализированный образ доисламской эпохи, положительно оценивает её правителей, в частности, Ахеменидов, которые правили в соответствии с «природой своих подданных», а также воспевает иранскую нацию, которую он определяет персидским языком, историей и эпической литературой, представленной «Шахнаме» Абу-л-Касима Фирдоуси.

Источники и литература

1. Bayat M. Āqā Khan Kermānī // Encyclopaedia Iranica. New York, 2022. URL: https://iranicaonline.org/articles/aqa-khan-kermani

2. Ansari A.M. Iran's Constitutional Revolution of 1906 and Narratives of the Enlightenment. Gingko Library, 2016. 336 p.

3. Leerssen J. Notes toward a Definition of Romantic Nationalism // Romantik: Journal for the study of Romanticisms. 2013. Vol. 2, № 1. P. 9–35.

4. Kermani M.A.K. Seh Maktub / Drei Briefe Tapa blanda. Persia, 2005. 400 p.

5. Kermani M.A.K. Sad khetabeh (Hundred discourses). Instambul, 2002. 21 p.

6. Najmabadi A. Women with mustaches and men without beards // Women with Mustaches and Men without Beards. California : University of california Press, 2005. 377 p.

7. Abdolmohammadi P. The political thought of Mirzā Aqā Khān Kermāni, the father of Persian national liberalism // Nuova Serie. 2014. Vol. 94, Is. 1. P. 148–161.

УДК 316.422:37(569.4)

А.Э. Данильян

Векторы развития арабского образования в Израиле: реформы демократического государства, радикализирующие общество

Секция VII: *Восток между радикализацией и модернизацией: исторический опыт и современность*

Система образования – одна из важнейших в государстве, а ее функционирование влияет на многие ключевые аспекты в стране в долгосрочной

перспективе. Анализ доступных данных позволяет сделать вывод о наличии дискриминации в этой сфере в отношении арабского населения, проживающего на территории Израиля, и ее влиянии на радикализацию арабского сектора. Исследование было проведено на основе анализа центрального бюро статистики Израиля, правозащитной организации «Адала», на интернет-портале Министерства образования, официальных порталах израильских СМИ.
Ключевые слова: система образования, Израиль, арабы, радикализация, PISA, дискриминация

История развития арабского образования в Израиле начинается с сентября 1949 г., когда израильское правительство утвердило закон об обязательном получении восьмилетнего образования, в 1969 г. количество обязательных классов было увеличено до 10, а в 2007 г. – до 12. Тем не менее важно заметить, что Закон о государственном образовании, принятый в августе 1953 г., вообще не признавал уникальность культуры арабского населения, а цель закона заключалась в том, чтобы «основать начальное образование в стране на ценностях израильского народа – еврейской культуре, достижениях науки, любви к Родине и верности государству и народу Израиля, обучении сельскохозяйственным работам и ремеслам». Только в 2003 г. с добавлением Поправки № 11 было решено учитывать язык, культуру, историю, наследие и традиции арабского населения и других групп населения в государстве Израиль в своей политике, «признать их права как равные права всех граждан Израиля». Также в июле 2010 г. Комитет по контролю за арабским образованием объявил о создании «арабского педагогического совета».

Несмотря на все сложности в области арабского образования, стоит сказать, что с 1960 по 2015 г. среднее количество оконченных классов среди арабского населения возросло с 1,2 до 12, что значительнее, чем рост данного показателя среди еврейского населения (с 8,4 до 13[1]). Согласно данным Центрального бюро статистики Израиля с 2000 по 2011 г., число учеников арабского происхождения в средних школах выросло на 96 % (с 101 до 197 тыс. человек), среди еврейского населения рост составил 9,8%. Однако необходимо заметить, что подобный значительный рост объясняется низкими показателями в начале периода. Говоря о выс-

[1] В Израиле есть возможность проходить обучение на промежуточной ступени образования, т.е. учиться в 13-м и 14-м классах.

шем образовании, арабское население значительно отстает: согласно данным [1], только 23% арабов получают «качественный» аттестат зрелости с оценками и результатами экзаменов, которые позволяют им поступить в университет, в то время как среди еврейского населения этот показатель выше более чем в 2 раза – 47%.

В Израиле существуют государственные школы, как еврейские, так и арабские. Также существуют частные школы. Так, за исключением тех арабов, которые живут в смешанных городах, большая часть мусульманского населения учится в отдельных арабских государственных школах в городах и деревнях, где они проживают. Арабы-христиане, если позволяют финансовые возможности, выбирают частные школы.

Этот фактор ведет к первой существующей в Израиле проблеме, связанной с образованием, – абсолютное разделение школьников еврейского и арабского происхождения. Это, в свою очередь, ведет к увеличению пропасти между двумя нациями, отсутствию понимания другой культуры, традиций, языка, радикализации.

Отдельно необходимо рассмотреть проблему школьных программ. С одной стороны, можно сказать, что израильское правительство действительно предпринимало ряд попыток корректировки школьных программ, например, в середине 1970-х гг. была разработана новая учебная программа, в которой равные доли обязательных предметов по истории были сосредоточены на арабской и исламской истории, современной еврейской истории и истории двадцатого века. Содержание учебной программы по арабской литературе было обновлено в 1981 г. комитетом, состоящим в основном из палестинских профессоров, а не из еврейских специалистов по арабским делам, но и эта попытка оказалась неудачной. Была и еще одна инициатива: в начале 2000-х гг. исследователи из Института Трумэна Еврейского университета Иерусалима начали подготовку нового учебника по истории Израиля с учетом израильско-палестинского конфликта, но после получения положительной первоначальной обратной связи от Департамента учебных программ Министерства образования учебник так и не был выпущен. Преподаватель Хайфского университета Сами Мар'и следующим образом охарактеризовал подготовку учебного плана для арабских школьников в Израиле в 1978 г.: «...департаментом арабского образования руководят представители еврейского большинства, а учебные программы устанавливаются властями

при небольшом участии арабов, если таковое вообще имеется. Участие арабов не выходит за рамки написания или перевода книг и материалов в соответствии с тщательно определенными руководящими принципами и не выходит за рамки реализации политики большинства» [2. Vol. 7. P. 21]. Учебная программа не дает арабским учителям реальной возможности обсудить со своими учениками конфликты, возникающие из-за столкновения между еврейским государством и их положении в нем» [2. Vol. 7. P. 28]. По данным центра «Адала», было исключено значительное количество арабского литературного наследия, в том числе поэзия выдающихся палестинских писателей, таких как Махмуд Дарвиш, Рашид Хусейн и Самих аль-Кассем [3. Vol. 8. P. 56].

Еще более серьезной является проблема финансирования арабских школ.

Сегодня задача финансирования школ лежит на Министерстве образования, однако анализ распределения бюджетов не представляется простой задачей: данные публикуются редко и не в полном формате. Существует предположение, что это делается преднамеренно, чтобы бюрократические сложности помешали должному анализу данных, который, в свою очередь, отразит серьезную разницу финансирования, выделяемого на арабского и еврейского ученика. В Израиле есть еще одна особенность распределения бюджета: существует много так называемых «корзин», которые заведомо могут получать исключительно лица еврейского происхождения, например, «корзина абсорбции» выплачивается новым репатриантам, которые, в свою очередь, по закону о репатриации, т.е. возвращении на историческую родину, могут быть только евреями. Существуют также выплаты студентам ешив[1], которые по определению могут быть только евреями.

Автор статьи отмечает, что бюджет Министерства образования делится на две части: 70 и 30%. Первая часть распределяется в соответствии с индексом совершенствования[2], по которому легко определяется, что арабские ученики слабее, чем еврейские. В этой связи необходимо обра-

[1] Высшее религиозное еврейское учебное заведение для изучения Талмуда.

[2] Индекс совершенствования (Improvement Index) – это показатель в процентилях, отражающий место ученика в рейтинге изучаемой группы учеников. Используется для сравнения двух групп студентов. В данном случае сравниваются еврейские и арабские ученики.

тить внимание на исследование, проведенное в США за несколько лет. В своей работе «Does Money Matter in Education?» Брюс Бейкер доказал прямую связь объема финансирования и показателей учеников: чем выше будет вклад властей в образовательный процесс, будь то ремонт помещений, покупка инвентаря, обучение педагогов и др., тем выше будут результаты. Поэтому, например, в Нидерландах на слабых учеников выделяется на 130% больше средств для устранения проблем с успеваемостью.

Применив данные знания к изучаемой группе, можно говорить о том, что появляется еще одно объяснение более низких показателей в сфере образования. В той же статье Мирав Орлозоров приводит следующие данные: в Израиле на 2016 г. на ученика арабского происхождения выделялось на 78–88 % меньше средств. Что касается высшего образования, то можно привести следующее сравнение: размер стипендии, доступной арабскому студенту, составляет 3 000 шекелей на протяжении всего обучения, в то время как минимальная сумма для покрытия всех расходов – 60 000 шекелей.

Для анализа показателей качества образования в израильских школах стоит также привести данные отчета теста PISA 2018 г. Тестирование в Израиле проводилось среди репрезентативной выборки из 6 623 учеников 174 средних школ. Израильские школьники показали гораздо худшие результаты, нежели в предыдущие разы, количество не сдавших этот тест достигло 10-летнего максимума, кроме того, был выявлен самый большой разрыв между более сильными и более слабыми школьниками, чем в любой другой стране-участнице. В данном случае можно говорить о сильном разрыве между арабскими и еврейскими учениками. Проанализировав данные отчета, можно сделать следующие выводы:

1) результаты израильтян по всем дисциплинам хуже, чем средний показатель проведенного исследования;

2) показатели арабов значительно ниже, чем показатели евреев;

3) среди арабских школьников средний балл по чтению снизился на 29 баллов по сравнению с 2015 г., балл по функциональной грамотности в естественных науках снизился на 26 баллов, балл по математике снизился на 12 пунктов. Для понимания ситуации стоит сказать, что 30 пунктов в данном тестировании эквивалентно одному году обучения в школе.

Подобная динамика сможет негативно отразиться на экономическом будущем страны. Кроме того, эти данные подтверждают тезис о том, что

более успешными являются те ученики, на образование которых выделяется большее финансирование.

Касательно качества получаемого образования важно рассмотреть проблему исключения из школ. Согласно отчету, опубликованному Израильским национальным советом по делам детей, процент отсева учащихся младших и старших классов в арабских школах Израиля почти в два раза выше, чем среди учащихся еврейских школ.

В Министерстве образования сегодня есть 660 так называемых специалистов по прогулам, чья работа заключается в том, чтобы следить за учащимися, которые бросили школу или могут это сделать, и пытаться найти для них подходящую образовательную структуру. Как правило, мальчики в арабском секторе попадают под влияние радикальных группировок и становятся на опасный путь. Именно поэтому в арабских районах уровень преступности гораздо выше: арабы были причастны к 59% убийств в Израиле в 2015 г., что почти в три раза превышает их долю в населении.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: цензура в составлении школьных программ ограничивает возможность диалога, финансирование – возможность получения образования и улучшения жизненного уровня, а изменение статуса арабского языка – лишь настраивает население против государства в и так сложной политической ситуации. Из-за того, что «генеральная линия» страны в этом вопросе не меняется десятилетиями, несмотря на печальный исторический опыт, противоречия лишь укрепляются, а настроения израильских арабов накаляются. В целом из-за того, что арабские школьники чаще бросают обучение и попадают под дурное влияние, растет уровень преступности.

Однако ключ к долгосрочному успеху – это изменение образовательной политики, модернизация и создание действительного равенства, в том числе в области просвещения, ведь дискриминация в этой сфере имеет долгосрочные последствия и влияет на жизнь общества сильнее, чем кажется на первый взгляд.

Источники и литература

1. ילד ערבי שווה תשיעית מילד יהודי // The Marker. Israel, 2016. URL: https://www.themarker.com/news/1.2814645 (дата обращения: 20.09.2021).

2. Ismael A.-S. Present Absentees: The Arab School Curriculum in Israel as a Tool for De-educating Indigenous Palestinians // Holy Land Studies: A Multidisciplinary Journal. 2008. Vol. 7, Is. 1. P. 17–43.

3. Ismael A.-S. School Curriculum and Identity Formation among Palestinian Youth in the Arab Education System in Israel // Al-Nibras: Journal of Education, Science and Society. 2013. Vol. 8. P. 48–83.

УДК 378.141.21:004(571.16)

А.А. Домрачева

Порядок работы с документами абитуриентов в приемных комиссиях Национального исследовательского Томского государственного университета в условиях цифровой трансформации

Секция X: *Документ в эпоху цифровой трансформации*

В статье определяется и описывается порядок работы с документами абитуриентов в приемных комиссиях Национального исследовательского Томского государственного университета в условиях цифровой трансформации. Используя методы непосредственного наблюдения, анализа и сравнения, автор прослеживает процесс перехода к электронному документообороту в 2020 г., отмечает изменения 2021 г., определяет роль человеческого фактора в работе с документами в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: абитуриент, документы, вуз, поступление, приемная комиссия, цифровая трансформация

Распространение цифровых технологий ведет к качественным изменениям во всех сферах жизни общества. В декабре 2021 г. Распоряжением Правительства Российской Федерации утверждено стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 г. [1]. В рамках этого тренда руководство Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ) также стремится осуществить цифровую трансформацию вуза, о чем открыто заявляет с 2019 г. С этого же года в НИ ТГУ появилась должность проректора по цифровой трансформации [2], а в 2020 г. был разработан и представлен концепт цифровой трансформации университета [3]. НИ ТГУ также является партнером Университета 2035[1] и участвует в

[1] АНО «Университет Национальной технологической инициативы 2035» – это первый в России университет, обеспечивающий профессиональное развитие человека в цифровой экономике.

подготовке и запуске интенсива «Подготовка команды “цифрового ректора”». Модуль, который проводит НИ ТГУ, основан на результатах проекта «Цифровой университет», реализованного в вузе в 2019–2020 гг. [4].

Менеджер IT-сервисов и проектов в Московской школе управления СКОЛКОВО А.Г. Говоров перечисляет необходимые компоненты цифрового университета. В блок «Информационные системы управления университетом» он относит управление административно-хозяйственной деятельностью, в том числе управление абитуриентской кампанией, и документооборот [5].

Процесс цифровой трансформации в российской системе образования, как и во всех сферах жизни общества, был ускорен под влиянием внешних факторов. Пандемия COVID-19, начавшаяся весной 2020 г., заставила образовательные организации форсированно пересмотреть подходы как к организации учебного процесса, так и к организации работы в целом. В 2020 г. впервые поступление в вузы происходило исключительно в дистанционной форме, в 2021 г. данная практика сохранилась. Успешному осуществлению приемной кампании способствовал тот факт, что в НИ ТГУ и ранее использовались данные форматы подачи документов в приемную комиссию, хотя они и не являлись основными.

Приемная комиссия – это тот орган, с которого начинается знакомство абитуриента с университетом. Именно на приемную комиссию возложена задача по организации и обеспечению процесса приема абитуриентов в вуз. Она создается Управлением нового набора, структурным подразделением НИ ТГУ, в период приемной кампании. В условиях постоянно обновляющейся нормативно-правовой базы и цифровой трансформации образования сотрудникам приемной комиссии необходимо владеть полной, достоверной и актуальной информацией для грамотной работы с различными документами и базами данных. Ежегодно перед началом приемной кампании проводится обучение для операторов и ответственных секретарей приемной комиссии. Эта работа постоянно совершенствуется.

Одной из актуальных задач, стоящих перед университетом, является развитие электронного документооборота, что можно рассматривать как одну из важных частей цифровой трансформации вуза. В связи с санитарно-эпидемиологическими ограничениями в приемных комиссиях НИ ТГУ в 2020 г. осуществлялся электронный документооборот, в 2021 г. – про-

цесс подачи документов вновь происходил онлайн, заявление можно было подать на сайте НИ ТГУ и впервые на «Госуслугах». Личный прием бумажных документов все еще не осуществлялся, но абитуриенты могли прийти в Единый консультационный центр, размещенный в главном корпусе НИ ТГУ, и получить информацию по направлениям обучения, задать вопросы. Получив консультацию, абитуриенты могли пройти в «зону единого окна» и с помощью сотрудников приемной комиссии подать документы на зачисление через сервис «Личный кабинет абитуриента». Несмотря на то, что абитуриенты приходили лично для подачи документов, процесс приема заявлений осуществлялся с использованием цифровых технологий. Организация «единого окна» позволила преодолеть цифровой разрыв среди поступающих и снизить уровень стресса для тех, кто еще морально не готов самостоятельно отправлять персональные данные через сеть Интернет.

Сервис «Личный кабинет абитуриента» является преобладающим способом подачи документов в практике НИ ТГУ. Он позволяет абитуриенту направить в приемную комиссию электронное заявление о приеме на обучение. Техническим операторам и секретарям приемных комиссий необходимо отслеживать поданные заявления через сервис «Личный кабинет абитуриента».

Заявления абитуриентов являются наиболее массовым видом документов. После отправки абитуриентом пакета документов в сервисе «Личный кабинет абитуриента» начинается многоступенчатая проверка. На первом этапе операторы главной приемной комиссии осуществляют техническую проверку: все ли графы корректно заполнены, достаточно ли качество сканированных приложений и т.д. Из опыта работы можно выделить такие ошибки абитуриентов, как проблемы с регистрацией, с заполнением, опечатки в данных, намеренное искажение данных, сдача ЕГЭ с другими паспортами, под другими ФИО. После исправления абитуриентом выявленных недочетов к работе приступают операторы факультетских приемных комиссий. Операторы приемной комиссии осуществляют сверку персональных данных в пакете документов и в программе «1С: Приемная кампания», назначение дополнительных баллов за индивидуальные достижения, подтверждение наличия особого права и др.

Особое внимание уделяется проверке индивидуальных достижений абитуриента. Дипломы олимпиад тщательно проверяются на подлинность и соответствие выбранному направлению для поступления, осо-

бенно в тех случаях, когда олимпиада дает право на поступление без вступительных испытаний. Если сотрудник отборочной комиссии сомневается в значимости диплома, документы отправляются в профильный отдел, который уточняет релевантность представленных наград. Стоит отметить, что процессы проверки достоверности предоставленных результатов олимпиад не автоматизированы. Через официальный реестр дипломов можно проверить только награды участников Всероссийской олимпиады школьников, а для проверки знаков ГТО необходимо выгружать приказы в формате PDF и искать нужный номер вручную.

После проверки документы распечатываются, из них формируется личное дело абитуриента. После предоставления согласия на зачисление и издания приказа о зачислении личное дело дополняется.

Большое значение приобретает обеспечение информационной безопасности. Наблюдается отсутствие доверия среди абитуриентов к цифровым сервисам, их надежности и безопасности, а отсюда невозможность полного отказа от личного приема документов. Среди рисков информационной безопасности следует отметить критические сбои в работе информационных систем; несанкционированный доступ к информации, хранящейся в информационных системах как из-за внутренних причин (ошибка работника, намеренная передача данных третьим лицам и др.), так и по причине внешних факторов (атака, предполагающая кражу конфиденциальных данных пользователя, и др.).

Перспективы для рассмотрения вопросов о цифровой трансформации процесса работы с абитуриентами в масштабах России открыл переход к учету результатов единого государственного экзамена в качестве вступительных испытаний [6]. Внедрение перед приемной кампанией в 2020 г. суперсервиса «Поступление в вуз онлайн» позволило упростить и оптимизировать процедуру поступления в университет. Доступ к суперсервису предоставляется через личный кабинет на портале «Госуслуг». Но из-за отсутствия синхронизации сервисов прикрепленные файлы сотрудники приемной комиссии вынуждены были запрашивать у абитуриентов повторно на электронную почту. В 2021 г. дистанционный способ подачи документов был прописан как приоритетный [7]. К суперсервису подключилось 442 вуза, в том числе и НИ ТГУ [8].

Университет продолжает реализовывать концепцию цифровой трансформации. В апреле 2022 г. Центр компетенций по корпоративным ин-

формационным системам НИ ТГУ анонсировал цифровой сервис рекрутинга иностранных студентов на базе «1С-Битрикс24» [9]. Сервис улучшит взаимодействие с абитуриентами, позволит формировать и согласовывать электронные документы, вести электронные личные дела. Сотрудники, ответственные за новый набор, получат полный и оперативный доступ к информации. Сегодня важным является то, что «1С-Битрикс24» входит в российский реестр программного обеспечения и является эквивалентом многих иностранных программных платформ и сервисов.

В рамках Дня открытых дверей НИ ТГУ весной 2022 г. было объявлено, что прием документов от поступающих будет происходить в смешанном формате – и онлайн, и офлайн. При дистанционном формате подачи документов можно будет воспользоваться сервисом «Личный кабинет абитуриента» и порталом «Госуслуги». Также документы можно будет отправить по почте. Но, как подчеркнул ответственный секретарь приемной комиссии ТГУ Е.В. Павлов, личное посещение университета, общение с представителями факультетов позволят лучше узнать о направлениях в своей будущей профессии [10].

Как показывает практика, сочетание цифровых технологий и человеческих возможностей, индивидуального общения обеспечивает эффективность выполнения тех задач, которые стоят перед сотрудниками приемных комиссий. Прием документов при поступлении не обходится без ручной проверки, человеческий фактор остается решающим, а следовательно, для повышения качества работы и в целях предотвращения ошибок потери информации и др. вузу необходимо:

– продолжить работу по методическому сопровождению сотрудников приемных комиссий и оказанию консультационной помощи абитуриентам;

– прописать в должностных инструкциях сотрудников пункты, предусматривающие ответственность за сохранность персональных данных, с которыми они работают;

– усилить работу по контролю над соблюдением мер по обеспечению информационной безопасности.

Источники и литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2021 г. № 3759-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации науки и высшего образования» // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404697/ (дата обращения: 03.04.2022).

2. Раздел «Сведения об образовательной организации». Руководство, научно-педагогический состав // Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2022. URL: https://www.tsu.ru/sveden/employees.php (дата обращения: 03.04.2022).

3. Ректор ТГУ представил концепт цифровой трансформации на совете РСР // Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2022. URL: https://www.tsu.ru/news/rektor-tgu-predstavil-kontsept-tsifrovoy-transform/ (дата обращения: 03.04.2022).

4. ТГУ помогает российским вузам сформировать команды «цифровых» ректоров // Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2022. URL: https://news.tsu.ru/news/tgu-pomogaet-rossiyskim-vuzam-sformirovat-komandy-/?sphrase_id=380703 (дата обращения: 03.04.2022).

5. Говоров А. Цифровая трансформация университетов // Цифровая экономика 2024. URL: https://digital.ac.gov.ru/ (дата обращения: 03.04.2022).

6. Об участии вузов и ссузов в опытной эксплуатации АИС ЕСП в 2006 году : Письмо Рособрнадзора от 26 мая 2006 г. № 01-295/08-01 // Гарант: информационно-правовое обеспечение. М., 2006. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6224544/ (дата обращения: 09.04.2022).

7. Об особенностях приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре на 2021/22 учебный год: Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01 апреля 2021 г. № 226 // Гарант: информационно-правовое обеспечение. М., 2021. URL: https://base.garant.ru/400715335/ (дата обращения: 03.04.2022).

8. Списки ОО ВО для участия в проекте «Поступай в вуз онлайн» в 2021 году // Портал информационной поддержки проектов Минобрнауки России. М., 2021. URL: https://fedportal.ru/media/documentation/0001/01/f1745054bc26b30ed970b8cc4e0ba6d8fe3695eb.pdf (дата обращения: 03.04.2022).

9. В ТГУ создан новый цифровой сервис по рекрутингу иностранных студентов // Официальный сайт ТГУ. Томск, 2022. URL: https://news.tsu.ru/news/v-tgu-sozdan-novyy-tsifrovoy-servis-po-rekrutingu-/?sphrase_id=380704 (дата обращения: 03.04.2022).

10. День открытых дверей: про Абитуриент-центр и новое в правилах приема // Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 2022. URL: https://news.tsu.ru/news/den-otkrytykh-dverey-pro-abiturient-tsentr-i-novoe/?sphrase_id=380705 (дата обращения: 03.04.2022).

УДК 94(73)

В.А. Евдокимова

Вторая поправка к Конституции США: любимая винтовка нации

Секция VI: *Запад в новых исторических реалиях: от осмысления прошлого к формулированию будущего*

В статье рассматривается проблема построения национальной идентичности американцев вокруг ключевого фактора ее формирования – Второй поправки к Конституции США. Поднимая вопрос о специфике ее принятия и вариантах трактования, автор акцентирует внимание на условиях ее устойчивости в настоящее политическое время и обозначает ее место в сознании американцев. Основной вывод работы гласит, что консолидирующая сила права на хранение и ношение оружия в США настолько велика, что способна заменить собой иные отголоски американского самосознания в кризисный для нее период.

Ключевые слова: Вторая поправка, кризис идентичности, американское общество, патриотизм, оружие

Национальная идентичность – одна из составляющих идентификации человека в обществе, связанная с ощущаемой им национальной или этнической принадлежностью [1. С. 18]. Ее можно представить как глубоко осязаемое символическое пространство, где совокупность отстраненных друг от друга индивидов, носящих множество разных «я-идентичностей», преобразуется в общность национальную, способную отличать себя от «чужих» и создавать собственную систему моральных и общественных ценностей, культурных норм и идеалов, а также значимых атрибутов [2. С. 22].

В условиях глобализации национальное самосознание неизбежно претерпевает кризисные изменения, однако не теряет своего значения в сознании простых людей – его носителей. В Соединенных Штатах Америки этот кризис наблюдается более явно в силу специфических особенностей исторического развития нации. Во-первых, до Американской революции 1763–1783 гг. история США, в сущности, являлась историей другого государства, и, как мы можем судить уже по истечении многих лет, носила атрибуты британского самоопределения. В первые годы после победы колоний территории, превратившиеся в независимые единицы – штаты, также носившие различные культурные коды и горизонты ожиданий, не могли распорядиться своей свободой, из-за чего возникала реальная

угроза анархии. Во-вторых, мультикультурная перспектива внутренней политики США проявилась в дроблении общего самоопределения американцев на малые вариации в соответствии с культурным плюрализмом этнических меньшинств. Исследователи отмечают, что этот фактор прямым образом влияет на транслируемые американской молодежью отголоски национального самосознания: американцам сегодня не хватает понимания фундаментальных исторических и политических концепций становления нации и истоков американской демократии. Идея единства все чаще подменяется цинизмом [3. P. 51].

Тем не менее американской идентичности не суждено быть утраченной до тех пор, пока в США существуют тенденции к ограничению прав граждан на хранение и ношение оружия, дарованных отцами-основателями Второй поправкой Билля о правах 1791 г.: *«Поскольку хорошо организованное ополчение необходимо для защиты свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно нарушаться»* [4].

Несмотря на небольшой объем текста, однозначного мнения по вопросам определения границ данной поправки у юристов и правоведов не сложилось. Широко распространено юридическое и судебное мнение, что Вторая поправка гарантирует право государства быть вооруженным – например, в сегодняшней Национальной гвардии. Однако профессор Гарвардского университета Л. Трайб, чьи труды определили превалирующую в научном сообществе традицию толкования Конституции США, утверждает, что популярные представления о фундаментальном американском праве иногда противоречат тому, что написано в книгах. Иными словами, существует своего рода неписаная «мифическая Конституция», которая отражает широко распространенные в обществе убеждения и лозунги [5].

Ранее уже было сказано, что трепетное отношение американцев к своим винтовкам – следствие историческое. Для колониальной Америки понятие коллективной травмы – это основное воспоминание. Как утверждал М. Хальбвакс, индивидуальные воспоминания обрамлены и концептуально структурированы рамкой общего социального опыта. Память имеет не только содержательное, но и ценностное, нормативное измерение, т.е. информирует об обязательствах и ответственности, которые люди приобрели в прошлом, и это должно определять их поведение в настоящем.

Колонисты ревностно охраняли свое право на ношение оружия, на первый взгляд, как и сами англичане, однако символические смыслы вооружения граждан с самого начала были более сложными. Война за независимость США началась с битвы при Лексингтоне в 1775 г., когда англичане маршировали, чтобы захватить оружие колонистов на Конкорде. Американцы назвали эту попытку захвата оружия одной из причин войны в «Декларации о причинах и необходимости захвата оружия» [6]. Закономерно, что они считали оружие принципиально важной частью сохранения права на противостояние деспотическому характеру власти колонизаторов, не единожды называя его Божественным. Позднее был сформулирован и сам принцип, который стал краеугольным камнем американского мышления о взаимосвязи между свободой и ружьями. Очевидно, что отцы американской демократии не просто повторяли клише, снятое со страниц какого-либо известного им Британского политического трактата; они защищали институт, который был центральным в их образе жизни [7. P. 13].

Когда полная политическая независимость стала возможна, Соединенным Штатам предстояло построить новое государство на обломках старого режима. Колониальное прошлое США как травмирующее историческое наследие послужило критерием выделения основных ценностей общества, на которых и предстояло взойти американской идентичности, в то время как оружие негласно стало ее главным гарантом и замыкающей общего национального представления о свободе и ответственности за себя.

В настоящее время феномен Второй поправки стал еще более заметным во внутриполитическом поле Соединенных Штатов Америки. Ее консолидирующая способность и широкий общественный резонанс несравнимы ни с одним из известных американских мифов, создавших нацию. Слово «миф» в вопросах оружейной повестки далеко не является случайным: сила поправки в американском сознании так велика, что здравый смысл посещает дебаты об оружии только на волне свежих воспоминаний о беспрецедентной жестокости, связанной с попаданием пистолетов в руки маргинальных элементов общества. Тем не менее сегодня мы можем стать свидетелями увеличения лояльности к огнестрельному оружию; причем здесь важно упомянуть, что не каждый современный американец в принципе знает о Второй поправке, однако активно пользуется ею в своей повседневной жизни.

Среди прочих направлений развития оружейной культуры есть и те, которые при должном внимании способны развенчать представления о недостаточности патриотического воспитания молодежи в США. По данным Исследовательского центра Пью [8] – беспартийной аналитической организации, в масштабном исследовании тенденций к вооружению американцев, опубликованном в 2017 г., для всех нынешних и прошлых владельцев оружия средний возраст, в котором они впервые стали обладателями винтовки, составляет 22 года. Почти четыре из десяти нынешних или прошлых владельцев оружия (37%) сообщают, что они были моложе 18 лет, когда впервые получили шанс воспользоваться своим правом по Второй поправке. Данная статья имеет принципиальное различие с другими представленными рейтингами по той причине, что тренды, рассмотренные центром, не приурочены к действующему оружейному законодательству штатов.

Сегодня миф о божественном праве американцев вооружаться вышел на уровень медийной пропаганды, в целях расширения прав владельцев пистолетов. Потенциальный участник президентской гонки 2016 г. от Республиканской партии Д. Френч изложил христианскую интерпретацию Второй поправки: «Контроль над оружием представляет собой не просто ограничение конституционного права, но и ограничение данного Богом права человека, которое существовало на протяжении всей истории гражданского общества» [9]. Показательно, что тезис Френча получил поддержку. Действующий сенатор от штата Техас республиканец Т. Круз назвал контроль над оружием угрозой религиозной свободе и заключил, что Библия оберегает людей, желающих защищать себя и свои семьи от тех, кто совершает преступления. С этих пор в американском дискурсе набирает популярность мнение о том, что мораль самообороны не только презюмируется, но и сам этот акт санкционирован ключевыми библейскими фигурами.

Таким образом, владение огнестрельным оружием сегодня становится синонимично понятию гражданского патриотизма, а символическим атрибутом культуры США выступает AR-15, или любимая винтовка нации, как ее иногда называют в СМИ [10]. Вопреки проявляющимся последствиям кризиса американской идентичности: деконструкция национальных мифов, политика мультикультурализма и цинизм, право на хранение и ношение оружия остается непоколебимо и, в силу своей гибкости, уве-

ренно проникает в закрытые до сих пор институты гражданского общества. Связано это с тем, что Вторая поправка как гарант первостепенных конституционных прав в настоящее время не требует столь упорной рефлексии. Вид, в котором поправка дошла до наших дней, сам по себе самодостаточен и более чем убедителен. Об этом свидетельствует и полемика вокруг контроля над оружием – не отменить, а ограничить. Или, упрощая, не допустить к сакральному праву людей, чьи патриотические идеалы не соответствуют мнению большинства. Это, в сущности, означает лишь одно: сегодня американцам для укрепления национального самосознания не требуется знать истоков происхождения своего государства и безупречно формулировать принятые отцами-основателями идеалы американской демократии, чтобы успешно защищать их на поле битвы за Вторую поправку.

Источники и литература

1. Семененко И.С. Идентичность: Личность, общество, политика / Институт мировой экономики и международных отношений РАН. М. : Весь мир, 2017. 992 с.
2. Кожевникова Ю.А. Кризис национальной идентичности в глобализирующемся мире : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2012. 22 с.
3. Damon W. Introduction to the Special Issue on American Identity // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 15. P. 51–53.
4. The Bill of Rights: A Transcription // National Archives of the United States. [S. l., s. a.]. URL: https://www.archives.gov/founding-docs/bill-of-rigts (access date: 01.03.2021).
5. Guns: A Second (Amendment) Look // The Washington Post. Washington, 1995. URL: https://www.washingtonpost.com/wpsrv/national/longterm/supcourt/stories/courtguns051095.htm?itid=lk_inline_manual_5 (access date: 20.03.2022).
6. Declaration of the Causes and Necessity of Taking Up Arms 1775 // National documents. New York : Unit Book Publishing Co., 1906. P. 43–51.
7. Cornell S. A Well-regulated Militia: the Founding Fathers and the Origins of Gun Control in America. New York : Oxford University Press, 2006. 270 p.
8. The Demographics of Gun Ownership // Pew Research Center. [S. l., s. a.]. URL: https://www.pewresearch.org/social-trends/2017/06/22/the-demographics-of-gun-ownership/ (access date: 23.03.2022).
9. French D. The Biblical and Natural Right of Self Defense // French Revolution. [S. l], 2012. URL: https://www.patheos.com/blogs/frenchrevolution/2012/07/27/the-biblical-and-natural-right-of-self-defense/ (access date: 23.03.2022).
10. Thebault R. There Are So Many AR-15s in U.S. Consumer Hands That It Makes No Sense to Produce More, Colt Says // The Washington Post. Washington, 2019. URL: https://www.washingtonpost.com/nation/2019/09/19/there-are-so-many-ar-s-us-consumer-hands-that-it-makes-no-sense-produce-more-colt-says/ (access date: 23.03.2022).

УДК 94:316.423.3

В.Е. Захаров

Образ революции в трудах Питирима Сорокина

Секция I: *Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы*

Цель работы – рассмотрение образа революции, раскрытие ее ключевых причин и развития в трудах российско-американского социолога П.А. Сорокина. Показаны сходства и различия между его пониманием феномена и марксистским и функционалистским подходами.

Ключевые слова: революция, Питирим Сорокин, «биологизация общества», «Революционный цикл», бихевиоризм

П.А. Сорокин – российско-американский социолог, разрабатывавший теории социальных конфликтов, культурной и социальной мобильности, революции. Для него, как и для многих российских интеллигентов, 1917 г. стал великим потрясением. Ученый поддержал Февральскую революцию, а к Октябрю отнесся враждебно [1. С. 77–100]. Позже он был выслан из страны на «Философском пароходе» [1 С. 144]. «Социологию Революции» П.А. Сорокин писал уже в Чехословакии в 1923 г. и посвятил ее «жертвам революции и контрреволюции» [2. С. 50]. Долгое время его труды не публиковались в России.

В статье были использованы сравнительно-исторический и описательно-повествовательный методы. Актуальность данной темы заключается в том, что П.А. Сорокин создал образ революции, который был отличен от марксистского, господствовавшего тогда. Его концепции показывают, какие явления в общественной жизни приводят к революции, помогают понять, как обществу ее избежать. Также исследование его творчества поможет проследить развитие теорий о революции в XX в.

Свое исследование автор начинает с описания видения исторического процесса в целом. Так, социолог разделяет историю и социологию на два разных направления: социология изучает явления повторяющиеся, а история – единичные. Историк изучает революции как неповторимые события, а социолог рассматривает данный феномен как явление, воспроизводимое много раз в разных обществах [2. С. 52–53]. Таким образом, Питирим Сорокин подчеркивает, что стремится понять не конкретно Русскую революцию, а само это явление и его причины. Автор критикует «теоре-

тиков», ученых, ищущих общие законы, характеризует их построения как ошибочные [2. С. 54–57]. Для метода Питирима Сорокина важной чертой является концепция «беспристрастного наблюдателя» [2. С. 58]. Этот принцип выражен в том, что любое социальное событие проще описать людям, которые его пережили (и вели «беспристрастные записи»), чем историкам, которые собирают информацию по крупицам и могут упускать важные детали. Все свои выводы П.А. Сорокин стремился подкреплять примерами из истории. Он верил, что с помощью изучения настоящего может лучше понять прошлое.

П.А. Сорокин не склонен давать определение революции, так как «социальные науки слишком злоупотребляют определениями, чаще всего, не давая по существу ничего, кроме чисто словесных формулировок» [2. С. 57]. Тем не менее он характеризует ее структуру. Процесс состоит из трех фаз: 1) нормального периода; 2) периода революции, разделенного на две стадии; 3) нормального периода. Первая стадия периода революции – это ослабление старых запретов и распад былых социальных институтов. Вторая стадия – возвращение общества к стабильному состоянию путем роста этатизма и наступления на свободы населения жителей социума. Для него характерны террор и жесткая политическая борьба, с потерей власти партии, взявшей верх в первом этапе, или ее перерождение. Здесь мы видим циклическую модель, где всякое общество, проходя через революцию, обязательно возвращается к мирному состоянию, так как длительное пребывание в этой фазе может привести к гибели. Важно отметить, что для П.А. Сорокина революция – это борьба внутри одного общества между его членами, и поэтому Американскую революцию и другие освободительные движения, где происходила борьба одного социума против другого, он не считает таковыми.

Социолог выделяет «неглубокие» и «глубокие» революции. Первый тип затрагивает политические институты. Такие революции коротки и не приводят к гражданским войнам и большому ущербу. Второй тип затрагивает все основы общества. Глубокие революции длительные и кровопролитные. Условием для любой революции является наличие слабого государства, которое не в состоянии справиться с силами оппозиции.

Главная причина революции – это угнетение безусловных инстинктов человека, а именно: «самосохранения», «пищевого», «полового», «собственнического», «повиновения и властвования» и «речевых».

Для П.А. Сорокина как сторонника бихевиористских идей данное социальное явление приводит к «биологизации» человека, ломке всех условных и высвобождению безусловных инстинктов. Система условных рефлексов начинает разлагаться. Основные инстинкты, которые биологизирует революция, это: «речевые», «трудовые» и «половые», а также инстинкты «собственности» и «повиновения и властвования».

Высвобождение «речевых» рефлексов автор видит в частой смене взглядов людей, в высказывании идей, направленных против существующего порядка и системы ценностей.

Рефлексы «собственности» деформируются в сторону ослабления институтов частной или иной собственности в обществе. В социуме происходит перераспределение материальных благ среди разных групп населения.

Упадок условных рефлексов группы «повиновения и властвования» ведет к перестановке положения людей, «низы» меняются с «верхами» местами. Это связано с ростом социальной мобильности в обществе.

Упадок «трудовых рефлексов» приводит к угасанию нормальной жизнеобеспечивающей работы в социуме, что ведет к снижению материального благополучия.

Освобождение от условных рефлексов в половой жизни ведет к росту половых связей в обществе, процветанию проституции и преступлений на сексуальной почве, росту числа венерических заболеваний, распаду институтов семьи и брака.

Все эти рефлексы после их деформации в ходе первой стадии приходят к повиновению во время «закручивания гаек», когда правящие силы прививают условные рефлексы безусловным.

Размах революции зависит от того, как много угнетенных групп в данном обществе. Чем их больше, тем она сильнее. По мере развития революционной ситуации менее всего ущемленные страты, получив желаемое, первыми по мере удовлетворения своих требований откалываются от общей массы недовольных. Наиболее притесняемые коллективы идут за идеей до конца. Они и составляют главную силу революции.

Немаловажной проблемой, поднятой автором, является проблема отрицательной селекции в социуме. Революция приводит к уничтожению лучших (в физическом и умственном плане) людей с обеих сторон. Это вызывает не только дефицит элит, но и обычного населения и приводит к ухудшению их качеств.

Автор стремился обозначить себя как нейтральную сторону [2. С. 59]. У него это не вышло. Питирим Сорокин считал революцию угрозой общественному прогрессу и социуму, где она происходит. Он думал, что она делает только хуже «больному обществу», а не лечит его. Он вывел закон «социального иллюзионизма» – все, что обещает революция, она забирает [2. С. 359–372]. Ученый считал, что, если общество сможет организовать действенные социальные лифты, то сможет избежать потрясений, и это единственный выход.

В своем представлении о революции П.А. Сорокин резко отличался от марксистов. Главное различие с марксизмом заключается в разном видении основной ее причины. Для П.А. Сорокина революция – это сумма разных ущемленных «переменных» человека и группы лиц. Марксисты считают, что она возникает из-за несоответствия между производительными силами и общественной надстройкой. Карл Маркс считал революцию двигателем общественного прогресса. Она была для него и отображением справедливости, ибо угнетенные классы совершали ее и побеждали. После нее общество быстро начинает идти вперед, освобождаясь от старых оков. Авторы и революционную ситуацию описывают поразному. Маркс акцентирует внимание на разные социальные бедствия, когда базис не может выдерживать настройку на себе. П.А. Сорокин – на ослабление условных рефлексов и «биологизации общества», слабости правящих групп. Различно и понимание в понятиях равенства для Маркса и П.А. Сорокина. Для русского социолога это выражено в развитых институтах социальной мобильности, которые позволяют индивиду получать многие блага сообразно с его возможностями. Для Маркса справедливость состоит в том, чтобы общество жило без эксплуатации человека человеком. Различается даже язык описания революций у двух традиций. У П.А. Сорокина это язык более мрачный, он рисует ее в темных красках. Также часто он дает уничижительные наименования революционерам – «коммунизаторы» и другие эпитеты, в то время как марксисты изображают ее в свете исторического прогресса и необходимости. Мы видим два ярко противоположных образа революции [3].

Далее хотелось бы затронуть различие взглядов П.А. Сорокина и функционалистов на предмет революции. Функционалист Ч. Джонсон видит в революции лишь случайный процесс, который может случиться или нет. Его вызывает неспособность государства подавить революцию, а

также вера восставших в свои силы и неверие людей в правильность существующих порядков, отрицание легитимности власти. Джонсон выделяет 2 истока революции – «вызовы среды» и «необходимость институционализации новых ценностей». Желая понять, почему люди, живя плохо, не поднимались против существующих порядков, Джонсон пришел к выводу, что революция не могла случиться в тех обществах, где правительство было сильно и революционеры не могли разобщить правящий класс. Джонсон старается отделить революцию от других видов социального протеста, например восстаний, также Джонсон считал, что революцию нельзя изучать через одно явление, а надо рассматривать ее как многофакторный процесс [4].

Таким образом, расхождение Питирима Сорокина с функционалистом заключается в том, что Джонсон считал, что революция – это процесс многосложный, и ее нельзя рассматривать через какую-то одну призму, в то время как П.А. Сорокин видел революцию как процесс ослабления условных рефлексов в обществе. Однако есть у них и схожее. Так, социолог и Джонсон сходятся в том, что революция возможна лишь там, где власть слаба.

В итоге мы можем сказать, что российско-американский социолог смог выдвинуть на революцию свой собственный взгляд и хорошо его обосновать благодаря широким познаниям в разных областях науки. Питирим Сорокин создал мрачный образ революции. Он не замечал многих ее положительных сторон, например обновление элит или появление новых властных структур. Если говорить о факторах, повлиявших на него, то мы, несомненно, не должны забывать об личном опыте ученого. Он потерял в ней много близких людей, признание на родине, да и саму родину. А поэтому нам уместно задать вопрос, а мог ли он сотворить другой образ? Его негативная оценка исходит из множества истоков, один из самых крупных – это его чувства и переживания. Однако, несмотря на показанные выше недостатки, мы вполне можем говорить, что Питирим Сорокин смог создать научную картину революции, которая отличалась от современных ему теорий. Таким образом, значительно продвинул гуманитарные и социальные науки вперед. В своем труде «Социология революции» он первым начал исследовать поведение человека и общества в революционных условиях. Не стоит забывать и о том, что он один из первых применил сравнительно-исторический метод к изучению рево-

люций. Многие ученые отмечают, что все последующие теории революции несут на себе отпечаток изысканий Сорокина.

Источники и литература

1. Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография / пер. с англ. А.В. Липский. М. : Моск, рабочий; ТЕРРА, 1992. 303 с.
2. Сорокин П.А. Социология революции. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 552 с.
3. Карчагин Е.В. Справедливость и революция в социальной философии К. Маркса // Logos et Praxis. 2018. Т. 17, № 4. С. 118–124.
4. Карасев Д.Ю. Теория революции Чалмерса Джонсона // Вестник Российского университета дружбы народов. 2014. Серия: Социология. С. 26–39.

УДК 005.92

А.Д. Зырянова

Место электронного документа в системе МВД России

Секция X: *Документ в эпоху цифровой трансформации*

В данной статье приводится характеристика электронных документов и электронных образов, выявлены их главные отличия. Проанализировано, какие документы оформляются в электронном виде. Даётся перечисление причин подготовки документов на бумажном носителе. Обозначены положительные и отрицательные стороны работы с электронными документами, а также представлены этапы их создания и движения в системе МВД России.

Ключевые слова: МВД, электронный документ, электронный образ, СЭД, ИСОД

С первого января 2016 г. работа с поступающими и подготовленными электронными документами и электронными образами в МВД ведётся с помощью сервиса электронного документооборота (далее – СЭД) [1]. СЭД – один из наиболее востребованных сервисов единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (далее – ИСОД МВД России).

Электронным документом принято считать документированную информацию, которая представлена в электронной форме. Зафиксированная информация в такой форме пригодна для восприятия человеком благода-

ря применению электронно-вычислительных машин и для передачи по информационно-коммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Данные документы создаются без предварительной подготовки на бумажном носителе. Электронные образы (электронные копии документа) – это копии документа, которые создаются в электронной форме в результате сканирования бумажных документов и хранятся в СЭД в регистрационно-контрольных формах [2].

В электронной форме создаются документы, в которых зафиксирована информация, касающаяся организационных, распорядительных функций управления, а также контроля и правовых вопросов. Помимо перечисленного, электронные документы содержат данные о планировании работы, о гражданской обороне, о вопросах безопасности движения, вневедомственной охране, а также ведомственной пожарной охране. В СЭД работают и с документами, которые связаны с формированием внутреннего документационного обеспечения и защиты информации, которая относится к государственной тайне. К документам, оформляющимся в электронном виде, относят и те, что включают в себя информацию по методическим и организационным вопросам работы архива в отдельных подразделениях МВД, по комплектованию, распределению, учёту кадрового состава, по вопросам разработки, согласования и внедрения телекоммуникационных и автоматизированных технологий и систем [3].

Несмотря на развитие электронного документооборота и удобство работы с электронными документами, деятельность с документами на бумажном носителе по-прежнему активно ведётся. Рассмотрим ряд причин, которые подчёркивают актуальность и необходимость использования в системе МВД традиционных документов. Во-первых, документы, в которых содержится государственная тайна и служебная информация ограниченного распространения, оформляются только на бумажном носителе. С данной информацией имеет право работать человек, у которого есть допуск к государственной тайне. Подчеркнём, что в СЭД в регистрационно-контрольные формы запрещено вносить данные, которые относятся к государственной тайне. Помимо этого, нет физической возможности создания электронного образа документа, имеющего гриф секретности или пометку «Для служебного пользования». Это условие отвечает требованиям Федерального закона о государственной тайне [4] и приказа МВД России № 755-2018 г. [5] и позволяет не допустить разглашения инфор-

мации ограниченного доступа, так как просматривать в СЭД регистрационно-контрольные формы документов могут не только делопроизводители, но и руководители, не имеющие соответствующей формы допуска. Во-вторых, периодически возникают системные сбои в ИСОД, вследствие чего работать в СЭД не представляется возможным. В таких случаях регистрация документов производится в бумажных журнальных или карточных учетных формах. В-третьих, далеко не все подразделения обеспечены рабочими местами для деятельности с СЭД, поскольку не имеется физической возможности проведения кабеля, нет достаточного финансирования, либо программное обеспечение не соответствует системным требованиям СЭД. В-четвёртых, в электронном виде не создаются документы, обязательные к обращению в бумажном виде. Согласование, а именно подписание и утверждение таких документов осуществляется только собственноручной подписью руководителя. К документам, оформляющимся традиционным способом, относятся: проекты межведомственных приказов и соглашений, проекты писем и планов с каким-либо ведомством, доверенности, которые выдаются руководителям отделов МВД России, материалы, формируемые в уголовные дела, и дела оперативного характера, материалы КУСП (материалы проверок по преступлениям и происшествиям) и криминалистических экспертиз [6]. В-пятых, в бумажном виде ведутся и хранятся личные дела сотрудников.

Как положительную сторону работы с электронными документами можно выделить обеспечение информационной безопасности и безопасного хранения, возможность удалённой работы. Подписание документов электронной подписью обеспечивает целостность и достоверность документа на протяжении его маршрута, автоматизированное присвоение регистрационного номера и даты электронному документу при отправке, а также присвоение штрих-кода для его быстрого поиска в регистрационно-контрольных формах в СЭД. В электронном виде можно вести номенклатурные дела, что позволяет экономить бумагу, время на подшивку документов. Применение электронных документов дает возможность экономить время и материальные средства при их отправке в другие подразделения МВД.

Несмотря на положительные моменты, есть и свои недостатки. Для ознакомления с электронным документом необходим персональный компьютер или планшетное устройство, либо документ распечатать на бума-

ге. Срок действия ключа электронной подписи по истечении установленного времени заканчивается [7]. Существует вероятность угрозы взлома системы, вследствие чего есть риск утраты информации. Нормативная база в области работы с электронными документами и применения электронного документооборота недостаточно развита на настоящий момент.

Для создания электронного документа с помощью СЭД исполнитель использует самостоятельно сформированные электронные шаблоны или электронные бланки. Создаваемый электронный документ должен быть оформлен по общим правилам делопроизводства и иметь реквизиты, принятые для аналогичного бумажного документа. Отметим, что в шаблонах электронных документов не используются два реквизита: «Государственный герб Российской Федерации» и «Эмблема МВД России». На автоматизированном рабочем месте пользователя СЭД исполнитель вносит данные в поля регистрационно-контрольной формы проекта документа и формирует маршрут его электронного прохождения. Он включает в себя последовательность действий для согласования и подписания документа. Затем исполнитель прикрепляет электронный образ документа в виде текстового файла или файла в формате pdf в СЭД к регистрационно-контрольной форме и направляет по сформированному маршруту согласования [6]. Согласованный проект электронного документа направляется на подпись руководителю. Затем документ, подписанный электронной подписью, возвращается исполнителю, который направляет его в отдел делопроизводства и режима для регистрации и отправки. Документ в данном отделе проходит проверку на соответствие оформлению по общим правилам делопроизводства и комплектности. Если документ оформлен неправильно, то он возвращается исполнителю на доработку с помощью СЭД. В случае если документ оформлен верно, сотрудник отдела делопроизводства и режима регистрирует его. При регистрации в СЭД применяется автоматизированное присвоение соответствующих номеров, сотруднику необходимо только перенести данную информацию на бланк в установленные строки. Документы в электронном виде подлежат отправке в сроки, принятые для аналогичных документов на бумажном носителе.

Электронные документы активно используются в настоящее время в органах внутренних дел. Их применение позволило значительно сократить время на поиск необходимых документов в архивах, регистрацию,

обработку и отправку корреспонденции сотрудниками подразделений делопроизводства и режима системы МВД России. Их применение позволяет оперативно доставлять корреспонденцию в органы и подразделения системы, что весьма положительно влияет на уменьшение сроков исполнения необходимых документов (поручения о производстве отдельных следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, запросов), связанных с выполнением оперативно-служебной деятельности ОВД.

При этом стоит отметить, несмотря на то, что значительная часть документации ведется в электронном виде, актуальности не теряет и работа с документами, подготовленными на бумажных носителях. Федеральная законодательная база в области электронного документооборота в настоящий момент недостаточна, что несколько сдерживает переход к широкому использованию электронных документов.

Источники и литература

1. О мерах по переходу на электронный документооборот : распоряжение МВД России от 9 нояб. 2015 № 1/9112. Документ официально опубликован не был.

2. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615: (ред. от 23 дек. 2020) // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2020. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=539374#uD3deKTT4Hgp9EgD (дата обращения: 03.04.2022).

3. Об утверждения перечня документов, образующихся в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, с указанием сроков хранения, создание, хранение и использование которых осуществляется в форме электронных документов : приказ МВД от 31 мая 2011 № 600) // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2011. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=538803#CZZdeKTVVzwdb2qR (дата обращения: 03.04.2022).

4. О государственной тайне : Закон от 21 июля 1993 г. № 5485-1 : (ред. от 11 июня 2021) // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2021. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/ (дата обращения: 03.04.2022).

5. О некоторых вопросах обращения со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России : приказ от 9 ноября 2018 г. № 755 // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312903/ (дата обращения: 03.04.2022).

6. По работе с документами и обращениями граждан и организаций с использованием Сервиса электронного документооборота Единой системы информационно-аналитического обеспечения МВД России : методические рекомендации

Департамента делопроизводства и работы с обращениями граждан и организаций МВД России от 28 сент. 2018 № 2/11100 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. М., 2018. URL: https://docs.cntd.ru/document/552177343 (дата обращения: 03.04.2022).

7. Семенов Е.Ю. Совершенствование управленческой деятельности в подразделениях МВД России с использованием сервиса электронного документооборота // Научный портал МВД России. 2020. № 3 (51). С. 121–124.

УДК 314.32.063

И.С. Иванченко

Незаконнорожденные в крестьянском обществе Тюменского уезда Тобольской губернии (на материалах метрических книг записей родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходу Тюменской Успенской церкви)

Секция IX: *Этнокультурное многообразие Евразии в историческом контекстсте*

В данной статье представлена проблема роста незаконнорожденных детей в крестьянской среде прихода церкви Успения Пресвятой Богородицы города Тюмени Тобольской губернии. С использованием архивных источников Государственного архива Тюменской области сделан вывод о том, действительно ли вследствие модернизации и перехода к индустриальному обществу в пореформенный период случился резкий скачок роста внебрачных рождений и произошло размывание традиционной семьи и патриархальных устоев в крестьянском социуме.

Ключевые слова: Тюмень, незаконнорожденные, пореформенный период, патриархальная семья, русские крестьяне

В России пореформенного периода вследствие модернизации и индустриализации общества стали происходить разнообразные демографические процессы, выражавшиеся в том числе и в снижении рождаемости, увеличении числа разводов, внебрачных сожительств и т.д. На основании этого некоторые ученые, такие как Ю.М. Гончаров и В.А. Скубневский, пришли к выводу о начале перехода в Сибири к новому типу рождаемости, свойственному индустриальному обществу [1].

Однако незаконнорожденные дети никогда не были чем-то из ряда вон выходящим ни для сельского, ни для городского общества России, а их появление на свет не считалось уникальным и единичным явлением.

В данной статье мы формулируем гипотезу о том, что в результате социального кризиса традиционной патриархальной семьи под влиянием индустриализации в городе Тюмени наблюдался небывалый рост внебрачных рождений, и на основе архивных источников даем ответ на следующие вопросы: можно ли считать рост числа рожденных вне брака детей резким и значительным или же рост числа внебрачных рождений шел медленно, по нарастающей? Был ли этот рост колебательным? Произошел ли он стремительно вследствие вышеобозначенных причин? Или же устои патриархальной семьи оставались сильны, несмотря на переход к индустриальному обществу, и не повлияли на традиционный уклад крестьянской семьи?

Одним из признаков перехода к индустриальному обществу является падение значения патриархальной семьи. Одновременно с этим, одним из критериев социального кризиса в традиционном обществе является увеличение числа рожденных вне брака детей, поскольку это является наглядным проявлением разрушения патриархальной системы ценностей, для которой рождение детей в законном браке является одной из основополагающих норм: христианская религия не одобряла многоженство, соответственно, отношение к незаконнорожденным детям, исходя из этого, являлось отрицательным.

Ввиду сильного влияния церкви на светскую жизнь в тот период, религиозные воззрения находили свое отображение и в светском законодательстве, что в совокупности в целом формировало негативный образ внебрачных детей в обществе [2]. Так, например, незаконные дети, даже если они были добровольно воспитаны предполагаемым отцом, согласно ст. 136 Законов гражданских, не имели права на его фамилию и имя, а также права становиться наследниками его имущества. Эта же статья в принципе отрицала любого рода гражданские права таких лиц.

Внебрачная рождаемость в деревне имела еще более губительные последствия как для матери, так и для ребенка, так как в деревнях чаще действовали нормы обычного права, нежели государственные законы, и на практике выходило так, что ни государство, ни крестьянская община не несли ответственность и не оказывали поддержки родившимся вне венчаного брака детям [3].

Отца можно было принудить содержать своего ребенка, но лишь вследствие буквы закона, обязывавшей отцов внебрачных детей «сообразно с состоянием своим обеспечить приличным образом содержание

младенца и матери», однако лишь принудительным способом вследствие уголовного розыска [4], что не относилось к ведению не уголовного, а гражданского суда, на практике получалось так, что лишь за матерью незаконнорожденного закреплялась обязанность по его содержанию [5], что приводило к росту числа подкидышей и убийств новорожденных [6. С. 74], поскольку матерями внебрачных детей по большей части становились несовершеннолетние крестьянские или мещанские девицы [7].

Так, например, в Государственном архиве Тюменской области нами было обнаружено несколько дел, подтверждающих подобные события, например, дела «О кр-нке Перебежкиной об выдавливании плода у дочери своей Ягодиной», «Об уничтожении плода кр-нкой девицей Андреевой», «О подкинутом кр-нами Вагановыми рожденного их дочерью ребенка», от 1882 г., «О повреждении беременности и скрытии ребенка кр-нкой Тушиной» от 1866 г., «О подкинутом ребенке гр-нкой Логиновой» от 1857 г. [8].

На основе данных метрических книг записей прихода Успенской церкви г. Тюмени за период с 1863 по 1897 г., а также дел об умерщвлении или подкидывании новорожденного ребёнка в чужие семьи, найденных в фондах Государственного архива Тюменской области, мы проанализировали численность незаконнорожденных детей по отношению к законнорожденным среди крестьян прихода Успенской церкви г. Тюмени в целом и провели сравнительную характеристику рождаемости в вышеобозначенном приходе.

Так, согласно данным прихода Церкви Успения Пресвятой Богородицы города Тюмени за 1863 г., было рождено в общей сложности 52 ребенка, из них 47 законнорожденных и 5 незаконнорожденных детей, около 9,6 % детей являлись незаконнорожденными, т.е. фактически каждый 10-й ребенок [9].

В 1865 г. из 42 появившихся на свет детей на 34 законнорожденных пришлось 8 незаконнорожденных, около 19 % являлись незаконнорожденными, т.е. фактически каждый 5-й ребенок [10].

В 1890 г. на 140 рождений за год пришлось 123 законнорожденных и 17 незаконнорожденных, около 12 % являлись незаконнорожденными, т.е. приблизительно каждый 7-й ребенок [11].

В 1895 г. на 153 рождения пришлось 119 законнорожденных и 34 незаконнорожденных, около 22 % являлись незаконнорожденными, т.е. фактически каждый 5-й ребенок [12].

Если проанализировать процент внебрачных детей по отношению к числу детей, рожденных в браке, то мы можем отметить тенденцию к росту, которая, впрочем, является колебательной, т.е. не происходит скачкообразно, резко, что может говорить о том, что наблюдался как рост рождения числа детей в целом, так и естественный прирост внебрачных рождений относительно возросших цифр общего числа рождений, из чего можно предположить, что понятие традиционной семьи действительно начинает размываться, однако, исходя из результатов нашего исследования, процентное соотношение незаконнорожденных по отношению к рожденным в браке детям остаётся примерно одинаковым как в годы начала претворения Великих реформ, так и в конце столетия, без радикального скачка в приросте, в результате чего мы можем заключить, что патриархальные устои в крестьянском социуме в данном регионе оставались прочными, и гипотеза о значительном росте внебрачных детей вследствие процессов модернизации не подтверждается.

Источники и литература

1. Юнусова Л.В. Рождаемость в городах Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Исторический ежегодник. 2012 : сборник научных трудов. Новосибирск : Параллель, 2012. С. 214–226.

2. Безгин В.Б. Правовое положение внебрачных детей в русском селе конца XIX – начала XX века // Право и образование. 2010. № 8. С. 124–129.

3. Барышникова А.С. История брачно-семейного права России в дореволюционный период // Знания молодых – будущее России : сборник статей XIX Международной студенческой научной конференции. Киров, 07–09 апреля 2021 года. Киров : Вятский государственный агротехнологический университет, 2021. С. 264–266.

4. Золотухина Ю.В. Регулирование рождаемости, незаконнорожденные и неродные дети в дворянских и крестьянских семьях в XIX – начале XX в. // Via in tempore. История. Политология. 2012. № 19 (138). С. 114–118.

5. Васев И.Н., Синкин К.А. Оформление брачного союза согласно обычному праву русской крестьянской общины в XIX в. // Право и политика. 2018. № 2. С. 60–66.

6. Потепалов Д.В. Права внебрачных детей в царской России // Высшее образование сегодня. 2015. № 1. С. 74–76.

7. Кабакова Н.В. Статус и права одинокой женщины в сибирском регионе в XVIII – первой половине XIX века // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века) : Всероссийская научная конференция, Новосибирск, 25–26 августа 2014 г. Новосибирск : Параллель, 2014. С. 52–58.

8. Государственный архив Тюменской области. Ф. И40. Оп. 2.

9. Метрическая книга записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходу церкви за 1863 г. // Государственный архив Тюменской области. Ф. И110. Оп. 11. Д. 24.

10. Метрическая книга записи родившихся, бракосочетавшихся и умерших по приходу церкви за 1865 г. // Государственный архив Тюменской области. Ф. И110. Оп. 11. Д. 26.

11. Метрическая книга Успенской церкви г. Тюмени за 1890, 1891, 1892, 1893, 1894 гг. // Государственный архив Тюменской области. Ф. И254. Оп. 1. Д. 72.

12. Метрическая книга Успенской церкви г. Тюмени 1895, 1896, 1897 гг. // Государственный архив Тюменской области. Ф. И254. Оп. 1. Д. 73.

УДК 316.72:329

С.В. Карими

Влияние массовой культуры на политическое представительство

Секция II: *Политическая наука: от локального к глобальному*

В данной статье проанализировано, как «политическая знаменитость» может нанести вред эффективности и благонадежности политического процесса. Сначала рассматривается функция избранных политиков, которые используют элементы «известности», чтобы заявить о своих претензиях на то, чтобы представлять группу или дело. Во второй части рассмотрены опасности, которые грозят этому явлению в обществе. Механизмы, влияющие на функционирование современной демократии, рассматриваются более систематически.

Ключевые слова: массовая культура, политическое представительство, политической процесс, СМИ, демократия

Понятие «политическое представительство», которое мы широко используем, кажется, имеет четкое и единообразное определение, но на самом деле существует обширная литература, которая предлагает множество различных определений этого неуловимого понятия. Как пишет итальянский историк Карло Гинзбург, «уничтожьте наше обманчивое знакомство со словами, такими как “представительство”, которые являются частью нашего повседневного языка» [1].

Сегодня мы наблюдаем достаточно широкое недовольство политикой. Это проявляется в падении явки, низком доверии к политикам и особенно к их партиям. Зигмунт Бауман писал о постсовременности: «Снижается интерес к Политике с большой буквы (то есть к политическим движени-

ям, политическим партиям, к составу и программам правительства)…» [2], а в итоге исчезает из общественной жизни ключевой актор демократии – Гражданин. Люди становятся читателями таблоидов, зрителями телешоу, подменяющих стратегии сиюминутными сюжетами, где главной фигурой эксперта становится шоумен. Часто в таких случаях происходит сдвиг в сторону аудиторной демократии, идеи которой сформулированы французским политическим теоретиком Бернаром Манином. Манин описывает граждан как «аудиторию» (отсюда и его определение «аудиторной демократии») по причине роста авторитета политических фигур и, в более общем плане, персонализации политики. Манин приводит две основные причины этого:

1) Средства массовой коммуникации формируют коммуникацию между политическими акторами и гражданами, подчеркивая личные качества политиков, а не партии и группы, к которой они принадлежат. Более того, политические деятели, склонные к появлению в медиапространстве, потенциально могут получать преимущества перед своими соперниками.

2) Сфера деятельности правительства изменилась и расширилась из-за растущей политической и экономической взаимозависимости между органами управления, что делает политические вопросы менее предсказуемыми и более широкими по своему аспекту. В рамках этого сценария доверие становится все более важным в отношениях между избирателями и кандидатами не на основе социально-экономического или идеологического сходства между ними, а скорее в зависимости от того, в какой степени конкретный политический актор кажется наиболее квалифицированным для решения конкретных вопросов [3].

Эту персонализацию с участием политических знаменитостей можно рассматривать как позитивный шаг к восстановлению вовлеченности граждан в политику: политики рассматриваются как личности, некоторые вызывают восхищение, некоторые не нравятся, но они стали частью повседневной жизни людей. С другой стороны, представление политики как моноспектакля хороших / плохих личностей, а не коллективного процесса искажает реальность политического процесса. Кроме того, более вероятно, что обретение политической власти знаменитостями приводит к популизму, который губителен для демократии, которая помогла им прийти к власти.

С достаточной долей уверенности мы можем назвать поворотный пункт и ключевую фигуру, символизирующую поворот политики к шоу. Это 1970-е гг., когда в Италии усилиями мультимиллионера от шоубизнеса Сильвио Берлускони было внедрено коммерческое телевидение. Капитал, личное обаяние человека без комплексов, личная медиаимперия позволили самому Берлускони пять раз становиться премьер-министром Италии, а главное – задать новый формат политики для массовой публики.

В любом случае рассмотрим список знаменитостей, которых привлекла политика. Ими являются такие личности, как Рональд Рейган, Доналд Трамп, Имран Хан, Арнольд Шварценеггер, Владимир Зеленский и много другие. Все эти люди считались «селебрити» до прихода к власти. Но что означает само слово «селебрити»? Термин «селебрити» имеет корни от латинских «celebritas» (известность) и «celeber» (часто посещаемый). Таким образом, «селебрити» располагает своей «известностью» и имеет имя, которое «не требует дополнительной идентификации». Как правило, эта «известность» исходит из музыкального таланта человека, актерского мастерства или спортивного мастерства. Однако в постоянно расширяющемся медиа-окружении известность без какого-либо таланта также является обычным явлением в наши дни. Следует подчеркнуть, что воздействие СМИ – это кислород, который поддерживает современных знаменитостей. В целом знаменитость – это крайне нестабильный статус, который может измениться в одночасье. Это обстоятельство также связано с предпочтениями аудитории и национальным контекстом. Как правило, знаменитости – экстраверты, и им нужно привлекать внимание к себе. Рональд Рейган в большей степени повлиял на формирование убеждения среди актеров, что политика – следующий шаг в их карьере. И если широкая общественность следует их стилю, то почему не будет и их политике? Еще один примечательный момент заключается в том, что вместе с популярностью создается доверие: люди верят, что этим людям не нужны ни слава, ни деньги, ни реклама, так как они уже имеют все это и стремятся в политику только для служения народу. На самом деле эти люди не имеют ничего общего с народом, а лишь создают новую политическую элиту.

В течение десятилетий специалисты по коммуникациям утверждали, что средства массовой информации (в частности, телевидение, а затем и

интернет) составляют новую «общественную сферу»; место, где обсуждаются и разрабатываются вопросы, относящиеся к гражданству и обществу в целом. Но в настоящее время политические репортажи в средствах массовой информации становятся все более «персонализированными», представляя проблемы как личное мнение одного политика, а не идеологическое или партийное. Точно так же принятие или отклонение политического аргумента все чаще приписывается человеку, выдвигающему аргумент, а не идеологической точке зрения, на которой аргумент построен. Этот сдвиг в сторону персонализации политики сопровождается усилением внимания к частной жизни и делам политиков, а не к их институциональным успехам и неудачам. Как сказал Пол Бегала (бывший советник президента Билла Клинтона), «политика – это шоу-бизнес для некрасивых людей». В таких условиях слава была сконструирована как производственный процесс. Многие политические знаменитости используют социальные сети, чтобы общаться с образом жизни молодых граждан, подключенных к сети, чтобы заручиться их поддержкой и положительным мнением. В этом состоянии иллюзия ошибочно принимается за реальность, личностям отдается предпочтение перед партией, а притворство выше компетентности. По сути, мы живем в эпоху современной софистики, где добродетель – это хорошее исполнение, направленное на создание убедительной политической фигуры в сознании людей [4].

При господстве формы над концепцией подробно рассматриваются одежда и макияж женщин-политиков, но ничего не говорится об их достижениях, не упоминаются препятствия, стоящие на их пути к власти. Рабочие и обездоленные люди поддерживаются на словах, в то время как не реализуется никакого плана по улучшению их положения. Этнические меньшинства используются в качестве исключения только тогда, когда политическим представителям необходимо получить больше легитимности. Чтобы пройти эти хаотические времена, нужна подлинность, а не поверхностность. Чтобы быть уверенными в функции политиков-знаменитостей, стоит посмотреть на администрацию Рейгана, Трампа и Зеленского для более глубокого понимания.

Источники и литература

1. Ginzburg C. Représentation: le mot, l'idée, la chose // Annales. Histoire, Sciences Sociales. 1991. Vol. 46, № 6. P. 1219–1234.

2. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. 390 с.

3. Manin B. The principles of representative government. New York : Cambridge University Press, 1997. 254 p.
4. Van Zoonen L. Entertaining the citizen: When politics and popular culture converge. Lanham : Rowman & Littlefield, 2005. 181 p.

УДК 93194 “19”

Т.А. Касьянова

Общенациональная идея объединения П.Б. Струве в 1920-е гг.

Секция I: *Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы*

В работе рассматривается эволюция взглядов П.Б. Струве на проблему объединения всех антибольшевистских сил, представлено его видение ситуации как в эмиграции, так и в самой России. Основным источником исследования являются работы самого П.Б. Струве, прежде всего его статьи 1925–1935-е гг., которые он публиковал в газете «Возрождение», объединенные в сборник под названием «Дневник политика».

Ключевые слова: П.Б. Струве, газета «Возрождение», русское зарубежье, первая волна эмиграции, общенациональная идея

Феномен русского зарубежья заключается в том, что часть интеллектуальной элиты по своему собственному желанию или же принудительно покинула Россию по политическим или национальным причинам. Находясь в эмиграции, она оставила значимый след в различных областях культуры (литература, музыка, изобразительное искусство и пр.) и всяческим образом критиковала не принятую ею советскую власть с помощью периодических изданий, научных статей, публичных выступлений, преподавательских трибун. Многие интеллектуальные тенденции привнесли в Европу именно русские эмигранты. В работе акцентировано внимание на первую волну эмиграции (1918–1940), которая посредством эмигрантской прессы, съездов, статей создавала образ окружающего ее мира и пыталась осуществить свою главную цель – способствуя свержению большевизма в России, вернуться домой.

В период первой волны эмиграции происходит попытка найти способы реализации этой цели. Однако идеологическая разобщенность эмиграции является главной проблемой русского зарубежья, что мешало консолидации сил подобно единому и целостному организму. Поэтому очень важно

прослеживание на идейной арене идеи П.Б. Струве, который был одним из немногих, кто увидел в этом главную проблему, и решением ее считал идею русского национального возрождения, при обращении к которой, на его взгляд, могли объединиться все силы русского зарубежья.

П.Б. Струве был одним из лидеров «Союза освобождения» 1904 г. – политическое движение, выступавшее за политические свободы в Российской империи, состоял членом партии кадетов. В 1907 г. он стал депутатом II Государственной думы, где на него повлиял П.А. Столыпин, на которого он часто ссылался в «Дневнике политика» [1. С. 83]. Не принял революцию и всячески выступал против нее. В это время становится яркой фигурой Белого движения: входил в состав Особого совещания при Деникине, состоял членом правительства Врангеля. Затем в 1919 г. эмигрировал в Софию, где издавал журнал «Русская мысль». Уже позднее активно занимался университетской деятельностью, читал лекции о русской истории, науке, о состоянии России в тот или иной период. В 1925 г. он переехал в Париж, где был одним из главных редакторов русских эмиграционных газет «Возрождение» монархического толка, «Россия», «Россия и славянство» – печатный орган национально-освободительной борьбы. В этих газетах он пытался дать собственное понимание состояния общества, государства, экономики Советской России и Европы, следил за разворачивавшимися движениями, международными проблемами и интеллектуальной мыслью своих коллег.

Основным источником исследования являются работы самого П.Б. Струве, прежде всего его статьи за 1925–1935-е гг., которые он публиковал в газете «Возрождение», объединенные в сборник под названием «Дневник политика».

Цель работы – на примере политической публицистики П.Б. Струве выявить направленность и особенности поиска общенациональной идеи через объединение разнородных сил в борьбе с советским режимом и осмысление того, какими путями может произойти национальное возрождение России.

По мнению П.Б. Струве, именно через осмысление прошедших событий в России можно судить о том, как должно действовать русское зарубежье. П.Б. Струве считал, что нужно учиться на своих ошибках, поэтому возможно такое понимание общенациональной идеи – попытка определения или объяснения того, по какому пути развивались, развиваются и

должны развиваться государство, общество, народ как что-то цельное и неделимое, исходя из принятых систем ценностей, традиций и идей.

Эта идея была достаточно важной, о чем нам говорит количество самих публикаций. За 1925 г. мы наблюдаем 10 статей из 37 с упоминанием идеи объединения. В 1926 г. – 28 из 77, в 1927 г. – 24 из 127, в 1928 г. – 9 из 27 и, наконец, в 1929 г. – 11 из 49. Таким образом, мы можем сделать вывод, что, возможно, исходя из количества публикаций, эта идея не была главенствующей, но всё же она входила в основной пласт политических задач русского зарубежья. Стоит отметить, что всё же главное не количество статей, а их качество. Мы можем наблюдать, что эти идеи ни в коем случае не упоминаются просто вскользь: им посвящены отдельные обширные публикации. Так, некоторые статьи говорят об этом прямо, выражая идею общенационального объединения как важную цель русского зарубежья (статьи имеют и соответствующее название: «Еще о духе соглашения и единения» и пр.) [1. С. 152].

На идеи П.Б. Струве повлияла историческая обстановка, в которой он жил. На то, что в 1926 г. стало больше упоминаний, могли повлиять события, происходившие, например, в Чехословакии. Там происходят так называемые сокольские торжества – молодежное движение с целью объединения народа. У «Сокола» присутствует дух народного единства [1. С. 128]. Так, для П.Б. Струве выстроился идеал того, как должно выглядеть национальное содружество. Поэтому можно сделать вывод, что и это событие повлияло на дальнейшее развитие общенациональной идеи объединения, но уже в России.

Этих идей становилось больше, и им посвящались отдельные статьи не только из-за осмысления событий, происходящих в Европе, но и потому, что для П.Б. Струве стало важно обращаться к молодёжи. Например, П.Б. Струве писал, что молодёжная среда свободна от предрассудков, которые неизбежно обнаруживаются у поколения старшего. Он считал, что именно её связь с национальной историей и традициями посредством объединения с предыдущим поколением спасет Россию [1. С. 123]. Таким образом, П.Б. Струве уже предполагал, что этот труд будут читать потомки, поэтому через эти идеи их наставлял и поучал, чтобы идеи не забывались и чтобы молодёжная среда всё же каким-либо образом обращалась к прошлому.

П.Б. Струве на своем примере показал, что, осмысляя прошлое, русские эмигранты могут сформировать своё представление того, как долж-

ны выглядеть настоящее и будущее России. Так, например, революция 1905 г. убедила П.Б. Струве в том, что деятельность революционных партий приведет Россию к катастрофе. Отсюда его неприязнь к нескончаемым партиям и программам и формирование идеи о том, что всё это лишь разобщает общество. Та же Февральская или Октябрьская революция восторжествовала не силою народа, а его слабостью. Поэтому и сложно возродить Россию, потому что за социализмом, на взгляд П.Б. Струве, стоит насилие. Таким образом, осмысляя события, происходящие как в Европе, так и в России, в эмигрантской среде можно было оценить перспективы будущей судьбы России, поскольку, как писал П.Б. Струве, возрождение России возможно лишь со связью с прошлым.

Идея со временем стала приобретать более широкие масштабы. Так, например, П.Б. Струве к 1927 г. пишет о том, что нельзя допускать разногласия, разобщающие уже целые государства (а не просто народ, представителей общественной мысли и пр.), поскольку надо вместе бороться против коммунизма (или социализма, П.Б. Струве не видел особой разницы между этими понятиями). Вообще, все идеи теперь направлены на рефлексию социализма (что это, куда он ведет, какие страны подвергнуты его влиянию и какие от этого последствия и пр.).

В публикациях за 1928 г. присутствует статья «Три задачи зарубежья» [1. С. 404], где одна из задач формулируется как осуществление подъема национального духа. То есть если русское зарубежье будет иметь своё национальное лицо, то только тогда оно может объединить усилия для борьбы с советской властью. В этом же году очень чётко выстраиваются экономические и политические программы того, как должна выглядеть Россия.

Для 1929 г. характерна очень сильная обращенность к «внутренней России» [1. С. 123], как сам называет это П.Б. Струве. Он пишет, что, наоборот, приуменьшал раньше силы России. Он заключает, что зарубежье так и не решило свои разногласия в прошлом. Таким образом, П.Б. Струве всё еще видит проблемы зарубежья в том, что оно разобщено, и от идеи объединения еще не отказывается.

В заключение можно сказать, что общенациональная идея была очень важна в условиях эмиграции. Она поспособствовала тому, что в меняющихся исторических условиях русским эмигрантам в 1920-е г. не удалось раствориться в европейской культуре и потерять свою идентичность и

самосознание. Если русское зарубежье будет обращаться к своему прошлому, то ему удастся выстроить духовную связь со своей Родиной, со своей национальной историей, тогда «крушение» России, о котором говорил П.Б. Струве, не произойдет. Безусловно, русское зарубежье вбирало в себя элементы западной культуры, поскольку Европа стала той территорией, где и создавалось творчество интеллектуальной элиты России. Но всё же в этой среде присутствовала и собственная идентичность, которая позволяла не угасать дискуссиям касательно возможной альтернативы существовавшему политическому строю в России и развития родной страны в целом. Этот союз двух культур оставил след как в российской, так и в западной науке. Изучение результатов трудов представителей русской эмиграции позволит пересмотреть некоторые аспекты тотальной истории.

Источники и литература

1. Струве П.Б. П.А. Столыпин // Дневник политика (1925–1935) : сборник статей. М. : Русский путь, 2004. 869 с.

2. Вандалковская М.Г. Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.). СПб. : ЦГИ Принт, 2015. 148 с.

3. Кутаренкова Т.С. П.Б. Струве – редактор газеты «Возрождение» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2011. № 6. С. 76–85.

4. Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идейно-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. / пер. с фин. Л.В. Суни. СПб. : Коло, 2004. 352 с.

УДК 94(47).084.6

А.А. Кожаева

Феномен вынужденной миграции «лишенцев» сельских районов Западной Сибири в города в 1928–1936 гг.

Секция IV: *Городская и сельская истории: социальные общности и культурные практики*

Исследование посвящено изучению отхода «лишенцев» Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири в города. Выявив причины и формы вынужденной миграции «лишенцев», автор приходит к выводам о влиянии кампании «лишенчества» на традиционную социальную структуру Сибири.

Ключевые слова: «лишенцы», социальная дискриминация, отход в города, сталинизм, Западная Сибирь, СССР

Конституция РСФСР 1918 г. определила [1. С. 29] 7 категорий лиц, которые лишались избирательных прав («кулачество», священнослужители, торговцы, бывшие белые офицеры и пр.). Реальной целью кампании «лишенчества» являлось исключение неподконтрольных власти слоев населения из жизни постреволюционного общества. Именно поэтому избирательная дискриминация не ограничивалась рамками правовой сферы, а ужесточалась сопутствующими ограничениями в различных сферах жизни «лишенцев» (исключение из колхозов, потеря работы, лишение карточного снабжения, исключение из образовательных учреждений и пр.). Юридически законодательная практика лишения избирательных прав закончилась с принятием Конституции СССР 1936 г.

Сибирь к началу XX в. представляла собой традиционный сельскохозяйственный регион с преобладающим числом крестьян в социальной структуре населения. Однако в результате реализации государственной политики в деревне в конце 1920-х – начале 1930-х гг. произошло радикальное разрушение сложившейся социальной структуры региона. Таким образом, в этот период одновременно наблюдались два трансформационных социальных процесса. С одной стороны, происходил значительный отток населения из сельской местности, с другой стороны, массовый приток населения в города привел к окрестьяниванию городов, когда значительная часть крестьян оказывалась занятой на производстве.

Отход в города вызывался разными обстоятельствами и причинами, а также осуществлялся в разных формах: организованных, принудительных, добровольных, естественных, вынужденных, стихийных. Дискриминации и репрессии в отношении сельских жителей влекли за собой массовый отход крестьян в крупные города и на стройки. Таким образом, миграция «лишенцев» в города в конце 1920-х – начале 1930-х гг. носила стихийный и вынужденный по своей природе характер, противоположный естественной миграции.

Цель работы состоит в реконструкции поведенческих практик «лишенцев» в процессе вынужденной миграции в города. Для реализации указанной цели необходимо определить причины оттока сельских «лишенцев» в города, а также выявить основные его формы.

Основным источником, позволяющим дать ответы на поставленные вопросы, являются ходатайства «лишенцев» о восстановлении в избирательных правах, подаваемые в избирательные комиссии разных уровней

(от сельских Советов до Центральной избирательной комиссии). Источниковой базой исследования, таким образом, являются хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (ГАНО) ходатайства «лишенцев» двух районов Новосибирского округа Западно-Сибирского (Сибирского края): Маслянинского (Никоновского) и Искитимского (Бердского). Исследовательская выборка составляет 17,1% (170 «лишенцев») от общего количества личных дел лишенцев в фонде Маслянинского района (Р-449), а также 16,7% (132 «лишенца») от общего количества личных дел лишенцев в фонде Искитимского района (Р-447). При составлении выборки использовался принцип стихийной социологической выборки, подразумевающий составление выборки исследования в случайном порядке независимо от пола, возраста, категории «лишенца».

Выбор Маслянинского и Искитимского районов в качестве территориальных рамок исследования объясняется рядом причин. Во-первых, нас интересовал социальный состав указанных районов, представленный, с одной стороны, преобладающим числом крестьянства, с другой – в 1930-е гг. из-за политики государства в деревне и индустриализации региона существенно расширяется прослойка рабочих, занятых на производстве и шахтах. Во-вторых, архивные фонды указанных районов являются наиболее полными и дошедшими до нас в лучшей сохранности.

Государство, желающее развивать промышленность, уже в первой пятилетке столкнулось с нехваткой рабочих рук. Попытка устранить дефицит путем организованного набора или «вербовки» (привлечение рабочей силы через вербовщиков в селе), предпринятая государством, не принесла значительных результатов из-за многих причин (неудовлетворительная организация, нежелание крестьян покидать свои хозяйства и пр.). В то же время власть стремилась ограничить и стихийный самотек крестьян в города, о чем свидетельствует Постановление СНК СССР от 17 марта 1933 г. о льготах для отходников, ушедших в города на основе специального договора с хозорганами [2]. Мотивации «лишенцев», в отличие от единственной цели подачи ходатайств, заключающейся в восстановлении в избирательных правах, могли различаться в каждом отдельном случае. Именно мотивации, которые не всегда прямо декларировались в ходатайствах, позволяют найти причины оттока «лишенцев» в города.

На основе анализа ходатайств «лишенцев» выборки просматривается несколько возможных причин оттока «лишенцев» в города. Во-первых,

дискриминированные попадали в тяжелую материальную ситуацию из-за конфискации имущества, потери продовольственных пайков, исключения из колхозов и пр. Именно экономические причины часто ставили перед «лишенцами» проблему необходимости переезда в город на заработки, в том числе из-за невозможности продолжения ведения собственного хозяйства. Во-вторых, статус «лишенца» имел тяжелую социально-психологическую окраску, поэтому избавление от него виделось единственным способом выйти из положения маргинала в обществе.

На основе анализа ходатайств были выявлены 46 «лишенцев» (33 и 13 «лишенцев» в Искитимском и Маслянинском районах соответственно), которые упоминали города в своих текстах. Авторы ходатайств Искитимского района указывали г. Новосибирск местом жительства, а также писали о работе в Новосибирске и Бийске. Переезд в город был достаточно распространенной практикой для жителей Искитимского района благодаря наличию проходившей по территории района железной дороги. В то же время «лишенцы» Маслянинского района реже приводили аргументы о переезде в город, но упоминали большую географию мест заработка: Новосибирск, Анжеро-Судженск, Кузнецк, Кемерово, Ленинск-Кузнецк, Тара, Томск.

«Лишенцы» имели разные стратегии при указании городов в своих ходатайствах. Работа в городе виделась большинству авторов ходатайств (20 «лишенцам») доказательством преданности власти. Последнее является вполне обоснованным, учитывая процедуру восстановления в избирательных правах, закрепленную в Инструкции о выборах в Советы 1926 г. [3. Ст. 577]. Согласно тексту инструкции, необходимым условием для восстановления в избирательных правах являлось наличие пятилетнего трудового стажа и доказательств лояльности власти. Именно поэтому «лишенцы» акцентировали внимание на «добросовестное» и «аккуратное» выполнение работы, ссылались на наличие трудового стажа и премий. Стоит отметить, что каждый факт в ходатайстве необходимо было подтвердить справками с мест работы, ударническими и трудовыми книжками и пр., отсутствие или недостаток могли привести к неудовлетворительному результату.

7 «лишенцев» выборки писали о том, что не смогли покинуть село и устроиться в городе из-за дискриминационного статуса, поэтому они использовали стратегию обращения к своему будущему, а именно к переез-

ду в город после восстановления в избирательных правах. Так, например, Е.И. Веснин, лишенный избирательных прав, как сын «эксплуататора наемной силы», в своем ходатайстве писал, что «лишение» ставит его в крайне затруднительное материальное положение, поэтому он обращается к избирательной комиссии с просьбой: «принимая во внимание все мои обиды прошу оппер тройку разобрать и выяснить об отпуске меня на работу в город Новосибирск» [4. Л. 12].

Аргумент переезда в город использовали 17 молодых «лишенцев» для доказательства разрыва с дискриминированными родственниками, оставшимися в селе. Положение категории «членов семей лиц, лишенных избирательных прав», введенной в избирательное законодательство в 1925 г. [5], было несколько облегчено Постановлением ЦИК СССР «Об устранении нарушений законодательства СССР» от 22 марта 1930 г. [6. Ст. 212]. Дети «лишенцев» отныне могли восстановиться в избирательных правах при условии достижения совершеннолетия и потери связи с родителями. Ярким доказательством такого разрыва становился переезд в города, который мог быть также подкреплен сведениями о работе на производствах города. Так, братья К.И. Бархатов и Л.И. Бархатов [7], лишенные избирательных прав вместе с отцом, добились восстановления в избирательных правах благодаря потери связи с семьей и «самостоятельной работе» в Новосибирске с 1930 по 1935 г. Обратная практика, заключавшаяся в отъезде взрослых «лишенцев» (2 человека выборки) к детям, проживающим в городе, создавала потенциальную опасность для дискриминации молодежи. Линия поведения родителей в этом случае преследовала цель демонстрации собственной заинтересованности в труде своих детей, которая совмещалась также с невозможностью продолжения жизни на селе.

Важно отметить, что правительство предпринимало попытки остановить отток дискриминированного населения из села в город. С этой целью, согласно Постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) от 30 января 1930 г. предписывалось очищать промышленные предприятия от «отдельных кулацких элементов» [8. С. 75], отмечая при этом выборочный, а не массовый характер чистки. 3 февраля 1930 г. СНК СССР постановил создать специальную комиссию для разработки «срочных мероприятий по очистке промышленных учреждений и транспорта от отдельных кулацких элементов» [8. С. 8]. Однако ни указанные постановления, ни введение паспортной системы в 1933 г. не привели к сокращению стихийной миграции.

Таким образом, отход в города совмещал в себе две функции для «лишенцев»: социальной практики и тактики в борьбе за восстановление в правах. Указанная цель достигалась в случае достаточной доказательности указанных в ходатайстве фактов. Так, из выборки Искитимского района восстановления в правах добились 18 лишенцев (13,6%), из которых 10 писали о переезде в города на производство. В Маслянинском районе ситуация оказалась несколько хуже, поскольку из 18 восстановленных лишенцев (10,5%) только четверо писали о переезде в город.

Чрезвычайные дискриминационные меры советского государства, одной из проявлений которых являлась избирательная дискриминация вместе с сопутствующими ей ограничениями, приводили к негативной трансформации социальной системы деревни. Последнее привело к росту численности городского населения, а также к глубокому кризису развития сельского хозяйства, вызванного страхом развития единоличных хозяйств.

Источники и литература

1. Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 года. Ст. 65 // Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). М., 1940. 298 с.

2. Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. «Об отходничестве» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. М., 2022. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3738.htm (дата обращения: 12.05.2022).

3. Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 75.

4. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 125.

5. Декрет ВЦИК «Об утверждении инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов» от 13 октября 1925 года // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. М., 2022. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2697.htm (дата обращения: 12.05.2022).

6. Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1930. № 19.

7. ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 42.

8. Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. : в 2 кн. Кн. 1. М. : РОССПЭН, 2005. 912 с.

УДК 327

Ю.А. Кориневский

Перспективы участия Российской Федерации в интеграционных процессах Латинской Америки

Секция V: *Мировой порядок вчера, сегодня, завтра: взгляды из США, Европы и ЕАЭС*

В статье проводится анализ нынешнего уровня взаимоотношений России с различными интеграционными объединениями Латинской Америки и возможных перспектив углубления сотрудничества. После введения санкций в 2014 г. перед Россией встала необходимость поиска новых рынков сбыта своей продукции, а также сотрудничества со странами неевропейского региона. В связи с последними событиями и новым кризисом отношений Запада и России эта необходимость становится ещё больше.

Ключевые слова: Латинская Америка, Россия, интеграционные процессы

Латинская Америка – регион с богатыми залежами ресурсов и с населением порядка 650 млн человек (около 9% населения Земли), что делает его привлекательным рынком для торговли и инвестиций. Кроме того, с 1960-х гг. в регионе предпринимаются различные попытки формирования интеграционных объединений с целью унификации усилий различных стран континента в деле развития экономики и увеличения политической важности и независимости. В то же время в Латинской Америке были достаточно сильны позиции СССР, что было связано со стратегической важностью региона в деле соперничества с США. В XXI в. интеграционные процессы в регионе только усилились, а потребность России в новых партнёрах и рынках сбыта стала ещё более актуальной, этому способствовали санкции США, Канады, Японии и Европейского союза после событий на Украине в 2014 г.

Цель работы – выявить перспективы сотрудничества России с различными интеграционными объединениями Латинской Америки.

Задачи – охарактеризовать нынешний уровень взаимоотношений этих организаций и России, выявить возможные перспективы углубления сотрудничества.

Используемые методы: контент-анализ заявлений официальных лиц РФ, ЕАЭС, стран регионов и региональных организаций, анализ отчётов об экономических взаимоотношениях России и интеграционных объединений Латинской Америки.

Актуальность – после введения санкций в 2014 г. перед Россией встала необходимость поиска новых рынков сбыта своей продукции, а также сотрудничества со странами неевропейского региона. В связи с последними событиями и новым кризисом отношений Запада и России эта необходимость становится ещё больше.

В результате анализа были выявлены следующие тенденции:

1. Начиная с 2014 г. Россия через Евразийский экономический союз улучшила свои отношения с интеграционными объединениями Латинской Америки. Так, были заключены Меморандумы о взаимопонимании между ЕЭК и Генеральным секретариатом Андского сообщества (2017 г.), Латиноамериканской экономической системой (2018 г.), Секретариатом по экономической интеграции в Центральной Америке (2021 г.), Декларация о партнерстве между ЕЭК и государствами-участниками Рамочного соглашения Тихоокеанского альянса (2019 г.) и Меморандум о сотрудничестве по торгово-экономическим вопросам между ЕЭК и МЕРКОСУР (2018 г.). В то же время у ЕЭАС нет соглашения с ещё двумя крупными экономическими организациями региона – Организацией Восточнокарибских государств и Карибским содружеством [1].

2. Несмотря на попытки углубления сотрудничества в торговле, на сегодняшний день доля российского экспорта крайне мала для стран-членов различных интеграционных объединений. Более того, с началом пандемии эти показатели ухудшились для большинства организаций. Так, доля экспорта из России в страны Ассоциации Карибских государств в 2019 г. составляла 0,42%, а в 2020 г. – 0,37%; в страны АЛБА – 2,01% в 2019 г. и 1,83% в 2020 г.; в страны Центральноамериканского общего рынка – 0,41% в 2019 г. и 0,39 % в 2020 г.; в страны Андского содружества – 0,81% в 2019 г. и 0,61% в 2020 г.; в страны Карибского содружества – 1,17% в 2019 г. и 1,20% в 2020 г.; в страны МЕРКОСУР – 1,67% в 2019 г. и 1,47% в 2020 г., в страны Организации Восточнокарибских государств – 0,16% в 2019 г. и 0,01% в 2020 г. Доля латиноамериканских интеграционных организаций в импорте России также составляет крайне малую долю. Так, доля экспорта из стран Ассоциации Карибских государств в Россию в 2019 г. составляла 0,33%, а в 2020 г. – 0,35%; из стран АЛБА – 0,04% в 2019 г. и 0,05% в 2020 г.; из стран Центральноамериканского общего рынка – 0,05% в 2019 г. и 0,04% в 2020 г.; из стран Андского содружества – 0,51% в 2019 г. и 0,76% в 2020 г.; из стран Карибского

содружества – 0,03% в 2019 г. и в 2020 г.; из стран МЕРКОСУР – 1,31% в 2019 г. и 1,35% в 2020 г., из стран Организации Восточнокарибских государств 0,00007% в 2019 г. и 0,00003% в 2020 г. [2].

3. В последние годы своё экономическое присутствие в Латинской Америке всё больше наращивает КНР, что может отрицательно сказаться на попытках России расширить своё торговое влияние в этом регионе. Так, например, если общая доля импорта из КНР в страны Америки за исключением США и Канады в 2019 г. составляла 18,2%, то в 2020 г. она выросла до 19,6%, в то время как доля США упала с 32,5% в 2019 г. до 31,2% в 2020 г. Доля России в импорте стран Латинской Америки незначительна и составляла 0,7% в 2019 г. и 0,6% в 2020 г. Также стоит отметить, что крупнейшими категориями импорта (по Lall classification от ЮНКТАД) в Латинскую Америку являются «Высокотехнологичное производство: электроника» (15% импорта) и «среднетехнологичное производство: машиностроение» (17% импорта). При этом импорт из КНР в эти страны также представлен таким образом, что эти категории занимают наибольшие доли. В структуре импорта из России преобладают категории «среднетехнологичное производство: процесс» (около 50 % всего импорта из РФ в Латинскую Америку), в которую входят продукты химической отрасли, и «первичные продукты» (около 20 % всего импорта из РФ в Латинскую Америку) (таблица).

4. На сегодняшний день в Латинской Америке существует большой спрос на российские товары, причём не только на сырьё. Повышенным спросом пользуется продукция химической отрасли (например, Бразилия является крупнейшим импортёром российских удобрений), машиностроения (например, КАМАЗ поставляет свою продукцию на Кубу и Венесуэлу) и т.д. Кроме того, российские специалисты обладают навыками, необходимыми для развития различных отраслей экономик региона. Так, например, эксперты РОСАТОМа ведут свою деятельность в Аргентине, Боливии, а в Бразилии открыто его региональное представительство [3].

Таким образом, можно констатировать, что рынки Латинской Америки являются очень перспективными для России. Странам региона нужен богатый опыт технологичной продукция, а России – рынки сбыта. На фоне нового левого поворота, когда всё больше правительств Латинской Америки ищут альтернативных США партнёров по всему миру, Россия может выступить реальным конкурентом гегемону в лице США.

Структура импорта в Латинскую Америку из РФ, КНР и США [2]

	2019	РФ	КНР	США	2020	РФ	КНР	США
Первичные продукты	114 977 141	**1 545 833**	3 645 597	49 343 354	95 806 534	**1 188 930**	3 302 870	41 579 821
Сырьевые производства: сельскохозяйственная продукция	65 487 608	338 138	5 337 952	20 652 604	56 875 470	248 806	4 610 202	17 911 930
Сырьевые производства: прочее	136 955 686	616 451	10 959 899	**77 833 064**	96 537 458	350 093	9 420 118	**52 948 290**
Низкотехнологичное производство: текстиль, одежда и обувь	44 086 514	3 426	17 715 987	7 649 802	38 073 997	3 340	16 700 008	6 224 967
Низкотехнологичное производство: прочее	94 013 575	194 324	24 675 627	27 134 567	79 380 164	141 974	21 446 247	22 284 398
Среднетехнологичное производство: автомобильная промышленность	90 252 034	113 590	9 502 614	24 524 881	68 243 342	112 714	7 816 377	19 321 807
Среднетехнологичное производство: процессс	107 860 496	**4 068 940**	13 600 805	37 834 629	95 734 418	**3 186 620**	11 965 236	33 821 917
Среднетехнологичное производство: машиностроение	**181 649 796**	339 197	**36 046 943**	**61 082 450**	**152 813 004**	105 072	**33 470 761**	**50 694 582**
Высокотехнологичное производство: электроника	**155 166 984**	121 940	**65 823 211**	22 275 359	**136 999 292**	80 584	**58 234 809**	18 212 967
Высокотехнологичное производство: прочее	49 440 927	106 786	4 915 468	11 170 762	45 757 787	108 262	6 665 888	9 870 029
Неклассифицированные продукты	33 837 067	399 892	3 828 471	10 101 937	36 149 857	263 988	3 550 068	9 149 130
ИТОГО	**1 074 760 496**	**7 996 027 (0,7%)**	**196 068 269 (18,2%)**	**349 634 718 (32,5%)**	**904 485 852**	**5 792 059 (0,6%)**	**177 209 316 (19,6%)**	**282 529 191 (31,2%)**

В то же время, к сожалению, приходится констатировать крайне низкую степень развития торговых отношений России и местных региональных организаций. В условиях борьбы КНР и США за этот регион России необходимо как можно скорее начинать наращивать темы развития этих связей. В связи с этим можно говорить об увеличении товарооборота между Россией и Латинской Америкой в ближайшие годы, а также о продолжении переговоров о взаимном снятии торговых барьеров и пошлин. ЕАЭС и интеграционные объединения Латинской Америки могли бы значительно ускорить развитие диалога, выгодного каждой из сторон. Тем не менее из-за большой конкуренции со стороны США и КНР можно ожидать сопротивления заключению подобных соглашений между таможенными союзами со стороны яро проамериканских и прокитайских правительств. Кроме того, такое соперничество может вылиться в увеличение напряжения в отношениях России с США и КНР. Тем не менее, если немедленно не начать развивать это направление внешнеэкономических связей, дальнейшее усиление КНР в регионе может сделать полноценное развитие диалога России и региональных организаций практически невозможным.

Источники и литература

1. Международное сотрудничество // Европейская экономическая комиссия. М., 2021. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_makroec_pol/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/ (дата обращения: 24.02.2022).

2. UNCTADstat. Data center. International merchandise trade. Trade structure. [S. l., s. a.]. URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx (access date: 24.02.2022).

3. The Eurasian Economic Union & Latin America and the Caribbean: A Transcontinental Partnership. Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC). Santiago de Chile, 2021. URL: https://www.cepal.org/en/publications/46785-eurasian-economic-union-latin-america-and-caribbean-transcontinental-partnership (access date: 24.02.2022).

4. Кадочников П.А. Интеграционные процессы в Латинской Америке и перспективы участия в них России (Таможенного союза) // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 12. С. 3–18.

5. Давыдов В.М. Россия и Латинская Америка: есть основания для сближения // Российский совет по международным делам. М., 2015. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-latinskaya-amerika-est-osnovaniya-dlya-sblizheniya/ (дата обращения: 24.02.2022).

УДК 172.3

К.А. Котович

Динамика общественного мнения во Франции по вопросам отношения к мусульманам и исламу в 2010–2021 гг.

Секция VI: *Запад в новых исторических реалиях: от осмысления прошлого к формулированию будущего*

В статье приведены результаты исследования изменения общественного мнения во Франции по вопросам ислама и мусульман в контексте дебатов об исламофобии. На основании данного анализа был сделан вывод о том, что французское мнение об исламе стабильно ухудшается на протяжении длительного времени, а террористические атаки и другие внешне- и внутриполитические события не оказывают на него значительного влияния. При этом как для французов, так и для мусульман характерны изменения мнений между старшим и младшим поколениями: молодые французы более толерантны, а молодые мусульмане, напротив, движутся в сторону исламского фундаментализма.

Ключевые слова: Франция, мусульмане, общественное мнение, светскость, исламофобия

Статья 1 Конституции Франции, принятой в 1958 г., закрепляет принцип свободы верования [1]. Однако еще со времен Французской революции, когда о понимании и исламофобии не велись дебаты, принцип секуляризма ставился под сомнение, став камнем преткновения между католиками и защитниками республиканских ценностей. В действительности свобода вероисповедания была закреплена в Первой французской конституции от 1791 г. [2], затем во Второй и Третьей конституциях в разных формулировках (1848 и 1852 гг. соответственно [3, 4]). Принцип секуляризма в современном понимании впервые был закреплен Четвертой конституцией от 1946 г. [5]. Можно сделать вывод, что свобода вероисповедания была следствием Французской революции, развившегося с течением XIX в. в принцип секуляризма.

Как указывает Жан-Марк Сове, бывший вице-президент Государственного совета Франции, постепенно противостояние католиков и противников тесной связи государства с церковью завершилось принятием закона от 1905 г.: свобода вероисповедания, переросшая в принцип секуляризма, стала основой французского общества, объединившей всех граждан [6]. Однако в данном высказывании Ж.-М. Сове внимание уделяется только католикам и неверующим. Проблема интеграции мусульман и дебаты вокруг определения значения «исламофобии» не были актуальны для Франции времен становления принципов свободы верования, светскости и секуляризма, но в свете ряда событий эти вопросы становятся все более острыми. Следовательно, можно ли утверждать, что на сегодняшний день данные принципы в равной степени относятся и к мусульманам? Вероятно, анализ общественного мнения Пятой республики по вопросам мусульман и ислама может предоставить ответ на этот вопрос.

Наиболее эффективным методом оценки и исследования эволюции отношения французов к мусульманам, вероятно, являются социологические опросы. Однако решение Конституционного суда Франции от 2007 г., согласно которому запрещено обрабатывать персональные данные, выявляющие расовую принадлежность и идентичность гражданина [7], значительно осложняет проведение социальных опросов в Пятой республике. Особенно данные усложняют соответствующие исследования тем, что в проводимых соцопросах отсутствуют указания о происхождении и гражданстве опрошенных, в связи с чем мусульмане – граждане Франции и мусульмане-иммигранты являются фактически одной

группой населения. Тем не менее некоторые институты, такие как Ifop (Французский институт общественного мнения, образованный в 1938 г. в Париже), провели целую серию исследования мнения об исламе во французском обществе. Анализ результатов данных исследований в разные десятилетия показывают достаточно интересную картину.

К примеру, в 1989 г. 63% французов выступали против избрания мэра-мусульманина в своем городе и 68% французов не поддерживали создание мусульманских политических партий [8]. Ifop отмечает, что первый показатель в 2010 г. снизился до 45%, а в целом в 2012 г. 69% считало свое общество открытым и гостеприимным для мусульман [8]. Так, можно было бы сделать вывод, что, несмотря на произошедшие события в период с 1989 по 2010 г. (террористические атаки 11 сентября 2001 г., серия демонстраций против закона от 2005 г. и последующий всплеск дебатов об исламофобии), во французском обществе появились позитивные тенденции по отношению к исламу и мусульманской культуре. Тем не менее результаты того же исследования от 2012 г. содержат в себе и другие цифры: 60% считают, что влияние и присутствие ислама во Франции слишком велико (против 55% в 2010 г.); 43% французов видят угрозу для своего общества в присутствующей в нем мусульманской общине; 68% французов считают главной причиной трудностей интеграции мусульман в их общество отказ самих мусульман от интеграции (против 61% в 2010 г.); 43% опрошенных выступают против строительства мечетей (против 39% в 2010 г.) [8]. Также стоит отметить, что всего лишь 33% французов считают, что мусульмане хорошо интегрированы в общество Франции [8]. Данный опрос от Ifop интересен тем, что его результаты демонстрируют негативные тенденции в отношении французов к мусульманам с 1989 по 2012 г., несмотря на то, что к тому моменту во Франции не было ни миграционного кризиса, ни настолько громких террористических атак, как нападение на редакцию Шарли Эбдо в 2015 г.

Возникает вопрос: обладают ли французы достаточными знаниями об исламе, чтобы считать общество Франции открытым для этой религии? Международный американский исследовательский центр Harris Interactive провел исследование мнений французов об исламе в 2013 г. По данным этого исследования, 66% опрошенных имеют плохое представление об исламе, а 52% считают, что ислам несовместим с французским обществом (особенно несовместимы ношение чадры и совершение нама-

за 5 раз в день). Авторы данного исследования делают акцент на том, что 80% опрошенных (из них 84% ответили, что знают об исламе недостаточно) считают французское законодательство подходящим для свободного исповедания ислама, т.е. без каких-либо ограничений [9]. По результатам этого исследования можно сделать вывод, что французы обладают недостаточными знаниями об исламе и его традициях, считая при этом ислам несовместимым с их ценностями и не видя ограничений для мусульман в законодательстве Пятой республики.

В апреле 2016 г. Ifop провел новое исследование, нацеленное на выявление изменений в мнении французов о мусульманах на фоне начавшегося в 2015 г. миграционного кризиса, а также произошедших во Франции террористических атак. В действительности события 2015 г. повлияли на мнение французов в худшую сторону по сравнению с результатами 2012 г.: 63% считают, что влияние и видимость ислама слишком велики во Франции (против 60% в 2012 г.); 63 % выступают против ношения хиджаба (против 59% в 2010 г.) [10]. Вместе с тем уменьшилась доля французов, считающих главной проблемой в интеграции мусульман слишком серьезные культурные различия (45% в 2016 г. против 52% в 2012 г.) [10]. В то же время все также 68% французов отвечают, что мусульмане слабо интегрированы в общество [10]. В целом результаты данного исследования не демонстрируют серьезных изменений в мнении французов по сравнению с 2012 г. на фоне событий 2015 г., так как большинство показателей выросло лишь на несколько процентов. Тем не менее стоит отметить, что по сравнению с 2010 г. практически все показатели увеличились примерно на 10 %, что говорит о сохраняющейся негативной тенденции.

Наиболее интересные результаты демонстрируют исследования, проведенные после убийства во Франции учителя средней школы С. Пати мусульманином, беженцем из Чечни, в октябре 2021 г. и последующих за ним событий. Из опроса Ifop от октября 2020 г. можно выделить следующие ключевые показатели. Во-первых, 57% французских мусульман младше 25 лет ставят шариат выше французского законодательства, в то время как 15% французских католиков считают, что их религиозные убеждения должны превосходить право Франции [11]. Около 70% мусульман против демонстрации карикатур на религиозных деятелей в школе – 75% неверующих и 80% католиков выступили «за» [11]. 82%

мусульман, 18% католиков и 32% неверующих поддерживают обучение арабскому языку в школах (так же, как и обучение другим родным языкам) [11]. 58% мусульман, 85% неверующих и 90% католиков поддерживают идею Э. Макрона об обязательном подписании Хартии уважения республиканских ценностей. Комментируя результаты данного исследования, директор отдела политических дел Ifop Франсуа Краус высказал опасение о том, что значительная часть французской мусульманской молодежи поддерживает взгляды, абсолютно противоположные взглядам французов, пропитанные исламским фундаментализмом и близкие по духу к радикальным и террористическим мусульманским организациям [11]. Другими словами, по его мнению, во Франции растет поколение мусульман с радикальными взглядами.

В то же время заметное разделение взглядов между младшим и старшим поколением характерно и для самих французов. Так как убийство С. Пати актуализировало вопрос свободы вероисповедания во французских школах, ограниченного законодательством, в марте 2021 г., Ifop провел исследование мнения об исламе французских учеников средних и старших школ и сравнил его результаты с мнением старшего поколения. Так, 52% старшеклассников поддерживают ношение любой религиозной одежды в школах, что запрещено законом (в 2006–2009 гг. 58% выступали против) [12]. 38% школьников и 24% взрослых выступают за ношение буркини (мусульманского женского плавательного костюма) на соответствующих занятиях в школе [12]. 78% учеников, 45% взрослых католиков и 47% неверующих студентов высших учебных заведений не поддерживают критику каких-либо религий [12]. Также доля молодых французов, поддерживающих право СМИ на публикацию карикатур на религиозную тематику, ниже по сравнению с общим показателем среди всех французов (49 и 59% соответственно) [13]. Более того, учащиеся старших школ в меньшей степени поддерживают С. Пати: 61% против 71% среди французов в целом [13]. Французский исследователь Жан-Франсуа Миньо объясняет изменения в восприятии ислама и мусульман молодыми французами тем, что у них складывается представление, согласно которому запреты, критика или высмеивание ислама – проявление неуважения к верующим, несовместимое со светскостью, одной из главных ценностей Пятой республики [13].

Подводя итоги выявления эволюции отношения французов к мусульманам, можно сделать следующие выводы. Во-первых, с 1989 г. по сего-

дняшний день существует стабильная тенденция ухудшения мнения французов об исламе и мусульманах. Во-вторых, как представляется, французы все же не обладают достаточными знаниями об исламе и мусульманской культуре. Опасность сложившейся ситуации может выражаться в том, что французы будут основывать свое мнение об исламе на негативных явлениях и событиях, связанных с ним (таких, как террористические организации, и т.д.), о чем уже предупреждают исследователи арабского происхождения. В-третьих, результаты исследований 2016 г. не демонстрируют серьезного ухудшения мнения французов в связи с увеличившимся потоком мигрантов и произошедшими террористическим атаками. Вероятно, подобные результаты подтверждают взгляды исследователей арабского происхождения, утверждающих, что негативное отношение французов к мусульманам было характерно для Франции на протяжении нескольких веков с начала периода колонизации. Однако заявление о том, что подавляющее большинство французов являются исламофобами, кажется слишком резким, так как на данный момент можно зафиксировать существенное изменение в мировоззрении молодого поколения, для которого убийство С. Пати стало скорее импульсом к более толерантному отношению ко всем верующим, нежели поводом к ненависти и нетерпимости по отношению к мусульманам.

Источники и литература

1. Texte intégral de la Constitution du 4 octobre 1958 en vigueur. Paris, 2008. URL: https://cutt.ly/hxdFVhN (date de l'accès: 25.02.2021).

2. Constitution de 1791. Paris, 2008. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/constitution-de-1791 (date de l'accès: 25.02.2021).

3. Constitution de 1848. [S. l.], 1997–2019. URL: https://mjp.univ–perp.fr/france/co1848.htm (date de l'accès: 29.02.2020).

4. Constitution de 1852, Second Empire. Paris, 2008. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/constitution-de-1852-second-empire (date de l'accès: 25.02.2021).

5. Constitution de la IVe République. [S. l.], 2020. URL: https://mjp.univ–perp.fr/france/co1946-0.htm#8 (date de l'accès: 01.05.2020).

6. Sauvé J.-M. Liberté de conscience et liberté religieuse en droit public français. Paris, 2017. URL: https://cutt.ly/TclIeyR (date de l'accès: 03.04.2021).

7. L'image de l'islam en France. Paris, 2012. URL: https://www.ifop.com/ publication/limage-de-lislam-en-france/ (date de l'accès: 3.06.2021).

8. Le regard des français sur la religion musulmane. Chicago, 2013. URL: https://cutt.ly/4nQpGtT (date de l'accès: 3.06.2021).

9. L'image de l'islam se dégrade en France, selon un sondage. Paris, 2016. URL: https://cutt.ly/VnQsYUu (date de l'accès: 3.06.2021).
10. 57 % des jeunes musulmans pensent que la charia est plus importante que le droit français, ce fossé qui se creuse entre les communautés. [S. I], 2020. URL: https://cutt.ly/1nQfl3W (date de l'accès: 3.06.2021).
11. «Droit au blasphème», laïcité, liberté d'enseignement… Les lycéens d'aujourd'hui sont-ils «Paty». Paris, 2021. URL: https://cutt.ly/JnQhmUw (date de l'accès: 3.06.2021).
12. Sondage exclusif. Les lycéens d'aujourd'hui sont-ils «Paty». [S. I], 2021. URL: https://cutt.ly/gnQhJox (date de l'accès: 3.06.2021).
13. Statistiques ethniques. Paris, 2021. URL: https://www.insee.fr/fr/information/2108548 (date de l'accès: 25.02.2021).

УДК 392

К.Н. Крохина

Взгляды студентов ФИПН ТГУ на осознанное отношение к обучению

Секция XI: *Семинар-практикум «Исследуя общество, исследуя себя»*

В данной статье рассматривается взгляд студентов ФИПН на собственное обучение, основные факторы, влияющие на их отношение к образованию, осознанное отношение к данному процессу. Интерес к самообразованию и осознанность проявляются у учащихся благодаря различным факторам: выбор подходящего их запросу направления подготовки на этапе поступления, корпоративная культура факультета и пр. Однако были выявлены и факторы, негативно влияющие на отношение студентов к обучению: некорректно составленные учебные планы, личные проблемы, поиск себя и переход в иную сферу деятельности. Данное исследование проводилось в рамках одного факультета, однако полученные данные могут быть полезны и для работников иных образовательных структур.

Ключевые слова: современное образование, осознанность, самообразование, высшее образование, студент

Современное образование диктует новые правила: непрерывное обучение, междисциплинарность, осознанный подход и т.д. Актуальность данной статьи обусловлена реформами, происходящими в данной сфере: появление большего количества общеобразовательных дисциплин в учебных планах вузов, разработка трековой системы, позволяющей создавать собственную образовательную траекторию, введение воспитательного компонента в университетскую систему, но в то же время

уменьшение количества часов для специализированных дисциплин, ликвидация некоторых направлений подготовки, сокращение профессорско-преподавательского состава и др.

Ситуацию, которую мы можем наблюдать в системе высшего образования в настоящий момент, сложно назвать абсолютно благоприятной для студентов. Происходят реформы и перестановки, но ориентированы эти изменения в основном на запрос министерств, ответственных за этот процесс, мнение и запросы непосредственных участников образования (студентов и преподавателей) практически не учитываются. Не стоит забывать о том, что именно от этих людей зависит качество знаний, умений, навыков и компетенций молодых специалистов после выпуска.

Целью данной работы является выявление понимания термина осознанности студентами, изучение факторов, влияющих на отношение учащихся к образованию. Можно сказать, что это исследование стало логическим продолжением летней этнографической практики, которую автор проходил в отборочной комиссии ФИПН ТГУ. Полевая работа была посвящена выявлению мотивов, которыми руководствуются абитуриенты при выборе направления обучения. В ходе практики было выявлено достаточно большое количество факторов, которые так или иначе влияли на абитуриентов: от баллов, полученных за ЕГЭ, до желания быть полезным для своей страны. Автор статьи ставит перед собой задачу выяснить, имеет ли это какое-либо влияние на дальнейшее обучение поступивших студентов, однако в ходе полевой работы тема была расширена и превратилась в комплексное исследование, разделённое на несколько этапов.

Стоит сказать несколько слов о теоретической рамке данного исследования. В настоящее время в литературе, посвящённой современному образованию, всё чаще встречаются термины «осознанный подход к образованию», «самообразование», часто они являются тождественными. Учёные рассматривают различные характеристики и маркеры осознанного образования, выдвигают свои теории, связанные с этим явлением. Так, Паулу Фрейре говорит о том, что современное образование должно развиваться в новом ключе. Образовательный процесс должен призывать студентов использовать навыки профессиональной грамотности, критического и системного мышления, быть ориентированными на решение практических задач и тогда отношение к нему будет осознанным [1. С. 143]. К.А. Абульханова же утверждает, что саморазвитие

студента, его осознанное отношение к образованию проявляется в том, что студент готов к творческому поиску, готов выйти за рамки существующих учебных требований, в её подходе за осознанность в образовании ответственна скорее личность, чем образовательные структуры [2. С. 89]. Обращаясь к работе Т.Н. Аксеновой и О.В. Шахраманяна, можно сказать, что особое внимание уделяется тому факту, что современное образование должно постоянно разрабатывать и развивать новые подходы, направленные на вовлеченность и мотивацию студентов, повышение их осознанности в сфере образования. По мнению авторов, необходимо реформировать образовательный процесс, актуализировать его с учетом осознанного выбора направления подготовки и будущей профессии. Авторами был осуществлен поиск новых подходов в высшем образовании, учитывающих особенности вузовского образования, профессионального ориентирования. Также была обоснована актуальность сопровождения студента наставником в процессе осознания, формирования, формулирования своих целей. По мнению авторов, такой подход позволяет получить после выпуска специалистов с высоким пониманием своей профессии [3. С. 50].

Существует множество различных трактовок и определений осознанного подхода к образованию и самообразования, однако не нашлось ни одного качественного исследования, отражающего мнение студентов об их отношении к образованию, желание создать подобную работу стало причиной, чтобы заняться разработкой данной темы. Для получения объективных результатов по этому вопросу используется дуальный подход – рассмотрение двойственности социальной жизни, её «идеальности» и «реальности» [4. С. 11]. Осознанное отношение к образованию рассматривается в динамическом выражении данного процесса – в процессе изменения проблемы в течение учебного года.

Для получения объективных и полных данных по основным вопросам этой статьи используется комплекс качественных методов. Одним из основных методов данного исследования стало интервьюирование, помогающее понять «идеальное» видение собственного образовательного процесса у студентов ФИПН, выделить факторы, которые позитивно или негативно отражаются на их образовании, по их мнению. С некоторыми информантами проводилось несколько интервью для понимания динамики изменения отношения к образованию. Всего на момент написания

данной работы было проведено 30 интервью со студентами 1–4-го курса бакалавриата ФИПН ТГУ (не считая повторных интервью).

Такой метод, как включённое наблюдение, помогает увидеть «реальную» картину образовательного процесса на факультете во время посещения пар, дополнительных образовательных мероприятий и других площадок, которым студенты зачастую уделяют больше внимания, чем основному обучению.

Если говорить о выводах, имеющихся на данный момент, в первую очередь, хочется отметить, что поле достаточно быстро и сильно меняется под влиянием извне, что осложняет анализ данных и приведение их к какому-либо «единому знаменателю». Отношение одного и того же информанта к своему образованию в начале учебного года и ближе к его концу может кардинально отличаться. Поэтому проводились повторные интервью.

Можно отметить также тот факт, что рамка исследования расширилась с рассмотрения лишь основного образовательного процесса на определённом направлении факультета и теперь включает в себя также самообразование и работу на других образовательных площадках, так как достаточно большой процент студентов уделяет дополнительному образованию намного больше внимания. Зачастую интерес к основному образовательному процессу теряется из-за учебных планов, которые составлены некорректно, по мнению студентов: некоторые дисциплины повторяются, отсутствует логика в последовательности преподавания определённых дисциплин, необходимые дисциплины отсутствуют в учебных планах или преподаются в урезанном формате. Можно также выделить фактор поиска себя, когда студент понимает, что обучение на его направлении подготовки больше не вызывает у него интереса, однако он находит иные сферы, в которых хочет развиваться.

Одним из факторов, также влияющих на интерес студентов к саморазвитию, является окружение и корпоративная культура факультета и университета в целом. Во время интервью нередки были утверждения о том, что интерес к обучению появляется благодаря хорошей атмосфере на кафедре, понимающему научному руководителю или мотивированному на саморазвитие соседу по комнате.

Не последнюю роль в этом вопросе играет и мотивация, которая имелась у студента до поступления, интерес к определённому направлению

на данном этапе, что подтверждает гипотезу, появившуюся после проведения исследования в отборочной комиссии ФИПН ТГУ. Хотя имеются и случаи потери интереса к обучению, например, из-за недовольства учебными планами или же, наоборот, проявление большего интереса к учёбе, даже если изначально студент хотел учиться на другом направлении подготовки.

Разумеется, данное исследование проводится только в рамках одного факультета и не отражает полной картины происходящего в сфере высшего образования в нашей стране. Однако выводы, полученные в ходе этого исследования, могут быть полезны для образовательных учреждений, организаций, занимающихся дополнительным образованием, повышением квалификации, а также специалистам, участвующим в разработке методических пособий для образовательных учреждений, изучающим современную ситуацию в образовании.

Данное поле и проблема, которые были поставлены, оказались достаточно сложными и многогранными и требуют большего погружения и более детальной проработки для предоставления на суд общественности более конкретных выводов и предложений.

Источники и литература

1. Фрейре П. Педагогика угнетённых. М. : КоЛибри, 2018. 288 с.

2. Рогалева Л.Н., Койбагарова Д.К., Жундибаева Э.К., Жапай М.К. [и др.] Теория саморазвития и ее значимость для современного образования // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 3. С. 89.

3. Аксенова Т.Н., Шахраманян О.В. Влияние особенностей выбора профессии на формирование актуального образовательного процесса в вузе // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 49–55.

4. Резник Ю.М. «Социология жизни» как новое направление междисциплинарных исследований // Социс. 2000. № 9. С. 312.

УДК 930.2

Д.Д. Крылова

Нарратив: понятие, метод, подход. Проблемы определения и применения конструкта в историческом исследовании

Секция I: *Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы*

В статье рассмотрены варианты определения и применения понятия «нарратив» в современных гуманитарных исследованиях. На основе полу-

ченных данных выявляется сущность нарративного подхода в научном гуманитарном дискурсе, в частности в истории, и определяются возможности нарративной методологии в решении исторических задач. В качестве итогов работы предложено авторское определение понятия «нарратив» в исторической науке.
Ключевые слова: нарратив, конструкт, нарративная методология, исторические исследования, исторический источник

Понятие «нарратив» в современной гуманитаристике представляет собой универсальный междисциплинарный методологический конструкт и является одним из широкоупотребительных и востребованных понятий в литературоведении, текстологии, лингвистике, философии, психологии, социологии, истории и др., каждая из которых трактует и объясняет его по-своему [1]. В связи с этим обнаруживается проблема определения и общего понимания данного понятия, которое, как отмечают исследователи, «несмотря на достаточную степень разработанности», все еще остается весьма спорным и неопределенным [2. С. 56].

Сегодня можно обнаружить множество самых разнообразных и в чем-то противоречивых друг другу определений термина «нарратив». Например, нарратив:

– повествовательный текст, который на уровне изображаемого мира обладает темпоральной структурой и излагает таким образом историю [3. С. 9];

– повествовательный дискурс, который может существовать, поскольку он рассказывает некоторую историю, при отсутствии которой дискурс не является повествовательным [4. С. 312];

– художественный повествовательный текст, имеющий определенную событийную структуру, организованную посредством экзегетического или диегетического повествователя [5. С. 61];

– не есть само повествование (композиционная форма текста, отличная от описаний), он являет текстопорождающую конфигурацию двух рядов событийности: референтного (событие, о котором сообщается) и коммуникативного (само сообщение, как событие). Природа нарратива – двухсобытийный дискурс [6. С. 7];

– это объяснение прошлого на основе описаний событий и явлений [7. С. 335];

– форма дискурса, через которую мы реконструируем и репрезентуем прошлый опыт для себя и других [8. С. 87];

– это последовательность событий, изложенных, рассказанных, явленных в определенном коммуникативном акте [9. С. 4].

Понятие «нарратив» также очерчивают и поясняют через его специальные научные признаки и характеристики, такие как событийность, интрига, сюжетность, фокализация, глоссализация, фактуальность, темпоральность и т.д., нередки и попытки представления нарратива в виде идеальной модели, объяснительной схемы, формулы или чек-листа.

Авторы работ, написанных в фарватере нарративного подхода, в зависимости от задач и целей конкретного исследования предлагают все новые варианты определения ключевого понятия, например, через категории или виды нарративов: политический, исторический, художественный, биографический, лингвистический, сказочный, литературный и пр. [8; 10]. Каждый из возможных видов характеризуется инаково как между собой, так и внутри каждой из выделенных категорий, каждый из них обладает своими качественными признаками, отличающими его от других. При этом под каждой категорией нарратива чаще всего скрывается или подразумевается некоторый жанр повествования – биография, интервью, роман, историческое сочинение и т.д. Таким образом, исследователями очерчивается поле методологических операций и научных манипуляций, в первую очередь, для применения методик нарративного подхода или нарративных методик к определенному классу анализируемых материалов (текстов, сообщений, данных). А понятие нарратива, как и нарративная методология, становится зонтичной для гуманитарных наук, несмотря на свою неоднородность, неопределенность и разрозненность, множественность интерпретаций и пр.

Причины столь сложного состояния термина кроются в процессе «нарративизации» гуманитарных дисциплин или в так называемом «нарративном повороте», произошедшем в 80-е гг. XX в. и, по мнению некоторых исследователей, продолжающемся до сих пор [11. С. 65]. Его суть заключается в утверждении, что любой объект или явление возможно изучать только сквозь призму рассказанного о нем или через нарратив, весь мир рассматривается как рассказ о мире [2. С. 71]. Любая повествовательная форма (фильм, пьеса, повесть, видеоигра и пр.) может быть представлена и изучена как нарратив, т.е. нарративный подход позволил

создать особое поле бесконечных поисков интерпретаций текстов, смыслов, образов, интенций и пр., при этом достоверность получаемых выводов не является основополагающей, а деятельность ученого характеризуется включенностью в социальное и лингвистическое конструирование повседневной жизни во всем ее многообразии.

Если обратиться к самому общему и широкому определению понятия, нарратив – это рассказ. Большинство исследователей сходятся во мнении, что для нарратива характерно наличие трех ключевых критериев: тип представления содержания рассказа в виде текста или сообщения (повествование), процесс передачи рассказа или акт говорения (наррация, коммуникация или дискурс), особая форма изложения рассказа (жанр). В лингвистическом ключе данные критерии можно представить в виде формулы: нарратив = история / фабула (основание нарратива, позволяющее отличать нарративные тексты от ненарративных) + сюжет (текст / дискурс + наррация) [2. С. 60]. Исходя из этого, под нарративом понимается некая форма изложения событий, тяготеющая к повествовательности, включающая коммуникационную ситуацию, сформированную ею.

Нарративная методология, в свою очередь, направлена на изучение каждого из трех выделенных аспектов понятия. «Нарратолог изучает повествование о событиях в плане того, кем, кому и как это сообщено, кем, кому и как это рассказано – отсюда такое устойчивое и последовательное внимание нарратологии к инстанциям повествователя и самим субъектным формам повествования» [9. С. 7]. Центральной проблемой, которую решает исследователь в ходе нарратологического анализа, становится определение акта коммуникации между нарратором (рассказчиком) и слушателем / читателем представленного повествования (получателем).

Для решения этих целей используется комплекс методов и приемов, объединенных под общим названием «нарративная методология» [1; 9; 12]. В их числе структуралистские, дискурсивные, текстологические, сюжетные, биографические методы, контент-анализ, кейс-стади, конструирующий метод, типологический анализ, статистическая обработка и пр. Однако необходимо различать методы нарратологического анализа и методы, используемые для анализа нарративов. Методы именно нарративного или нарратологического анализа оформились в рамках структурной, а позже и прагматической нарратологии. Изначально ведущую роль в нарративистике занимал лингвистический или структуралистский под-

ход к нарративу, иначе – микронарратология. Своей задачей он видел рассмотрение отличий нарратива «от других видов речи и выявление его характерных черт не только на уровне целого текста, а на уровне предложения или даже слова, концентрируясь в первую очередь на грамматике» [3. С. 10; 11. С. 76]. То есть основными объектами анализа нарратива становились тип содержания – повествование и формат изложения – жанр.

На текущий момент, благодаря концентрации на коммуникационной или дискурсивной составляющей (прагматике) нарратива, методология позволяет анализировать их, объединяя оба уровня интерпретации, прочтения и понимания. Можно сказать, что нарратив стал объектом макронарратологии, заместив реальность, став самостоятельной средой для изучения процессов и событий реальности, изучая одновременно как внутренние связи повествования (структуры текста, его формы, связи элементов внутри текста), так и его внешние связи (интерпретация смыслов и образов, заключенных в тексте, определение его адресности, контекстуальности). К таким сложным, многоуровневым моделям нарративного анализа можно отнести наработки В. Шмидта, В.И. Тюпы [3; 6], вобравшие в себя как структуралистские, семиотические, так и дискурсивные методики, раскрывающие в процессе анализа те самые, кому, как и кем сообщено и обращено повествование. Данный методологический подход дает широкие возможности для специалистов, так или иначе работающих с текстами, повествованиями и рассказами. Историческая дисциплина не является исключением, в рамках которой сложились два магистральных направления, связанных с использованием нарративного подхода.

Нарратив в истории, в первую очередь, понимается как продукт научной деятельности историка, т.е. историческое сочинение. А сам процесс наррации в данном ключе превратился в способ передачи, фиксации исторического знания, знания о прошлом, представленное в научном творчестве ученого. Краеугольными становятся вопросы о границах творческой свободы профессиональных историков и интерпретации ими событий при построении образов прошлого, их репрезентации в исторических работах, представляющие в сути своей историю в форме литературы. Написано множество работ по философии истории в рамках «нарративного поворота», среди которых исследования П. Рикера, Ф. Анкерсмита,

Х. Уайта и др. [7; 13–16], в которых они акцентируют внимание на событийности, фактуальности, достоверности истории, природе исторического знания, его научности или искусственности, на языке описания и жанрах представления исторических сочинений, на проблеме познаваемости истории, ее восприятия и реконструкции и т.д.

Другое же направление в истории, использующее достижения «нарративной методологии», ставит акцент не на процессе написания истории, но на прикладной области исторического знания, на изучении исторических текстов (источников) как исторических нарративов. К сожалению, столь перспективное направление для анализа исторических источников пока слишком молодо и пока слабо представлено в фундаментальных исторических исследованиях. Понимание исторических источников как нарративов позволит во многом по-новому взглянуть на их природу, на процесс их создания, позволит выявить скрытые смыслы, заложенные в них, выявить язык и код исчезнувших культур и эпох.

Поле анализа исторических текстов в рамках нарративного подхода широко и плодотворно, предоставляя возможность работы с текстами разного характера и происхождения – от сакральных текстов до массовой периодики, при этом не беспокоясь о степени достоверности излагаемых в них событий или фактов, в этом ключе важнее становится сам факт рассказа, его передача, фиксация, адресность и т.д. В ходе нарративного подхода к анализу исторических текстов вероятно получение богатейшего исторического материала. Важнейшим аспектом нарративного анализа в истории станет критерий жанра представления рассказа как исторически продуктивного типа высказывания, реализующего некоторую коммуникативную стратегию дискурса исторической эпохи [6. С. 11].

Таким образом, понятие «нарратив» в исторической науке следует понимать как исторический источник (текст) или особую коммуникативную форму передачи информации о событии, зафиксированную во времени и выраженную в виде максимально удобной для прочтения и понимания потенциальной аудиторией жанровой структуры повествования, сохранившей в себе отпечаток культурно-исторической эпохи, в рамках которого и была сформирована.

Источники и литература

1. Пузанова Ж.В., Троцук И.В. Нарративный анализ: понятие или метафора? // Социология. 2003. № 17. С. 56–82.

2. Троцук И.В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2004. № 6–7. С. 56–74.

3. Шмид В. Нарратология. М., 2003. 312 с.

4. Женнет Ж. Фигуры : в 2 т. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.

5. Грицкевич Н.Н. Понятие «нарратив» в современной лингвистике. Нарратив как особая разновидность текста // Структурные и семантические функции сочинительных союзов и их конкретизаторов: На материале прозаических текстов И.А. Бунина. Ставрополь, 2006. С. 56–61.

6. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-т, 2001. 41 с.

7. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М. : ИДЕЯ-ПРЕСС, 2003. 360 с.

8. Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. С. 86–93.

9. Силантьев И.В. Нарратология и сюжетология: к разграничению предмета исследования // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 1. С. 3–8.

10. Андреева В.А. Литературный нарратив как интердискурс // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 9, № 46. С. 163–169.

11. Главзов А.В. Из реальности в текст и обратно: очерк прагматики нарративного текста. М., 2018. 436 с.

12. Салиева Л.К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2012. № 3. С. 116–128.

13. Рикер П. Время и рассказ. М. ; СПб., 2000. 313 с.

14. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2022. 528 с.

15. Сыров В.Н. К вопросу о нарративной природе социальной реальности и эпистемологическом статусе исторического нарратива // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 39–52.

16. Никонова С.Б. Нарратив: описание истории или самосознание историка? // Человек. РАН. 2011. № 2. С. 166–173.

УДК 341.215.43

Н.С. Кудрина

Русское присутствие в подмандатной Палестине по материалам прессы русского зарубежья

Секция I: *Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы*

На основе публикаций газет русского зарубежья рассмотрены количество материала о русской колонии в Палестине в межвоенный период, ее

численность, места расселения, способ заработка, пересказ и перепечатка событий в других изданиях.
Ключевые слова: Палестина, Святая Земля, Ближний Восток, русское зарубежье, история журналистики

Постановка проблемы – исследовать особенности колонии в подмандатной Палестине 1920–1930 гг. по материалам прессы русского зарубежья. Подходы и методы – сравнительно-исторический анализ и историко-генетический метод.

Под русским присутствием в рамках исследования понимаются выходцы из «старой России». В силу невозможности и нежелания вернуться на Родину стала формироваться специфическая русская колония. Имеющийся массив публикаций дает возможность охарактеризовать структурные признаки устройства группы, ее культуры и быта, показать особенности индивидуальных судеб.

Источниками работы послужили ежедневная газета «Возрождение» за 1925–1930 гг.; газета «Новое время», 1921–1925 гг.; «Церковные ведомости», 1922–1930 гг. «Вестник РСХД», 1926–1939 гг. В статье рассмотрены материалы четырех журналов русской эмиграции, которые в совокупности дают возможность реконструировать особенности российской колонии в Палестине 1920–1930 гг.

В каждой стране расселения русской диаспоры были свои центры издания. Такими же ключевыми газетами были «Возрождение» для Парижа и «Новое время» для Белграда [1. С. 3]. Они обе монархической направленности, и в 1920-е гг. их страницы наполнились пропагандистскими материалами Русского общевоинского союза.

Газета «Возрождение» издавалась в Париже с 1925 по 1940 г., ежедневная. Издание было «правого толка». Основана была П.Б. Струве, придерживавшимся либерального консерватизма. Были просмотрены выпуски с 1925 по 1930 г. Всего шесть публикаций, где отмечается русское присутствие в Подмандатной Палестине, три из них без указания авторства: «Русское торжество в Хевроне. Письмо из Иерусалима» автор под псевдонимом «А»; «Русская культура на Ближнем Востоке» А. Волгина; заметка «Русская церковь в Иерусалиме пострадала»; «Святой Город» М. Долинов; фильм «Еврейская Палестина», где указано, что оператор русский – Бриль С.; «За рубежом. Балалайка в Палестине». Объемный материал только один: «Святой Город» М. Долинова. Его печатали в двух номерах подряд.

«Новое время», ежедневная. Была возобновлена в Белграде М.А. Суворинym, сыном А.С. Суворина, который в 1876 г. выкупил в Петербурге одноимённую газету, просуществовавшую до 1917 г. В ней совмещались европейские новости, сообщения об известных предприятиях с антисемитскими высказываниями и реакционностью. После смерти М.А. Суворина прекращает свое существование. Были просмотрены выпуски за 1921–1925 гг. Пять материалов о собственно русском присутствии в подмандатной Палестине, среди них две митрополита Антония «Со Святых мест» и «Внешние известия. Со Святых мест», материалы Иоанна Федорова «Русское в Палестине», уже встречавшегося нас автора публикации во французском журнале «А» «Русский храм под Мамврийским дубом», причем под заглавием последней статьи отмечено, что это корреспонденция «Нового времени». Также есть скромная заметка «Русские в Палестине» неизвестного автора. К тому же мы находим еще три публикации, в которых доказывается, что Иерусалимский Патриарх Дамиан «очень любит и соболезнует русским» [2. С. 2]. Семь публикаций, посвященных командировке Митрополита Антония (Храповицкого) на Святую Землю, но в которых русская колония не упоминается вовсе.

«Церковные ведомости», Сремские Карловицы, еженедельная. Просмотрены выпуски с 1922 по 1930 г. Было найдено сорок семь материалов по интересующей нас теме. Из них пятнадцать определений о новых должностях и командировках; одиннадцать о церковных наградах; четыре грамоты, в том числе Патриарха Иерусалимского Дамиана, по два указа, церковной хроники и жизни епископа Аполинария, три посвящены поездке митрополита Антония на Святую Землю. Восемь оставшихся текстов разнохарактерные, не могут быть сгруппированы по одному признаку. Среди них пребывание американца д-ра Джона Мотта на Елеоне. Освящение русского храма в Хевроне. О посещении англиканами РДМ. Опоздание на Архиерейский Собор Высокопреосвященнейшего Анастасия. Донесение о последствиях землетрясения. Прибытие в Иерусалим игуменьи Павлы Клюевой, вдовы генерал-майора Николая Клюева.

«Вестник РСХД», православный журнал экуменической направленности на стыке философии, богословия и общественной повестки. Изучены материалы с 1926 по 1939 г. В журнале писались заметки о русской Палестине как русскими эмигрантами из других стран: «На открытом Евангелии», посвященной жизни и кончине схимонахи Горненского монасты-

ря, автором из Белграда, так и непосредственно из самого Иерусалима, таких нам встретилось шесть публикаций. Среди них письмо от архиепископа Анастасия, датированное от 24 сентября 1926 г., как ответ на приветствие, посланное IV Общим съездом РСХД. Интерес представляет публикация «Восток и Запад» написана англичанином, но через призму увиденной им русской колонии в Париже и в Палестине. Четыре текста, созданные самой насельницей русской Палестины, инокиней Екатериной с Елеона, среди них «Рождество в Вифлееме», где помимо местных традиций празднования упоминаются: «русские женщины», «Русский Владыка», «русский хор» и уподобление России Евангельским волхвам. Следующая публикация посвящена красотам Масленичной Горы, реке Иордану и Палестинской Пустыне, где о реке Иордан говорится: «Такая родная, русская речка», а при описании пустыни проскальзывают лермонтовские строки: «пустыня внемлет Богу» [3. С. 9–11]. В соседнем номере мы встречаем описания Воскресенского Храма, там снова поют «русские монахини», «Русский Владыка», а русские паломники и беженцы именуются как «скорбные изгнанницы, утешенные у Гроба». Во Фаранской лавре живет безымянный «русский инок на страже церкви». В завершение следует повествование празднования Успения Богоматери в Иерусалиме, а ее почитают «от одеяния русского монаха до татуированной абиссинки», а также «благовест русских колоколов в саду Гефсиманском».

Численность общины в разных материалах расходится: несколько десятков эмигрантов мечтают из нее выбраться из-за тяжелых условий жизни. Русских же несколько сот, предположительно около 600 человек [4–6].

Палестина, будучи очень бедной страной, не была характерным местом поселения для русских эмигрантов в отличие от тех же европейских стран, несмотря на наличие русских построек и оставшихся здесь паломников еще с довоенного времени. В то время как в Европе для помощи русским беженцам начал распространяться нансеновский паспорт, в Палестине могла возникнуть с ним заминка, но это нашло отражение лишь в одной публикации:

«– Это нансеновский паспорт, вот видите, здесь написано…

– Это не паспорт.

– Смею вас уверить, что настоящий паспорт. Иначе английский консул в Каире не поставил бы мне визы...» [7. С. 3].

«Московия» конструировалась вокруг русских построек: храма Св. Троицы, подворья в Иерихоне, храма у Мамврийского дуба, женских обителей: «Горненской» в Эйн-Карем и у Елеонской горы: один у подножия, а другой – на вершине. В Фаранской лавре проживает один монах. Кроме того, Русская Духовная Миссия сдавала некоторые постройки англичанам, имея с этого финансовый доход. «…Сказать извозчику-арабу на вокзале: “в Московию”, и он повезет вас к русской миссии… И почти в каждом палестинском городе есть своя “Московия”» [6. С. 2–3].

Во время войны мужчины были удалены из Палестины сначала в Дамаск, затем в Александрию, лишь незначительная их часть возвратилась сюда после изгнания турок. Поэтому гендерная составляющая преимущественно из женщин. «У обедни я был единственный мужчина, вокруг одни женщины в черных платках... Это русские “матушки”, не успевшие из-за войны и революции вернуться на родину» [7. С. 3].

Об их способе заработков мы мало что можем узнать, у нас имеется всего две публикации, в которых говорится, что русские зарабатывали тяжёлым физическим трудом, которым в царской России обычно занимались бедные крестьяне, нанимались на временный срок в различные хозяйства: «Эти старушки содержатся на средства нашей миссии, хотя и трудятся среди чужих людей, боящихся переплатить лишнюю копейку в пользу бедной поденщины или продавщицы своих ручных изделий» [8. С. 2].

«Публикация основных материалов происходила в издательствах Европы, в то время как в отдаленных местах проживания русских беженцев часто можно увидеть пересказ тех событий и явлений, которые уже затронуты» [1. С. 3]. Очевидно и обратное. Материал о событиях в русской колонии воспроизводится в нескольких изданиях. Причина тому – узость или ограниченность источников информации о событиях в русской Палестине.

В трех изданиях мы находим описание одного и того же события – освящение храма в Хевроне под Мамврийским дубом. В парижском «Возрождении» заголовок статьи гласит: «Русское церковное торжество в Хевроне», но содержание этого текста отличается от полностью идентичных в двух разных газетах: в «Новом времени» под заголовком «Русский храм под Мамврийским дубом» и «Церковных ведомостях» озаглавленный «Освящение русского храма под Мамврийским дубом». Но в последней газете отмечено, что этот текст из письма архиепископа Анастасия от 20 мая – 2 июня 1925 г. на имя Высокопреосвященнейшего

Митрополита Антония. Таким образом, проведенный сравнительный анализ показывает ограниченность источников информации и возможность повторной перепечатки или пересказа события в эмигрантской прессе [8–11].

Имеющийся у нас массив публикаций периодически пересекается лишь в трех журналах. «Вестник РСХД», имея экуменическую направленность, выпадает из их ряда, не имея аналогичных тем и авторов в других журналах, в которых бы упоминались русские в Палестине. Также, здесь русская колония упоминается в контексте, лишь одна публикация посвящена непосредственно ее насельнице.

Таким образом, «русское присутствие» в Палестине представляло собой уникальное образование, обусловленное рядом исторических факторов, и малоизвестную часть российской эмиграции. Палестина не стала убежищем для волн русских мигрантов. Русская колония сформировалась из насельников русских в монастыре, паломников и небольшой части эмигрантов. Оставшееся население сконцентрировало свое внимание на поиск пропитания и сохранение русской церковью приобретенных до революции земель и их построек. Национальное самосознание русской колонии поддерживалось на чужбине русскими монастырями и храмами.

Источники и литература

1. Черемухин В.В. Кирилловцы vs николаевцы: борьба за власть под знаком национального единства. М. : Буки-Веди, 2018. 256 с.

2. Патриарх Иерусалимский Дамиан // Новое время. 1922. № 383.

3. Святая Земля // Вестник русского христианского движения. 1933. № 2.

4. Волгин А. Русская культура на Ближнем Востоке // Возрождение. 1926. № 457.

5. Русские в Палестине // Новое время. 1921. № 179.

6. Федоров И. Русское в Иерусалиме // Новое время. 1924. № 956.

7. Долинов М. Святой Город // Возрождение. 1929. № 1431.

8. Митрополит Антоний. Со святых мест // Новое время. 1924. № 989.

9. Патриарх Иерусалимский русским людям // Церковные ведомости. 1925. № 17–18.

10. Патриарх Иерусалимский русским людям // Новое время. 1925. № 1334.

11. Митрополит Антоний. Со Святых мест // Церковные ведомости. 1924. № 15–16. С. 15–16.

УДК 93/94

Е.Н. Кукса

Создание периферийной системы Осоавиахима (1927–1930 гг.): решение проблемы численности организации на примере городов Красноярского края[1]

Секция IV: *Городская и сельская истории: социальные общности и культурные практики*

О советских общественно-политических оборонных организациях написано немало. В данной статье акцент делается на данных по Осоавиахиму в период 1927–1930 гг. на территории Красноярского края, который в своем социально-экономическом развитии в этот период времени отличался от центральных районов Советского Союза, что внесло некоторые коррективы в проводимую здесь оборонно-массовую работу.

Ключевые слова: Осоавиахим, военно-обученный резерв, общественные организации, военно-патриотическое воспитание

В российском обществе не так давно звучал призыв к привлечению общественных организаций к военно-патриотическому обучению граждан. Вопрос допризывной подготовки населения как элемента подготовки к будущей службе поставил перед обществом новые задачи: максимально повысить эффективность обучения призывного контингента; сократить военные расходы (особенно на обучение, чтобы пустить деньги на иные нужды); создать систему эффективной допризывной подготовки.

Таким образом, подготовкой военно-обученного резерва должны заниматься не только вооруженные силы, но и гражданские организации. В связи с этим изучение исторического опыта, накопленного в том числе и в экстремальных условиях для государства, позволяет более эффективно подойти к решению поставленных задач.

Сложившееся международное положение после Первой мировой войны со всеми его противоречиями и весь её опыт показывали, что Вторая мировая война неизбежна, и она будет носить массовый характер, следовательно, потребуется многочисленная армия. Перед всеми государствами стала проблема подготовки в мирное время военно-обученного резер-

[1] В 1822 г. образована Енисейская губерния, а 7 декабря 1934 г. практически в прежних границах губернии был образован Красноярский край.

ва для того, чтобы использовать его во время войны, а кадровая армия не могла в короткие сроки обеспечить выполнение этой задачи.

Комплекс мероприятий, изменивший принципы построения вооруженных сил и законодательство о военной службе, известен как военная реформа 1923–1928 гг. С нее в СССР началось формирование армии современного типа, состоявшей из воинов-граждан.

Смешанная, кадрово-территориальная система строительства Красной Армии, введенная после ожесточенных дискуссий в среде военного руководства, была отчасти данью идеологии. Согласно марксистской концепции, после социалистической революции задачи охраны независимости и порядка в государстве должен был выполнять вооруженный народ (милиция). Однако сложное экономическое положение в стране не позволяло содержать значительную армию. Поэтому содержание территориальных частей можно считать лавированием режима в стесненных экономических условиях.

С учетом данных проблем, а также изменения международной обстановки в конце 1920-х гг. необходим был поиск дополнительных мер по повышению военной грамотности населения. Поэтому военное руководство СССР не оставляло идеи создания массовой оборонной организации. В результате в январе 1927 г. все добровольные общества (Авиахим и ОСО) были слиты в единую организацию под названием «Осоавиахим» [1. С. 308–309; 2. С. 24].

Формально Осоавиахим считался «широкой общественной организацией» и должен был строиться на началах добровольности. На деле на протяжении всего предвоенного периода «единая оборонная» [3. § 2] находилась под тщательным государственным контролем и пристальным вниманием со стороны советского военного ведомства, финансировалась из государственного «кармана» и развивалась планово.

История Осоавиахима представляет собой непрерывную борьбу двух противоречивых тенденций – стремления превратить общество в грандиозный по численности институт военного обучения и желания иметь качественно подготовленные боевые резервы для РККА. Периоды погони за массовостью сменялись волнами «чисток» рядов оборонного общества и битвами за качество «отработки контингентов». Уже через год с небольшим после создания единой организации ЦК ВКП(б) принял Постановление «О работе Осоавиахима» [4]. Отметив определенные успехи

организации, ЦК жестко раскритиковал «существенные недостатки» в работе общества. На пленуме ЦС Осоавиахима нарком обороны К.Е. Ворошилов говорил о том, что организация развивается «несколько замедленным темпом». Намеченного в момент слияния роста общества в 2–3 раза не произошло. Невелика доля активных членов оборонной организации – в военизированных кружках и секциях занималась одна шестая общего количества осоавиахимовцев, остальные были плательщиками взносов [5. С. 21]. Он отметил низкое качество военной работы и назвал главные, по его мнению, причины отставания: отсутствие грамотного, квалифицированного в области военной работы актива и недостаточность материальных ресурсов.

Важность массовости военного обучения продолжала оставаться центральным тезисом всех публичных выступлений, затрагивавших тему Осоавиахима. Наиболее реалистичными в планах Осоавиахима и самыми эффективными в конце 1920-х гг. были «штучные» мероприятия – авиаперелеты и воздушные экспедиции, научные испытания в области применения авиации и химии в народном хозяйстве, материальная помощь Красной Армии и научно-исследовательским учреждениям военного профиля, военно-научная деятельность.

Система практических организаций состояла из различных учреждений. К пропагандистско-просветительскому профилю относились военные уголки, клубы, музеи, дома обороны, выставки и библиотеки. Основной формой ведения работы по военному обучению оставались кружки военных знаний. В наследство от Авиахима достались кружки по изучению авиации и химии, авиахимкоманды и опытные сельскохозяйственные участки. Новшеством конца 1920-х гг. стали стрелковые кружки и тиры, химические лаборатории, кружки воздушного спорта. Наибольший процент (8%) вовлеченных осоавиахимовцев давали КВЗ (комитеты военных заводов). Вторыми по популярности были стрелковые кружки. Все остальные практические организации – менее 1% вовлеченных в свою работу осоавиахимовцев [6. С. 49–56].

В феврале 1930 г. состоялся II съезд Осоавиахима [7], который скорректировал план роста численности Общества в сторону увеличения до 17 млн человек, что составляло 10% населения страны [8]. Эти цифры отражали потребность страны в военно-обученных резервах. И хотя план не был выполнен, размах движения за овладение военными знаниями

был впечатляющим. К концу первой пятилетки реальное членство (за вычетом пассивных и фиктивных членов общества) составляло около 8 млн человек.

Значительное распространение работа Осоавиахима получила и в Красноярском крае.

В своем социально-экономическом и культурном развитии Красноярский край в исследуемый период значительно отличался от центральных областей Советского Союза, что внесло определенные коррективы в проводимую здесь работу. Эти отличия отразились на оборонно-массовой работе, на уровне военно-технической грамотности, на активности населения в военном обучении.

Наиболее крупными центрами развития оборонных обществ в крае являлись города Красноярск, Канск, Ачинск, Назарово и некоторые другие.

Организационное оформление ячеек Осоавиахима в крае проходило в конце 1927 – начале 1928 г. и осуществлялось по тем же направлениям, что и в целом по стране.

Наиболее крупным в начале 1928 г. был Красноярский Осоавиахим, который насчитывал свыше 8,5 тыс. членов, в 74 кружках обучалось 2 092 человека [9. Л. 59].

Партизанская организация Осоавиахима в июле 1928 г. имела в своем составе 1 265 членов. Быстро пополнялся Канский Осоавиахим. Только с апреля по ноябрь 1928 г. его ряды увеличились с 1,5 до 4 тыс. человек. Всего же в Красноярском крае Осоавиахим насчитывал около 65 тыс. человек [10. Л. 41].

В последующие годы наблюдались быстрые темпы роста численности Осоавиахима. Новыми чертами этого процесса в Красноярском крае в 1929–1930 гг. являлись примеры массового вступления в Осоавиахим целых коллективов заводов, колхозов, совхозов, создания осоавиахимовских ударных цехов, бригад, организации осоавиахимовских «красных обозов».

Достигнутая ступень развития Осоавиахимовского движения позволила Красноярской краевой организации Осоавиахима включиться в работу по выполнению принятого II съездом Общества пятилетнего плана роста его рядов.

К концу 1931 г. предполагалось иметь в крае 1 млн осоавиахимовцев [11. Л. 43]. В определенной степени это число было результатом «голо-

вокружения от успехов». Соответствуя общему по стране плановому соотношению населения с численностью организации, оно не учитывало особенностей региона, а потому было нереальным.

На принятие подобных планов оказывал влияние общий курс партии и государства, который был направлен на форсированное развитие всех сторон жизни общества, в том числе и общественных организаций. Не избежал этой участи и Осоавиахим. Однако очевидно, что принятые решения были оторваны от жизни. Многие осоавиахимовские организации приняли встречные планы по увеличению численности своих рядов без учета имевшихся возможностей. Крайне слабой была материальная база, не хватало квалифицированных организаторов оборонной работы, а имеющиеся использовались неэффективно. Кроме того, Осоавиахим, как и многие другие общественные организации, в начале 1930-х гг. систематически подвергался так называемым «чисткам» в его руководящем аппарате, и это наносило делу ощутимый вред.

Таким образом, в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в стране, взявшей курс на подготовку к будущей войне, тема создания добровольной организации, способствовавшей овладению населением основами военного дела, зазвучала с новой силой. Создание Осоавиахима, по мнению политического и военного руководства СССР, должно было форсированными темпами способствовать накоплению в стране военно-обученного запаса. Организация имела отделения во всех регионах страны, в том числе и в Красноярском крае. Процесс создания региональных отделений нередко проходил под лозунгом «быстрее, больше, любой ценой», что приводило к перегибам как добровольно-принудительное включение граждан в ряды организации, гонка за показателями, не учитывающая реальные возможности.

Источники и литература

1. Сборник материалов 1-го Всесоюзного съезда Авиахима, 2-го пленума Центрального Совета ОСО и 1-го Всесоюзного съезда Осоавиахима. 17–24 января 1927 / под ред. А.Ф. Башкирова, В.Л. Лахтина и К.П. Подгорецкого. М. : Осоавиахим, 1927. 374 с.

2. Касьян И.Н. Исторические аспекты создания и функционирования Осоавиахима в 20–30 годы XX столетия // Инновации в науке. 2017. № 6 (67). С. 23–28.

3. Устав союза обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства (Осоавиахим) СССР. М. : Осоавиахим, 1927. 22 с.

4. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 23.II.1932 г. О работе Осоавиахима (в связи с письмом т. Кочергина). М., 2022. URL: https://istmat.org/node/54510? (дата обращения: 13.05.2022).

5. Казимиров И.Н. Оборонно-массовая работа в Среднем Поволжье в годы первых пятилеток (1928–1937 гг.) : автореф. дис … канд. ист. наук . Пенза, 2005. 28 с.
6. Борисов Л.П. Осоавиахим. Страницы истории. 1927–1941 годы // Вопросы истории. 1965. № 6. С. 45–60.
7. Резолюции 2-го Всесоюзного съезда Осоавиахима. 2-е изд. М. : Осоавиахим, 1930. 63 с.
8. Мосеев В.В. Военно-патриотическое воспитание и подготовка молодежи к защите отечества в 1921–1941 гг.: На материалах Петрограда-Ленинграда и Ленинградской области : автореф. дис … канд. ист. наук. СПб., 2002. 25 с.
9. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. П-41. Оп. 4. Д. 94. Л. 58–59.
10. ГАКК. Ф. П-1474. Оп. 1. Д. 23. Л. 41–42.
11. ГАКК. Ф. П-26. Оп. 1. Д. 398. Л. 38–45.

УДК 94

Л. Ли

Факторы формирования культурного взаимодействия между Россией и Китаем

Секция IX: *Этнокультурное многообразие Евразии в историческом контексте*

На основе изучения механизмов межкультурных обменов в северо-восточном Китае и русской Сибири в XVII – нач. XX в. автор выделяет основные факторы и направления формирования культурного взаимодействия между Россией и Китаем: изменение географической юрисдикции, организация контактов между Россией и Китаем на уровне взаимно направляемых посольств, распространение православного христианства в Китае и развитие русско-китайской торговли.

Ключевые слова: культура, культурное взаимодействие, Китай, православная миссия, русско-китайская торговля, монгольские завоевания

Культуры формируются под воздействием многих факторов, в том числе и за счет контактов с другими культурами, такое воздействие всегда взаимно и имеет свою специфику, основывающуюся на определенных особенностях исторических парадигм. Изучение механизмов межкультурных обменов и возникновения общих культурных элементов в северо-восточном Китае и русской Сибири в XVII – начале XX в. позво-

лило обнаружить, что культурные обмены осуществлялись по нескольким направлениям и были обусловлены несколькими факторами.

Во-первых, изменения юрисдикции, под которую попадали территории Сибири и северо-восточного Китая, приводили к тому, что жители этих территорий присоединялись к иной культурной среде, и в процессе сосуществования местных и пришлых культур происходило культурное смешение.

Масштабные монгольские завоевания в XIII в. русских княжеств расширили и ускорили прямые русско-китайские контакты. В монгольский период русская аристократия находилась под сильным влиянием восточной цивилизации, подражала образу жизни и одежде династии Юань, а позже – Мин и Цин. Китайские товары привозились в Россию, превращая города на среднем течении Волги в транзитные пункты для торговли между Востоком и Западом. Русские ремесленники косвенно через монголов научились печати и использованию взрывчатых веществ для изготовления оружия.

Еще один яркий пример – употребление, а затем и выращивание чая. Монголы начали массово пить чай во времена династии Юань. Монгольская армия принесла это увлечение в русские земли. В 1638 г. монгольский Алтан-хан подарил царю «200 больших мешков сушеных листьев», которые прибыли в Москву с эмиссаром Старковым; эта партия положила начало русскому национальному чаепитию [1. Т. 1. С. 60]. К началу XX в. Россия стала одной из ведущих «чаепитейных» стран мира, импортируя до 70 млн килограммов чая в год. Из них 2/3 прибывали из Китая. Но поскольку транспортировка чая отнимала много времени и дорого стоила, русские начали изучать способы выращивания чая. К началу XX в., во многом благодаря упорному труду китайских специалистов, включая Лю Цзюньчжоу, который был приглашен в 1897 г. для обучения выращиванию чая в Аджарии на Кавказе, а позднее, после революции, был награжден советским правительством орденом Трудового Красного Знамени, количество чайных плантаций в России достигло 900 гектаров.

Во-вторых, ведущую роль в межкультурных обменах сыграли официальные дипломатические миссии, осуществляемые по воле правителей Китая и России.

Официальные дипломатические отношения между Россией и Китаем начались в начале XVII в., но только в конце XVII в. страны начали отправ-

лять друг к другу посланников, подписывать торговые контракты и осуществлять культурный обмен. Нерчинский договор, подписанный Петром I и императором Канси в 1689 г., заложил основы российско-китайских дипломатических отношений и торговли, с этого момента начали развиваться культурные, образовательные и торговые контакты между двумя странами.

С XVIII в. началась новая эра образовательных, культурных и торговых обменов, углублялось взаимное политическое доверие, росло стремление к обмену, увеличивалась частота контактов, что привело к отправке официальных лиц и регулярным контактам, заложив основу для долгосрочных дружественных обменов.

В этот период российский двор и высшее общество увлекались коллекционированием китайских реликвий и изучением архитектуры, а ученые сосредоточились на переводах китайских документов и древних текстов. Среди русских правителей Петр I, Елизавета и Екатерина II способствовали распространению «китайской лихорадки» – интереса к Китаю в российском обществе. В Санкт-Петербурге под влиянием китайской культуры было построено множество строений и выполнено интерьеров. В Летнем дворце Петра I, в Шереметьевском фонтанном доме были залы, оформленные в китайском стиле, китайский павильон у пруда в саду.

Императрица Елизавета была очарована ширмами, посудой, шелками и иными товарами из Китая, которые непрерывным потоком шли в Петербург через Сибирь. В результате возникло такое понятие, как «елизаветинский китайский стиль».

Интерес Екатерины II к китайской культуре был еще очевиднее. Она коллекционировала китайский фарфор, оформляла комнаты дворца в китайском стиле и имитировала китайские сады, но важнее то, что она способствовала публикациям многочисленных репортажей, статей и переводов китайских произведений в русских журналах.

Официальная отправка китайских послов в Россию состоялась в 1712 г. Секретарь кабинета министров Аянь Цзюэло Тулишэнь с четырьмя посланниками совершил миссию в Россию, которая проработала три года. Он провел всестороннее исследование России и изложил его в письменном виде по возвращении, а в 1715 г. написал «Книгу о чужих краях» – первый китайский травелог о России, который неоднократно переводился на русский язык.

Для укрепления сотрудничества с Россией цинское правительство по инициативе и по приказу императора Канси открыло в 1708 г. первую в истории Китая школу русского языка. До этого западные миссионеры и купцы выступали в качестве переводчиков на переговорах между Россией и Китаем. В связи с активизацией внешнеполитических отношений между Россией и Китаем возникла необходимость в подготовке собственных китайских переводчиков. Все учителя были русскими миссионерами и купцами. Школа русского языка действовала 154 года и обучила большое количество китайских студентов, которые сделали множество превосходных переводов.

В-третьих, важную роль сыграли культурные обмены, возникающие в результате культурных контактов, порожденных торговлей.

По Шелковому пути можно было попасть в центральную европейскую глубинку России, а затем продолжить путь вверх по Волге, это позволяло перепродавать китайские товары в ряд важных российских городов. Обмен такими предметами, как шелковая одежда, домашняя утварь, зерно и чай, сопровождался миграцией людей, религиозными паломничествами и знакомством с культурой друг друга.

Жизнь русских людей постепенно наполнялась китайскими товарами, сортами сельскохозяйственных культур, некоторые из которых имеют названия, происходящие непосредственно от транслитерации китайских, например, гаолян (сорго), кан (печка-лежанка) и т.д. В свою очередь, русские слова присутствуют в региональном китайском языке провинции Хэйлунцзян: «буладзи» (布拉吉), «шарфу» (沙尔夫), «вэйдэлуо» (喂得罗), «гэлан» (戈兰) и «сухали» (苏哈里), переводятся на китайский язык соответственно как платье, шарф, сосуд, кран и сухари. Взаимообогащение языков является бесспорным условием их дальнейшего развития.

Архитектура в русском стиле также оказала сильное влияние на северо-восточный Китай. Например, в районах Мохэ и Хэйхэ провинции Хэйлунцзян значительная часть общественных зданий по-прежнему выполнена в византийском стиле как по внешнему облику, так и по конструктивным особенностям. Харбин можно назвать шедевром русской архитектуры. Глубокий и сдержанный характер китайской архитектуры сочетается здесь с «экзотическим» русским стилем, вместе они создают неповторимую архитектуру города. Кроме того, в Харбине нетипичны для Китая и названия улиц, например, улицы Ломоносова, Гоголя, Горького, площадь Ленина и т.д. [2. С. 109].

В-четвертых, распространение православия открыло для двух народов новые каналы для знакомства со странами и культурами друг друга.

Православная миссия в Пекине действовала почти 250 лет – с 1715 по 1956 г. и обновлялась 20 раз. До Октябрьской революции она занималась, в основном, миссионерскими, дипломатическими и культурными обменами. Задачи, возлагаемые на миссию, были ясны: выучить язык, понять и собрать информацию, чтобы изучить Китай. Со временем, благодаря подходящим условиям и личным усилиям, некоторые из участников миссии стали специалистами по Китаю.

То, что делали члены миссионерского корпуса, было двусторонним культурным обменом. С одной стороны, они изучали маньчжурскую, монгольскую, китайскую и тибетскую письменность, а с другой – преподавали китайцам русский язык и латынь.

С начала XVIII в. в русской миссии в Пекине развивалось раннее китаеведение, и появилось несколько талантливых людей, занимавшихся изучением Китая, среди которых был о. Иакинф, в миру – Никита Бичурин. Он прибыл в Китай в 1808 г. в качестве главы 9-й православной миссии в Пекине и в течение 14 лет изучал китайский, маньчжурский и монгольский языки. Из-за отсутствия учебников и словарей он работал над составлением шести словарей и собрал большое количество литературы. Его исследования охватывали китайскую философию, экономику, политику, этику, этнографию, местные условия и обычаи. Вернувшись в Россию, он стал основателем русского китаеведения. В 1828 г. Бичурин был избран в Российскую академию наук в качестве члена-корреспондента по восточной литературе и древностям, а в 1831 г. открыл первую школу китайского языка в Кяхте, где сам был учителем. Школа просуществовала 30 лет, подготовила большое количество специалистов по китайскому языку и способствовала формированию китаеведения в России [3. С. 38].

С одной стороны, китайцы знакомились с российским государством и культурой, прежде всего православной, с книгами, относящимися к религиозной практике, такими как «Евангелие от Матфея», «Требник» и т.д. Обычаи православной церкви, архитектура церковных зданий впервые были открыты китайцам благодаря деятельности православной миссии. В то же время миссионеры распространяли русские обычаи и фольклор.

С другой стороны, китайские культурные тексты, от «Аналектов Конфуция» и «Чжун юн» до частей «Великой Цинской Итунчжи», «Ис-

тории Юань» и «Тунцзянь Чжаньму», были впервые переведены на русский язык миссионерским корпусом, члены которого также впервые составили китайско-русский словарь. Среди тех, кто занимался изучением Китая, некоторые стали известными синологами. Например, Даниил Сивелов, Константин Скачков, Илларион Росохин, Алексей Леонтьев, Василий Васильев, Павел Каменский и, конечно, Никита Бичурин.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что изменение географической юрисдикции, а именно: присоединение Сибири к Московскому царству и возникшее территориальное соседство России и Китая, организация контактов на уровне взаимно направляемых посольств, распространение православного христианства в Китае, развитие русско-китайской торговли – это те факторы, которые положили начало дружественным отношениям между двумя странами и двумя народами. Благодаря межкультурному обмену люди узнавали, что мир культурно разнообразен, что существует множество способов жить, что ценности народов различны и что то, что в рамках одной культуры является эталоном, может не разделяться другими. Межкультурная коммуникация помогает понять себя и других, позволяет яснее увидеть многомерность окружающего нас мира.

Источники и литература

1. Ли М. История культурного обмена России и Китая. Москва : Международная культурная издательская компания ; Пекин : Го Вэнь Жун Хуа, 2020. 100 с.

2. Моу Ц. О взаимодействии китайских и российских обычаев и культуры в бассейне реки Хэйлунцзян // Хэйхэский институт литературы. 2017. № 403. С. 109–110.

3. Пэн Ч., Ли Ч. Культурное наследие российской диаспоры: мост и связь для гуманистического обмена между Китаем и Россией // Академия экономики и культуры приграничья Хэйхэ. 2015. № 144. С. 38–40.

УДК 32.019.52

Б.З. Лыгденов

Коммуникативный подход к понятию «политическая идеология»

Секция II: *Политическая наука: от локального к глобальному*

В статье рассматриваются разногласия в определении понятия «идеология». В качестве одного из подходов, помогающих решить некоторые из проблем данного понятия, нами предлагается коммуникативный подход сквозь теорию политического конструирования реальности за автор-

ством Н.Г. Щербининой, что выводится из социальной феноменологии А. Шюца и социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана.
Ключевые слова: идеология, коммуникация, политический конструктивизм, символическая власть, символический универсум

Понятие «политическая идеология» прошло значительный путь изменений и трансформации, является одним из важных исследовательских концептов политической науки и вызывает интерес со стороны многих исследовательских полей. В целом современные исследования, отмечают Дж. Маньярд и М. Мильденбергер, имеют следующие разночтения в определениях идеологий: первое – проблема оценочных коннотаций, второе – вопрос о том, с какого уровня согласованности и систематизированности идей идеологию возможно принимать за оную, и третье – разногласия о сущностях идеологий, их компонентов как совокупности установок или ценностей через подходы, что подчеркивает роль концепций, значений и языка и собственно самой политической теории, фактического содержания идеологии [1. С. 564–568].

Данная классификация не является исчерпывающей, но отражает значительные разногласия в определении понятия. Оно при этом не теряет актуальности как инструмент, с помощью которого возможно исследовать, проинтерпретировать политическую сферу жизни общества, мотивацию действий людей и многих других видов политической и социальной активности из-за адаптируемости политической идеологии. Она меняется не в последнюю очередь в связи с новыми коммуникационными технологиями. Так, Дж.Б. Томпсон отмечает возросшую роль идеологии в связи с медиатизацией современной культуры, что «развитие СМИ существенно расширило сферу действия идеологии в современных обществах, ибо оно создает возможности для передачи символических форм потенциально широкой аудитории, рассеянной во времени и пространстве» [2. С. 22–23].

Переход в виртуальную медийную среду осложняет анализ идеологии с объективистских позиций (например, институционального, марксистского подходов) из-за уменьшения взаимосвязи практического, программного выражения идеологии и её коммуникативных практик, вызывая описание ими «кризиса» политической идеологии и уменьшения её значимости как политического феномена. Поэтому смещение акцента с анализа политических идей и теорий, идеологии как социального явления в область иссле-

дования идеологии как феномена сознания, присущего, а не чуждого ему; подхода к идеологии не со стороны внешнего наблюдателя, а через субъект, воспринимающего мир через идеологию. Это позволяет перейти к исследованию механизмов воздействия идеологии и означает переход от объективистской традиции к субъективистской в понимании понятия.

Идеология, по нашему мнению, в своём внешнем выражении является коммуникативным феноменом. Так, К. Мангейм, со стороны социологии знания, обнаруживает идеологию через взаимодействие, коммуникацию разных людей: «ощущение недоверия и подозрения, которые человек на каждой данной стадии исторического развития обычно испытывает по отношению к своему противнику» совместно с «методическим характером» его обнаружения может говорить об идеологичности позиции собеседника [3]. Подход со стороны социологии знания сделал акцент на восприятии «взглядов противника», на том, как акторы воспринимают знание, получаемое от оппонента, как «истинное» или «ложное».

В качестве одного из подходов, помогающих решить теоретическую «топорность» идеологии и перейти, по К. Гирцу, на её «смысловой» уровень, нами предлагается коммуникативный подход через теорию политического конструирования реальности за авторством Н.Г. Щербининой как релевантный для исследования современного состояния идеологий взгляд. Он выводится из социальной феноменологии А. Шюца и социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана [4. С. 221]. Политическая коммуникация в данной теории предстаёт как управление сознанием [4. С. 221] и ролью субъекта, конструктора, которым обладают носители символической власти. Информацию, как и конструкты, из политического, неповседневного мира, как воспринимаемого медийно и вторичного по отношению к повседневной жизни, индивид интернализует извне, и соответствующий декодинг и понимание «осуществляется путем сведения “схваченного” в восприятии к интерпретативной схеме» [4. С. 221].

Указанный подход помогает решить проблему оценочных коннотаций к идеологии через субъективистский взгляд на данный феномен и через использование категории символической власти П. Бурдье, определяемое: «как возможность создания реальности при помощи слов» [5. С. 149]. Это делает понятие власти нейтральной в плане социальных отношений – символической властью обладает тот, у кого есть соответствующий символический капитал и возможность его применения. Это позволяет исключить

позицию «ложности» идеологии со стороны критического отношения как к механизму поддержания господства властвующей элиты над обществом, механизма угнетения одного класса над другим и т.д.

Наиболее подходящими для исследования политической идеологии через субъективистское понимание являются следующие традиции в исследовании политической коммуникации: интеракциональный (иррациональный) [6. С. 16–17], где важным является символический подход (из классификации Мидоу) и коммуникация понимается как смысло-символьное взаимодействие разных акторов. Также отмечается важность соответствующего понимания друг друга участниками коммуникации [6. С. 16–17]. Это достигается, например, в рамках единого идеологического понимания мира между разными субъектами. Символы, в рамках исследований политических идеологий, являются основным звеном, выражаемым в коммуникации. Возможность понимать символы в рамках одной идеологической системы, одного коммуникативного кода, «возможность» говорить на одном языке у К. Гирца и П. Рикера отмечается как одна из сущностных, но не единственных характеристик исполняемой ею интегративной функции [2. С. 21].

Социокультурное понимание коммуникации из классификации Р. Крейга. В данной традиции коммуникация определяется как «символический процесс, что производит и воспроизводит общие социокультурные модели» [7. С. 297]. В её рамках исследуются проблемы коммуникации на разрывы в пространстве (социокультурное разнообразие и относительность) и времени (социокультурные изменения), где базисом коммуникации являются культура и ценности рассматриваемого общества. Данная традиция в исследовании коммуникации пересекается с пониманием идеологии как культурной, символической и ценностной системы, поэтому её выводы и проблемы, с некоторыми оговорками, также применимы к исследованию идеологии.

Семиотическое понимание коммуникации рассматриваютсяю через модель коммуникации М. Кастельса и У. Эко, где идеологию можно представить как специфическую «картину мира» или же «призму восприятия» окружающего мира. В схеме указанных авторов [8. С. 180–185] идеология находится на месте контекста коммуникации, но не замещает его, являясь именно целостной смысловой рамкой, структурирующей и сообразующей необходимое восприятие коммуникации. Она помогает

формировать смысл передаваемого сообщения и принимать его с наименьшими «потерями», противодействуя «шуму», при условии схожести кодов как у отправителя, так и у получателя.

Роль идеологии в политической коммуникации в рамках данной теории и при использовании категориального аппарата П. Бергера и Т. Лукмана состоит в структуризации и систематизации «символического универсума» матрицы всех социально (в нашем случае политически) объективированных и субъективно реальных значений и смыслов [9. С. 46]. Отсюда исходит её способность влияния на интерпретационный код индивида политической коммуникации, легитимации или делигитимации политической власти.

Из подобной роли идеологии исходят её функции интеграции и дезинтеграции общества, мобилизации и демобилизации и т.д., и соответственно наибольшую эффективность она приобретает при установлении единого символического универсума у всего общества, как это было, например, в советской истории России. Таким образом, символический универсум, структурированный и систематизированный идеологическими смыслами, в практическом выражении и является политической идеологией.

Однако следует обозначить позицию: не каждый символический универсум является идеологией и не каждая идеология может стать основой для универсума. Поэтому в данной теории идеология определяется как концептуальный механизм поддержания символического универсума: «Все легитимации – начиная с простейших, дотеоретических легитимаций разрозненных институциональных значений до космических установлений символических универсумов – могут в свою очередь считаться механизмами поддержания универсума» [9. С. 172]. С её помощью достигается большая целостность символического универсума, однако необходимость в таком механизме, по мнению Бергера и Лукмана, также является проблемой, так как говорит о нарушениях в самоподдержке системы [9. С. 172].

И это также является естественной характеристикой универсума, потому что подобная система не может быть полностью закрытой как в пространстве, так и во времени. В случае представления идеологии как символического универсума данное понятие как и самоподдерживает себя, так и требует идеологии как концептуальный механизм поддержания собственного универсума. Ярким примером также является весьма закрытая идеология СССР, столкнувшаяся с кризисом легитимации в конце своего существования, не «пережившая» собственной перестройки.

Феномен политической идеологии обширен, и сформировать единое определение, как и единую теорию идеологии, исходя их особенностей понятия, малопродуктивно. Каждый подход может исследовать релевантную для него сторону понятия, и в данном ключе мы описали один из актуальных взглядов на неё, позволяющий исследовать и интерпретировать, при исследовании идеологии в рамках политической коммуникативистики.

Источники и литература

1. Maynard J., Mildenberger M. Convergence and divergence in the study of ideology: a critical review // British Journal of Political Science. 2018. Vol. 48, Is. 2. P. 563–589.

2. Малинова О.Ю. Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука. 2003. № 4. С. 8–31.

3. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы. М. : Прогресс, 1991. 405 с.

4. Щербинина Н.Г. Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 219–232.

5. Бурдье П. Социология политики / пер. с фр. Н.А. Шматко. М. : Социологос, 1993. 336 с.

6. Шуклина Е.А. Коммуникативный подход: концептуальные модели, методологические особенности, функциональные характеристики // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 7–24.

7. Пименов Н.П. Сравнительный анализ теоретико-методологических подходов к изучению современных политических коммуникаций // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–2. С. 295–299.

8. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.

9. Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / пер. с нем. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

УДК 94(520)

С.П. Мальчикова

Самопрезентация Японии: формирование образа Страны восходящего солнца после ее «открытия»

Секция VII: *Восток между радикализацией и модернизацией: исторический опыт и современность*

В статье рассматриваются образ Японии, существовавший в Европе после ее «открытия», пути его формирования, в первую очередь, со стороны

Японии, анализируются средства, к которым обращались для его создания и поддержания, манипулируя общественным сознанием. Восприятие народа или государства через призму представлений и стереотипов помогает понять особенности тех или иных выбранных политических курсов, соглашений о сотрудничестве или войне, заключений торговых договоров.
Ключевые слова: Япония, самопрезентация, XIX в., Такэноути Ясунори, Бэзил Чемберлен, Уильям Гриффис, Лафкадио Херн, Нитобэ Иназо

Япония долгое время держала свои границы на замке. Политика «сакоку» («страна на цепи») хранила ее от потрясений и внешних контактов. Но во второй половине XIX в. американская эскадра под командованием коммодора Мэтью Перри положила конец изоляции Страны восходящего солнца [1. С. 151–155]. Под натиском Запада Япония была вынуждена заключить соглашения о торговле и дружбе с европейскими государствами. Договоры были совершенно неравноправными и невыгодными японской стороне. Столкнувшись с технически и экономически более развитой Европой, Япония была вынуждена отвоевывать свое место и искать пути самоутверждения на мировой арене.

Во второй половине XIX в. Страна восходящего солнца могла противопоставить Западу только свои самобытные культуру и искусство, так поразившие англичан на Всемирной выставке 1862 г. в Лондоне [2]. Хотя официально страна не принимала в ней участие, экспонаты попали на выставку в частной коллекции. Делегаты японской миссии под руководством Такэноути Ясунори, прибывшие в столицу Англии, чтобы обсудить некоторые вопросы по договору 1858 г., посетили экспозиции, где смогли наблюдать японские произведения искусства и предметы народного промысла.

В 1862 г. японские делегаты во главе с Такэноути Ясунори прибыли в Великобританию. В качестве почетных гостей японское посольство было приглашено на открытие Второй международной выставки. Здесь была представлена большая коллекция предметов японского искусства и народного ремесла, принадлежавшая британскому дипломатическому представителю в Японии сэру Резерфорду Элкоку [2. С. 293–308].

Миссия Такэноути вернулась на родину, доложив обо всем увиденном в чужих странах. Стало очевидным, что Япония в экономическом и технологическом аспектах сильно отстаёт от Запада. Японское правительство выбрало путь, который позволил найти свое место в новых международных отношениях. Искусство и культура стали главными козырями в

политической игре. А международные выставки были замечательным средством демонстрации, через которую можно было транслировать тот образ, который было желательно создать в умах европейцев.

На Парижской международной выставке 1867 г. Япония впервые официально приняла участие [3]. Исскуство Страны восходящего солнца получило широкое признание во Франции и Великобритании во многом благодаря популярности международных выставок, на которых побывало огромное количество посетителей. Под влиянием укиё-э (японской цветной ксилографии) и различных художественных ремесел в западном искусстве XIX в. возникло целое направление – японизм [4].

Венская международная выставка 1873 г. была первой выставкой для нового японского правительства периода Мэйдзи [5]. Всемирная Филадельфийская выставка 1876 г. привела к популярности японского искусства в Америке [6]. На Чикагской международной выставке 1893 г. Япония представила японский павильон, состоящий из нескольких частей, акцентирующих внимание на длительность японской истории [7].

Международные выставки были не только средством для самопрезентации Японии, но и площадкой для исследования западного рынка. Страна восходящего солнца разрабатывала стратегии для представления своей страны на международной арене и для внешней торговли с Западом: приглашала иностранных консультантов для отбора экспонатов для выставки и экспорта в Европу, советовала ремесленникам изготавливать товары согласно западным вкусам.

Образ Японии активно поддерживался и в печатной продукции. Книги о Стране восходящего солнца стали появляться еще в XV–XVI вв. в первую очередь благодаря миссионерам и купцам. Но пользоваться печатным словом как средством самопрезентации Япония сможет еще не скоро – только с середины 1870-х гг.

После реставрации Мэйдзи в страну устремились многие европейцы: христианские проповедники, торговцы, ученые и путешественники. Многие из них написали произведения, посвященные разным аспектам жизни японцев. И некоторые стали настолько популярными на Западе, что претерпели много переизданий. Например, книга «Японские вещи», принадлежащая перу британского филолога Бэзила Чемберлена, к началу XX в. трижды переиздавалась. Работа американского священнослужителя Уильяма Гриффиса «Империя микадо» переиздавалась двенадцать раз [8]. А произведения аме-

риканского писателя Лафкадио Херна, ставшего уже и японским автором, переиздаются огромными тиражами и по сей день [9].

С середины 1870-х гг. западному читателю стали доступны произведения самих японцев о Японии. Одной из популярных работ стало произведение Нитобэ Иназо «Бусидо. Душа Японии» [10. С. 235–259]. С каждым годом количество публикуемых японских авторов возрастало. Осознав возможность использования печатного слова как средства самопрезентации Страны восходящего солнца, правительственные чиновники поощряли данное направление. Ярым поборником развития данной области являлся посланник в Лондоне виконт Хаяси Тадасу [8].

Пока японцы активно изучали строение железной дороги и премудрости европейского костюма, приглашали иностранных специалистов в разных областях в страну, а сами ездили в Европу учиться «варварским» наукам, образ экзотической Японии покорял сердца иностранцев, которые стремились найти чистую, не запятнанную прогрессом «реальную» жизнь.

Еще одним направлением в самопрезентации Японии можно выделить деятельность японских дипломатов. С середины 1890-х гг. правительство Страны восходящего солнца занялось созданием не только культурного, но и политического образа государства. Первые акции были скорее реакцией на какое-либо событие и некомплексными мерами. Например, правительство Японии пыталось подкупить корреспондента The New York World Джеймса Крилмана, писавшего об ужасных событиях в Порт-Артуре в 1894 г. [11]. Американец оказался неподкупным и опубликовал статью, которая испортила репутацию Японии в глазах Европы.

В конце XIX в. японское правительство выстроит стройную систему пропаганды и создания благоприятного имиджа страны в Европе. Ее особенность – привлечение различных специалистов: ученых, писателей, художников, религиозных деятелей, которые помогали формировать определенный образ страны и ее руководителей.

Таким образом, стремясь повысить свой национальный престиж, наладить торгово-промышленные отношения, Япония покорила Запад через «образ» экзотической страны. Японцы использовали возможности всемирных международных выставок и печатной продукции для трансляции идеи самобытной неуловимо прекрасной Японии.

Осознав, что выступать на равных с Западом Япония не сможет, правительство страны решило создать привлекательный образ государства,

который увлечет европейцев и отвлечет от существующих проблем. XIX в. давал не так много возможностей для подобных манипуляций, но японцы смогли грамотно воспользоваться имеющимися средствами.

Источники и литература

1. Гуринов С.Л. Проблема открытия Японии коммодором М.К. Перри // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2018. № 3 (38). С. 151–155.
2. Ковальчук М.К. Знакомство с Европой. Миссия Такэноути в Великобритании // Ежегодник Япония. 2010. № 39. С. 293–308.
3. Макарова О.И. Японское искусство на всемирных выставках XIX в. // История и культура традиционной Японии. 2010. № 32. С. 368–379.
4. Гришин М.В. «Японизм» рубежа XIX–XX веков как общеевропейское культурное явление // Обсерватория культуры. 2005. № 2. С. 130–136.
5. Ковальчук М.К. Великая Британия глазами японцев. Миссия Ивакура в Англии, 1872 год // Восточный институт Дальневосточного государственного университета. 2012. № 41. С. 352–366.
6. Philadelphia International Exposition of 1876 // Expositions where the modern technology of the times was exhibited. Japan, 2011. URL: https://www.ndl.go.jp/exposition/e/s1/1876.html (access date: 15.04.2022).
7. Chicago International Exposition of 1893 // Expositions where the modern technology of the times was exhibited. Japan, 2011. URL: https://www.ndl.go.jp/exposition/e/s1/1893-1.html (access date: 15.04.2022).
8. Павлов Д.Б. Япония эпохи Мэйдзи в восприятии западного сообщества // Россия XXI. 2009. № 3. С. 58–91.
9. Павлов Д.Б. Япония на рубеже XIX–XX вв.: технологии создания позитивного образа на Западе // Ежегодник Япония. 2009. № 38. С. 235–259.
10. Nitobe I. Bushido. The Soul of Japan An Exposition of Japanese Thought. 1905. [S. l., s. a.]. URL: https://www.sacred–texts.com/shi/bsd/#fn_0 l (access date: 15.04.2022).
11. Dorwart J.M. James Creelman, the New York World and the Port Arthur Massacre // Journalism Quarterly. 1973. № 50 (4). P. 697–701.

УДК 930.1

А.Г. Мананникова

Субъективность историка: проблема или потенциал? К вопросу об исторической эпистемологии Поля Рикёра

Секция I: *Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы*

В статье рассматриваются проблемы современной теории исторического познания, переживающей кризис эпистемологических основ, на фоне

повышения общественного интереса к прошлому и в то же время недоверия к выводам исторической науки. Предпринята попытка показать сферу возможностей и ограничений, налагаемых субъективностью историка, на основе рефлексии Поля Рикёра.
Ключевые слова: эпистемология истории, историческая репрезентация, научная объективность, субъективность истории, роль историка

Наш путь будет таким: от объективности
истории к субъективности историка
Поль Рикёр [1. С. 36]

В современном обществе мы можем наблюдать изменение отношения к прошлому, которое выражается в росте критики официальных версий истории, повышенном интересе к непосредственным свидетельствам прошлого и стихийном развитии коллективных форм памяти. Такое обострение общественного внимания к прошлому и недоверие к истории как науке усугубляются общим кризисом ее моделей познания, сложившихся в XX в.

Оставаясь востребованной, историческая наука, вследствие своей политической значимости, с одной стороны, нередко подвергается давлению со стороны власти, с другой – критикуется из-за якобы беспочвенных притязаний на научную объективность. Ставшее на рубеже XX–XXI вв. подавляющим влияние постмодернизма [2] привело к нарастанию тенденции релятивизма и росту критического натиска на сложившиеся ареалы гуманитарных исследований. Со стороны критиков прозвучали обвинения истории в излишней литературности, несоответствии изысканий историков реальности прошлого, нежелании исследовать и излагать в своих работах действительно происходившие события, сосредоточенности на повторении пути объекта исследования через простое описание и вольную интерпретацию, каждая из которых может быть равнозначной любой другой, что делает описание (и само определение) объективной исторической реальности фактически невозможным.

История оказалась крайне чувствительна к нападкам постмодернизма: из-за опосредованности источником объекта исследования истории недоступен метод наблюдения, а значит, проверка соответствия результатов исследования истине [3]. При этом даже современный читатель все еще ищет в истории отражения реальности прошлого, а не находя, обвиняет

ее в непризнании своей литературной идентичности и притязании на научную объективность [4]. Профессиональное сообщество историков, однако, уже полностью приняло видение истории не как реконструкции, а как репрезентации событий прошлого, отражающей не только само прошлое, но и условия её создания [5]. Так, А. Данто, один из предтеч Поля Рикёра, рассуждал о невозможности рассмотрения историка как непосредственного свидетеля прошлого из-за его отделенности от объекта своего исследования всеми последующими событиями и наслоениями культурного контекста. Об этом же говорит в своих работах Б. Кроче, одним из первых провозглашая идею активной роли личности историка в формировании картины мира прошлого, его ориентацию, в первую очередь, на настоящее и отношение к событиям и акторам прошлого с позиции современности: «современная история возникает непосредственно из жизни, …лишь интерес к настоящему способен подвигнуть нас на исследование фактов минувшего» [6. С. 10]. Эта же мысль получила развитие в работах Р.Дж. Коллингвуда, призывавшего рассматривать любую историческую работу как личную позицию историка [7].

Итак, подобный критический натиск и готовность самих историков к выработке ответов на стоящие перед исторической наукой вызовы указывают на необходимость пересмотра эпистемологических оснований историописания.

Ценный вклад в преодоление многих вызовов, стоящих перед современной исторической наукой, внес Поль Рикёр. Несмотря на значительный интерес к философскому наследию Рикёра, его работы, посвящённые в том числе вопросу о субъективности исторического знания, остаются недостаточно изученными. Поэтому целью работы стало стремление конкретизировать идейный вклад Поля Рикёра в дискуссию о специфике научной рациональности в истории.

Проблема исследования состоит в раскрытии потенциала исторической эпистемологии Поля Рикера в рамках вопроса о субъективности и объективности в истории, которая, несмотря на обилие цитирований, пока не привела в мировой историографии к развитию прикладной научной методологии исторических исследований, базирующейся на его идеях.

Источниковая база работы представлена кругом репрезентативных историографических источников, отражающих процесс становления и трансформации концепции исторической эпистемологии. В корпус ис-

точников входят работы Поля Рикёра, в которых отражены его взгляды на историю: монографии «История и истина» [1], «Время и рассказ» [8] и «Память. История. Забвение» [9].

В своих трудах Полю Рикёру удалось разрешить часть оппозиций о познавательной способности истории, предложить непротиворечивое описание роли историка. Уже в первых своих посвященных истории работах философ поднимает проблему соотношения субъективного и объективного[1] в истории. История является не прошлым, а его отражением, узнаванием «другого настоящего», интерпретирующим рассказом о прошлом, выстроенным в соответствии с мировоззрением и ценностными установками рассказчика. Она создается для современности и нацелена на объединение прошлого и настоящего в единое полотно, что, по мнению Рикёра, не только объясняет субъективность исторической науки, но и делает эту субъективность совершенно особенной. Субъективность истории объясняется и недоступностью самого объекта исследования, и необходимостью «перевода» свидетельств прошлого на язык, современный исследователю, посредством применения исторического воображения, что неизбежно ведет к потере части смыслов [3].

Перед историком, таким образом, стоит задача уравновесить в своем подходе к прошлому научную объективность истории и включенную субъективность историка. Субъективность истории, по мнению Поля Рикёра, определяется «хорошей субъективностью» историка, который ведет диалог с ушедшей эпохой, работает с не имеющей завершенного вида картиной, необходимостью постоянного уточнения и упорядочивания своего прошлого.

Уже в работе «История и истина» философ определяет область ответственности историка перед читателем: историк при работе со свидетельствами прошлого берет на себя функцию выбора, отделения важных и неважных событий, «именно здесь способность к вопрошанию оказывается важнее способности отбирать те или иные документы» [1. С. 41]; работая с прошлым, ученый распутывает, а зачастую и выстраивает причинные связи событий, что предполагает личную включенность исследо-

[1] Объективность истории, как и в случае с другими науками, понимается как «то, что разработано, приведено в порядок и методически осмыслено мышлением, то, что в конечном счете оно делает понятным» [8. С. 35], и определяется самим ремеслом историка.

вателя и необходимость «внедрить психологические мотивы» [1. С. 41]; даже сам язык историка осложняет его работу с прошлым, обладающим своей утраченной и не возможной к полному переводу семантикой. Историк не просто работает с прошлым, благодаря своей субъективности он воспринимает прошлое как другое настоящее, восстанавливая свойственные ему своё прошлое и будущее. Важно также учитывать, что история – это наука об обществе и «то, что история хочет объяснить и, в конечном счете, понять, это – люди» [1. С. 43], поэтому исследователь в процессе изучения событий других эпох посредством симпатии старается понять пережитый людьми прошлого опыт: «продуманный анализ является чем-то вроде методического этапа между неосознанной симпатией, с одной стороны, и симпатией сознательной, с другой» [1. С. 44]. Стоит, однако, отметить, что для симпатии историка характерна нейтральная позиция, которая, позволяя ему понять мысли и чаяния людей, не приводит к полному их разделению. В последующих работах Поль Рикёр уточняет и дорабатывает свое видение субъективности историка.

В работе «Время и рассказ» Рикёр уточняет, что даже использование исторического воображения для заполнения лакун и близость по форме к литературному творчеству не могут оспорить объективность истории как науки, подтверждаемую тем, что объектом науки являются события, действительно имевшие место в прошлом. Применение исторического воображения помогает избежать восприятия прошлого с точки зрения его будущего с уже решенным горизонтом ожидания, дает исследователю возможность экстраполировать свою субъективность на предложенный материал, воспринимать его как подлежащий различным интерпретациям.

В работе «Память. История. Забвение» Рикёр выделяет одной из важнейших этапов написания истории фазу объяснения / понимания, на которой объяснение и понимание предстают перед историком не как две различные операции, а как дополняющие друг друга функции, помогающие восстанавливать цепи событий. На этом этапе кажущаяся проблемой субъективность историка становится конструирующим способом познания прошлого. Роль субъекта познания, а также эмпатическая причастность к предмету исследования делают автора необходимым условием создания исторического рассказа. Только в этом случае ему удается выстроить диалог с людьми прошлого, рассматривать историю как пространство состоявшегося опыта человека другой эпохи и, погружаясь в

него, формировать такую концепцию картины мира прошлого, в которой бы гармонично сочетались понимание и объяснение, но которая никогда бы не имела окончательного вида. Здесь же он еще глубже раскрывает свое представление о роли историка, говоря о его специфической неполной объективности, что связано не только с необходимостью постоянного удерживания субъективной позиции, но и с дистанцией, отделяющей ученого от материала его исследования. На позицию исследователя влияет и его ориентация на ценности общества, помогающие осмыслить поступки людей прошлого [10].

Изучив работы Поля Рикёра, можно сказать, что философу удалось разрешить вопрос о субъективности истории, показав при этом, что она не является проблемой, а напротив, определяет потенциал развития исторической науки. Научная объективность истории несостоятельна без субъективности историка, но перед историком стоит задача уравновесить их в своем подходе к прошлому. Эту задачу Рикёр предлагает решать посредством введения «контракта истины», т.е. гармоничного сочетания субъективного и объективного в подходе историка, его исследовательского и личного Я, что, с одной стороны, предполагает стремление исследователя к восстановлению точной картины прошлого путем объяснения, а с другой – с помощью понимания дает историку возможность выстроить диалог с людьми ушедшей эпохи.

Данные выводы философа могут стать ориентиром в дальнейших методологических поисках исторической науки и способствовать формированию сильной исследовательской программы, способной разрешить часть оппозиций исторического знания.

Источники и литература

1. Рикер П. История и истина. СПб. : Алетейя, 2002. 400 с.

2. Коломыц Д.М., Коломыц О.Г. Философия постмодернизма как методология гуманитарных исследований: Российская специфика // Вестник Казанского государственного института культуры. 2015. № 2–2. С. 9–12.

3. Трубникова Н.В. «Позволить прошлое как историю»: о влиянии постмодернизма на историописание в XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 192–198.

4. Iggers G. A search for a post–postmodern theory of history // History and Theory. 2009. № 48. P. 122–128.

5. Chartier R. On the Edge of the Cliff: History, Language and Practices (Parallax: Re–visions of Culture and Society). The Johns Hopkins University Press, 1996. 288 p.

6. Кроче Б. Теория и история историографии / пер. с итал. И.М. Заславской. М. : Языки русской культуры, 1998.
7. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М. : Наука, 1980. 486 с.
8. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ. СПб. : Университетская книга, 1998. 313 с.
9. Рикёр П. Память. История. Забвение. М. : Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
10. Шепелева В.Б. К поискам адекватных теоретико-методологических ориентиров исторического познания // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15. С. 123–132.

УДК 355.233.231.1:908(571.16)

Ю.А. Мартыненко

Патриотическое воспитание в контексте изучения локальной истории (на примере исследований обучающихся МБОУ Первомайской СОШ по истории Первомайского района Томской области)

Секция VIII: *Диалектика прошлого, настоящего, будущего в археологическом и краеведческом контексте*

Статья повествует о важности изучения школьниками локальной истории. Большая исследовательская деятельность на протяжении почти 20 лет ведется в краеведческом объединении «Исследователь» МБОУ Первомайской СОШ Томской области. Через изыскания в области истории родного края (написание исследовательских работ по разнообразной тематике малой Родины) происходит патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, краеведение, история Первомайского района Томской области, краеведческое объединение «Исследователь», МБОУ Первомайская СОШ

Исследование истории родного края никогда не теряет своей актуальности. Краеведческой тематикой занимаются взрослые, чья профессиональная деятельность прямо или опосредованно с ней связана (учителя, краеведы, руководители краеведческих клубов и кружков и т.д.). Но особо важно привлекать к изучению истории малой Родины школьников. Хорошо организованное обучение под руководством наставников, во-первых, будет способствовать усвоению ребятами исследовательских компетенций, во-вторых, формировать у них патриотизм и граждан-

ственность, уважительное отношение к предкам, труженикам и героям родного края, понимание того, что локальная история неразрывно связана с событиями, происходившими в большой стране [1–6]. По мнению В.М. Проненко, «изучение истории должно быть неразрывно связано с краеведением и опираться на краеведение» [7. С. 283].

За двадцатилетний период организации проектно-исследовательской деятельности на конференциях школьников нам часто приходилось встречать работы реферативного характера, информация в которых во многом скопирована из книг, интернета, не имеет ссылок. На наш взгляд, это недопустимо, создание таких «шедевров» вряд ли принесет обучающемуся радость, а педагоги, организующие работу подобным образом, наносят своим ученикам большой вред.

В сентябре 2002 г. в Муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении Первомайская средняя общеобразовательная школа (МБОУ Первомайская СОШ) Первомайского района Томской области нами создано краеведческое объединение «Исследователь». К выполнению работ школьников предъявляются высокие требования, согласно современным методологическим и методическим подходам [8–10]. Они отличаются разнообразием тематики, для раскрытия конкретных тем привлекаются архивные документы, что обеспечивает новизну исследования, а критика источников и анализ литературы обусловливают его глубину и полноту.

Так как в объединении занимаются ребята разных возрастов, с разными способностями, применяется личностно-ориентированный подход. Работа начинается с теоретической подготовки, на занятиях они узнают, что такое актуальность, проблема, цель, задачи, объект, предмет исследования, гипотеза, методический *инструментарий*, какой должна быть структура работы, как оформляется список использованной литературы и т.д. Затем выбирают тему и начинают ее практическое изучение.

Источниковой базой работ, выполняемых в «Исследователе», являются документы Государственного архива Томской области (ГАТО) и Центра документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО), сайты с оцифрованными карточками и списками солдат («Подвиг народа», «Память народа», «Памяти героев Великой войны 1914–1918» и др.), экспонаты школьных музеев, материалы семейных архивов, а также воспоминания старожилов. Используется и справочная литература. Стоит до-

бавить, что устные свидетельства предоставляют данные, которые ребята затем пытаются подтвердить архивными документами. В случае разночтений предпочтение отдается последним.

Несомненно, школьников привлекает возможность выступать со своими работами на конференциях и конкурсах различного уровня и занимать призовые места. Особенность краеведческих исследований, на наш взгляд, заключается в возможности обучающихся не только делать переоткрытия чего-то кем-то уже исследованного, но и в прямом смысле этого слова что-то открывать самим. Но они должны научиться понимать и указывать, что по теме изучено до них, а что претендует на новизну. А для этого педагог не только должен сам работать в архивах, музеях и со старожилами, ходить в походы и экспедиции, но и активно привлекать к этому своих учеников. Здесь применяется деятельностный подход: юные краеведы должны как можно больше уметь делать самостоятельно, изучать, сравнивать, приобретать опыт публичных выступлений и т.д. В объединении «Исследователь» ребята учатся делать то, с чем многие молодые люди столкнутся только в вузе: оформлять подстрочные и внутритекстовые ссылки, писать статьи с результатами своих исследований, оформлять список использованной литературы и архивных источников и многое другое.

Организуемая и проводимая в 2002–2022 гг. деятельность членов краеведческого объединения «Исследователь» по изучению истории Первомайского района Томской области позволила изучить десятки тем. В их числе работы о земляках: участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Владимир Мартыненко, Илья Грубый, Варвара Степанова), Первой мировой войны 1914–1918 гг. (Владимир Мартыненко, Ольга Коба), конфликта 1929 г. на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) (Александр Ермаков и Георгий Маркович), тружениках тыла (Кирилл Недоспелов, Александра Сычугова, Екатерина Небаева, Анастасия Тарасова). Следует отметить исследования об узнице фашистских лагерей Вере Кирилловне Чигажовой (Виктория Смалина), известном хирурге Марии Яковлевне Перекосовой (Полина Стрельникова), замечательном музыканте Вере Владимировне Бургер (Алена Гурьева), переселенческом чиновнике Зачулымского подрайона Юлиане Ивановиче Стемпене (Елизавета Глазырина), фотографе-эстонце Югане Симсоне, запечатлевшем события 1930-х гг. (пионерию, коллективизацию) (Анна

Шампарова). Помнить о жертвах репрессий заставляют работы о священнике Никите Акимовиче Казакове (Владимир Мартыненко), псаломщике Данииле Владимировиче Соколове (Елизавета Глазырина), о людях, лишенных избирательных прав в 1920–1930-е гг. (Владимир Мартыненко). Богатый краеведческий материал содержат работы о православных церквях и католическом костеле п. Ломовицкий (Валентина Бабуль, Алена Гурьева, Валентина Лизунова, Татьяна Петракевич), об истории деревень и сел Бурбино, Пышкино-Троицкое, Линда (Алина Сташкевич, Ксения Кузнецова, Елизавета Афанасьева). Героической тематике посвящено исследование Анастасии Тарасовой «Трудовой подвиг жителей города Томска в годы Великой Отечественной войны по данным газеты «Красное знамя» 1941–1945 годов». Историю лыжной фабрики «Таежная звезда» и игры детей «в войнушку» в годы войны изучал школьник (ныне студент 1-го курса факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета) Владимир Мартыненко. На основании документов ГАТО Елизаветой Афанасьевой написано исследование о строительстве в 1907 г. плотины и водохранилища в переселенческом п. Медодатский. Данные Березовского и Первомайского школьных музеев стали основой работы об обучении на эстонском языке в с. Березовка в 1930-е гг. Ксении Кузнецовой. Свое исследование «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд. Мои предки и родственники, награжденные орденами, медалями и памятными знаками» самый юный член «Исследователя», первоклассник Михаил Мартыненко написал в этом году, изучив семейный архив.

Благодаря исследовательской и проектной деятельности ребят под нашим руководством, а также грантам, помощи сельского сообщества и властей в с. Первомайское в 2006 г. установлен памятник жертвам политических репрессий «Камень скорби» (проект «Боль людская», участники – Дина Стародубцева, Надежда Лебедкина и Кристина Захарова), в 2018 г. – памятник землякам-участникам Первой мировой войны (проект «Пусть безвестные станут известны!», автор Владимир Мартыненко, участники проектной группы – Сергей Фоос, Дмитрий Виденькин и Анастасия Шабалина). В 2017 г. в березовой роще с. Первомайское установлен баннер в память о первой церкви, а на могиле убитого в 1929 г. священника Н.А. Казакова на кладбище д. Туендат – крест с памятной табличкой и фотографией. Более 50 членов кружка и волонтеров-

школьников приняли в 2011–2014 гг. участие в создании видеоархива воспоминаний участников войны, тружеников тыла и детей войны Первомайского района, который насчитывает более 300 персоналий. Благодаря этому сформирован большой фонд оцифрованных фотографий, документов, видеоисточников, который продолжает пополняться и станет материалом для будущих исследователей.

С каждым годом в изучение истории родного края вовлекаются новые ребята, они охотно участвуют в конкурсах, в том числе всероссийского уровня, таких, как конкурсы Д.И. Менделеева и В.И. Вернадского, занимают призовые места. Занятия в краеведческом объединении формируют у них устойчивую гражданскую позицию, понимание того, что развитие их малой Родины обеспечено трудом их предков и современников, заложивших основы дальнейшего процветания. Наблюдение за юными краеведами-исследователями, их рефлексия, высказывания и поступки позволили убедиться, что изучение локальной истории является важным и действенным механизмом воспитания у них патриотизма.

Источники и литература

1. Бойтунова К.А. Воспитание гражданско-патриотических качеств личности через деятельностный подход в изучении истории родного края // Электронное обучение и дистанционные технологии в образовании: опыт и перспективы развития. 2016. № 2. С. 4–6.

2. Иллензеер Д.Н., Маланичева С.А., Пеньков С.В. Патриотическое воспитание школьников при изучении истории России // Антропологические и психолого-педагогические аспекты обучения и воспитания : сборник материалов международной конференции. 2016. С. 55–56.

3. Заикина Н.А. Гражданско-патриотическое воспитание школьников при изучении региональной истории // Вопросы педагогики. 2019. № 12–1. С. 88–91.

4. Кривошеева Е.Н., Кривошеев С.К., Кривошеев Г.С. Гражданско-патриотическое воспитание обучающихся общеобразовательных организаций на основе изучения истории малой Родины // Великая Отечественная война в памяти поколений : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д, 2020. С. 133–136.

5. Марюткин В.В. Патриотическое и гражданское воспитание молодежи на изучении истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2017. № 9 (9). С. 150–154.

6. Тычков И.А. Основные подходы к гражданско-патриотическому воспитанию при изучении дисциплины «История» // Педагогика в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 149–151.

7. Проненко В.М. Патриотическое воспитание учащихся через изучение вопросов культуры и краеведения // Язык и культура как составляющие образовательного пространства : материалы II Международной научно-практической конференции, Белгород, 18–20 мая 2017 г. Белгород, 2017. С. 281–283.

8. Шестернинов Е.Е., Арцев М.Н., Ефимова Н.С. Навигатор исследователя: Рабочая тетрадь для школьников по подготовке и проведению учебно-исследовательской деятельности (Некоммерческая организация Благотворительный фонд наследия Менделеева). М., 2017. 88 с.

9. Шестернинов Е.Е., Арцев М.Н. Спутник исследователя: Рабочая тетрадь для учащихся средней школы по подготовке и проведению учебно-исследовательской деятельности (Некоммерческая организация Благотворительный фонд наследия Менделеева). М., 2017. 53 с.

10. Шестернинов Е.Е., Арцев М.Н. Учебный проект : методическое пособие для педагогов общеобразовательных учреждений (Некоммерческая организация Благотворительный фонд наследия Менделеева). М., 2019. 124 с.

УДК 338.2(510)

Д.В. Маснев

Китайская специфика выращивания «единорогов»

Секция III: *Исследования науки, техники и здоровья: сопроизводство инноваций и общества*

В данной статье выделяется и описывается специфика, свойственная китайской предпринимательской среде. В ходе работы анализируются процесс создания стартапа в КНР и его развитие до получения статуса «единорога». Итогом работы стал ряд выводов о наиболее значимых особенностях, формирующих отличие китайского подхода к поддержке малых и средних инновационных предприятий от западного.

Ключевые слова: Китай, стартап, экономика, предпринимательство, инкубатор, акселератор

«Фирма-единорог» – это частный стартап с рыночной капитализацией от 1 млрд долл. Эти стартапы вызывают повышенный интерес во всем мире, поскольку производят продукты, оказывающие обширное влияние на глобальную экономику.

В случае Китая малые и средние предприятия Китая вносят порядка 50% налогов, 60% ВВП, 70% технологических инноваций и 80% занятости в городских и сельских районах [1]. Подобные показатели позволяют рассмотреть развитие стартапов как ключ к будущему экономическому росту страны.

Высокий приоритет развития малых и средних инновационных предприятий Китая подтверждается стремительно растущим числом «единорогов». Согласно отчету, составленному исследовательским институтом Hurun, к концу 2021 г. в Китае числилось 301 «фирма-единорог», что делает КНР второй страной в мире по данному показателю [2]. Следует отметить, что, несмотря на то, что на первом месте данного рейтинга попрежнему находится США, обладающие 481 «единорогом» [2], стоимость китайских «единорогов» заметно выше. Во многом столь высокие показатели достигаются за счет таких компаний, как Tencent, Alibaba и Baidu, которые, существуя менее 21 года, уже стали «супер-единорогами» стоимостью свыше 10 млрд долл. США.

Принимая во внимание факт отсутствия «единорогов» в России, мы сталкиваемся с необходимостью проанализировать опыт наших соседей, понять причины столь успешного развития стартапов в КНР за последнее десятилетие, а также выделить специфику китайского подхода к поддержке малых и средних предприятий.

Понимая причины замедления экономического роста и осознавая потребность в изменениях, Китай направил вектор развития на инновационное предпринимательство. Наиболее ярко это отразилось в 14-м пятилетнем плане, где китайское правительство отказалось от стремления к конкретной цифре роста ВВП в пользу всесторонней поддержки малого и среднего бизнеса [3].

Также начиная примерно с 2015 г. государство начинает разрабатывать проекты по стимулированию населения к открытию собственных стартапов: вводится ряд законов, защищающих малый бизнес, создаются различные центры помощи, проводится агитация среди молодежи, формируются комфортные условия для старта и т.д. Подобные действия со стороны правительства в короткие сроки привели к появлению подходящей почвы для зарождения будущих «единорогов» и их дальнейшего развития.

Еще одним важным фактором, повлиявшим на рост числа стартапов в Китае и изменившим китайский подход к предпринимательству, стал значительный рост потребностей потребителя. Согласно Глобальному опросу потребительского доверия, показатель уверенности потребителей в занятости, личных экономических условиях и готовности тратить накопления остается стабильно высоким с 2017 г. [4]. Даже в условиях пандемии эта отметка не

опускалась ниже 112,6 (индекс выше 100 соответствует положительному результату), а на данный момент балансирует на отметке 120.

Из представленного графика видно, что китайское общество, традиционно считавшееся не склонным к риску и совершению крупных, потенциально опасных сделок, начало меняться. Экономическая стабильность, всесторонняя поддержка правительства и положительные примеры удачных сделок привели к появлению молодого поколения, не боящегося принимать новые вызовы и активно участвовать в экономике страны.

Перед рассмотрением пути, который проходит среднестатистический китайский стартап перед становлением «единорогом», необходимо детальнее изучить отличительные особенности китайской предпринимательской среды.

Ключевым фактором, формирующим особую культуру китайского предпринимательства, можно назвать величину внутреннего рынка. Население в количестве 1,5 млрд человек избавляет молодые китайские компании от необходимости в кратчайшие сроки приступать к международной экспансии. Если предприятия из стран Европы уже на начальном этапе нуждаются в закреплении рынков сбыта в других странах, то китайские стартапы обладают возможностью оставаться как внутри самой страны, так и внутри домашнего региона.

Величина внутреннего рынка и традиционная для Китая ведущая роль правительства в сфере предпринимательства привели к формированию наиболее яркого отличия китайских стартапов от своих прямых конкурентов в лице США. Данное отличие заключается в ориентированности бизнеса. Сравнительно низкая свобода китайского бизнеса и высокая численность потенциальных потребителей установили приоритет китайских компаний на b2c-систему ведения дел, в то время как в Америке наибольшее распространение получила система b2b.

Изучив среду, в которой существует китайский бизнес, мы можем начать рассмотрение развития современных стартапов. Следует заметить, что многие китайские стартапы зарождаются необычным для западного мира образом: малые предприятия формируются, выделяясь из более крупной фирмы, что в дальнейшем приводит к их взаимовыгодному сотрудничеству. Например, самый дорогой китайский финтех-стартап Ant Financial был выделен из Alibaba, а финансовый рынок Lufax отделился от PingAn. Гиганты взращивают новое поколение стартапов, предостав-

ляя развитую инфраструктуру и достаточные инвестиции, а молодые «единороги» ускоряют рост титанов, привлекая внешний потенциал и ноу-хау.

Однако, несмотря на эту особенность, основным местом, где происходит зарождение будущего «единорога», по-прежнему остается бизнес-инкубатор. Первый инкубатор в Китае был открыт еще в 1987 г. как приют для ученых, решивших перейти в частный сектор. С тех пор инкубаторы развивались стабильно, хотя и относительно медленно, вплоть до 2015 г. В 2015 г. Государственный совет выпустил документ о продвижении массового предпринимательства и инноваций, включая поддержку политики по созданию экосистемы инновационных и высокотехнологичных отраслей.

К концу 2019 г. в одном лишь районе Пекина Хайдянь насчитывалось 256 учреждений, оказывающих услуги в области инноваций и предпринимательства, в том числе 21 национальный бизнес-инкубатор, 84 производственных пространства национального уровня, 139 муниципальных государственных инновационных площадок, 103 инновационных инкубатора и 19 университетских научно-технических парков [5].

Позднее, пережив «долину смерти», стартапы сталкиваются с новыми проблемами расширения. Им нужно больше профессиональных поставщиков, наставников для разработки масштабируемых процедур, создания управленческой команды и т.д. К сожалению, эти потребности не удовлетворяются функциями инкубаторов, хотя именно в этот период молодой стартап наиболее остро нуждается в толчке для быстрого развития. И осуществить подобный толчок ему помогают многочисленные бизнес-акселераторы и, как было упомянуто ранее, старшие компании. Интересно, однако, отметить, что эти компании, как правило, не инвестируют в один и тот же стартап. Это вынуждает молодых предпринимателей выбирать, на чьей стороне они будут на ранней стадии, что может повлиять на траекторию и направление их долгосрочного роста.

По сравнению с инкубаторами, которые в основном предоставляли офисные помещения и элементарную службу поддержки бизнеса для предпринимателей, которые пытаются создать стартап, акселераторы сосредоточены на помощи уже сформированным стартапам в развитии с более индивидуальным наставничеством, обычно во время интенсивной программы ограниченной продолжительности.

На этом же этапе по отношению к компании начинают действовать многочисленные программы поддержки со стороны правительства. Во многом это проявляется в работе таких правительственных фондов, как Фонд государственной поддержки Китая для содействия государственно-частным инвестициям, сосредоточенный на инвестиции в наиболее перспективные отрасли, а также Государственный фонд развития малых и средних предприятий, основная функция которого – защита доходов малых предприятий от посягательств любых лиц и организаций.

Далее в жизни каждого стартапа наступает период свободного развития. Благодаря помощи правительства и частных предпринимателей выжившие стартапы получают достаточную устойчивость для стабильного продолжения своей деятельности. Однако, несмотря на то, что стартап на данном этапе теряет былую интенсивность поддержки, он вовсе не остается без нее.

По мере развития компании к ней начинает применяться все большее количество поощряющих государственных программ.

Как пример можно привести относительно недавнее присвоение звания «стартап государственного уровня» для более 3 000 «маленьких гигантских» компаний [6]. Данное звание символизирует инвесторам об особом одобрении Пекина и открывает доступ к созданию лучшей цепочки поставок. Более того, как только предпринимателю удается позиционировать компанию в таблице лидеров в Китае, объем капитала и поддержки, которые могут быть привлечены, становится поистине огромным, что еще больше способствует росту.

Таким образом, проанализировав как особенности предпринимательской среды, так и особенности пути развития китайских стартапов, мы можем сделать ряд выводов о специфике китайского пути выращивания «единорогов». Прежде всего, внимание привлекает факт сильного влияния правительства на всех стадиях развития предприятия. Оно подталкивает население к открытию собственного бизнеса, за счет льгот привлекает молодые таланты в наиболее важные для страны отрасли и играет ключевую роль в жизни наиболее крупных компаний. Во-вторых, высокая численность населения формирует ориентированность стартапов не на взаимодействие с бизнесом, а на удовлетворение нужд клиентов. В-третьих, мы можем наблюдать характерный для китайской культуры уклон в сторону личных отношений при ведении бизнеса. Для стартапов

и предпринимателей в Китае гуаньси обычно используется для создания благоприятной среды для выживания и роста стартапов. Положительное гуаньси с правительством может помочь предприятиям как получить различные особые льготы, так и заранее узнавать об изменениях в законодательстве, что позволяет им активно реагировать на изменения.

Источники и литература

1. Корчагина Е.В., Жун И. Государственная поддержка инновационного бизнеса: опыт Китая // Современный менеджмент: проблемы и перспективы. 2021. С. 519–522.

2. Global Unicorn Index 2021 // Hurun Research Institute. [S. l], 2021. URL: https://www.hurun.net/en–US/Info/Detail?num=R18H7AJUWBIX (access date: 06.04.2022).

3. Translation: 14th Five-Year Plan for National Informatization – Dec. 2021 // Digichina. [S. l.], 2021. URL: https://digichina.stanford.edu/work/translation-14th-five-year-plan-for-national-informatization-dec-2021 (access date: 06.04.2022).

4. Consumer Confidence Index in China from February 2017 to February 2022 // Statista. [S. l.], 2022. URL: https://www.statista.com/statistics/271697/consumer-confidence-in-china (access date: 06.04.2022).

5. Incubation Systems for Start–ups in China and India: A comparison of the two ecosystems // ICS Research blog. [S. l.], 2020. URL: https://icsin.org/blogs/2020/08/13/incubation-systems-for-start-ups-in-china-and-india-a-comparison-of-the-two-ecosystems (access date: 06.04.2022).

6. New batch of little giants to champion SME cause // The state council the people's republic of China. [S. l.], 2020. URL: http://english.www.gov.cn/statecouncil/ministries/202108/26/content_WS6126ce3fc6d0df57f98df288.html (access date: 06.04.2022).

УДК 391.4

Я. Мен

Головные уборы алтайцев России и монголов Китая: смысловое содержание

Секция IX: *Этнокультурное многообразие Евразии в историческом контекстсте*

В статье описаны головные уборы алтайцев России и монголов Китая, проведен их сравнительно-этнографический анализ, выявлены сходства и различия. Алтайцы и монголы, скотоводческие народы, проживают в схожих условиях, имеют постоянные контакты, что нашло отражение в сходных типах костюма. Однако головные уборы существенно отлича-

ются, что объясняется сохранением их сакральной значимости, так как именно головные уборы выступают важными маркерами этнической идентичности каждого из народов.
Ключевые слова: алтайцы, монголы, головной убор, малгай, материальная культура

Головной убор является неотъемлемой частью материальной культуры народа. По особенностям его кроя, материалу можно определить условия проживания народа, его природно-ландшафтное и культурное окружение. Головные уборы могут рассказать о традициях, мировоззрении, социальном положении человека.

В данной работе исследуются виды головных уборов алтайцев России и монголов Китая. Алтайцы и монголы, скотоводческие народы, проживают в схожих условиях, имеют постоянные контакты, что нашло отражение в сходных типах костюма.

Алтайцы, тюркоязычный народ, в основном проживают в РФ, в Горном Алтае. Кроме этого, проживают в КНР и Монголии, но там считаются национальным меньшинством. В результате национального строительства в советский период в 1922 г. была создана Ойротская автономная область, население которой получило этноним «ойроты» и было отнесено к монголам. Это было следствием научной ошибки и объяснялось особенностями сложения алтайцев как этноса, а также тем, что их предки до середины XVIII в. входили в состав государства ойратов – Джунгарского ханства. В 1948 г. автономия была переименована в Горно-Алтайскую, а часть ее населения получила этноним «алтайцы», «алтай-кижи».

В настоящее время алтайцы – отдельный тюркоязычный народ, имеющий свою культуру и традиции. Частью материальной культуры являются головные уборы.

Алтайцы контактируют с разными другими народами, что влияет на их культуру. Их традиционный костюм, включая головные уборы, подвергался изменениям. Этнокультурные влияния прослеживаются в материалах производства уборов, а также в их форме. Неспециалисту головные уборы алтайцев России и монголов Китая покажутся схожими. Представляется важным подробное рассмотрение их головных уборов.

Ранние упоминания костюма предков алтайцев встречаются в летописи династии Тан. Там упоминается, что кочевники, живущие в Алтайских горах, носили меховую и шерстяную одежду.

Мужчины и женщины носили схожие по форме головные уборы. К примеру, головной убор *сӱрӱ бӧрӱк* – это шапка с высоким околышем, для которого в качестве материала использовались соболь, чёрный ягнёнок и лисица. Одной из его особенностей было постепенное сужение сзади. Надетая шапка по форме напоминала высокий гребень, нависающий надо лбом. Для обратной стороны использовалась ткань желтого цвета, а посередине пришивался овальный лоскут красного цвета. Иногда сзади на шапке можно было обнаружить красные лоскуты, выполняющие одновременно функции украшения и подвязки околыша шапки.

По словам В.В. Радлова, в каждом возрасте люди носили головные уборы по-своему: так, молодёжь предпочитала, чтобы шапка сидела ровно, а в более взрослом возрасте встречалось ношение шапки набок.

По наличию такого головного убора можно было судить о социальном статусе человека, поскольку его могли носить лишь те, кто скреплён брачными узами. Однако спустя время традиции изменились, и в начале XX в. ношение такого убора было присуще только замужним женщинам [1. С. 24]. Алтайцы и по сей день придерживаются этой традиции.

Существовали и другие уборы, *килиҥ бӧрӱк*. Они были круглые, с кистью из цветных ниток на макушке. Для изготовления данного головного убора необходимо было хорошо выделать и вымочить шкуру ягненка. Подготовленную шкуру натягивали на форму и сушили. На сшитый таким образом нижний слой из мерлушки натягивался внешний слой, чаще всего из темного однотонного материала, при возможности – дорогого: меха соболя, выдры.

Шапку такого же покроя шили и из лисьих лапок – *тӱлкӱ бычкак бӧрӱк*, так, чтобы черные края камусов сходились на макушке. После этого пришивали *кӱрее* – отделку из парчи или какой-нибудь блестящей материи. Далее отдельно пришивали нижний край из мерлушки, и в последнюю очередь вшивался мех выдры (*камду*). Внутренняя сторона данного головного убора шилась из белой мерлушки – шкурки ягненка грубошерстной породы овец. Этот материал имел для алтайцев сакральное значение. Иногда *борук* шьется с добавлением меха рыси и кабарги. Этот головной убор носится алтайцами с давних времен. Особое отношение к этому убору подчёркивается тем, что он обычно выставляется в доме на видном месте.

Кроме этого, *борук* украшался меховой полоской из выдры (к*амду*). Имеются вставки из блестящей парчи разных цветов. На макушке добав-

лялась шелковая кисточка, которая тоже имела большое значение. Данное украшение воплощало в себе связь народа с богом по аналогии с пуповиной, которой мать соединена с ребенком.

Для кисточек использовалась разная длина, которая варьировалась от 40 до 50 см. Когда вставал вопрос, как украсить шапку, то первоочерёдным критерием был возраст человека. К примеру, если шапку должен был носить ребёнок, то к ней пришивалась короткая кисточка, а если взрослый – то длинная. В некоторых случаях в качестве измерения для длины кисточки использовалась рука: ее длина должна была составлять от кисти руки до локтя. Отдельно следует отметить сакральный смысл борука у алтайцев.

Позволить себе такой головной убор могли только зажиточные алтайцы. Ведь *калан* (налог) в казну платили именно шкурами животных. *Борук*, особенно сделанный из меха, довольно теплый головной убор, поэтому в жаркое время года носить его было тяжело.

Население, у которого не было денег, носило традиционную шапку, выполненную из войлока. В летнее время года алтайцы отдавали предпочтение лапкам из холста, нанки или дабы. Этот головной убор представлял собой усеченный колпак с кружком наверху. Телеуты в разное время года носили разные головные уборы из овчины или войлока (*пöрӱк, кийис – пöрӱк, турпа – пöрӱк, малахай*). В ходе путешествия по Алтаю В. Радлов отметил шапочки, которые носили тубулары. Они были сделаны из чёрного плиса, имели желтое донышко монгольского покроя.

Форма мужского и женского головного убора была во многом схожа. В качестве примера может быть приведена треугольная шапка из чёрной мерлушки.

Женская шапка имела четыре трапеции, а для верхушки была выбрана квадратная форма. Для покрытия шапки использовалась однотонная ткань, а ее края прошивались мерлушкой и полоской. Макушка шапки была украшена маленьким кружком из другой ткани с вышитым на ней узором из бисера и кисточкой. У некоторых кумандинок, телеуток и крещеных алтаек была традиция носить платки, повязанные концами назад [2. С. 23].

Головные уборы алтайцев имели не только бытовой, но и сакральный смысл, они считалась оберегом, охранявшим человека. Запретом было бросание шапок на землю, а также не допускалось любое небрежное отношение к ним. Головной убор у них олицетворял Верхний мир. Острая

верхушка шапки воспринималась как символ благополучия и процветания. Многие отмечали схожесть этой шапки с алтайскими горами, и будто бы женщина была под их охраной.

Как гласят традиции и предания алтайцев, 12 лисьих лапок соответствовали циклу из 12 согласно алтайскому календарю.

В отделке из парчи (*кӱрее*) символизировались красоты Алтая, его природа, а мех выдры (*камду*) отражал, насколько богат животный мир. В алтайском костюме головной убор был неотъемлемой частью. Замужняя женщина не имела права находиться в обществе, если ее голова не была покрыта [3. С. 46].

Головные уборы монголов Китая также были полисемантичны. После распада Монгольской империи началась междоусобная борьба, что позволило маньчжурам захватить то, что они называли Внутренней Монголией, или южной половиной Монголии. Когда власть маньчжуров выросла достаточно, чтобы объявить свою династию в Китае – Цин, маньчжуры назначили китайских представителей управлять Монголией. Это очень сильно повлияло на дальнейшее развитие монголов как этноса.

В 1911 г. после того как династия Цин распалась, императорское правление в Китае было ликвидировано. Внешняя Монголия пыталась получить независимость от Китая, но китайцы не поддержали эти устремления. Только после подписания трехстороннего соглашения между Уинстоном Черчиллем, Иосифом Сталиным и Франклином Д. Рузвельтом в 1945 г. Внешняя Монголия получила независимость, к которой так долго стремилась. Однако часть монгольской территории, в 1947 г. провозгласив свою автономию, по Конституции КНР стала называться Автономным районом Внутренняя Монголия и вошла в состав Китая.

Вся монгольская одежда приспособлена к суровому климату и к кочевому образу жизни. Средневековый путешественник писал: «Удивительно, как эта нация создала одежду, соответствующую всем сезонам и потребностям, хорошо продуманную и используемую разными способами» [4. С. 45].

По преданиям, после захвата Северной Монголии маньчжурами все противники маньчжур стали носить шапку с разрезом ее краев сзади.

Один из самых ярких и оригинальных предметов национальной одежды – традиционный головной убор *малгай*. Он до сих пор очень распространен в сельской местности. У монголов много видов шапок: для молодых и старых, мужские и женские, праздничные и повседневные, для ле-

та и зимы, праздников и церемоний. Внешний вид, крой и цвет зависят от пола владельца, его или ее социального статуса, зависит от того, к какой этнической группе принадлежит владелец [5. С. 18].

Один из видов мужских шапок монголов – летняя шапка *хилэн малгай*. Данный головной убор состоит из конической тульи, которая сверху обшивалась красной тканью и дополнительно простёгивалась тканью. Все края ткани загибались вверх, после этого шапка обшивалась черным материалом. На верху тульи пришивался шестиугольный лоскут материи, украшенный орнаментом. К этому лоскуту надевался узелок, по-другому *жинс,* который плели обычно из красного шелкового шнурка. *Жин*с осмысливался как солнце. Из разреза шапки сзади ниспадали две длинные шелковые ленты красного цвета. Голубая тесьма, завязывающаяся под подбородком, прочно удерживала шапку на голове.

Для монголов головной убор имел большое значение. Нельзя было наступать на головной убор или перешагивать через него. *Малгай* был продолжением человеческой головы, поэтому любое пренебрежение к головному убору расценивалось как оскорбление его владельца. На праздниках для того, чтобы выразить свое уважение, необходимо было находиться в головном уборе.

Зимний вариант назывался *минжин малгай*. Его отличие от летней версии заключалось в том, что эта шапка имела более плавные очертания. При ее изготовлении использовали такие материалы, как бархат, плис, сукно, шелк и бобровый мех [6. С. 24].

Праздничный вариант *цагаансарын малгай* отличался своими более изысканными пропорциями, имел заостренный вверх и более широкие ленты.

Можно сделать вывод о том, что и у алтайцев, и у монголов головной убор имел важное значение не только как элемент материальной культуры, но воспринимался как сакральный предмет, связывающий человека с Верхним миром, выполнял функцию оберега. Крой шапок монголов и алтайцев имеет существенные отличия, что можно объяснить тем, что их головные уборы несли в себе очень глубокий семантический смысл, выступая важными маркерами этнической идентичности каждого из народов.

Источники и литература

1. Радлов В.В. Путешествие доктора Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану. Томск : Типография губернского Правления, 1881.

2. Екеева Н.В., Екеева Н.М., Енчинов Э.В. Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие. Горно-Алтайск, 2014. 464 с.
3. Потапов Л.П. Одежда алтайцев // Сборник трудов Музея антропологии и этнографии. 1951. Т. XIII. С. 5–59.
4. Нямбуу Я. Население Монгольской Народной Республики. Монголия, 1971.
5. Овдиенко И.Х. Современная Монголия. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. 290 с.
6. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2: Материалы этнографические. СПб., 1881. 87 с.

УДК 94(4):94(47) “1919”

С.А. Миронюк

Концептуальные подходы к формированию новой политики в отношении России в правительстве Д. Ллойд Джорджа и странах Антанты в сентябре–декабре 1919 г.

Секция VI: *Запад в новых исторических реалиях: от осмысления прошлого к формулированию будущего*

В статье рассматривается обсуждение в правительстве Д. Ллойд Джорджа и странах Антанты решения по «русскому вопросу» в условиях приближающейся победы РСФСР в Гражданской войне и формирования новой системы международных отношений, включая определение места в ней России. По его итогам были выработаны концептуальные подходы британской и союзной политики. Они были направлены на сдерживание и изоляцию России посредством барьера и поддержки пограничных сообществ с нерусским населением и Польши.
Ключевые слова: «русский вопрос», Д. Ллойд Джордж, У. Черчилль, Дж. Керзон, Гражданская война, интервенция, Лондонская конференция

В настоящее время Соединенное Королевство и многие страны Запада во внешней политике относительно России, как и сто лет назад, столкнулись с новыми историческими реалиями, которые вызвали неприятие и стремление оказывать давление на нее. Они используют концептуальные подходы, которые были разработаны в сентябре–декабре 1919 г. в правительстве Д. Ллойд Джорджа и странах Антанты во время обсуждения «русского вопроса».

Цель настоящей работы заключается в определении процесса выработки и сущности этих концептуальных подходов новой политики Британии и стран Антанты относительно России в сентябре–декабре 1919 г.

на основе протоколов британского Военного Кабинета министров и Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» (11–13 декабря 1919 г.).

Фоном для принятия решений по «русскому вопросу» служили победы Красной армии над войсками А.В. Колчака, А.И. Деникина и Н.Н. Юденича в Гражданской войне, укрепление контроля РСФСР над территорией страны и опасения возможного наступления ее войск на Восточную и Центральную Европу. Вследствие этого требовалось обсудить и утвердить новые подходы Британии и стран Антанты относительно России.

В сентябре 1919 г. британскому правительству предстояло разрешить вторую часть «русского вопроса»: первая, связанная с завершением политики военной интервенции на территории бывшей Российской империи, была закрыта на заседаниях Военного Кабинета министров 25 и 29 июля 1919 г. Тогда было решено вывести британские войска с севера России, Кавказа и из Сибири, а также отозвать миссии из Архангельска и Мурманска [1. P. 66; 2. P. 80]. Непосредственно вторая часть подразумевала выработку новой основной цели политики в России.

25 сентября 1919 г. ее обсуждали на заседании Военного Кабинета министров. Д. Ллойд Джордж задался вопросом о соответствии британским интересам стремления к ограниченной России при любом ее правительстве, даже при самом благоприятном. Им было высказано опасение неизбежности того, что такое правительство в России будет естественным образом усиливаться. Вследствие этого возникла бы угроза не только для Великобритании, но и для всего мира. Премьер-министр предложил рассмотреть также необходимость создания определенных независимых государств, в частности, Украины и, возможно, Туркестана.

Сам он не мог спокойно относиться к мысли о мощной объединенной России с населением 130 млн человек. После принятия решения о цели политики относительно России Д. Ллойд Джордж считал необходимым незамедлительно сообщить его британским представителям в Париже для начала реализации выработанного курса.

Временно исполняющий обязанности в Великобритании главы Форин офиса Дж. Керзон сообщил о подготовленном его ведомством две недели назад документе по этому вопросу и с согласия Кабинета хотел бы его распространить.

После Дж. Керзона выступил государственный секретарь по военным делам У. Черчилль. Он счел этот вопрос слишком деликатным и выразил уверенность в маловероятности начала процесса объединения России в ближайшие несколько лет. Однако не сомневался в том, что российское правительство в будущем обязательно поднимет вопрос о возвращении утраченных земель.

У. Черчилль говорил, что «с настоящего времени и далее русские никогда не перестанут требовать любые территории, которые в настоящее время могут быть отрезаны от того, что было бывшей Российской империей» [3. P. 274]. Далее он выразил надежду, что, когда это время придет, британцы будут с русскими «в хороших отношениях… а не наоборот» [3. P. 274].

Затем выступили канцлер Казначейства О. Чемберлен и председатель Совета по образованию Г. Фишер. О. Чемберлен согласился с позицией Д. Ллойд Джорджа о британской политике и одновременно поддержал У. Черчилля с его предсказаниями. Г. Фишер согласился с тем, что с британской точки зрения желательно иметь разделенную Россию, но усилия, направленные на ограниченную Россию, будут колоссальны.

После прений было решено распространить упомянутый меморандум Дж. Керзона по вопросу о будущем «размере» России, но в целях секретности в одном экземпляре и в коробке.

С точки зрения Д. Ллойд Джорджа, практически поддержанной всеми присутствовавшими, основная цель британской политики должна была заключаться в стремлении к «ограниченной» – слабой и урезанной – России. Для закрепления этой позиции в Кабинете министров требовалось обсудить «русский вопрос» со странами Антанты и их союзницами. По мнению Дж. Керзона, высказанному еще на заседании правительства 17 марта 1919 г., политика по «русскому вопросу» «не могла быть разработана в Лондоне: она должна была быть сформулирована в Париже» [4. P. 45].

Таким образом, британское правительство было очень заинтересовано в проведении конференции по этому вопросу. На ней оно могло бы пролоббировать свой проект решений, который отвечал бы британским интересам и стал бы основой как для общей внешней политики союзников, так и непосредственно его собственной.

Межсоюзная конференция состоялась 11–13 декабря 1919 г. в Лондоне. Участие в ней приняли Британия, Италия, США, Франция и Япония. На конференции обсуждались вопросы, остававшиеся нерешенными

в рамках Парижской мирной конференции, в том числе и «русский вопрос». Последний был поднят 12 декабря Д. Ллойд Джорджем в связи с необходимостью выработки новой общесоюзной политики относительно России. Он попросил французского премьер-министра Ж. Клемансо высказаться первым ввиду схожести их взглядов на эту проблему.

Позиция французской стороны состояла в проведении политики, направленной на международную изоляцию России, а также на поддержку Польши, «чтобы перекрыть русское продвижение на запад и обеспечить контроль над Германией» [5. P. 849]. Британская, итальянская и американская стороны поддержали эту идею.

Другой вопрос, который был поднят на Лондонской конференции, касался финансирования противостоявших большевизму сил. Пришли к общему мнению о его бессмысленности.

Вечером 12 декабря 1919 г. на заседании британского правительства Д. Ллойд Джордж зачитал проект заключения по политике в России, который он намеревался изложить на конференции на следующий день. Его суть заключалась в отклонении предложения об организации встречи представителей антибольшевистских государств и организаций из России; в обязанности стран Антанты не входить в договоренности о предоставлении военной или финансовой помощи антибольшевистским силам, оговариваясь, что те могут покупать военные материалы в странах альянса; в самостоятельности внешней политики каждой страны относительно этих сил и запрете устанавливать официальные отношения с РСФСР; в соответствии интересам стран Антанты сильной Польши, но вместе с тем будет отложен на дальнейшее рассмотрение вопрос о необходимости оказывать ей помощь.

У. Черчилль выразил свое несогласие, настаивая на продолжении военно-политического вмешательства в дела России и создании фронта от Балтики до Каспия с активизацией Польши.

В протоколе заседания было отмечено, что «общее мнение правительства в отношении любых заявлений о политике относительно России заключалось в том, что чем меньше сказано, тем лучше, и что достаточно будет объявить, что никаких новых решений не принималось и не было согласовано ничего, что могло бы изменить уже объявленную британским правительством политику, и что конференция была в полном согласии» [6. P. 200]. Премьер-министр обязался поднять этот вопрос вместе с союзниками на следующий день.

13 декабря 1919 г. Великобритания, Италия, Франция, США и Япония после небольшого обсуждения приняли резолюцию под названием «Политика в России», состоявшую из четырех пунктов:

1. Не входить в какие-либо дальнейшие договоренности, за исключением тех, которые были уже обещаны, или решений, которые, как в случае с Сибирью, могли быть приняты правительствами США и Японии относительно предоставления помощи антибольшевистским силам в России в виде отправки армий, военных материалов или финансовой помощи. Антибольшевистские элементы могли покупать военные материалы в странах альянса. Каждое государство вправе было принимать самостоятельные решения в вопросе выстраивания своих отношений с антибольшевистскими элементами. Оставить большевистскую Россию, окруженную барьером.

2. Сильная Польша признавалась соответствующей интересам стран Антанты. При этом решение вопроса о помощи, которую ей нужно было оказать для защиты ее территории, следовало оставить для дальнейшего рассмотрения.

3. Конференция согласилась с тем, что не имело никакого смысла пытаться созвать любую общую конференцию представителей антибольшевистских государств в настоящее время.

4. Что касается пограничных сообществ с нерусским населением, которые боролись за свободу и самоуправление, союзники договорились об оказании им необходимой помощи в защите их свобод, которая могла бы оказаться желательной в обстоятельствах каждого события по мере его возникновения [7. P. 210].

Таким образом, в сентябре 1919 г. на фоне усиления власти РСФСР, ее побед в Гражданской войне и возможного наступления на западе британское правительство приступило к определению концептуальных основ своей будущей политики в отношении России, которая основывалась на критериях сильной или слабой России. Британским премьер-министром Д. Ллойд Джорджем был сделан выбор в пользу слабой, «ограниченной» России.

С этой позиции Великобритания участвовала 11–13 декабря 1919 г. в Лондонской межсоюзной конференции по «русскому вопросу» для выработки будущей союзной политики в отношении России. По ее результатам были сформулированы концептуальные подходы ее осуществления: окружение России барьером, признание странами Антанты сильной

Польши и поддержка в определенной ситуации пограничных сообществ с нерусским населением.

Эти подходы предопределили будущую британскую и союзную политику относительно российского государства и имели долгосрочный характер. Мотивацией такой модели политики по отношению к России являлось стремление к ее сдерживанию и изоляции в поствоенный период. В изначальном виде она на время приостановилась после Второй мировой войны, но в определенное время ввиду крупных событий могла в модифицированном виде появиться и реализоваться.

Источники и литература

1. War Cabinet, 599. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. July 25, 1919 // The National Archives. CAB 23/11/13. P. 62–66.

2. War Cabinet, 601. Minutes of a Meeting of the War Cabinet. July 29, 1919 // The National Archives. CAB 23/11/15. P. 74–81.

3. War Cabinet, 624A. Secretary's Notes of a Meeting of the War Cabinet. September 25, 1919 // The National Archives. CAB 23/15/32. P. 272–274.

4. War Cabinet, 545A. Draft Minutes of a Meeting of the War Cabinet. March 17, 1919 // The National Archives. CAB 23/15/7. P. 44–52.

5. Secretary's Notes of a Conference. December 12, 1919 // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919 : in XIII vol. Vol. IX. Washington : United States Government Printing Office, 1946. 1054 p.

6. Cabinet 13 (19). Conclusions of Meeting. December 12, 1919 // The National Archives. CAB 23/18/14. P. 198–201.

7. Conferences of the Allied and Associated Powers and of the British and French Governments. Resolution "A". Policy in Russia // The National Archives. CAB 23/18/15.

УДК 27–312.8:09

Е.А. Мищенко

«Страсти Христовы» как нарратив: опыт анализа книжного памятника древнерусской пассийной традиции

Секция I: *Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы*

В статье рассматривается вопрос о нарративной природе сборника «Страсти Христовы». Представлен анализ конкретных экземпляров данного текста и высказано предположение об участии пассийных нарративов в формировании сакральных пространств.

Ключевые слова: «Страсти Христовы», нарратив, реципиент, научное описание, иеротопия, старообрядчество

«Страсти Христовы» (в дальнейшем – СХ) – древнерусское апокрифическое произведение XVII в. о последних днях земной жизни Иисуса Христа и событиях после его распятия. Памятник принадлежит к древнерусской пассийной традиции и относится к числу рукописных текстов, впервые опубликованных старообрядцами.

Данный текст как самостоятельный объект исследования начал вызывать интерес с 1990-х гг., однако обращение к нему исследователей до сих пор остается эпизодическим. Наибольший вклад в изучение памятника внесла О.А. Савельева. Она обратила внимание на факт существования трех взаимосвязанных пассийных повестей в восточно-славянской литературной традиции, выдвинула ряд проблем в изучении СХ, в частности, проблемы историко-функционального характера: круг читателей СХ, функционирование в определенной социальной среде [1. С. 204]; определила книжный памятник как пример литературы, ориентированной на массового читателя [2. С. 82]. Текстологический анализ памятника провела А.С. Шкапа. Исследователь проследила за возникновением и истоками памятника, его трансформацией и определила смысловую константу текста [3].

В данной же работе предлагается, во-первых, рассмотреть СХ как нарративный текст с точки зрения рецептивного плана; во-вторых, представить выводы, основанные на анализе конкретных экземпляров книжного памятника; в-третьих, поставить вопрос об участии пассийных нарративов в процессах конструирования сакральных пространств.

В первую очередь, нарративными текстами являются те произведения, которые излагают историю, где изображено событие [4. С. 14]. Они отличаются сложной коммуникативной структурой и наличием множества повествовательных инстанций. На каждом уровне коммуникации всегда присутствует две стороны: сторона отправителя и сторона получателя.

Важными теоретическими положениями для понимания изучаемого текста были определены концепция Х.Р. Яусса «рецептивная эстетика» и идея «имплицитного читателя».

Считается, что читатель формируется произведением и компонуется им. Данная концепция определяет роль читателя в качестве активного агента, который своими действиями придает «реальное существование» тексту. Через собственную и, соответственно, уникальную интерпретацию он конструирует определенные смыслы. Так, каждый читатель создает свой оригинальный текст в своем опыте прочтения [5. С. 170]. Идея

«имплицитного читателя» предполагает наличие разнообразных реакций реального читателя какого-либо текста по поводу прочитанного и последующее объединение разрозненных впечатлений от процесса чтения.

Таким образом, старовер выступает примером реципиента, поскольку его жизнь по определению неразрывно связана с книжной культурой – как рукописной, так и печатной. Многочисленные «находки» читательских записей и помет, выполняющих роль закладок, фрагменты рукописных текстов, засушенных растений, лоскутов ткани в какой-либо части или главе книги указывают на особое понимание текста и появление тех или иных рефлексий в связи с прочитанным.

Помимо этого, старообрядцы владели приемами атрибуции книги: они нередко описывали цитируемую книгу, определяя ее формат и материал, особенности переплета, тип письма, воспроизводя имевшиеся там записи и даты [6. С. 84]. Более того, данная деятельность становилась своеобразным толчком для старообрядцев в создании собственных текстов, а уже с первой половины XVIII в. ими предпринимались попытки систематизировать знания об истории, традициях и обрядности русского православия и о его виднейших представителях [6. С. 85]. Старообрядческая среда всегда была культурой, где книга была любима и защищалась от любых посягательств. Именно поэтому на сегодняшний день мы имеем возможность видеть книжные памятники, бытовавшие в данной среде, и изучать их. Любой текст здесь занимает особое место, влияет на своего читателя, призывая его к определенной активности. СХ – не исключение, поскольку описывает важный эпизод христианской культуры.

Рассматривая второй вопрос данной работы, необходимо обратиться к конкретным экземплярам сборника СХ, хранящимся в составе «Скитской библиотеки» ОРКП НБ ТГУ.

Экземпляр В-25880 [7] примечателен отсутствием листа с выходными данными. Датировка (между 1900–1918 гг.) была сделана по машинной бумаге, имитирующей ручную, и дате закрытия всех старообрядческих типографий. Помимо этого, особенностью книги является отсутствие записей, вложений, закладок, а до реставрации в НБ ТГУ листы книги имели значительные повреждения. Исходя из этого, можно сделать вывод о незначительном интересе к сборнику.

Экземпляр В-27067 [8] имеет фальсифицированные выходные данные, поэтому датирован последней третью XIX в. по маркировочному

знаку бумаги. В книге имеется лист настенного календаря, указывающий на то, что книга читалась, поскольку часто такого рода «вложения» использовались как закладки. С другой стороны, как и в ранее рассмотренном экземпляре, в сборнике отсутствуют пометы и владельческие записи. Во время работы с книгой автор не сомневался в своих выводах о непопулярности текста. Однако «чистота» книги и относительная простота в составлении научного описания привели к более детальному рассмотрению сборника.

Значительная часть листов книги была вырвана, и одной из глав, полностью отсутствующей в экземпляре, оказалось Сказание «О пришествии из Иерусалима в Рим к Тиверию Кесарю Марфы и Марии и Марии Магдалины» (29-я глава). Эпизод является центральным в составе печатного памятника и прославляющим Христа [3. С. 201]. Данное обстоятельство позволило выдвинуть гипотезу, основанную на идее иеротопии.

Иеротопия – это создание определенных сакральных пространств, где священные изображения и предметы играют роль своеобразной основы в формировании некоторой пространственной среды [9. С. 60]. По сути, человек через архитектурные памятники, церковную драгоценную утварь, световые эффекты, запахи и обрядовые жесты создает среду для общения с высшим миром.

В основу СХ легли и канонические евангелия, повествующие о земной жизни, крестной смерти, воскресении и вознесении Иисуса Христа, и апокрифическое Евангелие Никодима, распространенное на восточнославянской почве. Вторая часть последнего текста посвящена Сошествию в ад Спасителя, сюжету, ставшему символом Воскресения и повествующему о свершении Искупления. Автором выдвигается гипотеза о том, что в старообрядческой среде пассийные нарративы могут выступать источником в конструировании сакрального пространства, а старообрядческие скиты, таким образом, представляются «новыми Иерусалимами» – местами спасения дореформенного православия. В дальнейшем данное предположение будет рассмотрено более детально.

Источники и литература

1. Савельева О.А. Пассийные повести в восточно-славянских литературах (к постановке проблемы) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 203–208.

2. Савельева О.А. Апокрифическая повесть «Страсти Христовы»: некоторые вопросы структуры и поэтики // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. С. 76–83.

3. Шкапа А.С. К вопросу о формировании текста древнерусского памятника «Страсти Христовы» // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5 (68). С. 197–204.

4. Шмид В. Нарратология. М. : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

5. Фомин К.А. Концепция рецептивной эстетики Ханса Роберта Яусса как принцип конституирования и динамики литературной традиции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 169–176.

6. Романова Н.И. Книжная культура старообрядчества // Вестник Кемеровского государственного университета. 2006. № 1. С. 82–91.

7. НБ ТГУ. ОРКП. В-25880. Страсти Христовы. Б. м.: б. и. [между 1900–1918]. 186 л.

8. НБ ТГУ. ОРКП. В-27067. Страсти Христовы. Б. м.: б. и. [1870-е гг.]. 145 л.

9. Лидов А.М. Иеротопия: создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исследования // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № S2. С. 60–77.

УДК 93/94

А.В. Никитина

Восточный вопрос в дипломатических переговорах между Россией и Антантой в годы Первой мировой войны

Секция VI: *Запад в новых исторических реалиях: от осмысления прошлого к формулированию будущего*

В статье рассматривается процесс дипломатических переговоров между странами Антанты по вопросу режима черноморских проливов – Босфора и Дарданелл. Первая мировая война представляла для России возможность для завершения своих имперских амбиций в рамках восточного вопроса. 10 апреля 1915 г. вербальная нота французского посольства в Петрограде подтвердила переход Константинополя и проливов во владения России после победы над Германией и ее союзниками. Великобритания и Франция могли диктовать любые условия, зная, что российское правительство будет на них согласно, чтобы сохранить секретные соглашения в силе, вследствие появился договор Сайкса–Пико, по которому союзницы России получали стратегически важные территории в Турции и Малой Азии.

Ключевые слова: Первая мировая война, С.Д. Сазонов, Дж. Бьюкенен, секретные соглашения, Антанта

Центральное место в восточном вопросе занимал режим черноморских проливов – Босфора и Дарданелл. Для политической элиты империи идея российского господства над проливами и превращения Константинополя в «третью» столицу мыслилась как завершение вековых устремлений России XVIII–XIX вв., в том числе и для министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Босфор и Дарданеллы являлись «воротами», соединяющими Россию и Европу. Через них проходил экспорт сырья, и даже приостановка данного процесса грозила проблемами в российской экономике. Помимо экономических отношений, черноморские проливы воспринимались как «ворота» для внешнего врага [1. С. 274]. В настоящей работе предпринимается попытка реконструировать и охарактеризовать процесс переговоров по «окончательному решению» восточного вопроса в 1915 г.

Основными источниками стали: «Воспоминания» министра иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонова, охватывающие период с 1910 по 1916 г., «Мемуары дипломата» (1925 г.) – английского посла в России в 1910–1918 гг., «На службе у Франции» 1936 г. президента Франции с 1913 по 1920 г. Р. Пуанкаре и сборник «Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего Министерства иностранных дел», охватывающий период с 1908 по 1917 г.

Вступление Османской империи в войну в октябре 1914 г. осложнило положение России из-за закрытия черноморских проливов, поскольку она оказалась изолирована от своих союзников, вследствие чего возникла нехватка в вооружении и боеприпасов, а также остро встал вопрос о безопасности страны на Чёрном море [2. С. 139]. Здесь же и появлялась возможность для окончательного решения вопроса о проливах в соответствии с имперскими интересами России. Однако это не могло быть решено в одностороннем порядке – как по причине невозможности захватить проливы в ходе военной операции из-за слабости Черноморского флота, так и по необходимости согласования будущего Турции с союзниками по Антанте.

Министр иностранных дел С.Д. Сазонов начал переговоры с французскими и британскими послами в виде обмена записками [1. С. 281]. После вступления Турции в войну начинается переписка между министрами и послами трех сторон. В телеграмме за 29 октября 1914 г. британского посла в Петрограде Дж. Бьюкенена статс-секретарю по иностранным де-

лам Э. Грею впервые поднимается вопрос о претензии России на владение черноморскими проливами [3. С. 226]. Ключевым вопросом в их телеграммах стала война между Россией и Турцией, а также претензии первой на черноморские проливы. Э. Грею представлялось возможным удовлетворить территориальные притязания России на Востоке, чтобы быть уверенными в продолжении ее борьбы на восточном фронте против немцев и австрийцев. Британское правительство считало, что, поддержав российские намерения, можно диктовать свои условия. 18 ноября 1914 г. в телеграмме русскому послу в Лондоне А.К. Бенкендорфу С.Д. Сазонов писал, что российская сторона готова удовлетворить намерение Англии на аннексию Египта [3. С. 234].

Огромную роль в ходе переговоров сыграла Дарданелльская операция, идея которой возникла у военного совета Великобритании еще осенью 1914 г. Британия считала, что Российскую империю, в первую очередь, заботит судьба Константинополя, поэтому она будет предпринимать активное участие в ходе боевых действий. Тем более, что Россия показывала успехи на Западном фронте, что стимулировало английских военных разрабатывать план высадки в район проливов. Поводом для реализации плана стала секретная телеграмма Дж. Бьюкенена, в которой Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич просил провести демонстрацию военных сил в Средиземном море [4. С. 86]. Дарданелльская операция виделась хорошим вариантом продолжения борьбы, поскольку она облегчала положение русской армии на Кавказе, но ресурсов у России не было. С.Д. Сазонов был обеспокоен планом английской операции. Он опасался, что в случае удачи союзных войск Россия не получит Константинополь по причине непричастности к его падению [1. С. 288].

К 1915 г. вопрос о проливах стал одним из важных в русской внешней политике, поэтому Д.С. Сазонов решил переходить к дипломатическим соглашениям, в том числе этому способствовала Дарданелльская операция. В феврале 1915 г. министр дел Великобритании Э. Грей был согласен на уступку проливов России. Великобритания не хотела усиления влияния России в Европе, так как вторая стремилась получить Галицию и Восточную Пруссию в ходе военной кампании. Великобритании было выгодно отвести Россию от военных действий в Европе, обратив ее взор на Восток – борьбу с Османской империей. Позволив России в случае победы блока Антанты получить Константинополь и черноморские про-

ливы, Британия могла диктовать условия, которые были бы ей выгодны: нейтралитет Персии, аннексия Египта и коммерческая свобода проливов для торговых кораблей и открытые порты для транзитных товаров. В том числе Британия не хотела рисковать потерей дипломатических отношений с Россией, так как союзницы по Антанте были заинтересованы в удержании России в войне как союзницы в борьбе с Германией и Австро-Венгрией.

Со стороны французской дипломатии дела обстояли сложнее. Французское правительство настаивало на нейтрализации проливов, что для России было наихудшим вариантом. Нейтрализация проливов предполагала возможность любых судов войти в Чёрное море, что являлось угрозой безопасности для России. В том числе французы были обеспокоены тем, что Россия не участвует в Дарданелльской операции. В случае падения Константинополя русские будут не причастны к этому. Помимо этого, французские дипломаты обращали внимание на возможные реакции соседних с Османской империей стран: Греция предпочтет увидеть в Константинополе турок, нежели русских, а Румыния может остаться закрытой. По этим причинам французская сторона долго не давала ответ на памятную записку Д.С. Сазонова [5. С. 497].

В 1915 г. Англия начала Дарданелльскую операцию, которая, с одной стороны, помогала русской армии в Закавказье, а с другой – при отсутствии у России возможности принять участие в этой операции вызывало опасения отечественных дипломатов по поводу предстоящего захвата проливов британским десантом. Поэтому дипломаты настаивали на скорейшем и документальном подтверждении перехода проливов в состав Российской империи. В Памятной записке российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова французскому и британскому послам в Петрограде М. Палеологу и Дж. Бьюкенену от 4 марта 1915 г. указано, что «всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос-Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи» [3. С. 252].

10 апреля Французское посольство в Петрограде дало согласие на памятную записку министра иностранных дел С.Д. Сазонова с условием, что соглашение будет реализовано только после победы Антанты над Германией и ее союзниками [3. С. 295]. Таким образом, раздел еще не

побежденной Турции помогал Англии и Франции удерживать Россию в войне.

За секретным соглашением о переходе Босфора, Дарданелл и Константинополя в состав России последовали тайные переговоры о разделе Османской империи и Малой Азии странами Антанты. С.Д. Сазонов был готов пойти на любые пожелания Великобритании и Франции, чтобы секретные договоренности оставались действительны, поэтому в 1916 г. было подписано тайное соглашение Сайкса–Пико. Территориальный передел слабеющей Турции был логичным в рамках эпохи, когда все государства воодушевлены имперской политикой и претендуют на колониальные завоевания. Россия не могла не отказать союзницам по Антанте, так как будущее проливов зависит только от них, поэтому российское правительство уступало во всех вопросах своим союзницам.

Великобритания и Франция были заинтересованы в том, чтобы пообещать России черноморские проливы и Константинополь, потому что так они получали гарантии на участие России в войне до победного конца. Зная огромные амбиции российского правительства, союзницы могли ставить свои условия, на которые они были согласны, чтобы сохранить секретные соглашения в силе.

В феврале 1917 г. император Николай II был свергнут. Временное правительство в лице министра иностранных дел П.Н. Милюкова подтвердило продолжение участия в России в войне «до победного конца», что было основанием для подтверждения со стороны Англии и Франции соглашения 1915 г.

По окончании Первой мировой войны русские офицеры действительно оказались в Константинополе, но не на правах победителей, а в качестве эвакуированных частей разбитой большевиками Добровольческой армии Деникина, а затем и Русской армии Врангеля. Английские и французские войска оккупировали территорию Турции, вовсе не собираясь выполнять свои договоренности с той страной, которой уже не было.

Таким образом, Россия оказалась заложницей своих имперских амбиций. Желание владеть Константинополем и черноморскими проливами оказалось важнее для правительства, чем нарастающие в ходе войны проблемы внутри страны. К концу войны Российская империя переживала продовольственный кризис, смену власти, помимо этого, были постоянные неудачи на фронте. Но стремление политических элит России решить восточный вопрос в свою пользу было сильнее.

По воспоминаниям Дж. Бьюкенена, вся Государственная дума радовалась как ребенок при одной только мысли, что Константинополь будет русским [2. С. 147]. В Думе все восторженно приветствовали новости о скорой возможности владения черноморскими проливами и Константинополем, строили планы на будущее. Никто не думал о том, как воспримут русских завоевателей на турецкой земле и какова будет реакция самих местных жителей.

Источники и литература

1. Сазонов С.Д. Воспоминания. Харвест, 2002. 368 с.
2. Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата / пер. с англ. С.А. Алексеева, А.И. Рубен. М. : Государственное издательство, 1925. 311 с.
3. Константинополь и проливы: по секретным документам. Министерства иностранных дел / под ред. Е.А. Адамова. Л. : Литиздат НКИД, 1925–1926. Т. 1. 547 с.
4. Плешко А.О. Идея У. Черчилля о проведении Дарданелльской операции в качестве помощи России // Казачество. 2019. № 42 (6). С. 82–91.
5. Пуанкаре Р. На службе Франции 1915–1916: Воспоминания. Мемуары. М. : АСТ, 2002. 592 с.

УДК 327.7:311.41

Д.А. Пашаян

Инновационные сети как новая форма трансрегионального сотрудничества

Секция II: *Политическая наука: от локального к глобальному*

Современная мировая политика рассматривается на трансрегиональном уровне. Государства делают акцент на создании трансрегиональных альянсов, ориентированных на создание эффективной и прогрессивной научной среды. Данное исследование посвящено изучению инновационных сетей как одной из новых форм трансрегионального сотрудничества. Исследуется практическое использование научно-технических разработок и интеллектуального капитала в условиях трансрегионального сотрудничества.

Ключевые слова: инновационные сети, трансрегиональное сотрудничество, научно-техническое сотрудничество, инновационная деятельность, «Горизонт 2020»

На сегодняшний день система международного сотрудничества переживает новое волнообразное движение, отличное от стандартов традици-

онной модели международных отношений. Современная мировая политика рассматривается не только на региональном и глобальном уровнях сотрудничества субъектов государственного и негосударственного характера, но и на трансрегиональном уровне, который находит все больше практического применения в системе международных отношений.

В условиях активной трансформации системы международных отношений, сопровождающихся формированием новых центров мировой политики, экономическим и эпидемиологическим кризисами, трансрегиональная интеграция способствует появлению новых региональных лидеров, которые активно внедряют в глобальные процессы собственные нововведения, обозначают новые тренды мировой политики и устанавливают новые форматы и правила межрегионального сотрудничества [1].

Одной из наиболее успешных отраслей трансрегионального сотрудничества выступает научно-исследовательская деятельность. Это обусловлено безопасностью научной сферы для установления конструктивного диалога, а также эффективностью и прогрессивностью достижения совместного коллективного консенсуса. Для большинства современных государств объективно прогнозируемой отраслью для финансирования становятся научно-исследовательские институты и инновационные центры, которые гарантируют успешность и результативность установленного курса развития государств. В связи с этим современные государства создают кооперации вокруг инновационной деятельности, которые получили название «инновационные сети». Последние приобретают все большее значение во взаимоотношениях между западноевропейскими странами. Такая форма сотрудничества способствует поддержанию конструктивного политического диалога, достижению договоренностей в области экономического, социального, научного и иного взаимодействия [2–9].

Успешность проведения инновационной политики выступает ведущим показателем развития государств. Она осуществляется на национальном и региональном уровнях благодаря разработке соответствующих программ и реализации проектов, основанных на совместной инновационной деятельности, тем самым создавая инновационные сети в рамках трансрегионального сотрудничества [4].

Инновационные сети стали популярной моделью трансрегионального сотрудничества. Они представляют собой нетривиальный механизм сотрудничества политических, экономических, социальных акторов, обес-

печивая практическое использование научно-технологических эффектов и интеллектуального капитала для выработки продукции с конкурентоспособными качествами [3].

Наиболее практической формой проявления инновационных сетей в трансрегиональном сотрудничестве стали совместные проекты, направленные на создание модернизированных технологий и качественно нового продукта. В условиях глобализации подобные инициативы дают государствам дополнительные возможности для завоевания новых ниш либо усиления прежних позиций на разных рынках.

Современные государства делают упор на создание инновационных сетей в рамках реализации трансрегионального сотрудничества. В результате практического сотрудничества, обмена технологиями, материальными и человеческими ресурсами происходит разработка и создание новых инновационных продуктов, которые, в свою очередь, поднимают уровень развития государств и формируют новый имидж государств на международной арене, соответствующий стандартам и прогрессу современных реалий.

Инициативой создания трансрегиональных ассоциаций выступают развитие совместных научно-исследовательских институтов, создание стабилизированного фонда как инструмента для условных валютных резервов, а также оказание взаимной поддержки для стремительного экономического роста стран.

Активное применение трансрегионального сотрудничества в современном мире можно проследить на примере инновационной сети «Горизонт 2020», которая является одной из Рамочных программ, реализуемой на основании Договора о функционировании ЕС 1957 г. Она создает условия для развития Европейской исследовательской зоны и является отправной точкой конструктивного и плодотворного взаимодействия ЕС с соседними странами. Программа реализуется в 154 странах, включая, кроме стран-участниц ЕС, США, Россию, Индию, КНР, Бразилию [10].

«Горизонт 2020» призвана упрочить потенциал данных стран через централизацию и координацию усилий на центральных инновационных направлениях. Для реализации программы выделено 80 млрд евро из бюджета ЕС. Бюджет программы во многом состоит из государственных вложений ЕС, а также из вложений научных организаций третьих стран. Особенность программы заключается в стремлении к коммерциализации

созданного инновационного продукта и его продвижении на рынке товаров и услуг и в научно-технологические круги [11; 12].

Основными субъектами данной инновационной программы являются правительства государств-членов ЕС, а также правительства третьих стран, участвующих в сети «Горизонт 2020» [13]. Главным субъектом выступает Европейская комиссия в составе представителей из государств-членов, которая разрабатывает нормативно-правовые документы для осуществления программы. Объединенный исследовательский центр, который является подведомственной структурой Европейской комиссии, занимается проблемой ядерной безопасности и защиты от радиации. Европейский исследовательский совет выполняет координирующую роль: следит за конкурсным отбором участников программы, занимается финансированием научных исследований. Европейский институт инноваций и технологий обеспечивает разработку новых подходов в реализации инновационных проектов, обеспечивает устойчивый рост и конкурентоспособность.

Изучаются также объекты инициативы «Горизонт 2020». К ним относятся научные организации, которые разрабатывают инновационные продукты современного типа. Их роль заключается в содействии научно-техническому сотрудничеству в Европе путем финансирования и инвестирования в новые разработки [14].

Программа «Горизонт 2020» относится к инновационной сети, организующей кооперации в области НИОКР, т.е. к сообществам исследовательского типа. Инновационная сеть программы представлена в виде сетевого анализа. В рамках инициативы «Горизонт 2020» активно практикуется трансрегиональное сотрудничество. Подобное сотрудничество в рамках данной инновационной сети реализуется в результате активного обмена знаниями, материальными и человеческими ресурсами, оказанием взаимной научно-технической помощи среди стран-участниц. Трансрегиоанльные акторы в лице научно-исследовательских центров из стран-участников программы занимаются разработкой и производством инновационных продуктов, что ускоряет многосторонний рост экономики государств, повышает их конкурентоспособность и способствует установлению конструктивного политического диалога между странами.

Конечным результатом такого сотрудничества выступает создание таких проектов, как «Инициатива по инновационным лекарствам», «Чистое

небо», «Европейская метрологическая программа для инноваций и исследований», «Топливные элементы и водород», «Партнерство по клиническим испытаниям в Европе и развивающихся странах» и др.

Таким образом, инновационные сети как новая форма трансрегионального сотрудничества обеспечивает бесперебойное движение накопленного научного капитала внутри самой сети, тем самым снабжая участников сети, в частности, трансрегиональных акторов в лице государств или частных организаций, новыми знаниями и конкурентоспособной продукцией. В результате такого сотрудничества происходит усиление инновационного потенциала стран, а также многократное повышение производительности труда. Более того, благодаря обмену знаниями и ресурсами инновационные сети способны усовершенствовать национальные системы хозяйств, а также ускорить межгосударственные коммуникационные акты, что оказывает положительное влияние на развитие международных отношений и мировой политики в целом. Сделанные совместные открытия и изобретения служат удовлетворению запросов современного общества и решению повседневных проблем.

Ввиду этого государства определяют новый курс политического развития – создание инновационных сетей в целях формирования конструктивного трансрегионального сотрудничества. В свою очередь, трансрегиональное сотрудничество как относительно новый механизм глобального управления нацелен на создание и проведение масштабных дискуссий о глобальном управлении, которые должны быть созданы исключительно на новых, более справедливых и эффективных институтах управления и взаимодействия.

Источники и литература

1. Кузнецов Д. Международный трансрегионализм и его влияние на современные мирополитические процессы. М., 2020. 214 с.

2. Зарайченко И.А. Инновационные сети, как инструмент повышения инновационного уровня производств композиционных материалов // Вестник технологического университета. 2013. Т. 16, вып. 3. С. 248–252.

3. Брутян Д.А. Инновационные сети как современная форма взаимодействия политико-экономических агентов // Вестник научных конференций. 2020. № 3–2. С. 44–51.

4. Вольчик В.В., Кривошеева-Медянцева Д.Д. Институты, ресурсы и национальная инновационная система, или Почему не получается инновационный суп // Журнал институциональных исследований. 2014. Т. 6, № 4. С. 51–64.

5. Freeman C. Technology Policy and Economic Performance. London : Printer Publishers, 1987. 155 p.

6. Lundvall B. National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. London : Pinter, 1992. 404 p.

7. Metcalfe S. The Economic Foundations of Technology Policy: Equilibrium and Evolutionary Perspective: Handbook of the Economics of Innovation and Technical Change. London : Blackwell, 1995. 512 p.

8. Nelson R. National Systems of Innovation: A Comparative Analysis. Oxford : Oxford University Press, 1993. 558 p.

9. Freeman C. The National System of Innovation in Historical Perspective // Cambridge Journal of Economics. 1995. Vol. 19, № 5. P. 5–24.

10. HORIZON 2020. Key achievements and impacts // European Commission. Brussels, 2019. URL: https://ec.europa.eu/programmes/horizon2020/sites/horizon2020/files/191223_horizon_2020_key_achievements_and_impacts.pdf (access date: 09.04.2022).

11. Горизонт 2020: грантовая программа ЕС по исследованиям и инновациям // Культура и креативность. [Б. м.], 2015. URL: https://www.culturepartnership.eu/article/gorizont-2020-grantovaya-programma-es-po-issledovaniyam-i-innovatsiyam (дата обращения: 13.03.2022).

12. Protogerou A., Calogherou Y., Siokas E. Research networking and technology fusion through EU–funded collaborative projects // Science and Public Policy. 2013. Vol. 40, № 2. P. 16–23.

13. Горизонт 2020: Work Program 2014–2015 // Европейская комиссия. [S. l], 2015. URL: https://ec.europa.eu/research/participants/data/ref/h2020/wp/2014_2015/annexes/h2020–wp1415–annex–ga_en.pdf (дата обращения: 14.04.2022).

14. Regulation (EU) No. 1290/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 // Official Journal of the European Union. [S. l], 2013. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32013R1290 (дата обращения: 14.04.2022).

УДК 930

А.М. Пискун

Перспективы управления интернетом: выбор между многосторонним и межправительственным подходами

Секция V: *Мировой порядок вчера, сегодня, завтра: взгляды из США, Европы и ЕАЭС*

Интернет стал еще одной средой международного взаимодействия, в котором активно развиваются международное сотрудничество, военно-политическое противоборство, а также существует большое количество угроз для национальной и международной безопасности. Однако на данный момент отсутствуют универсальные документы, регулирующие

взаимодействие в этой среде, т.к. видение эффективного регулирования Интернета различается и порождает разные подходы в управлении: многосторонний и межправительственный.
Ключевые слова: Интернет, киберпространство, информационная безопасность, киберстратегия США, киберстратегия РФ

История становления интернета во многом начинается с 1957 г., когда Министерство обороны США приняло решение о создании эффективной системы передачи информации. С 1969 г. берет свое начало компьютерная сеть ARPANET, прообраз современной сети Интернет. В ходе большой трансформации эта сеть превратилась в глобальное информационное пространство (киберпространство) – новый тип пространства, который присущ обществу XXI в. и имеет ряд специфических характеристик: многомерность, нелинейность, изменчивость, постоянный рост [2]. В настоящее время интернет управляется через частную некоммерческую организацию ICANN [1. С. 35].

Как и в любом другом пространстве, здесь разворачивается противоборство между военно-политическими центрами силы, отдельными государствами, организациями и другими акторами мировой политики [3]. В результате возникают новые вызовы и угрозы для национальной и международной безопасности, экономического и социального благосостояния стран. МИД РФ к основным угрозам международной безопасности, граждан, общества и государства относит: утечки информации, кибератаки на частные и государственные объекты с целью выведения из строя критически важной инфраструктуры, промышленный и политический шпионаж, информационные манипуляции, создание технологической зависимости, доминирование в киберпространстве, поддержку террористических и преступных организаций [4].

Из-за специфики киберпространства и общих трендов глобализации перечисленные угрозы являются вызовами для всего мирового сообщества и международной безопасности. Исходя из этого, формируется отдельная подотрасль международного права – международная информационная безопасность (МИБ). Существуют разные подходы в определении понятия ИБ, что во многом затрудняет выработку унифицированных международных соглашений.

Подобная ситуация сложилась из-за разночтений в определении угроз ИБ в дипломатической риторике государств и исследовательской литера-

туре. Чаще всего говорят о двух видах ИБ: информационно-технической, которая направлена на обеспечение безопасности телекоммуникационной сферы, в том числе от кибератак, применения кибероружия, шпионского ПО, компьютерных вирусов и других преступных схем, и информационно-психологической, которая занимается регулированием информационных потоков и ограждением населения и государства от негативного психологического влияния. Стоит отметить, что сторонники термина «кибербезопасность» говорят о необходимости регуляции исключительно технологических аспектов ИБ, а приверженцы «информационной безопасности» нацелены на более широкий спектр вопросов, в том числе регуляцию контента и обеспечение информационно-психологической безопасности [5. С. 32].

Стремительное развитие информационных технологий и возникновение новых серьезных угроз толкают государства на разработку национальных документов, направленных на регулирование киберпространства. Необходимо упомянуть, что данный спектр вопросов тесно переплетается с задачами и интересами государств во внешней и внутренней политике. В результате все концепции и стратегии государств в сфере информационной (кибер)безопасности основываются на их политических задачах и целях. Еще один важный аспект – на данный момент большинство правовых норм, направленных на обеспечение ИБ, включаются в уже существующие своды нормативно-правовых актов, а не образуют отдельное законодательство [6. С. 4].

Таким образом, формируются различные точки зрения на правовое регулирование киберпространства. Ввиду технических, идеологических и правовых особенностей существует несколько подходов к управлению киберпространством. В США, странах Европы и ЕАЭС данные подходы значительно различаются, но обобщенно можно выделить два основных: многосторонний и межправительственный.

США и большинство стран ЕС придерживаются многостороннего подхода к управлению интернетом. В рамках этого подхода правительства выступают за участие государств, международных организаций, ТНК, частных организаций и экспертных сообществ в принятии решений по вопросу регулирования киберпространства. Сторонники этого подхода убеждены, что необходим минимальный контроль интернета государством, так как он является саморегулирующейся сферой. Об этом также

свидетельствует, например, американское законодательство, в котором говорится о запрете законов, ограничивающих свободу слова.

Основываясь на последних исследованиях, можно сказать, что американский механизм управления киберпространством является одним из самых гибких, который США обеспечивает, придерживаясь принципов повышения уровня ИБ, сдерживания злонамеренной активности в киберпространстве, эффективного реагирования на киберинциденты [1. С. 98]. На международной арене государство заявляет о необходимости выработки международных кибернорм; привлечение государств к ответственности; разработка мер по противодействию пиратской деятельности в интернете, улучшение механизмов правовой помощи для трансграничного обмена, а также рассматривают возможность сотрудничества в рамках работы над международными нормами в сфере регулирования интернета.

США и НАТО в целом рассматривают киберпространство как новую сферу военной деятельности и выступают против интернационализации управления сетью Интернет, придерживаются позиции о саморегулировании при использовании интернета [7].

Другой подход – межправительственный. Его придерживаются Россия, Беларусь, Киргизия, Армения. В рамках этого подхода право участвовать в принятии решений о функционировании киберпространства могут только государства и международные организации. Например, страны ЕАЭС видят необходимость в укреплении сотрудничества по борьбе с киберпреступлениями. Страны-участницы активно продвигают идеи сотрудничества по вопросам МИБ как в двустороннем, так и в многостороннем формате. Выдвигаются следующие требования к регулированию интернета: целью международного сотрудничества по вопросам ИБ должно являться недопущение конфликтов в международном информационном пространстве; необходимо выработать новые унифицированные документы для регулирования международных отношений в киберпространстве. По мнению РФ, государства имеют право на киберсуверенитет, а любые обвинения в кибератаках должны быть обоснованы. Также государства должны добиваться безопасности IT-продукции для пользователей [8].

Официальная точка зрения РФ на ИБ предполагает создание собственной информационной сети, не зависимой от внешнего влияния и безопасной для объектов КВИ, сохраняя внешний трафик при условии его фильтрации и контроля нежелательного контента. Для этого в рос-

сийском законодательстве существует ряд законопроектов, регулирующих информацию и контент в российском сегменте интернета.

Позиция России в отношении обеспечения МИБ состоит в необходимости признания триады угроз (военно-политических, криминальных и террористических). Нужно отметить, что США не согласны включать в международные документы положения, касающиеся регулирования военно-политических угроз. С точки зрения западных коллег, регулированию подлежат только террористические и криминальные угрозы. В результате возникают разногласия по вопросам проведения наступательных операций в киберпространстве, механизмов пресечения кибератак, а также возможной кибервойны.

За последние десять лет наблюдается повышение интенсивности международного диалога по вопросам МИБ, в том числе в рамках многих международных и региональных организаций, таких как ОБСЕ, НАТО, ШОС, ООН, а также между отдельными странами в двустороннем формате. Говоря о точке зрения РФ на этот вопрос, наше государство является сторонником создания глобальной системы регулирования киберпространства, которая не допускает возможности использования ИКТ для целей, нарушающих режим международной безопасности.

Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки расходятся в определении того, что нужно понимать под ИБ, а именно: как содержание информации влияет на политические, социальные, общественные процессы и входит ли оно в сферу международного регулирования. Стоит отметить, что существуют тенденции на сближение и возможное сотрудничество в рамках диалога США–РФ–КНР [10]. Однако в связи с текущей ситуацией движение в этом направлении приостановлено.

Потенциально позиции государства по вопросам обеспечения ИБ будут со временем меняться. На данный момент затруднительно сказать, как это будет происходить: в результате сближения этих подходов или в результате силового противоборства как в киберпространстве, так и в целом на международной арене [10].

Источники и литература

1. Трофимов В.Н. Применимость международного права к киберпространству: иллюзия или реальность? М. : Юстицинформ, 2021. 182 с.

2. Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Социология и политология. 2018. Т. 24, № 1. С. 56–59.

3. Савин Л. Введение в кибергеополитику // Geополитика.ru. М., 2015. URL: https://www.geopolitica.ru/article/vvedenie-v-kibergeopolitiku (дата обращения: 11.04.2021).

4. Проект документа Министерства иностранных дел РФ «Общая оценка проблем информационной безопасности. Угрозы международной безопасности» / Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/191666 (дата обращения: 21.03.2021).

5. Антонов В.В., Харисова З.И., Колесников В.А. Международно-правовые аспекты обеспечения информационной безопасности в сети Интернет : учеб. пособие. Уфа, 2021. 48 с.

6. Ваховский А.М. Политико-правовые вопросы регулирования интернета: мировой опыт и российская практика // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 3–10.

7. Медовкина Л.Ю. Политика администрации Б. Обамы в области информационной безопасности // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 2. С. 149–157.

8. Смирнов А.И. Современные информационные технологии в международных отношениях. М. : МГИМО-Университет, 2017. С. 295–296.

9. Терентьева Л.В. Понятие киберпространства и очерчивание его территориальных контуров // Правовая информатика. 2018. № 4. С. 69–70.

10. Mazarr M.J., Frederick B., Ellinger E., Boudreaux B. Competition and Restraint in Cyberspace. The Role of International. Norms in Promoting U.S. Cybersecurity. California : Rand Corporation, 2022. 118 p.

УДК 930

А.К. Плешивцев

Взаимодействие этоса и идеологических предпочтений еврейских интеллектуалов в 1880–1890-х гг. (на материалах еженедельных газет «Рассвет» и «Русский еврей»)

Секция IV: *Городская и сельская истории: социальные общности и культурные практики*

В работе рассматривается зависимость идеологических предпочтений светских российских еврейских интеллектуалов от этоса – иерархии ценностей и соответствующего ему идеального образа правильного общественно значимого действия в условиях волны антисемитизма 1880–1890-х гг. Автор приходит к выводу, что ценность закона как средства эмансипации евреев сменяется, в том числе, признанием ценности экономической деятельности как пути к интеграции еврейского народа.

Ключевые слова: позднеимперская Россия, русские евреи, идеология, периодическая печать

В позднеимперской России осуществлялась активная политика интеграции «инородцев» с целью создания имперской идентичности. По мере социально-экономического развития страны происходит эволюция периодической печати этнической направленности (как на русском, так и на национальных языках) с этой целью. Одним из продуктов данной тенденции стало разрешение на издание материалов еврейской прессы. Основными ее авторами стали интеллектуалы, чаще всего получившие образование в гимназиях и университетах за казенный счет. Нередко они принимали участие в осуществлении политики в качестве государственных раввинов, ученых евреев, адвокатов.

В этих условиях происходит формирование новых ценностей в среде еврейской интеллигенции, что связано и с ростом числа евреев в российских университетах. Примечательно и то обстоятельство, что этот период стал переходным между поколениями еврейской бюрократии: от поколения «просвещенных бюрократов» Великих реформ к кабинетным бюрократам, занятым рутинными процедурами перевода и выдачи документов [1. С. 134].

Это обстоятельство – пересечение активной гражданской позиции отдельных бюрократов и поощряемых правительством интеграционистских взглядов в условиях волны погромов, начавшихся в 1882 г., «еврейского вопроса» и определяет постановку рассматриваемой проблематики.

Таким образом, в данной работе исследуется следующая проблема: каким образом этос, определяемый как иерархия ценностей и соответствующий ей идеальный образ правильного общественно значимого действия и идеологические предпочтения различных групп русско-еврейских интеллектуалов, тем или иным образом участвовавших в государственных институциях, реагировали на изменение положения евреев (в том числе, юридического) в России в период 1880–1890-х гг.?

Сильное воздействие на означенный этос оказывает расширение числа еврейских студентов. Российские студенты в целом, испытывавшие сильное влияние радикальных идей в 1860–1900-х гг. эгалитаристского толка, свободно инкорпорировали в свою среду еврейских студентов. Б. Нейтанс связывает это с эгалитарным идеологическим характером студенчества,

что способствовало принятию идей интеграции еврейства в российское общество посредством получения образования [2. Р. 238–245].

С началом волны погромов, последовавших за убийством Александра II в марте 1881 г., взгляды авторов «Рассвета», одного из трех еврейских изданий, не изменяются: интеграция посредством дальнейшего распространения образования и достижения юридического равноправия между евреями и другими подданными российского императора возможна; причиной погромов становится именно непоследовательная имплементация данных мер. Такой точки зрения придерживались авторы руководящих статей «Рассвета», среди них: Леонид Зиновьевич Слонимский, публицист еврейского происхождения, выпускник юридического факультета Киевского университета [3. Т. 14; 4. С. 4–6]; Яков Львович Розенфельд, еврейский журналист австрийского происхождения, главный редактор «Рассвета» [3. Т. 13]; Михаил Игнатьевич Мыш, юрист, выпускник юридического факультета Киевского университета [3. Т. 11; 5. С. 802–804]; Соломон Александрович Лурье, еврейских журналист, выпускник Института путей сообщения в Санкт-Петербурге [3. Т. 10; 6. С. 444–446], а также ряд других авторов. Выборка данных авторов обусловлена следующими обстоятельствами: в течение 1881 г. большинство передовых статей «Рассвета» была составлена ими (из 52 статей Розенфельду принадлежит 11, Мышу – 6, Лурье – 21).

Авторы не являются частью чиновничества, получили высшее образование, заняты, в основном, в сфере юриспруденции: зародившаяся в течение правления Александра II тесная корпорация российских юристов стала одним из постоянных источников тревоги для государственных властей и регулярных протестов в отношении действий судебных властей в местном самоуправлении [7. Р. 83–89].

Принадлежность к корпорации юристов вместе с интеграционистским этосом, задает определенные идеологические предпочтения. Одним из них является приверженность легальной борьбе за эмансипацию и интеграцию, признание ее возможности при помощи законодательных мер. Причиной популярности данного убеждения среди юристов является их убежденность в эффективности новых судебных органов и местного самоуправления [8. Р. 604–606].

Репрезентация этой приверженности может быть найдена в значительном числе материалов, опубликованных «Рассветом» в течение 1881 г. Так, в тексте статьи Я.Л. Розенфельда «Значение для евреев цар-

ствования Александра II» встречаем следующие утверждения: «Положительно постепенное приравнивание евреев ко всем прочим жителям русской земли выражалось в ряде законоположений, которыми с целых разрядов лиц еврейского вероисповеданья разом сняты были все ограниченья и изъятья...» [9. С. 445].

С началом 1882 г. редакционная политика издания изменяется. С первых выпусков «Рассвета» 1882 г. редакция начинает активную агитацию за обуздание еврейской эмиграции, постановку ее под контроль переселенческих комитетов, поскольку только выезд из страны в установленном порядке представлялся ей единственно правильным вариантом. В пятом выпуске издания редакция помещает статью «По вопросу о переселенческих комитетах», которая заканчивается следующими строчками: «Да, мы признаем в противниках переселения только людей робких и колеблющихся. Но мы не хотим верить, чтобы в такое критическое время… среди евреев нашлись люди, готовые затормозить святое дело народной помощи из-за каких-то личных соображений и вообще из-за мотивов, ничего общего с делом не имеющих» [10. С. 1102].

Происходит отказ от приверженности верховенству права как средству решения всех проблем российского еврейства. В руководящей статье номера 29 от 18 июля 1882 г. было помещено следующее: «Оптимисты полагают, что теперь с евреями заключен мир, пессимисты – что настало только необходимое перемирие после слишком напряженных военных усилий. Некоторые признаки, как, например, тот циркуляр министра внутренних дел, которым устанавливается незыблемость черты оседлости… или же циркуляр министра финансов, которым ограничивается уже раньше существовавшее ограничение евреев по открытию питейных заведений, – некоторые признаки, говорим мы, правда, показывают скорее в пользу мнения пессимистов…» [11. С. 1104].

Таким образом, в среде авторов «Рассвета» происходит переориентацию с применения легальных средств изменения положения еврейства в России в пользу эмиграции как средства решения еврейского вопроса в России по мере нарастания антисемитских настроений.

Параллельно с «Рассветом» в Санкт-Петербурге существовало и другое еженедельное издание – «Русский еврей». Главным редактором стал Лев Осипович Кантор – общественный еврейский деятель, выпускник Виленского раввинского училища; далее обучался в Берлине медицине.

С 1890 г. занимал должности казенного раввина в Либаве, Вильне, Риге [3. Т. 9]. Менее активное участие в редакции издания принимал Лазарь Яковлевич Берман – общественный деятель и педагог, который в течение 1860–1880-х гг. занимался созданием и руководством еврейских училищ в Митаве и Санкт-Петербурге [3. Т. 4]. Как видим, состав редакции и основных авторов заметно отличается от редакции «Рассвета»: это представители иных профессиональных сфер, далеких от юриспруденции; люди, получившие иное образование.

Так же, как и «Рассвет», редакция «Русского еврея» разделяет приверженность легальной борьбе в течение 1881 г. Наиболее показательно, что «Русский еврей» уже в 1881 г., когда редакция «Рассвета» только начинала поворот к принятию проэмиграционной позиции, начинает активную ее критику. Непосредственное руководство для действия в условиях волны антисемитских выступлений было дано в тридцать шестом номере издания в «Призыве к единению и действию». Свою позицию редакция формулирует так: «…число таковых [мигрантов] единицы, как бы оно ни было велико само по себе, все же будет незначительно в сравнении с числом остающихся в стране... Для этих остающихся… существует, главным образом, одна отрасль труда: это – хлебопашество, и задача общества – поддержать всеми силами и средствами то учреждение, которое взяло на себя инициативу в этом святом деле – Временный Комитет» [12. С. 1368].

Как видим, мы имеем дело с зависимостью между этосом различных корпораций интеллигенции и приверженностью разным концепциям решения еврейского вопроса в России: представители редакции «Рассвета», получившие высшее юридическое образование и активно работавшие в сфере местного самоуправления и судопроизводства, склоняются к проэмиграционной точке зрения, убеждаясь на практике в неспособности посредством легальных средств добиться своей цели. Редакция же «Русского еврея» имела иные взгляды, что коррелирует с их иным социальным бэкграундом: это, как правило, люди, не занятые в сфере юриспруденции, получившие образование в иных сферах (например, педагогике или медицине), занятые в организации низовых и государственных еврейских институций.

Этос, основанный на признании верховенства закона, наиболее сильно выраженный в работах авторов, получивших юридическое образование,

парадоксальным образом приводит их к разочарованию в использовании законотворчества как эффективного средства достижения равноправия евреев; в то время как сходный этос, включающий в себя непосредственное участие в организации не зависящих от государства образовательных и иных организациях, подталкивал его носителей к новому витку активности, но посредством социально-экономической интеграции евреев.

Источники и литература

1. Schedrin V. Jewish Souls, Bureaucratic Minds. Jewish Bureaucracy and Policy-making in Late Imperial Russia, 1850–1917. Detroit : Wayne State University Press, 2016. 311 p.

2. Nathans B. Beyond the Pale. The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkley : University of California Press, 2022. 426 p.

3. Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и о его культуре в настоящем и прошлом : в 16 т. / под ред. Л.И. Кацнельсона. СПб. : Общество для научных еврейских изданий; Изд-во «Евфрон и Брокгауз», 1908–1913. URL: https://clck.ru/BikYA (дата обращения: 15.05.2022).

4. Слонимский Л.З. Евреи и государственные службы // Рассвет: петербургская еженедневная газета. 1881. 1 января.

5. Мыш М.И. Причины зла и средства против него // Рассвет: петербургская еженедневная газета. 1881. 23 мая.

6. Лурье С.А. Воинская повинность и евреи // Рассвет: петербургская еженедневная газета. 1881. 19 марта.

7. Whealan H.W. Aleksander III and the State Council: Bureaucracy & Counter Reform In Late Imperial Russia. New Brunswick : Rutgers University Press, 1982. 258 p.

8. Daly J.W. On the Significance of Emergency Legislation in Late Imperial Russia // Slavic Review. 1995. Vol. 54, № 3. P. 602–629.

9. Розенфельд Я.Л. Значение для евреев царствования Александра II-го // Рассвет: петербургская еженедневная газета. 1881. 19 марта.

10. По вопросу о переселенческих комитетах // Рассвет: петербургская еженедневная газета. 1882. 1 февраля.

11. Русская печать и отношение ее к евреям // Рассвет: петербургская еженедневная газета. 1882. 18 июля.

12. Призыв к единению и действию // Русский еврей: петербургская еженедельная газета. 1881. 26 августа.

УДК 303.8+311.2

Д.Д. Потапова

Анализ политической повестки тематических онлайн-сообществ (на примере феминистических в социальной сети «ВКонтакте»)

Секция II: *Политическая наука: от локального к глобальному*

Распространение феномена сетевой коммуникации привело к тому, что сейчас повестку дня могут формировать не только политические лидеры и государственные СМИ, но и локальные тематические сообщества, в частности, в социальных сетях. Для анализа контента подобных сообществ необходимы количественные операции. В данной работе на примере проведенного ранее исследования предложен алгоритм-рекомендация по проведению анализа политической повестки онлайн-сообществ без использования специальных программ.

Ключевые слова: феминизм, сетевая коммуникация, социальные сети, количественные исследования, политическая повестка

Распространение закономерностей развития сетевого общества на виртуальное пространство повлекло за собой возникновение социальных сетей, в которых образовалось множество блогов и сообществ определенной политической (явной или скрытой) направленности. Согласно Т. Берцель, политические сети представляют собой «набор относительно стабильных взаимоотношений, по природе неиерархических и взаимозависимых, связывающих многообразие акторов, которые разделяют общие интересы относительно политики и обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей» [1. С. 66]. Они являются своеобразным «отражением взаимодействий между участниками политической коммуникации, которые возникают в процессе передачи и обмена сообщениями во времени и пространстве» [2. С. 136].

Тем самым собственные электронные ресурсы стали доступны даже малым группам или сообществам, представляющим и выражающим частные интересы. Примечательно, что теперь они сами формируют повестку дня. Согласно исследованию М. Маккомбса и Д. Шоу, формирование повестки дня («agenda-building») влияет на голос неопределившихся избирателей накануне выборов [3. С. 150]. Вывод исследователей за-

ключался в том, что стабильное освещение определенных событий формирует у аудитории восприятие их как особо важных. Такой же моделью воздействия на сознание масс онлайн-сообщества преподносят необходимые темы как наиболее актуальные, тем самым формируя свою собственную повестку дня.

Коммуникационные возможности социальных сетей предоставляют протестным объединениям благоприятные возможности для выражения своей политической позиции и трансляции ее самой широкой аудитории. К их числу можно с полным правом отнести политические и неполитические сообщества, выражающие ценности и представления, характерные для феминистической идеологии.

Феминизм как идейно-политическое течение развивался непоследовательно, зависел от запросов обществ разных стран и периодов. Поэтому и определения феминизма отличаются друг от друга, в данной работе будет использоваться следующее. Согласно О.А. Ворониной, «феминизм в течение довольно длительного периода существовал как идеология равноправия женщин и как социально-политическое движение» [4. С. 15], однако сегодня его корректнее будет назвать «альтернативной философской концепцией социокультурного развития». В современных условиях значительную роль в формировании у населения определенного отношения к феминистским идеям играют СМИ. Анализируя эволюцию взглядов средств массовой информации советского и постсоветского периодов, А.А. Зауэр приходит к выводу о прогрессе в вопросах уравнивания прав мужчин и женщин [5. С. 2]. Если на советском этапе содержание новостных сообщений изобиловало сексистскими выражениями (например, женские журналы были посвящены вопросам материнства, кулинарии и тому, как угодить мужчине), то современные СМИ стараются учитывать мировой тренд на гендерное равенство.

В данной работе на примере ранее проведенного исследования представлен алгоритм-рекомендация по проведению анализа политической повестки онлайн-сообществ без использования специальных программ (типа SPSS). К сожалению, не у всех студентов получается освоить подобные программы, особенно если работа с ними не предусмотрена в учебном плане. При этом использование количественных методов позволяет выявить наиболее точные и наглядные результаты. Поэтому нами

предлагается способ, который поможет студентам и ученым, только начинающим свой исследовательский путь.

В исследовании, проведенном ранее, выявлялась политическая повестка двух политически ориентированных феминистических онлайн-сообществ в социальной сети «ВКонтакте» («Школа феминизма» и «Soc-Fem»). В выборку исследования были включены все публикации, размещенные на страницах обоих интернет-сообществ в период с 01 апреля по 30 июня 2020 г. (1 074 поста). Путем сортировки публикаций по содержанию среди них было выделено десять категорий [6. С. 300]. Затем несколько категорий схожей тематики были объединены в более крупные. Так, объединенная категория «Просвещение в области феминизма» («Фильмы, книги, образование» + «Женские подвиги и достижения» + «История и праздники») составила 35% всего контента. Категория «Насилие по отношению к женщинам» («Домашнее насилие» + «Педофилия, насилие, изнасилование») – 30% контента. Был сделан вывод о том, что, представляя свою позицию через посты в интернет-сообществах, феминистки не только выражают определенную систему ценностей и воззрений, но и претендуют на переосмысление сути политической власти и политики в целом. Центральным направлением этого переосмысления становится обращение политики от управления публичной сферой к регулированию приватных, в особенности – интимных отношений. Поэтому конфликт феминисток с обществом – это не только противодействие сексизму, но и борьба за новую политику.

Таким образом, для выявления ключевых направлений политической повестки онлайн сообществ, в первую очередь, необходимо понять, является ли сообщество на самом деле политически ориентированным. Для этого нужно провести хотя бы начальное ознакомление с его контентом. Затем, убедившись в политической направленности изучаемого ресурса, исследователь задает свои критерии сортировки. Это могут быть сортировка по дате, по ключевому слову (словосочетанию). В случае если необходимо объединить два критерия, то посты, опубликованные в установленный исследователем временной промежуток, вероятно, придется искать вручную. Заранее следует заготовить группу или беседу в социальной сети, куда будет высылаться контент первичной сортировки (более функциональной будет беседа, поскольку в группе можно опубликовать только 50 постов в день). После этого сплошной выборкой производится сортировка всех постов по порядку. Для выявления ключевых

направлений каждой публикации (например, «домашнее насилие») рекомендуется проводить дискурс-анализ. После завершения первичной сортировки у исследователя сформируется видение приблизительных категорий, к которым можно отнести все имеющиеся публикации. Не является критичным создание новых категорий в процессе вторичной выборки. Следующая цель для исследователя – создать новые беседы с названием каждой категории. Далее необходимо снова отсмотреть все собранные публикации по тем ключевым аспектам, которые были указаны в процессе сортировки, и распределить их в беседы по категориям.

Когда вторичная сортировка завершится, можно приступать к подсчету: сколько постов в каждой категории? Фиксируем полученные результаты и складываем для выяснения общего количества отсортированных публикаций, которое можно вычислить по формуле

$$N_{\text{общее}} = N_1 + N_2 + N_3 + \cdots$$

Далее вычисляем долю каждой категории в общем контенте при используемой сортировке. Ее можно вычислить по формуле

$$P_n = \frac{N_n}{N_{\text{общее}}} \times 100,$$

где N_n – количество постов одной из категорий, а $N_{\text{общее}}$ – общее количество отсортированных публикаций.

Такую операцию необходимо провести с каждой категорией. Итогом исследования станет объединение количественных результатов в сводную таблицу для возможности его последующей оценки и расшифровки. Полученные данные покажут, какие направления повестки исследуемых онлайн-сообществ являются ключевыми (иными словами, что составляет «повестку дня» данных сообществ). Это позволит выявить приоритетные направления развития сообществ, а также их политическое значение.

Источники и литература

1. Косов Г.В., Потапов В.А., Ширяев В.А. Политические сети: специфика современной архитектоники // Власть. 2013. № 10. С. 64–69.

2. Шерстобитов А.С. Коммуникативный подход к анализу политических сетей // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2010. Серия 6. Вып. 1. С. 135–141.

3. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Антиномии. 2002. С. 144–168.

4. Воронина О.А. Формирование гендерного подхода в социальных науках // Гендерный калейдоскоп : курс лекций. М. : Academia, 2002. 520 с.

5. Зауэр А.А. Популяризация феминизма в российских медиа и политическое движение: постановка проблемы // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2017. № 1 (9). С. 1–3.

6. Потапова Д.Д. Проблема информирования о положении женщин в повестке феминистских интернет-сообществ политической направленности // Молодежь и мир политики: границы возможного : материалы VI Всероссийского форума молодых политологов. Москва, 18 декабря 2021 г. М. : РУСАЙНС, 2021. С. 299–302.

УДК 93 (093)

Т.О. Прудиус

Советский гражданин в оптике плакатной живописи 1920-х гг.

Секция I: *Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы*

Данная работа представляет собой попытку воссоздания образа советского человека в плакатной живописи 1920-х гг. На основе анализа плакатов «Окна РОСТА» и Госиздата были выявлены основные компоненты образа советского гражданина. Было установлено, что в плакатной живописи при изображении советского гражданина активно использовались идеи необходимости повышения уровня образования, профессиональных навыков, привитие новых ценностей и привычек, таких как забота о чистоте, здоровье, благополучии и воспитании детей.

Ключевые слова: советский человек, образ, плакат, гражданин, ценности, женщина

Результатом революции и Гражданской войны стало установление советской власти. Среди первоочередных задач нового руководства было разрушение старой культуры – первые декреты направлены на экспроприацию ценностей, разрушение имперских памятников и формирование новой – пролетарской, советской [1. С. 56–57]. Важнейшим аспектом культурной политики стали агитация и пропаганда, преимущества которой проявились еще в годы Гражданской войны. Советская власть была вынуждена выстраивать с нуля не только внешний и культурный облик государства, но и советского гражданина. Реализация этих задач осложнялась сохранявшейся конфронтацией с капиталистическими странами. К тому же изменения, произошедшие в политической и социальных сферах, не всегда были понятны простым обывателям. Для разъяснения целей и ценностей преобразований, трансляции преимуществ советской системы властью активно использовалась плакатная живопись. Так, каким же был советский гражданин в отражении плакатной живописи?

Важнейшим компонентом системы СМИ советского государства было Российское телеграфное агентство (РОСТА), созданное в 1918 г. по решению Президиума ВЦИК [2]. РОСТА занималось выпуском собственной печатной продукции, которая вначале называлась «АгитРоста», а с 1919 г. – «Окна сатиры РОСТА» – впоследствии в 1925 г. РОСТА было преобразовано в Телеграфное агентство Советского Союза (ТАСС). За данным органом власти закреплялись функции пропаганды и своевременного освещения различных военных новостей. В телеграфном агентстве было создано специальное подразделение, целью которого было максимально быстрое и доходчивое отображение и распространение новостей среди населения. В 1920-е гг. важную роль в освещении общеполитических, хозяйственных и культурно-просветительских тем начал играть Госиздат, созданный еще в 1919 г. и просуществовавший до 1930 г.

Источниковую базу настоящего исследования составили плакаты «Окна РОСТА» и Госиздата. После Гражданской войны плакат уже стал привычным и распространенным способом донесения информации, поскольку он показал свою эффективность еще в период военных действий. В плакатах конструировался и транслировался, в первую очередь, идеальный образ, к которому нужно стремиться каждому советскому гражданину, именно поэтому плакаты часто сопровождались громкими названиями или лозунгами. «Окна РОСТА» издавались в период с 1917 по 1922 г. В рамках настоящей работы особую значимость имело обращение к плакатам, выходившим на завершающем этапе Гражданской войны. В создании плакатов участвовали такие известные художники, как М. Черемных, В. Маяковский, Д. Моор, В. Дени и др. Плакатная живопись имела широкое распространение на территории всего государства. Так, плакаты выходили в Одессе, Казани, Петрограде (с 1924 г. – Ленинграде), Москве и др.

Специфика источников предопределила обращение к структуралистскому подходу, в основе которого находится определение знаковой системы изображения (по аналогии с языком), выявление противопоставлений, умолчаний и т.д. [3. С. 14]. Это позволило выявить особенности и сопоставить различные символы и знаки при репрезентации различных категорий населения. Среди специальных исторических методов особую значимость имеет историко-генетический метод, который позволил выявить характерные черты образа гражданина послереволюционной России, а также проследить эволюцию этого образа в 1920-е гг.

После войны, голода и эпидемий активно транслировалась идея о необходимости создания сильной и здоровой нации. Поэтому одной из главных тем стала забота о здоровье, развитии гигиены. Для утверждения в обществе указанных идей выходит серия плакатов, посвященных борьбе с вошью, тифом, холерой. Это не случайно, поскольку по зафиксированным данным в 1918–1923 гг. было зарегистрировано свыше 7,5 млн случаев заболеваний сыпным тифом; умерло от него более 700 тыс. человек [4]. Данная тематика нашла отображение в таких плакатах, как «Эй, тиф, обратно мчись ты!» В.В. Маяковского, 1920 г., «Вошь и смерть – друзья-приятели…» О. Грина, 1919 г. и др. [5; 6].

Анализ данных плакатов показал, что для усиления своей позиции художники часто изображали негативные факторы (вошь, холера, тиф) в качестве живых существ, принимающих гипертрофированный и гиперболизированный образ – он либо достаточно сильно утрировался, изображаясь более жалким, упрощенным, сатиричным, либо же образ, наоборот, изображался грозно, уродливо для придания страха перед ним, с целью вызвать отвращение, сознательно настроить на борьбу. Также особое внимание со стороны власти уделялось борьбе с курением и алкоголизмом. Актуальность этой проблемы была обусловлена и тем, что заработная плата выдавалась натуральным продуктом, среди которого был и алкоголь, например, в плакате И. Янга, А. Черномордика «Долой пьяниц!...», 1929 г. [7].

Безусловно, «новый человек», по мнению советской власти, должен быть образованным. В 1920 г. была создана Всероссийская комиссия по ликвидации безграмотности, популярность получило массовое движение «Долой неграмотность!». Эти настроения нашли отклик и в плакатном искусстве («Долой неграмотность»). По данным переписи населения 1926 г., грамотными в СССР были 51,1%, на долю городского населения приходилось 76,3% грамотных, сельского – 45,2 % [8. С. 42]. Поэтому в плакатной деятельности также уделялось большое внимание женскому образованию. В плакатах прежде всего отражались идеи доступности образования, а его важность и значимость подчеркивались либо сатирическими / стыдливыми высказываниями и глупостью, либо же, наоборот, всеобщей массовостью (влияние распространения образования на широкие слои населения). Это отражается в таких плакатах, как: «Неграмотный тот же слепой» А. Радакова, 1920 г., «Женщина! Учись грамоте!» Е. Кругликова, 1923 г., «От мрака к свету…» Гостиздата, 1925 г. и др. [9–11].

Новая власть осознавала, что воспитание «идеального» советского гражданина необходимо начитать с ранних лет. Это способствовало тому, что в плакатах 1920-х гг. уделялось значительное внимание проблематике детства и воспитанию детей. Активно транслировалась идея о запрете подвергать детей телесным наказаниям. Дети наделялись чертами взрослых, сознательных людей, активно отстаивающих свои права. Изменения в политике детства трактовались как необходимый шаг, который позволит воспитать «нового человека» и преодолеть негативные последствия таких методов воспитания в прошлом. Данные идеи транслировались не только в плакатах, но и реализовывались на практике. Так, активно начинаются проводиться недели ребенка, недели охраны материнства и младенчества и др.

В контексте этих изменений особое внимание в плакатной живописи уделяется матерям, которым чаще всего доходчиво доносят о важности родов / гигиены / социальных учреждений, таких как женские консультативные центры, детсады, детдома, а также о важности родов под медицинским контролем акушерок, поскольку женская и детская смертность в те годы была высокой из-за обращения при родах к повитухам – народным знахаркам, а не обученным людям. «По данным за 1908–1910 гг., количество умерших в возрасте до 5 лет составляло почти 3/5 общего числа умерших. Особенно высокой была смертность детей в грудном возрасте» [12. С. 5–6].

В новом государстве важная роль отводилась женщинам. Это матери будущих строителей социализма. В плакатной живописи активно транслировалась идея значимости женщины для общества и государства. Женщина наделяется равными правами с мужчиной, принимает активное участие в строительстве государства, именно поэтому отдельно выделяется образ женщины-строительницы нового будущего, женщина должна реализовать себя не только как мать, но и как специалист («Раскрепощенная женщина – строй социализм!»). Как уже говорилось выше, активное внимание уделялось женскому образованию, её овладению профессиональными навыками, именно поэтому на плакатах мы видим преимущественно образ женщины-рабочей – за станком или при любом другом выполнении профессиональных обязанностей. Женщина также представлялась как равный мужчине член партии, вовлеченный в политическую деятельность. Так, мы можем видеть плакаты с изображением жен-

щин на выборах, вовлеченных в деятельность советов, кооперации и т.д. Это показано в таких плакатах: «Работницы и крестьянки, все на выборы» Н. Валерианова, 1925 г., «Раскрепощенная женщина – строй социализм!» А. Страхов-Браславского, 1926 г., «Крестьянка, коллективизируй деревню» Госиздата, 1929 г.

Таким образом, одной из главных задач культурной политики советской власти в 1920-е гг. стало формирование концепции «нового» человека. Важнейшим способом трансляции в широкие массы ценностей советской системы стало использование плакатной живописи. Плакаты 1920-х гг. способствовали не только формированию образа советского гражданина и его распространению среди народных масс, но также стали одним из способов формирования нового образа мышления. Объявление нэпа (новой экономической политики) также было и началом политики реализации программы культурной революции. Именно в ее рамках предстояло конструировать нового человека.

Источники и литература

1. Юдин М.В. Пролетарская культура глазами советских вождей // Вестник славянской культуры. 2018. Т. 50. С. 56–65.

2. Постановление Президиума ВЦИК о Российском телеграфном агентстве (РОСТА) // Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М. : Политиздат, 1964. С. 296–297.

3. Соколов А.Б. Текст, образ, интерпретация: визуальный поворот в современной западной историографии // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск : Каменный пояс, 2008. С. 10–24.

4. Морозова О. Тифозная вошь в солдатской шинели: о влиянии естественно-природных факторов на ход и исход Гражданской войны в России // Научно-культурологический журнал. 2013. № 1 (257).

5. Маяковский В.В. Эй, тиф, обратно мчись ты! М. : Госиздат, 1920.

6. Грин О. Вошь и смерть – друзья-приятели… РСФСР, 1919.

7. Янг И., Черномордик А. Долой пьяниц!.. М. : Госиздат, 1929.

8. Елисеева В.А. Мероприятия советской власти по ликвидации безграмотности в 1920–1930-х гг. // Модернизация научной инфраструктуры и цифровизация образования : материалы XI Международной научно-практической конференции. Т. 2. Ростов н/Д, 2021. С. 39–45.

9. Радаков А. Неграмотный тот же слепой. М. : Госиздат, 1920.

10. Кругликова Е. Женщина! Учись грамоте! М. : Госиздат, 1923.

11. От мрака к свету… М. : Гостиздат, 1925.

12. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. 1811–1913 гг. М. : Государственное статистическое издательство, 1956. 467 с.

13. Валерианов Н. Работницы и крестьянки, все на выборы. М. : Госиздат, 1925.
14. Страхов-Браславский А. Раскрепощенная женщина – строй социализм! М. : Госиздат, 1926.
15. Крестьянка, коллективизируй деревню. М. : Госиздат, 1929.

УДК 001.89:378.4(571.16)"1962/1972"

В.В. Расколец

Научно-исследовательская работа студентов в Томском институте радиоэлектроники и электронной техники (1962–1972 гг.)[1]

Секция III: *Исследования науки, техники и здоровья: сопроизводство инноваций и общества*

На основе материалов органа периодической печати и воспоминаний современников с применением системного подхода решается проблема развития научно-исследовательской работы студентов (НИРС) в Томском институте радиоэлектроники и электронной техники (ТИРиЭТ) в 1962–1972 гг. Формулируется вывод о том, что руководству института и преподавателям удалось в неблагоприятных условиях добиться определенных успехов в постановке НИРС.

Ключевые слова: ТИРиЭТ, радиоэлектроника, научно-исследовательская работа студентов, студенческое научное общество, студенческое конструкторское бюро

Введение. В данной работе решается проблема развития НИРС в ТИРиЭТе. Актуальность проблемы обусловлена важностью изучения исторического опыта организации подготовки инженерных научно-исследовательских кадров на современном этапе.

В советской историографии НИРС либо вовсе не уделялось внимания [1], либо о ней рассуждали в более широком контексте достижений, перспектив и задач развития вузовской науки в целом [2; 3]. Такой подход логично связывал части процесса приращения научного знания в единое целое, однако в этом «целом» студенческая наука не могла занимать значительное место наряду с «взрослой» наукой. В постсоветской историо-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-78-00082.

графии НИРС уделено большее внимание – затронуты исторические, педагогические, институциональные и нормативно-правовые аспекты развития НИРС [4], в том числе в некоторых региональных вузах. Однако историческому опыту постановки НИРС в ТИРиЭТе не было посвящено отдельного исследования.

Исследование. В 1950–1960-е гг. в СССР для развития НИРС в высшей школе существовал достаточно благоприятный институциональный климат. В особенности стоит отметить типовое положение 1968 г., согласно которому в вузах регулировалось и поощрялось создание конструкторских, исследовательских, проектных, технологических и экономических бюро [5. С. 66–67].

Макрорегиональный, региональный и городской контексты дают более противоречивую картину. С одной стороны, местные органы власти Западной Сибири играли мобилизующую роль в деле развития НИРС, требуя как увеличения численности занятых в НИР студентов, так и активизации работы уже существующих форм. Однако на пути плановых показателей вставали объективные трудности, в первую очередь – слабая материально-техническая база высшей школы Западной Сибири.

Это касалось и ТИРиЭТа, учрежденного в 1962 г. Институту не хватало площадей для организации учебного и научного процесса, оборудования и материалов для проведения научных исследований. В условиях постоянно расширяющегося набора студентов решить эту проблему представлялось чрезвычайно сложно. Об этом свидетельствуют воспоминания первого ректора института Г.С. Зубарева [6. С. 15–16]. В результате первое десятилетие ТИРиЭТа стало временем бесконечного строительства и реконструкции учебных, научных и жилищных площадей.

Не последней проблемой для организации НИРС была первоначальная квалификация профессорско-преподавательского состава ТИРиЭТа. В год образования института на кафедрах работало всего 58 преподавателей (на которых приходилось 2 014 студентов), из них лишь 18 являлись кандидатами наук и не было ни одного доктора наук [7. С. 10].

Главной целью НИРС являлось формирование студента, способного подходить к решению теоретических и практических проблем науки и производства с позиции исследователя. Такой исследователь-инженер должен был обладать солидной подготовкой в математике и физике, творчески мыслить, уметь работать в коллективе над единой задачей и

доводить проектные наработки до стадии производства [8. 1965. 15 янв.; 1967. 16 февр.].

Поэтому для профессорско-преподавательского института важно было с первых дней учебы первокурсника погрузить его в творческую атмосферу вуза. Такое непосредственное участие студента в научной работе позволяло ему усвоить комплекс методов и приемов, необходимых в практической деятельности, а контакт с преподавателями, ведущими научную работу, формировал его как инженера-исследователя. Не случайно преподаватели института регулярно отмечали необходимость более тесного привлечения студентов 1–3-х курсов к формам НИР, в особенности к участию в научных конференциях [8. 1970. 18 мая].

Можно уверенно констатировать, что научно-исследовательская работа, организованная в ТИРиЭТе, формировала кадровую базу самого института. Активисты НИРС зачастую становились аспирантами в ТИРиЭТе и других вузах, защищали кандидатские диссертации. В 1972 г. в ТИРиЭТе работало уже 105 кандидатов и 4 доктора наук. Процент профессорско-преподавательского состава, имеющего степени, достиг в 1973 г. 38,6% [7. С. 168].

Научно-исследовательская работа студентов в ТИРиЭТе подразумевала под собой совокупность различных организационных форм и практик. Первичной организационной формой НИРС являлся студенческий научный кружок, иметь который должна была каждая кафедра. Студенческие конструкторские, проектные и иные бюро были ориентированы на прикладные исследовательские разработки. В СКБ попадали наиболее сильные студенты, и они же приглашались к участию в работе научно-исследо-вательских лабораторий по проектам, в том числе хоздоговорного характера. Над кружками и СКБ стояло студенческое научное общество, объединявшее всех студентов вуза, задействованных в НИРС [8. 1965. 16 апр.].

Практики НИРС были различными на протяжении 1960-х гг. Базовой (плановой) составляющей научно-исследовательской подготовки являлись лабораторные работы, практические занятия, курсовое и дипломное проектирование. Углубленная исследовательская подготовка рассматривалась поначалу как факультативная и была ориентирована на тех студентов, кто без труда мог выполнить основную учебную программу [8. 1964. 13 марта]. Позднее условие учиться на «хорошо» и «отлично» сохранилось в качестве таковых для участия студентов в НИРС, однако

пришло и понимание необходимости более углубленного включения исследовательской работы в учебные планы [8. 1970. 28 мая]. В 1967 г., когда был создан совет по НИРС во главе с Л.И. Шарыгиной, на ряде кафедр НИР уже была введена в учебные специальности, а в конце 1960-х гг. в планах появилась отдельная дисциплина – учено-исследовательская подготовка студентов (УИР) [8. 1967. 2 февр.].

В НИРС участвовали все ключевые факультеты института: радиотехнический (РТФ), электронной техники и автоматики (ФЭТиА), радиоуправления (РУФ), который в 1966 г. был переименован в конструкторско-технологический (КТФ). Огромную роль талантливых ученых-педагогов ТИРиЭТа в деле приобщения студентов к НИР отметил проректор по научной работе института А.В. Астафуров: «Без внимательных и доброжелательных руководителей, таких как доценты И.Н. Пустынский, К.М. Шульженко, А.А. Кузьмин, Г.С. Шарыгин, Е.С. Коваленок и др., мы не добились бы такой популярности научно-исследовательской работы среди студентов» [8. 1970. 12 марта].

В то же время институтской газетой «Радиоэлектроник» неоднократно отмечалась недостаточная вовлеченность студентов в НИР на общих кафедрах (химии, высшей математики, истории КПСС и др.). Перелома в решении проблемы вовлеченности студентов в НИР удалось достигнуть в 1969 г., когда процент по этому показателю увеличился в сравнении с 1965 г. на 34,1% и достиг 45,9%, охватив почти половину студенческого контингента дневной формы обучения [7. С. 165].

К 1972 г. в ТИРиЭТе имелось пять студенческих конструкторских бюро (СКБ). Этот статус получали наиболее сильные коллективы студентов, которым предоставлялись отдельными рабочие помещения, оборудование и возможность вести относительно самостоятельные (в рамках направления кафедр) исследования и заключать хоздоговорные контракты. Так, например, СКБ-1 разработал и успешно испытал образец автономной радиотелефонной станции (АРТС), СКБ-2 – двухфазный генератор для оценки точности фазометрической аппаратуры (ДФГ-1), СКБ-3 – усилители распределенного усиления и др. [8. 1972. 2 марта].

Качественные показатели НИРС в ТИРиЭТе находились на достаточно высоком уровне. В конце 1960-х гг. 85% выполняемых дипломных проектов в институте завершались изготовлением отдельных узлов установок или приборов, представляющих научный и производственный ин-

терес [8. 1969. 30 окт.]. Студенты ТИРиЭТа публиковались в научных изданиях, некоторые из них – в изданиях Академии наук СССР, а также Министерства высшего и среднего специального образования (МВССО) СССР. Большим доверием и признанием заслуг стало поручение институту в 1971 г. провести конкурс и оценить лучшие научно-исследовательские работы студентов вузов страны в области радиотехники и электроники [8. 1970. 31 дек.].

Признание важности разработок студенты ТИРиЭТа получали на многочисленных конкурсах, самым авторитетным из которых было участие в Выставке достижений народного хозяйства (ВДНХ). На первой же выставке ВДНХ, в которой принял участие ТИРиЭТ (1969 г.), из 23 сотрудников института 13 являлись студентами. Десять из них по итогам выставки были награждены медалями [8. 1970. 3 сент.]. Институт же в том году за организацию научной работы студентов был награжден дипломом I степени. В 1970 г. медалями ВДНХ были награждены 10 студентов ТИРиЭТа, в 1972 г. – 20.

Заключение. Научно-исследовательская работа студентов ТИРиЭТа протекала на фоне ряда противоречивых процессов. Поощрение развития старых и возникновения новых форм научной работы студентов, идущее от органов власти, наталкивалось на объективные препоны развития материально-технического (отсутствие помещений для работы и др.) и кадрового характера.

Руководство и преподавательский состав ТИРиЭТа сумели поставить научно-исследовательскую работу студентов. Это было обусловлено пристальным вниманием со стороны руководства и преподавателей ТИРиЭТа к формам и процессам организации научно-исследовательской подготовки студентов, талантом ученых-педагогов института, сумевших заинтересовать и приобщить студентов к данной работе. Показатели постановки НИРС мы обнаруживаем как в количественном (количество студентов, вовлеченных в различные формы НИР, победы студентов на конкурсах), так и в качественном отношениях (процент научных работ, внедренных в практику). Однако оценить действительную эффективность данной работы возможно только при сравнении показателей ТИРиЭТа с показателями других вузов схожего профиля.

Тем не менее можно заключить, что результатом постановки НИРС в ТИРиЭТе стало повышение качества подготовки выпускников, укрепле-

ние кадровой базы самого ТИРиЭТа и, наконец, укрепление авторитета молодого института среди других вузов.

Источники и литература

1. Галкин К.Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М. : Советская наука, 1958. 176 с.

2. Чуткерашвили Е.В. Развитие высшего образования в СССР. М. : Высшая школа, 1961. 240 с.

3. Елютин В.П. Высшая школа общества развитого социализма. М. : Высшая школа, 1980. 560 с.

4. Демченко З.А. Научно-исследовательская деятельность студентов высших учебных заведений в России (1950–2000-е гг.): исторические предпосылки, концепции, подходы. Архангельск : ИПЦ САФУ, 2013. 256 с.

5. Крачак О.Е. Генезис научно-исследовательской работы студентов // Научные публикации. Минск : Белорусский государственный университет, 2011. С. 65–68.

6. Зубарев Г.С. Первые десять лет // Из прошлого – в будущее. Воспоминания и размышления выпускников и ветеранов университета. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та упр. и радиоэлектроники, 2002. С. 9–33.

7. Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. 1962–2002 годы. Исторический очерк / В.А. Абрамец, Л.А. Боков, В.А. Бондарь [и др.]. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та упр. и радиоэлектроники, 2002. 175 с.

8. Радиоэлектроник. Орган партийного бюро ВЛКСМ, профкома и ректората Томского института радиоэлектроники и электронной техники.

УДК 9;93/94;930;930.85

М.П. Романов

Женское духовное образование в Енисейской епархии имперского периода: исторические условия становления и развития

Секция IV: *Городская и сельская истории: социальные общности и культурные практики*

Статья посвящена исследованию мобилизации церковной системы женского образования. Александру III для стабилизации общественных настроений понадобилось опереться на традиционную систему, поддерживающую монархический строй и имеющую доверие крестьянских масс. Передача школ духовному ведомству вызвала кадровый голод, церковь была вынуждена привлечь силы для скорейшего обучения необходимого количества специалистов, что привело к открытию женского епархиального училища в Енисейской епархии.

Ключевые слова: Российская Православная Церковь; Енисейская епархия; Женское епархиальное училище; Церковно-приходская школа; освоение Сибири

Тема развития народного и специального религиозного образования на территории отдаленной сибирской провинции актуальна сегодня по множеству причин. Одной из них является становление современного духовного образования, которое, в свою очередь, невозможно без обращения к дореволюционным образцам и требует восстановления. Целью данной работы является разбор практической деятельности по реализации женского духовного образования на примере конкретного учебного заведения.

Первые женские училища начали формироваться при благотворительном Ведомстве учреждений императрицы Марии. В 1843 г. открывается школа женского воспитания и образования в Царском Селе, а уже к 1880 г. по всем епархиям империи появляются женские училища, занявшие свою нишу в системе женского педагогического образования и воспитания, которому отводилась важная роль в структуре данного педагогического заведения [1. С. 172].

К 1884 г. контрреформы Александра III привели к резкому росту церковно-приходских школ (ЦПШ). В Енисейской епархии за непродолжительный период с 1887 по 1913 г. число ЦПШ увеличилось с 44 до 214 [2. С. 9]. Стоить отметить, что безусловным лидером по количеству приходских школ в Сибири была соседняя Томская епархия, где к 1913 г. их действовало 1 086 [3. С. 102]. Следовательно, вставал острый вопрос – кто будет преподавать? Ведь в епархии даже среди духовенства семинарское образование имели лишь 30%. Хотя в среднем по империи эта цифра доходила до 69%. Несомненной проблемой была и общая занятость духовенства. Как писал один из красноярских священников, «и вместе со служением алтарю мне нередко доводится быть и работником, и архитектором, и сборщиком, и сторожем, словом, принимать на себя такие обязанности, какие представляет жизнь и потребность прихода» [4. С. 95].

Для решения данной задачи было решено возродить проект женского духовного училища, который дважды пытались организовать. Первая попытка состоялась в год открытия Енисейской епархии и просуществовала всего четыре года, с 1861 по 1865 г. Это объясняется тем, что инициаторами являлись частные лица, не имеющие достаточных материальных средств. Решением проблемы обучения дочерей священнослужителей также занимался первый красноярский епископ Никодим (Казанцев). Второе училище было открыто при Иверском женском монастыре г. Енисейска в 1865 г. Данное учебное заведение первоначально состояло из двух классов

с годичным курсом обучения в каждом. В 1868 г. был организован ещё один класс с двухгодичной программой. В таком виде училище просуществовало более двадцати лет, после чего было преобразовано в двухклассную церковно-приходскую школу. Удаленное от центра епархии и располагавшее ограниченными материальными средствами, при отсутствии квалифицированных педагогических кадров, оно не могло дать такой же уровень знаний, как епархиальное училище [5. С. 75].

Первоначально женское духовное училище организовывалось для решения двух задач – это обеспечение и образование малоимущих и осиротевших детей церковносвященнослужителей, а также воспитание будущих жен священников, поскольку на их плечи возлагалась важная миссия по освоению Сибири. Как верно замечает историк А.В. Камкин, «ни одно сословие не подвергалось столь жесткому публичному контролю, как духовенство» [6. С. 145]. Следовательно, «матушка», жена священника, должна обладать высокими духовно-нравственными качествами и иметь возможность стать культурогенным ядром в сформировавшейся общине из местного сибирского населения. В пореформенный период появилась третья задача, которая заключалась в подготовке учителей для стремительно открывающихся ЦПШ [7. С. 303]. Для решения нового вызова совместно с Министерством народного просвещения был создан проект по унификации программы женского духовного училища с общеобразовательным курсом классической гимназии, что было отражено в Уставе духовных семинарий от 1884 г.

Администрация епархии, видя данные задачи, не находила путей их решения из-за отсутствия необходимых материальных средств. Только к началу 1880-х гг. появилась некоторая сумма. Этому способствовало решение XII съезда духовенства епархии. Разобравшись с источниками финансирования и собрав необходимый стартовый капитал в 1885 г., XVI съезд духовенства постановил: «Открыть в г. Красноярске с будущего 1886–1887 уч. г. в принадлежащих епархии бывших Щеголевских зданиях трехклассное епархиальное училище».

После получения решения Синода 8 января 1886 г. комитет приступил к работе. Открытие училища состоялось 5 октября 1886 г. [8. С. 244]. Назначенный на енисейскую кафедру в 1886 г. владыка Тихон пригласил воспитательницу из Вятского духовного училища вдову Е.Н. Левашеву возглавить новое епархиальное училище. В этой должности она прорабо-

тала 20 лет, проявив недюжинные способности и неутомимую энергию [9. С. 638]. Советом была принята в училище 31 воспитанница. В течение первого учебного года их число достигло 35 человек. Из них девиц духовного звания – 29, инословных – 6. При этом надо отметить, что основная масса учащихся проживала в пансионе при училище.

После решения материальных вопросов 2 мая 1886 г. перешли к постройке домовой церкви, а 8 августа этого же года владыкой Тихоном была совершена закладка здания. Работы велись ускоренными темпами, и к концу 1886 г. храм был готов. 12 ноября 1887 г. преосвященным Тихоном с особой торжественностью совершено освящение построенной церкви при здании Красноярского епархиального женского училища во имя Иоанна Крестителя и мученицы Иулитты [10. С. 277].

Советом училища большое внимание уделялось религиозно-нравственному и трудовому воспитанию. Ученицы начинали и заканчивали день молитвой. Каждый воскресный и праздничный день воспитанницы присутствовали при богослужении в училищном храме. Соблюдали посты, установленные православной церковью, исповедовались и приобщались Святых Таин два раза в продолжение учебного года. Нравственное воспитание ставило своей целью привить такие черты характера, как правдивость, честность, почтительное отношение к старшим, сердечность и искренность к равным. Ставилась задача воспитать у девочек любовь к труду, чистоте и порядку [11. С. 270].

В 1892 г. состоялся первый выпуск воспитанниц, окончивших полный курс училища. Из 31 поступившей до конца обучения дошли 26 выпускниц. С открытием новых классов их количество увеличилось и к 1892 г., первому выпускному году, достигло 93 человек. Совет училища ставил перед собой задачу не только дать образование воспитанницам, но и подготовить их к практической деятельности на ниве народного просвещения. С этой целью 22 ноября 1890 г. при женском епархиальном училище по инициативе инспектора классов В.С. Захарова открылась церковно-приходская школа для девочек, где воспитанницы 3-го класса под руководством инспектора и учителей приобретали практические навыки. Их участие в первом полугодии ограничивалось тем, что они присутствовали на занятиях и учились методике преподавания, а со второго полугодия сами поочередно вели уроки. Учащиеся приобретали такие педагогические навыки, благодаря которым выпускницы при выходе из училища

свободно могли приступить к преподавательской деятельности [12]. Многие из них выбирали преподавательское дело и по окончании училища подавали заявки о назначении их учителями в церковно-приходские школы, работа которых прекратилась вместе с работой женского духовного училища в 1917 г.

Историко-культурное значение женского образования в епархиальных училищах отражалось в неразрывной связи евангельского нравственного начала с действительной службой, которую были призваны нести выпускницы, с необходимым базовым курсом знаний, который подразумевает под собой устав учебного заведения. Девицы духовного звания должны были получить всестороннее высококультурное духовное воспитание и закрепить образ модели поведения, соответствующий высокой нравственной службе как учителя в приходской школе, так и жены священника, непосредственной его помощницы.

Историко-социальный анализ новой государственной идеи о передаче начального образования духовному ведомству приводит к следующим выводам. Для местного крестьянского населения ЦПШ были в тягость в сравнении со школами Министерства народного просвещения. Каждая приходская школа требовала содержания в среднем 200 руб. в год, из которых лишь третью часть на себя брало государство. Те, кто приезжал из центральных губерний, быстро отказывались от идеи образования, как и местные сибиряки, в пользу расширения обработки земли с привлечением детей и подростков. Складывающаяся ситуация противоречила концепции Александра III об увеличении лояльности крестьянского населения к действующему государственному строю при непосредственной поддержке духовной консистории на местах в лице новообразовавшихся школ и их учителей из церковной среды.

Из вышеизложенного следует, что если бы не общегосударственные контрреформы Александра III и не вмешательство Министерства народного просвещения в учебную программу женских духовных училищ, то мы маловероятно увидели бы в дореволюционной России такое явление, как массовое образование девиц духовного звания. Причины, по которым возникла необходимость в подобных учебных заведениях, были искусственными и не могли отвечать по своему качеству заложенной в них идее. Машины для создания единой государственной идентичности не получилось. Для структуры церкви идея специального женского духов-

ного образования является инородной, по сей день еще не обдуманной должным образом и, следовательно, невостребованной.

Источники и литература

1. Об училищах для девиц духовного звания // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1866. Кн. 1. С. 172–176.

2. Отчет о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты в Енисейской епархии за 1912–1913 учебный год. Красноярск, 1914. 199 с.

3. Харченко Л.Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г.). Очерки истории. СПб., 2005. 697 с.

4. Волков С.В. Воспоминания из пастырской практики // Енисейские епархиальные ведомости. 1884. № 6. С. 91–98.

5. Болдырев Ю.В. История православия на берегах Енисея. Красноярск : Изд-во «Красноярский писатель», 2008. 156 с.

6. Камкин А.В. Православная церковь на севере России. Вологда, 1992. 164 с.

7. Суховский П.К. К вопросу об открытии в г. Красноярске епархиального женского училища // Енисейские епархиальные ведомости. 1885. № 17. С. 303–310.

8. Успенский К.А. Открытие в Красноярске Епархиального женского училища // Енисейские епархиальные ведомости. 1886. № 20. С. 244–258.

9. Захаров В.С. Из жизни местного епархиального училища // Енисейские епархиальные ведомости. 1906. № 18. С. 638–641.

10. Успенский К.А. Освящение церкви при Красноярском епархиальном женском училище // Енисейские епархиальные ведомости. 1887. № 23. С. 277–282.

11. Отчет о состоянии Красноярского епархиального женского училища по учебной и воспитательно-нравственным частям за 1886/87 учебный год // Енисейские епархиальные ведомости. 1887. № 21. С. 270–284.

12. Семенов Д.С. Епархиальные женские училища // Русская школа. 1893. № 10–12. С. 12–16.

УДК 396.1

А.А. Ромахова

Письма выпускниц Сибирских высших женских курсов как источник по проблеме востребованности высшего женского образования в начале XX в.

Секция VIII: *Диалектика прошлого, настоящего, будущего в археологическом и краеведческом контексте*

Статья посвящена проблеме потребности высшего женского образования в России в начале XX в. как со стороны женщин, так и общества в целом. Исследование выполнено на основе анализа писем выпускниц Си-

бирских высших женских курсов. Автор приходит к выводу о широкой востребованности профессионального образования среди сибирских женщин как маркере перемен, происходивших в российском обществе при переходе к Новейшему времени.
Ключевые слова: Сибирские высшие женские курсы, высшее женское образование, гендерные исследования, переписка, Сибирь, Томск

В Томске в 1910–1920 гг. работали открытые по инициативе профессоров томских университетов Сибирские высшие женские курсы (СВЖК) – единственное учебное заведение за Уралом, где женщины могли получать дипломы о высшем образовании, равные университетским [1. С. 4].

До 1917 г. женщины в России не могли беспрепятственно посещать университеты. Только окончив высшие женские курсы, женщины могли получить высшее образование официально. В начале XX в. произошла трансформация общества с точки зрения проблемы образования женщин: к обществу пришло осознание, что женщина должна иметь возможность получать высшее образование.

Данное исследование посвящено проблеме потребности высшего женского образования в России в начале XX в. со стороны женщин и общества. В конце XIX в. мысль о получении женщинами «мужских» профессий вызывала негативное восприятие даже у некоторых женщин. Однако на рубеже веков социальная и материальная зависимость женщин стала уходить в прошлое. Революция 1905–1907 гг. стала поворотным моментом в истории женского высшего образования: передовая общественность ставила «женский вопрос» в один ряд с насущными политическими проблемами. В 1905 г. женщин стали принимать в университеты как вольнослушательниц при условии сдачи дополнительных экзаменов. 1920-е гг. ознаменовались сломом традиционной гендерной системы. Марксистская идеология подразумевала полную эмансипацию женщин.

При написании данной статьи применялись общенаучные теоретические методы – индукция, сравнение, анализ, синтез, обобщение. Использованы специальные методы – сравнительно-исторический и историко-генетический. Сравнительно-исторический метод позволил установить стабильную высокую профессиональную востребованность женщин с высшим образованием на примере биографий отдельных выпускниц СВЖК. Историко-генетический позволил показать причинно-следственные

связи и закономерности между возможностью женщин получать высшее образование и их профессиональной востребованностью.

Также в процессе разбора архива писем был использован эмпирический метод: систематизация документов, их описание.

Основным источником информации при написании данной статьи послужил описанный автором архив одной из основательниц данных курсов Надежды Ивановны Микулиной-Ивановой. Фонд включает 51 единицу хранения. Материалы: письма выпускниц СВЖК, телеграммы, фотографии – были собраны ею в 1960-е гг. для выставки о высшем женском образовании до революции в России. Данная выставка была организована Обществом бестужевок, которые в дальнейшем передали все материалы архиву Томского университета.

Открытие курсов было поддержано передовой общественностью Сибири и местной администрацией. Причиной этому была нехватка педагогов и исследователей в регионе. Профессор Томского университета Николай Феофанович Кащенко писал, что первые полгода были самыми трудными для курсов. У них не было никаких постоянных средств, кроме платы курсисток. Помещение курсов было маленьким, и в комнате, рассчитанной на 6 человек, ежедневно находилось 80 слушательниц. Кабинет минералогии находился в приемной директора. Анатомического кабинета не было вовсе, и кости переносили в угол, который оказывался свободен на момент урока. «Эта убогая обстановка для всех, кто маломальски этим интересовался, дала противникам высшего женского образования повод отрицать за курсами всякое серьезное значение». Однако основатели курсов были очень «воодушевлены желанием поддержать свое детище». Благодаря прилежанию слушательниц и безвозмездной отдаче преподавательского состава удалось добиться ведения занятий на уровне высшего учебного заведения. «Первый, самый тягостный в материальном смысле, период курсы прожили любовью к делу» [2. С. 1–2].

Уже во втором полугодии Томское городское управление, несмотря на свое стесненное финансовое положение, назначило курсам субсидию в десять тысяч рублей, что подчеркивает необходимость высшего женского образования для общества. «Дух на курсах сильно поднялся» [2. С. 3].

В своём письме слушательница курсов Елена Ивановна Кожухова (Козырева) вспоминала, что «общественность не только помогала создать и содержать курсы, но и оказывала материальную помощь нуждающимся

слушательницам, благодаря чему они имели возможность получать высшее образование» [3].

Выпускница курсов Нина Порфирьевна Протасова пишет, что преподавательский состав был очень внимателен к учебе слушательниц, хотя большинство из них работало бесплатно. Также отмечает, что на дне открытия Сибирских высших женских курсов присутствовала «вся прогрессивная общественность Томска» [4].

Спустя 40 лет женщина вспоминает: «Без открытия этих курсов я бы не смогла получить высшее образование, а учиться очень хотелось. В этом отношении большое влияние на меня имела моя старшая сестра, Таисия Порфирьевна Протасова, окончившая женский медицинский институт в 1909 г.». После окончания курсов в 1915 г. по рекомендации профессора Томского технологического института Я.И. Михайленко Нина Порфирьевна была принята лаборантом в химическую лабораторию Управления Омской железной дороги с окладом 137 руб. 50 коп. «Такой оклад для женщины казался управленцам необычайно высоким, и они ходили на меня смотреть». Н.П. Протасова по совместительству была ассистентом на кафедре химии в институте. Даже на пенсии продолжала работать разъездным химиком-лаборантом вагона-лаборатории [4].

Многие курсистки с детства стремились к получению знаний, но сталкивались с разного рода трудностями. Например, родители некоторых девушек были против получения ими образования. Мария Леонтьевна Петрова пишет в 1916 г. в прошении о принятии на курсы, что в течении 4 лет сдавала выпускные экзамены за курс женской гимназии, это стоило ей многих усилий, в том числе и психологических, так как она не имела никакой поддержки. Ради обучения в гимназии она даже переехала из провинции в Москву. «С детства я имела страстное желание учиться, но мне не удалось поступить в среднее учебное заведение, благодаря нежеланию моих родителей. Стремление к свету с годами не пропало, а только усилилось… Заручившись аттестатом гимназии, я всеми силами продолжала стремиться в Высшую школу и под руководством мужа начала готовиться к дополнительному экзамену» [5. Л. 62].

Другие слушательницы, хотя и получали поддержку родителей, испытывали материальные трудности. Приходилось одновременно работать и учиться. Бывшая слушательница СВЖК Л. Чащихина пишет о том, почему решила поступать на курсы. «Мать была неграмотная. Отец имел об-

разование горняка. О моём учении заботился он. …Чтобы учить меня в гимназии, переехали в Красноярск. В начале 1905 г. отец умер. Продолжать учёбу помог комсод неимущих учащихся. С 3-го класса стала заниматься с отстающими первоклассницами, а с 5-го готовить для поступления учениц в гимназию. После окончания гимназии меня оставили в городе запасной учительницей, что меня мало устраивало. …я чувствовала, что знания мои недостаточны. Кроме того, помнила наказ отца – последние его слова были – "учись". Скопив немного денег, я решила поехать в Томск на СВЖК. Там училась бывшая моя одноклассница. Первый год мы жили вместе. Я очень стесняла себя в расходах. Комсод СВЖК освободил меня от платы за обучение. …На жизнь приходилось работать в статистическом бюро. Днём ходили слушать лекции, а ночью вели подсчет» [6].

Выпускницы Сибирских высших женских курсов добивались успеха в профессиональном плане: были удостоены высоких наград со стороны правительства, их научные труды вошли в золотой фонд советской науки.

Выпускница естественного отделения курсов Лидия Леонидовна Солодовникова проработала в Ленинградском государственном университете 38 лет. В 1937 г. Л.Л. Солодовникова разработала специальный курс «Минералогия СССР», который стал одним из наиболее важных для подготовки специалистов в ЛГУ. Работа Лидии Леонидовны была высоко оценена правительством, в 1953 г. она была награждена высшей государственной наградой СССР – орденом Ленина [7].

Н. Кудрявцева, дочь выпускницы СВЖК Веры Михайловны Кудрявцевой, рассказала о начале научного пути своей матери. После первого семестра обучения на курсах перед самой сессией она перевелась с естественного отделения на физическое и сдала экзамены на отлично. «Зайдя, случайно, на дополнительные занятия по математике с отстающими, она поняла, что без математики и физики жить не может. …С самых первых курсов она была замечена преподавателями и стала принимать активное участие в научной жизни томских физиков» [8]. Вера Михайловна сдала экзамены за четвертый курс досрочно, на год раньше. В том же году она была приглашена «отцом советской физики» Абрамом Фёдоровичем Иоффе в только что открытый им Физико-технический институт в Петрограде для подготовки инженеров-физиков.

Однако через год она вернулась в Томск, стала работать в Томском университете, занимала руководящие посты: декан физико-матема-

тического факультета (1939–1944 гг.), проректор по научной части (1944–1949 гг.). В последней должности она добилась настолько больших успехов, что план научной работы ТГУ в Министерстве высшего образования СССР считался образцовым. По инициативе А.Ф. Иоффе начиная с 1928 г. стали создаваться физико-технические институты в крупных промышленных городах, Томск был одним из первых. Вера Михайловна состояла сотрудником СФТИ со дня его основания и принимала активное участие в его организации. Также была одной из первых женщин в СССР, получивших степень доктора физических наук, степень кандидата она получила без защиты диссертации.

За несколько дней до смерти Веры Михайловны её назначили директором в Астрофизическом институте АН СССР в Алма-Ате [8].

По данному архиву можно судить о последующей работе примерно 35 курсисток разных годов выпуска. Некоторые прислали свои автобиографии, о карьерах других выпускниц можно узнать из писем их одногруппниц, коллег и членов семьи. Примечательно, что все 35 девушек связали свою жизнь с научной и образовательной деятельностью.

На основании проведённого исследования можно сделать вывод, что высшее женское образование в России в начале XX в. было востребовано как среди женщин, так и со стороны общества в целом. Женщины претерпевали бытовые и материальные трудности ради получения высшего образования, что подчёркивает их стремление к знаниям. Окончание курсов в большинстве случаев обеспечивало трудоустройство женщин, что указывает на профессиональную значимость СВЖК и, следовательно, их востребованность со стороны общества.

Источники и литература

1. Кузьминова Е.Ф. Сибирские высшие женские курсы в г. Томске в общероссийском движении за право женщин на образование // Труды Томского государственного университета. Серия историческая. Томск, 2005. С. 65–68.

2. Кащенко Н.Ф. Сибирские высшие женские курсы, их положение, нужды и надежды. Томск, 1912. 12 с.

3. Архив Научной бибилиотеки Томского государственного университета (далее – НБ ТГУ). Письма Е.И. Кожуховой к Н.И. Микулиной-Ивановой.

4. Архив НБ ТГУ. Письма Н.П. Протасовой к Н.И. Микулиной-Ивановой.

5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 193. Оп. 1. Д. 31«а».

6. Архив НБ ТГУ. Письмо Л. Чащихиной к Н.И. Микулиной-Ивановой.

7. Архив НБ ТГУ. Сведения о Л.Л. Солодовниковой.

8. Архив НБ ТГУ. Материалы о В.М. Кудрявцевой.

УДК 93/94+347.961(571.16)

Е.Н. Румянцева

Материально-техническое обеспечение Томского нотариата (1917–1930-е гг.)

Секция IV: *Городская и сельская истории: социальные общности и культурные практики*

На основании широкого круга исторических источников и на примере Томской государственной нотариальной конторы рассмотрены материально-технические условия становления, реорганизации и повседневного функционирования томского государственного нотариата в 1917–1930-е гг., бытовая повседневность нотариальной работы, заработная плата томских нотариусов, финансирование и материальное содержание нотариата.

Ключевые слова: история нотариата, нотариальная контора, нотариус, Томский нотариат

1917–1930-е гг. – новый этап в истории развития томского нотариата, проходивший в рамках существующего советского законодательства, но с учетом проводимой на территории Сибири административно-территориальной реформы. В течение первых двадцати лет существования советской власти Томский нотариат прошел путь от фактически полной ликвидации до постепенного укрепления и развития нотариальной работы в новом организационно-правовом формате – государственный нотариат. Это позволило государственной нотариальной конторе занять определенную нишу в системе государственных органов.

Деятельность томской госнотконторы была доходным государственным органом и давала каждую неделю государственной и местной казне «миллионы рублей сборов» [1. Л. 8]. Доходность нотариальной конторы определяли нотариальный, гербовый, местный, канцелярский сборы и плата за техническую работу. Гербовый и канцелярский сборы подлежали внесению в доход государства через финансовые органы, местные сборы – в доход местных средств, а сборы за совершение нотариальных действий и «за техническую работу» вносились на текущий счет нотариального отделения Томского губернского суда.

Основную долю доходности нотариальной работы в 1920-е гг. определяла проводимая государством новая экономическая политика, способствовавшая размаху томской торговли. Так, в конце июня 1921 г. Томским

губисполкомом было издано постановление о разрешении мелкой частной торговли, и «жизнь в городе забурлила, ожил центральный базар, и цены на продовольственные товары стали быстро падать, на промышленные же товары, наоборот, – расти». Так, поступления со всех сборов с 1 января 1923 г. по 1 января 1924 г. составили: гербовый сбор – 1 706 881 руб. 32 коп., за нотариальные действия – 4 885 154 руб. 20 коп., канцелярский сбор – 1 183 руб., местный сбор – 5 241 680 руб. 57 коп. Итого за год в совокупности размер сборов составил 11 834 899 руб. 09 коп. [2. Л. 3].

Вместе с тем в начале 1920-х гг. содержание Томской государственной нотариальной конторы, включая оплату труда нотариуса и других ее сотрудников, происходило исключительно за счет сборов, взимаемых за совершение нотариальных действий в данной госнотконторе. Сохранившиеся расчетные ведомости заработных плат свидетельствуют об увеличении жалованья работникам нотариального архива в начале революционного «лихолетья», что было связано с попыткой догнать быстро растущую инфляцию. Так, если в марте 1917 г. трое работников нотариального архива получили на руки 140 руб., то в марте 1918 г. – 195 руб., а в марте 1919 г. – 987,5 руб., т.е. за два года наблюдался рост жалованья почти в 7 раз [2. Л. 1–2].

В ноябре 1928 г. произошло повышение среднего заработка сотрудников Томской государственной нотариальной конторы в связи с ее переходом с 1 октября 1928 г. на государственные нормированные оклады. Однако заработная плата самого нотариуса Томской окружной государственной нотариальной конторы, установленная в 110 руб., была понижена на 7 руб. 25 коп. (ранее зарплата была 117 руб. 25 коп.) [3. Л. 20].

Несмотря на повышение заработной платы сотрудников нотариата в 1928–1930 гг., в сравнении с заработком сотрудников аналогичных должностей судебных органов она была порядком ниже. Так, например, в 1928 г. нотариус Г.Г. Синицын в своем отчете обращал внимание, что «отношение зарплаты судебных учреждений округа с нотучреждениями неодинаково: член окрсуда получает 125 руб., запасный судья – 118 руб., секретарь окрсуда – 65 руб., в нотучреждениях нотариус окружной конторы – 117 руб. 25 коп., нотариус районной конторы – 92 руб. 86 коп., делопроизводитель окружной нотконторы, работа которого, по-моему, сложнее работы секретаря окрсуда, особенно в данное время, когда делопроизводитель конторы замещает нотариуса, получает 57 руб. Я считаю необходимым ставки зарплаты

работников нотконтор сравнять с зарплатой работников суда, поскольку нотконторы являются отделами их Суда» [3. Л. 32 об.].

Важно отметить, что во второй половине 1920-х гг. государство было жестко ограничено в финансовых и материальных ресурсах, и все средства направлялись, прежде всего, на развитие промышленности и коммунально-бытового обеспечения жизнедеятельности города, в связи с чем вопрос по решению проблемы повышения заработной платы оставался открытым.

Вызывают исследовательский интерес техническая база Томской государственной нотариальной конторы, материальное обеспечение и общие условия работы томского нотариуса в 1917–1930-е гг. Несмотря на то, что госнотконтора по роду выполнения своей нотариальной функции была достаточно доходным государственным органом, тем не менее техническому обеспечению и бытовому обустройству нотариальной конторы государством уделялось недостаточное внимание. Так, Томская государственная нотариальная контора в первые годы становления советской власти начинала функционировать в достаточно неблагоприятных условиях. В 1920-е гг. своего помещения у Томской государственной нотариальной конторы не было. Вновь открытая Первая Томская государственная нотариальная контора временно располагалась во дворе здания губернского суда по ул. Магистратская, № 18 (сейчас – ул. Розы Люксембург) [4. Л. 2]. Условия работы в государственной нотариальной конторе, а также перспективы развития ее работы достаточно полно и аргументированно отражены в обращении нотариуса Михаила Прокопьевича Шеремета к председателю Томского губернского суда в 1923 г., выдержки из которого можно привести в качестве примера: «Отсутствие примитивных удобств, постоянное движение через комнату и в связи с этим не перестающий шум не могут дать Нотариусу спокойно работать над делом, которое по своему существу требует особенной сосредоточенности мысли и которое, между прочим, всегда спешно, всегда срочно. …Для конторы нужны, по крайней мере, две комнаты, не проходных, а закрытых. Предъявляемые Нотариусу бумаги, документы не должны быть разложены на виду у всех, а особенно в настоящем помещении, где нельзя даже поручиться за сохранность документов. …На нотариальные конторы нужно смотреть не только как на учреждение Государственное, но еще и с точки зрения коммерческой. Нотариальная контора должна быть, что называется под руками, в центре деловой и торгово-промышленной жиз-

ни. Там, где вблизи правительственные, общественные учреждения, банки, торговые и промышленные предприятия. В Томске бывшие Конторы были на Почтамтской, Дворянской, а Магистратская находится не в центре делового города, она в стороне: далека от Губисполкома, Губкомхоза, теперь почти главных клиентов, Университета, Губфинотдела и проч., здесь нет банков. …Необходимо, чтобы нотариальная контора была и вблизи Нотариуса. Так показала и дореформенная нотариальная практика, когда большинство Нотариусов жило при конторах или вблизи самих контор. Этим достигается и другая цель – постоянного хранителя вверенных ему дел, документов, равных ценностей и денежных сумм» [4. Л. 10–11].

В 1925 г. Первая Томская государственная нотариальная контора была «переведена по адресу Ленинский проспект, 5 в новое помещение, где занимает 2 обширных комнаты. Однако данное помещение имело ряд неудобств: единственный вход в Контору был через судебный зал Народного суда, занимающего соседние комнаты, недостаточное оборудование данного помещения (один небольшой шкаф для дел, книг, бланок, газет, всего 5 стульев и одна небольшая, и при том поломанная скамеечка)» [5. Л. 82].

С 18 января 1927 г. государственная нотариальная контора арендовала у гражданки Екатерины Михайловны Кирилловой по адресу ул. Равенства, 22[1], «одну комнату 10 квадр. саженей с прихожей комнатой, уборной, парадным ходом и особым помещением для склада дров» [6. Л. 9–10]. В этом же доме проживал и сам нотариус Томской государственной нотконторы Михаил Прокопьевич Шеремет. Однако помещение оказалось «совершенно непригодно для канцелярии, …слишком темное, низкое, не имеет вентиляции и …никем не охраняется, никто за этим помещением после занятий не присматривает и поэтому нет никакой гарантии за целость тех ценностей, которые хранятся в Конторе» [6. Л. 6].

С 1 июля 1927 г. Томская окружная государственная нотариальная контора арендовала одну комнату площадью 27,56 м^2 на втором этаже каменного дома по адресу пр. Ленинский, 17[2]. Но уже в докладе пленуму Томского окружного суда пришедший к управлению Томской госнотко-

[1] В 1961 г. улица переименована в ул. Гагарина в честь советского космонавта Юрия Гагарина.

[2] Улица с 1853 г. носила название главной улицы Томска – Почтамтская, в 1920 г. переименована в Ленинский проспект, с 1959 г. – проспект Ленина. Пр. Ленинский, 17, в современном расположении – это пр. Ленина, 66–70 (ориентировочно).

торой в апреле 1927 г. новый нотариус Г. Синицын обращал внимание: «Помещение Нотконторы далеко неудовлетворительно. Контора помещается в одной комнате в 27 кв. м. Постоянная толкотня посетителей, отсутствие специальной комнаты для кабинета нотариуса и для ожидания посетителей, безусловно, отражается на работе» [7. Л. 2–3]. Согласно архивным сведениям, «увеличился штат сотрудников и посещаемость нотконторы (в среднем 100 человек в день)» [6. Л. 1–2].

Проанализировав сведения из архивных документов, в период с 1928 по 1930 г. Томская государственная нотариальная контора располагалась в одном здании с Томским окружным судом по адресу: г. Томск, ул. Розы Люксембург, 28 [8. Л. 45]. После ликвидации окружного суда и передачи нотариата в горисполком вновь созданная государственная нотариальная часть была расположена при Томском горисполкоме.

В 1938 г. в архивных документах адрес расположения Томской государственной нотариальной конторы указан по ул. Коммунистической, 10 [9. Л. 2]. Отмечалось улучшение условий работы Томской госнотконторы: «Томская нотариальная контора занимает две комнаты. …Помещение, занятое Нотконторой, вполне пригодное. Оборудована Контора достаточно хорошо, имеется: два письменных стола, два простых стола, 7 стульев с полумягкими сиденьями, три венских стула, простой деревянный диван, два шкафа, один денежный ящик и пишущая машинка» [10. Л. 13; 11. Л. 10]. «Инвентарь приобретен в 1937–1938 гг., а поэтому вид его новый и приличный. Помещение, в котором помещается нотариальная контора, арендуется со своей кубатурой и внешним видом вполне удовлетворяет» [11. Л. 54 об.].

Таким образом, работа Томского нотариата в 1917–1930-е гг. считалась прибыльной деятельностью и приносила высокий доход в государственную казну. Но вместе с тем содержание государством нотариальных контор осуществлялось по остаточному принципу и в режиме постоянной экономии. В целом материально-техническое обеспечение Томской государственной нотариальной конторы оставалось на низком уровне, а помещения, в которых трудились нотариусы, не соответствовали поставленным требованиям. В свою очередь, частая смена помещений государственной нотариальной конторы и низкий уровень заработной платы нотариуса и сотрудников госнотконторы оказывали негативное воздействие на качество нотариальной работы и мотивацию томских нотариусов.

Источники и литература

1. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8.
2. ГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 47.
3. ГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 100.
4. ГАТО. Ф. Р-117. Оп. 3. Д. 4.
5. ГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 17.
6. ГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 64.
7. ГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 116.
8. ГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 249.
9. ГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 367.
10. ГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 364.
11. ГАТО. Ф. Р-448. Оп. 1. Д. 391.

УДК 327

М.А. Саитгареева

Исторические и религиозные предпосылки возникновения ИГИЛ[1]

Секция VII: *Восток между радикализацией и модернизацией: исторический опыт и современность*

В статье рассматриваются особенности исламистского терроризма как отдельного феномена, в частности в рамках деятельности ИГИЛ. Исследуется влияние религии (ислама) на развитие терроризма и причины использования религии как мотива для террористической деятельности.

Ключевые слова: терроризм, исламистский терроризм, ислам, ИГИЛ, Ближний Восток

«Исламское государство Ирака и Леванта» (далее – ИГИЛ, ИГ) – наиболее известная террористическая группировка джихадистского толка. Отличие этой организации от других более мелких группировок на Ближнем Востоке состоит в том, что она получила известность и за его пределами. ИГИЛ претендовал на государственный статус, провозгласив себя халифатом [1], и в 2014–2017 гг. де-факто представлял собой квазигосударственное образование на контролируемых территориях Сирии и Ирака [2. С. 29]. Помимо этого, организация развивала по всему миру свою террористическую сеть, через которую занималась пропагандой своих идей и вербовкой новых боевиков. Даже после разгрома основных сил ИГ в Сирии осенью 2017 г. угроза терроризма, нависшая над мировым сообществом, не

[1] Организация, запрещенная на территории РФ (примеч. М.А. Саитгареевой).

перестала существовать. На февраль 2019 г. на территории Ирака и Сирии находилось от 14 до 18 тыс. боевиков, такие цифры приводит Контртеррористическое управление ООН [3]. К тому же информационные каналы ИГИЛ не прекратили свою работу: в своих посланиях члены ИГ и их лидер Абу Бакр Аль-Багдади заявляли о своих намерениях «возродить» организацию и продолжить борьбу против неверных [4. С. 11].

Борьба с терроризмом как обеспечение прежде всего собственной безопасности входит в политическую повестку дня многих государств, но для того чтобы борьба была более эффективной, необходимо бороться с источниками проблемы, а не с ее последствиями, как происходит в большинстве случаев. Можно сказать, что эта тема имеет и научную, и политическую, и общественную актуальность, поскольку так или иначе под террористической угрозой находится все мировое сообщество.

В научном исследовании были использованы следующие методы: метод анализа (были выделены отдельные части явления для последующего изучения и формирования выводов о нем), метод дедукции (от общего понятия «джихадизм» к истокам его формирования и пониманию его значения), метод индукции (от частных примеров обращения к вере как оправданию для терроризма к общим выводам по теме исследования) и метод абстрагирования (акцент на идеологических и исторических предпосылках формирования ИГИЛ).

Итак, какие особенности идеологии ИГ позволили ему поставить под контроль значительные территории Сирии и Ирака, что не удавалось ни одной другой подобной организации? Можно ли считать особенности ислама и историко-культурную ситуацию на Ближнем Востоке причинами возникновения ИГИЛ и террористических группировок в целом? Прежде всего необходимо обратиться к истокам, а именно к истории самого явления терроризма и эволюции идеологии ислама. ИГИЛ позиционирует себя как организацию, принципы которой базируются на вере, главным образом, на идее борьбы с неверными (которая ведется, по их мнению, с целью защиты своей веры). В рамках борьбы с терроризмом и во избежание ассоциирования мусульман с террористами объясняется, что ислам – религия мира и милосердия, не подразумевающая насилия [5]. Однако в своих идеях священной войны, убийства неверных, создания халифата и жизни по законам шариата на подконтрольной территории террористы опираются на реальные религиозные тексты и учения.

Обратимся к истории. Первые исламские государства представляли собой авторитарные теократии, но, распространяясь на огромных территориях, ислам приспосабливался к другим культурам. Это было неприемлемо для представителей консервативной мысли, которые призывали к возвращению к наследию «истинного ислама», который существовал изначально. Течение позже получило название салафизм, а затем – ваххабизм по имени Мухаммада ибн Абд аль-ваххаба. Ваххабизм лег в основу современного джихадизма – идеологии, которой руководствуются представители ИГ. В джихадизме арабское слово «джихад» (рус. «усердие на пути Аллаха») понимается как борьба с неверными в радикальной форме. Террористы понимают джихад именно как борьбу против неверных (обвинение в неверии называется такфиром), несмотря на то, что мусульманские богословы различают и другие формы джихада, такие как «джихад души» – внутреннее совершенствование на пути к Аллаху и «джихад с шайтаном» (шайтан – аналог дьявола у мусульман) [6. С. 173]. Те мусульмане, которые не поддерживают террористов, говорят о джихаде как о борьбе внутри себя, самодисциплине, ограждении себя от страстей на пути истинного мусульманина. В идеологии ИГ джихад – это непросто борьба с отдельными кафирами (неверными), борьба ведется с целыми политическими институтами и обществами, признанными джахилийскими [6. С. 174]. Джалихийский – значит относящийся к периоду джахилии, т.е. ко времени, когда общество находилось в состоянии варварства и язычества до появления пророка Мухаммеда.

Свою лепту в развитие радикальных течений ислама, в том числе джихадизма, внес египетский мыслитель Саид Кутб. Он пришел к выводу, что сейчас в мусульманском мире господствуют западные ценности, а мусульманские правители на самом деле таковыми не являются, они не вводят на своей территории шариатское право и отказываются вести истинно мусульманский образ жизни [6. С. 174]. В своем последнем труде «Вехи на пути» он писал, что исламу необходимо возрождение, которое признает единственно правильный путь: «насильственное разрушение, полное уничтожение, не имеющее нисхождения ни к кому» [6. С. 175], т.е. вооруженная борьба, которую террористы называют словом «джихад». При этом мыслитель обращается к тексту Корана: по его словам, в суре «Баара» («Покаяние») сказано, что неверным должен быть объявлен джихад и обращаться с ними нужно жестоко, поэтому пророк Мухаммед вел

джихад с многобожниками мечом, а с лицемерами – убеждением и проповедью [7]. Также можно привести отрывок из этой суры: «Когда же завершатся запретные месяцы, то убивайте многобожников, где бы вы их ни обнаружили, берите их в плен, осаждайте их и устраивайте для них любую засаду. Если же они раскаются и станут совершать намаз и выплачивать закят, то отпустите их, ибо Аллах – Прощающий, Милосердный». Безусловно, террористы Исламского государства в своих убеждениях опираются на священный текст, и этот отрывок тому подтверждение, однако проблема состоит в том, как они интерпретируют этот текст и как применяют его на практике. Данный отрывок ссылается на конкретную историческую ситуацию, а именно на походы пророка Мухаммеда, и призыв к подобным действиям против неверных происходит именно в рамках этой ситуации, представители ИГИЛ, в свою очередь, предприняли попытки материализовать эту ситуацию, экстраполировать, «наложить» ее на ситуацию современную. К тому же, совершая насилие, по их мнению, во имя веры, террористы противоречат другому принципу ислама, основному и действительно актуальному. Пророк Мухаммед называл убийство вторым среди наиболее тяжких грехов [8]. Убийство человека, верующий он или нет, является наихудшим грехом, поскольку в таком случае происходит посягательство на роль самого создателя [8] (в исламе, как и в других монотеистических религиях, только бог имеет право дарить и отбирать жизнь).

Кроме того, принимая во внимание учение Кутба, стоит отметить, что террористы ИГ активно используют религию в качестве подтверждения легитимности своих действий, идеями об «истинном исламе» они прикрывают свое стремление к политической власти, наживе, привлечению материальных благ, соответственно, действия террористов нельзя объяснить только лишь множественностью интерпретаций Корана.

Стоит обратиться к истории самого явления терроризма на территории Ближнего Востока. Начиная с 1970-х гг. идеи отделения государства от института религии и построение светского государства стали сменяться на Ближнем Востоке идеями исламского возрождения. Дело в том, что население по большей части было разочаровано в светских правительствах, ориентированных на западные ценности (индивидуализм, коммерциализация, потребительство, сексуальная свобода), которые рассматривались как противоречие вековым традициям. Идеями исламского возрождения, возвращения к истинным исламским ценностям вдохновлялся

и уже упоминаемый Саид Кутб, но помимо этого он еще и радикализировал эти идеи. Исламский фундаментализм и радикализм можно назвать побочным эффектом процесса исламского возрождения [9. С. 286]. Терроризм, обусловленный религиозными убеждениями, не был новым явлением для Ближнего Востока, стоит вспомнить организацию «Братья-мусульмане» (организация запрещена на территории РФ), которая была основана в 1928 г. и придерживалась принципов салафизма в своей деятельности. С 1950-х гг. члены организации использовали террористические методы в целях борьбы со светскими режимами в арабских странах [9. С. 287], однако применение этих методов носило локальный и точечный характер. В конце XX в. появились и другие организации, близкие к «Братьям-мусульманам», например, «Исламский джихад» (Египет и Палестина), «Джама Исламийя» (Египет), «Исламский фронт спасения» (Алжир) [9. С. 287], также стоит отметить появление в 1987 г. отделения «Братьев-мусульман» в Палестине – организации «ХАМАС». Эти радикальные организации были по большей части суннитскими, отдельно от них возникла шиитская организация «Хезболла» в Ливане.

Можно заключить, что сосуществование на Ближнем Востоке религии и террористических методов обусловлено исторически. Развитие воинствующего джихадизма уходит корнями в эпоху становления первых арабских государств и возникновения первых серьезных противоречий между идеологами ислама, которые привели к появлению ваххабизма. Идея возвращения к религиозным основам стала как нельзя более актуальной в эпоху исламского возрождения, однако существовали различия в методах этого возвращения, одним из которых была вооруженная борьба с неверными, пропагандируемая радикалами. Джихадисты видели в этой борьбе не только средство уничтожения светских «неисламских» политических институтов и введения шариатского права, но и средство получения власти в условиях политической нестабильности.

Исследование предпосылок появления ИГИЛ может позволить мировому сообществу предусмотреть и предупредить возникновение подобных формирований в будущем, усовершенствовать существующие методы антитеррористической борьбы и, возможно, выработать и новые стратегии.

Источники и литература

1. Iraq conflict: ISIS declares a «caliphate», calls for Muslims to pledge allegiance // ABC News. Australian, 2014. URL: https://www.abc.net.au/news/2014-06-30/isis-declares-islamic-caliphate/5558508?nw=0 (дата обращения: 17.12.2020).

2. Яшлавский А.Э. Между соблазном и принуждением: «Мягкая сила» ИГИЛ. // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 7. С. 27–37.

3. Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (11–17 марта 2019 года) // Институт Ближнего Востока. М., 2019. URL: http://www.iimes.ru/?p=54291 (дата обращения: 17.12.2020).

4. Абаев Л.Ч., Вавилов А.И. ИГИЛ: опасность реинкарнации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 3. С. 9–19.

5. Интернет-ресурс антитеррористической направленности РГГУ // Российский государственный гуманитарный университет. М., 2022. URL: https://www.rsuh.ru/antiterror/analyst/ (дата обращения: 03.03.2021).

6. Несипбай Р. Радикальные направления в исламе. Джихадизм и такфир // Россия и мусульманский мир. 2011. № 6. С. 172–175.

7. Кутб С. Джихад во имя Аллаха // Страна Oz. [S. l., s. a.]. URL: https://strana-oz.ru/2003/5/voyna-mir-i-islamskiy-dzhihad (дата обращения: 18.12.2020).

8. Аляутдинов Ш. Убийство в Исламе // Umma.ru. Достоверно об исламе. [S. l., s. a.]. URL: https://umma.ru/ubijstvo-v-islame/ (дата обращения: 18.12.2020).

9. Ланцов С.А. Терроризм на Ближнем Востоке, основные этапы эволюции // Политическая экспертиза: Политэкс. 2020. № 2. С. 282–292.

УДК 378

Д.С. Самбук

Россия в японской политике интернационализации образования 2010–2020 гг.

Секция VII: *Восток между радикализацией и модернизацией: исторический опыт и современность*

В настоящей работе освещаются причины изменений в политике интернационализации образования Японии в 2010-х гг., а также основные планы, механизмы реализации и промежуточные итоги данной политики в отношении Российской Федерации. Итоги ограничиваются 2020 г., до появления пандемии коронавируса.

Ключевые слова: Россия, Япония, наука, интернационализация образования, итоги, перспективы

Тенденция глобализации, возобновленная в ускоренном темпе после окончания Второй мировой войны, оказала влияние на развитие образовательных обменов между различными странами по всему миру. В последнее время всё больше становятся необходимы специалисты, получившие опыт обучения за границей. Соответственно, для наиболее эффективного осу-

ществления подобного образовательного процесса стала проводиться целенаправленная политика интернационализации образования. Интернационализация образования – это процесс, происходящий на институциональном уровне, при котором предоставление образовательных услуг носит международный характер. Является одним из инструментов государства при решении экономических, политических и социальных проблем.

Япония как одно из наиболее развитых государств также занимается осуществлением самостоятельной политики интернационализации образования. Кроме того, японская система образования традиционно считается одной из наиболее передовых, поэтому необходимо изучать причины, результаты и проблемы проводимой японцами вышеуказанной политики с целью осмысления полученного ими опыта и применения наиболее удачных её элементов уже в рамках российской образовательной политики.

Полномасштабное развитие японской политики интернационализации образования было положено в 1980-х гг. Глобально начало осуществления данной политики было необходимо для активного участия страны в мировом социально-экономическом процессе и сближения японского общества с другими промышленно развитыми государствами. Локально это было связано с ослаблением государственного контроля над экономикой и либерализацией торговли. В рамках развития данных процессов был принят Закон «О международном сотрудничестве в интересах мира», который позволял Японии более активно участвовать в международных процессах за счет отправления персонала за рубеж. Этот персонал было необходимо подготовить, что и дало старт двусторонним образовательным обменам. Таким образом, был утвержден план «По привлечению 100000 иностранных студентов» [1. С. 82].

Тем не менее в 2010-х гг. политика изменилась с отправления иностранных студентов на родину после обучения на инкорпорирование их в японское общество. Это было связано с рядом причин: в 2003 г. были достигнуты цели плана «По привлечению 100 000 иностранных студентов», Япония столкнулась с явлениями «снижения рождаемости и постарения населения», а также появилась потребность в IT-специалистах и специалистах со знанием японского языка [2].

Россия также стала одним из целевых регионов данной политики. Следует отметить три основных плана, в которые включена РФ.

Проект «Обучение в Японии. Глобальная сеть». Он был запущен в 2014 г. Одной из его целей является увеличение числа иностранных сту-

дентов. К 2020 г. планировалось увеличение до 2 000 чел., а к 2022 г. – до 2 600 чел. из стран СНГ. В России к 2020 г. ожидалось увеличение до 1 000 чел., а к 2022 г. до 1 300 чел. [3].

Проект «Повышение потенциала вузов на мировом уровне». Данный план, запущенный Министерством образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии в 2011 г., представляет собой серию проектов, направленных на осуществление финансовой поддержки в создании совместных программ обмена с целевыми странами, в том числе и с Россией, которые могут создавать собственные проекты для приёма японских студентов [4].

План из «8 пунктов» С. Абэ, являющийся стратегией экономического развития между Россией и Японией в области градостроительства, медицины, малого и среднего бизнеса, диверсификации промышленности, передовых технологий, энергетики, промышленного развития Дальнего Востока, в сфере двусторонних гуманитарных обменов на различных уровнях. Данный план хотя и преследует в основном политические цели, но оказывает положительное влияние и на развитие образовательных обменов между Россией и Японией [5].

Непосредственное осуществление политики интернационализации образования Японии в отношении России ведется с помощью Ассоциации вузов России и Японии (далее – Ассоциация) и информационных платформ.

О создании Ассоциации было объявлено в ходе форума в октябре 2016 г., а в декабре 2016 г. был подписан меморандум об её учреждении. Изначально в ней состояло 42 вуза, сейчас их насчитывается 63. На данный момент состоялось уже 3 съезда.

Ассоциация помогает направлять политику двусторонних академических обменов в то или иное русло. С её помощью создаются вспомогательные организации, например студенческий союз, проводятся мероприятия на различных уровнях [6].

Другим средством осуществления японской политики интернационализации являются информационные платформы. Информационная платформа – это сайты в сети Интернет, основанные на базе реальных учреждений, созданные для информирования заинтересованных лиц о ресурсах и результатах деятельности управляющих ими организаций.

Существует несколько типов платформ, имеющих «уклон» в ту или иную сферу деятельности. Бизнес-ориентированными платформами можно

считать Японскую ассоциацию по торговле с Россией и новыми независимыми государствами (РОТОБО) и Автономную экономическую организацию «Японский центр по развитию торгово-экономических связей» (АНО «Японский центр»). Они способствуют развитию предпринимательских взаимоотношений, проводя бизнес-форумы и бизнес-матчинги, но при этом активно участвуют в образовательном процессе через организацию стажировок и экскурсий на предприятия для студентов.

Существуют образовательно-ориентированные платформы: Японский фонд (JF) и Платформа формирования кадров для сотрудничества в области экономики и гуманитарных обменов (HaRP). Данные платформы наиболее заинтересованы в развитии образовательных обменов между Россией и Японией через предоставление учебных материалов и программ студенческой мобильности. Однако при этом они активно взаимодействуют с муниципальными организациями и бизнес-структурами.

Важно отметить, что есть платформы при государственных организациях. В частности, платформа, созданная при Посольстве Японии в России. На ней также размещена вся актуальная информация о программах обмена, предоставляемых Японией.

Все указанные платформы в качестве одной из целей преследуют развитие японо-российских образовательных обменов, поэтому они взаимодействуют как с основными проектами, так и друг с другом. Организации, содержащие эти платформы, имеют довольно широкий спектр деятельности, так как стремятся привлечь наиболее возможное количество людей.

Говоря о результатах, стоит отметить, что в 2010–2020 гг. японская политика интернационализации образования в отношении России достигла явного прогресса. Появилось три проекта, направленных на развитие образовательных обменов, ежегодно увеличивалось количество программ обмена (с 2 в 2015 г. до 6 в 2019 г.), постоянно росло количество мероприятий, направленных на углубление понимания японского языка и японской культуры. Например, число слушателей бизнес-семинаров при АНО «Японский центр» увеличилось с 1 424 чел. в 2016 г. до 2 355 чел. в 2020 г. Этим же центром в 2017–2019 гг. было предоставлено 39 стажировок, а число человек, прошедших через разговорный клуб японского языка в 2011–2020 гг., составляет 7 270 [7].

Однако, несмотря на явный прогресс, осуществление данной политики нельзя оценить строго положительно. Хотя в 2014–2019 гг. количество

студентов увеличилось с 589 до 831 чел. [8], эти показатели не достигли желаемой отметки в 1 000 чел. к 2020 г, что обусловливается рядом проблем:

1. Слабая проницаемость информации, так как заинтересованные в изучении языка люди до сих пор обращаются к данным различных агентств, целью которых является заработок, а не наиболее целостное и качественное информирование.

2. Нехватка стипендиального обеспечения, так как стипендии, выделяемые Японией, значительно ниже для студентов из стран СНГ, чем для китайских студентов. Кроме того, стипендиальных фондов со стороны стран СНГ практически нет. Ожидается активизация некоторых из них в таких странах, как Узбекистан и Казахстан. Россия в число этих стран пока не входит.

3. Незаинтересованность российского правительства в развитии более глубоких взаимоотношений с Японией ввиду стратегического партнерства с Китаем, противостояния с США, а также недостаточного уровня экономического взаимодействия с японской стороной.

Источники и литература

1. Дронишинец Н.П. Проблемы управления системой высшего образования в Японии // Проблемы управления системой высшего образования в Японии. 2002. № 2. С. 81–87.

2. Мацусита С., Усуяма Т., Сасаяма Х. Докурицукокка кё:до:тай сёкоку кара но рю:гакусэйукэирэкакудай то нихонсякай ни атаэру кэйкё: [Приём студентов из стран СНГ и эффект, производимый ими на японское общество] // Гайкокугокё:икуронсю. 2021. № 43. С. 3–13.

3. Проект «Обучение в Японии. Глобальная сеть» // Совместный центр МГУ и Университета Хоккайдо. [Б. м.], 2021. URL: https://www.moscowjointoffice.ru/%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/study-in-japan/ (дата обращения: 22.12.2021).

4. Intek-University exchange project // Japan Society for the Promotion of Science. [S. l], 2021. URL: https://www.jsps.go.jp/english/e-tenkairyoku/gaiyou.html (access date: 22.12.2021).

5. План сотрудничества из 8 пунктов // Посольство Японии в России. [Б. м.], 2018. URL: https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html (дата обращения: 25.03.2021).

6. Ассоциация вузов России и Японии // Платформа подготовки кадров для японо-российского экономического сотрудничества и гуманитарных обменов. [Б. м.], 2020. URL: https://russia-platform.oia.hokudai.ac.jp/ru/association-ru/about-association-ru (дата обращения: 25.03.2021).

7. АНО «Японский центр». [Б. м.], 2021. URL: https://jc.org.ru/ru/index/ (дата обращений: 27.10.2021).
8. CIS (Commonwealth of Independent states) Russia // Japan Students Service Organization. [S. l], 2021. URL: https://sjgn.jasso.go.jp/overseas-offices/russia/ (access date: 22.12.2021).

УДК 93

Н.С. Скляренко

Журнал «Каторга и ссылка» как источник по изучению политической ссылки в Енисейской губернии

Секция X: *Документ в эпоху цифровой трансформации*

Исследование дореволюционной политической ссылки тесно связано с деятельностью Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а также выпускаемым его членами журналом «Каторга и ссылка», который издавался с 1921 по 1935 г. Данное общество в период своего существования активно занималось сбором и публикацией различных источников личного характера, связанных с жизнью политических каторжан в ссылке на территории Российской империи. В данной статьей проводится анализ журнала «Каторга и ссылка» с целью изучения его актуальности как источника для исследования политической ссылки на территории Енисейской губернии.

Ключевые слова: политическая ссылка, Сибирь, Енисейская губерния, журнал «Каторга и ссылка», источник

Изучение вопроса политической ссылки на территории Российской империи является актуальным предметом исследования, так как позволяет изучить социально-политические процессы, происходящие в обществе того периода. Представители различных общественных движений, партий, начиная от декабристов и заканчивая большевиками, не согласные с политикой царского правительства, стремились ей противодействовать, что вело к репрессиям со стороны официальной власти. Территория Сибири, в силу своего удаленного географического положения, служила местом ссылки. Енисейская губерния являлась одним из таких мест. Согласно биографическому справочнику Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, ссылку на территории губернии с 1880-х по 1917 г. прошло порядка 650 человек. Однако данная цифра является, безусловно,

неполной, так как в ней не были учтены декабристы и участники польского восстания, что дает нам основания полагать о крайне заниженном количестве политических ссыльных.

Активнее всего данным вопросом занималось Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, так как основными его членами являлись сами политические заключенные, отбывающие заключение в ссылке. Бушующая гражданская война, а также острое социально-экономическое положение в стране не давали возможности провести полноценную рефлексию пройденного этапа. Поэтому первые сборники журнала формировались из материалов, которые были доступны на тот момент.

Тираж журнала зависел как от материальных возможностей самого общества, так и от количества бумаги, которую предоставляло государство. В зависимости от возможностей тираж мог составлять от трех до десяти тысяч экземпляров. Всего за период своего существования с 1921 по 1935 г. было издано порядка 116 номеров. В журнале публиковались мемуары, автобиографии и некрологи о деятелях революционного движения, а также со второй половины 1920-х гг. стали публиковаться научные статьи, связанные с политической ссылкой в Российской империи.

Журнал позволяет узнать о повседневной жизни политических заключенных, проживавших на территории Енисейской губернии. Например, несмотря на формальный запрет заниматься какой-либо деятельностью, они вели активный образ жизни. Так, на территории г. Енисейска им разрешалось проводить метеорологические наблюдения для главной Физической обсерватории в Санкт-Петербурге [4. С. 161]. Однако стоит отметить, что подобная активность, в основном, происходила в административных центрах, в таких городах, как Енисейск, Красноярск, Минусинск и т.д. Это связано с тем, что в таких местах было легче наладить связь с сочувствующими политическим ссыльным, проживавшим как в европейской части России, так и за рубежом, посредством почтово-телеграфной коммуникации и организовать подпольные организации, поскольку в таких местах, как правило, размещалось большое количество политических заключенных. Также в данных местах было проще заказать необходимую для саморазвития и пропаганды различную литературу.

Кроме того, в журнале раскрывается вопрос работы революционных объединений в Енисейской губернии. Например, на территории нижнего Приангарья существовала «корпорация взаимопомощи ссыльных Приан-

гарья»[1]. Финансирование данной организации производилось как за счет взносов ее членов, так и за счет переводов денежных средств сочувствовавшими политическим каторжанам, которые проживали за границей. Данные средства шли на культурные и повседневные нужды: содержание библиотеки, медицинские и материальные нужды, а также существовал запасной фонд на случай непредвиденных ситуаций. Кроме того, часть средств отводилась на помощь в организации побегов политических каторжан. Распределение денежных средств производилось в соответствии с удалённостью от административного центра региона. Наибольшая сумма денежных средств (порядка 850 рублей) имелась в Пинчугском районе, а наименьшая – в соседнем Кежемском районе (около 250 рублей).

Подобные «Приангарской корпорации» ячейки политкаторжан упоминаются в других журналах «Каторга и ссылка». Так, на территории Енисейской волости существовала Енисейская касса взаимопомощи, которая помогала политическим каторжанам, проживавшим в Енисейске, а также в Яланской, Бельской и Анциферовской волостях.

В силу своего нелегального положения данные кассы часто подвергались преследованию со стороны официальной власти. Например, вышеупомянутая «Приангарская корпорация» подверглась серьезному разгрому после 3-го съезда ссыльных политкаторжан в с. Богучаны в 1914 г., в ходе которого были изъяты отчеты кассы взаимопомощи, переписки с заграничными коллегами, а также паспортные бланки, дававшие возможность политическому заключенному сбежать с поддельным паспортом.

Помимо освещения вопросов повседневной жизни политических заключенных, на страницах журнала имеется характеристика как коренного, так и переселенческого населения Енисейской губернии, которую давали политические заключенные. Особенно широко раскрывается социально-экономическая ситуация на территории Минусинского уезда [2. С. 108–115]. Находясь на юге Енисейской губернии, уезд располагал благоприятными природными условиями для ведения сельского хозяйства, чем и пользовались приезжающие сюда поселенцы. Однако это приводило к конфликтам со стороны местного населения, которое было вынуждено переселяться на новые территории. Кроме того, уезд располагал в большом количестве полезными ископаемыми, которые также оказали

[1] «Корпорация взаимопомощи ссыльных Приангарья» существовала на территории нижнего Приангарья с 1911 по 1917 г.

влияние на развитие экономики уезда. Но проблемы с дорожно-транспортной системой не позволили региону выйти на всероссийский рынок вплоть до 1926 г., когда была построена Ачинско-Минусинская железная дорога.

Кроме того, на страницах журнала сохранилось большое количество воспоминаний личного характера, которые подробнее раскрывают события, происходившие на территории Енисейской губернии. Например, во втором номере подробно описаны события «Туруханского бунта 1908–1909 гг.» одним из их очевидцев – Д. Ермаковым [2].

Помимо самого сборника журналов «Каторга и ссылка», большой интерес для исследователя не только Енисейской губернии, но и всей Сибири представляет биобиблиографический справочник «Политическая каторга и ссылка», который издавался тем же обществом политкаторжан. Книга содержит краткую, но достаточно емкую информацию о каждом политическом заключенном, что дает читателю представление о социальном происхождении, начале революционной деятельности, приговоре и др. В ходе проведенного анализа удалось составить список, в который вошло порядка 600 революционеров, отбывающих ссылку в Енисейской губернии. Однако данный источник не дает информацию о дальнейшей судьбе политкаторжан после Октябрьской революции. Сведения обрываются 1934 г., когда большая часть членов политкаторжан были еще живы.

Таким образом, журнал «Каторга и ссылка» является ценным источником по изучению политической ссылки на территории Енисейской губернии. Он позволяет рассмотреть такие вопросы, как материально-бытовые условия жизни политических каторжан, а также их взаимоотношения с местным населением и царской властью.

Источники и литература

1. Васильева Н.Ф. Политическая ссылка на страницах журнала «Каторга и ссылка». Иркутский историко-экономический ежегодник // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2010. С. 246–250.

2. Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. 1928. Кн. 39, № 2. 191 с.

3. Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. 1928. Кн. 40. № 3. 205 с.

4. Каторга и ссылка: историко-революционный вестник. 1930. Кн. 69–70. № 8. 204 с.

УДК 93/94

А.А. Сорочкина

Образовательный облик Кузбасса в условиях модернизации в конце XIX – начале XX в.

Секция IV: *Городская и сельская истории: социальные общности и культурные практики*

В конце XIX – начале XX в. Кузбасс, представленный преимущественно Кузнецким, Маршинским и юго-восточными территориями Томского уезда, в результате пуска Сибирской железной дороги, Столыпинской аграрной реформы оказался в зоне активных модернизационных процессов. Активизация социально-экономических процессов в регионе неминуемо оказала влияние на развитие образования, проявившись в количественном росте учебных заведений и их распределении по территории, представляющей Кузбасс.

Ключевые слова: Кузбасс, модернизация, образование, учебные заведения

В 2021 г. Кузбасс отметил свое 300-летие, сопровождающееся усилением исследовательского внимания к его прошлому.

В исторической ретроспективе вызывает интерес пореформенный период, когда Сибирь из изолированной далекой окраины стала частью социально-экономического пространства Российской империи [1. С. 49].

В этой связи вызывают интерес и вопросы, связанные с образовательным потенциалом региона, на важность которого и необходимость обращал внимание выдающийся уроженец Сибири Д.И. Менделеев, отмечая, что образование «есть благоприобретенный капитал, отвечающий затрате времени и труда и накоплению людской мудрости и опытности» [2. С. 7].

Материалами исследования послужили исторические и историографические источники. Первая группа представлена нормативно-правовыми материалами, сложившимися в Полном собрании законов Российской империи, и статистическими материалами (Памятными книжками Томской губернии и Памятными книжками Западно-Сибирского учебного округа). Вторая – аналитическими исследованиями, отражающими тенденции формирования образовательного потенциала региона.

Анализ основан, во-первых, на принципах историзма, объективности и системности; во-вторых, на многолинейной (учитывающей корреляцию

исходных ресурсов и результатов, формирующихся под влиянием воздействующих факторов) и фронтирной (предусматривающей протекание процесса в условиях незавершенной инкорпорации) концепциях модернизации; в-третьих, на теоретико-методологических разработках в области историко-педагогических исследований: нелинейность историко-педагогического процесса, многомерность, полисубъективность и волнообразность модернизации образовательной модели.

К началу рассматриваемого хронологического отрезка Кузбасс – Каменноугольный бассейн, в исторической ретроспективе являвшийся составной частью Томской губернии и представленный преимущественно Кузнецким, Мариинским уездами и юго-восточными окраинами Томского уезда, оказался в зоне активной социально-экономической модернизации, вызванной пуском Транссиба и нашедшей на региональном уровне проявление в:

– активизации переселенческого движения в регион, способствующей демографическому росту. По сравнению с результатами переписи 1897 г. население Кузбасса к началу Первой мировой войны в масштабах Томской губернии увеличилось в 2,1 раза (городское – в 1,6; сельское – 2,1), сохранив при этом стабильную долю (около 15%) в масштабе губернии [3. С. 1–3; 7. С. 2–3; 8. С. 301, 306–308; 9. С. 182; 10. С. 162]. Фаза демографического роста пришлась на время Столыпинской аграрной реформы: с 1904 по 1914 г. численность населения Кузбасса увеличилась в 1,9 раза (в Кузнецком уезде – в 2,3; Мариинском – в 1,6) [4. С. 2–3; 5. С. 3–4];

– изменении инфраструктуры территории. С начала функционирования Транссиба (1893 г.) до окончания активной фазы Столыпинской аграрной реформы (1911 г.) на территории Кузбасса количество волостей увеличилось в 2,7 раза, городов – в 2 раза (к Кузнецку и Мариинску добавились в 1911 г. Тайга и Боготол, выросшие из железнодорожных станций); сельских образований – в 1,7 раза. Активный рост сел наблюдается вдоль железной дороги (Ижморское, Берикуль, Суслово, Тяжин). Менее быстрыми темпами росла численность населения сел и деревень, которые были созданы в обход железнодородной магистрали (Кемерово, Кольчугино и др.). Наиболее динамично процесс протекал на территории Мариинского уезда, через который прошла Томская вервь Средне-Сибирского участка железной дороги [6];

– вектор экономического развития территории изменился в сторону многопрофильности. В «Памятной книжке Томской губернии на 1914 г.

отмечалось, что «в экономической жизни населения особенно южных уездов губернии имеет большое значение, кроме земледелия, скотоводство и маслоделие, а также кожевенное производство» [5. С. 19];

– менялся традиционный уклад сибирского общества, его отношение к образованию как необходимому фактору существования в новых реалиях [7–9].

Вышеотмеченная тенденция совпала с учреждением в 1885 г. Западно-Сибирского учебного округа, объединившего в единое образовательное пространство Акмолинскую, Семипалатинскую, Семиреченскую области, Тобольскую и Томскую губернии и установившему доминанту в образовательной региональной стратегии Министерства народного просвещения (далее – МНП) [10. С. 162–163], что способствовало развитию образовательного потенциала как Западной Сибири в целом, так и ее отдельных территорий и получило проявление в:

– увеличении количества учебных заведений. Если к началу активизации модернизационных процессов на территории Кузбасса действовало 39 учебных заведений, подконтрольных МНП (10 в полном и 29 только в учебном отношении – школы, учрежденные Министерством внутренних дел (далее – МВД)), то к концу рассматриваемого периода (1917 г.) их количество составило 192, что свидетельствовало об увеличении в 4,9 раза [6];

– произошли изменения в количественном наполнении учебными заведениями пространства административных образований, соотносимых с Кузбассом. На территории Кузнецкого уезда к 1917 г. прирост составил 71% по отношению к началу модернизационных процессов; Мариинского – 82% [6];

– в городской среде количество учебных заведений увеличилось в 6,5 раза (с 2 до начала модернизационных процессов до 13 к 1917 г.) [6]. Доминирующие позиции в образовательном пространстве региона принадлежали Мариинску, на долю которого не только приходилось 6,2% (3 городских приходских по уставу 1828 г., 1 высшее мужское по закону 1912 г., 3 начальных частных училища и 1 начальное по линии Томской железной дороги) от учебных заведений региона и 50 % от городских образовательных центров Кузбасса, но и были сосредоточены средние, представленные женской гимназией, открытой в 1910 г. на основании прогимназии, и частным средним мужским учебным заведением с курсом мужских гимназий, открытым 30 июня 1914 г. на основании разрешения

попечителя ЗСУО [6]. В Кузнецке насчитывалось 3 городских приходских училища по уставу 1828 г. и 1 высшее смешанное по закону 1912 г. и 1 высшее женское училище, учрежденное в 1916 г., но не успевшее сделать набор [6]. В заштатных «новых» городах, образованных на основе железнодорожных станций и получивших статус городов, в 1911 г. было 6 начальных учебных заведений: Тайге и Боготоле по 2 начальных, содержащихся на средства МПС и 1 начальному МНП по уставу 1828 г. [6];

– в сельской местности, представленной начальными учебными заведениями, количество увеличилось в 4,5 раза и к концу рассматриваемого периода была представлена 170 учебными заведениями, открытыми по Уставу 1828 г. [11] двух ведомств – МНП (62%) и МВД (38%). До начала модернизационных процессов доминирующие позиции оставались за МВД, на долю которого приходилось 73%, а в условиях модернизационных процессов инициатива перешла к МНП. Из 133 открывшихся в годы активной модернизации МНП в качестве учредителя принадлежало 71,4% [6];

– получила развитие тенденция открытия учебных заведений в формирующихся новых экономических центрах. Наряду с «новыми» городами, возникшими на основе железнодорожных станций таковые имели место на Анжерских и Сужденских угольных копях; в районе Щеглово (Верхтомская волость Кузнецкого уезда) в 1914 г. было открыто частное низшее учебное заведение, подчиненное МНП, но содержащееся на средства Кузнецких каменноугольных копий; в 1916 г. смешанное начальное училище на Центральном руднике (Мариинский уезд) Мариинских приисков Российского золотопромышленного общества [6];

– количество обучающихся в учебных заведениях Кузбасса увеличилось в 2,5 раза.

Таким образом, в период социально-экономических процессов модернизации рассматриваемого периода менялся образовательный облик региона, произошли изменения в количественном и качественном наполнении учебными заведениями пространства административно-территориальных образований, соотносимых с Кузбассом.

Источники и литература

1. Зиновьев В.П., Фоминых С.Ф. Сибирь как стратегический ресурс России в период Первой мировой войны // Русин. 2014. № 3 (37). С. 48–61.

2. Бондаревская И.Н., Григорьев А.И. Идеи Д.И. Менделеева о непрерывном естественно-научном образовании и современность // Омский научный журнал. 2007. № 1 (53). С. 5–11.

3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 79: Томская губерния. СПб., 1904. 246 с.

4. Памятная книжка Томской губернии на 1904 г. Томск : Издание Томского Губернского статистического комитета, 1904. 689 с.

5. Памятная книжка Томской губернии на 1914 г. Томск : Издание Томского Губернского статистического комитета, 1914. 138 с.

6. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. Томск : Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1916. 112 с.

7. Войтеховская М. Общества содействия распространению образования в Западно-Сибирском учебном округе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2011. № 7(102). С. 158–167.

8. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). Новосибирск: СовА, 2004. 357 с.

9. Дегальцева Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX в. Баранул : Изд-во АлтГТУ, 2005. 187 с.

10. Сеченова А.А. Исторические условия возникновения Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 9. С. 162–166.

11. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. Утв. 8(20) декабря 1828 г. // Полное собрание законов Российской империи за 1828. Собр. II. Т. III. СПб., 1830.

УДК 352:353(470.53)

А.А. Субботина

Политическая выживаемость местных глав-«варягов» в условиях конкурсной модели избрания (случай Пермского края)

Секция II: *Политическая наука: от локального к глобальному*

В статье рассматривается вопрос, как «варяжскость» местного главы влияет на его политическую выживаемость в условиях конкурсной модели избрания. Проблема исследуется с точки зрения 2 позиций: теоретических положений о политиках-«варягах» и ожиданий от функционирования конкурсной модели. Работа опирается на данные о 89 конкурсах по избранию мэров в Пермском крае. В результате отмечается тенденция о меньшей вероятности сохранения поста мэрами-«варягами» по сравнению с местными мэрами.

Ключевые слова: мэры-«варяги», политическая выживаемость, муниципалитеты, конкурсная модель избрания местных глав, региональная власть

Проблематика губернаторов-«варягов» достаточно широко представлена в научной литературе [1–3]. В этих исследованиях под «варягом» понимается глава региона, слабо связанный с данным субъектом или вообще никак с ним не связанный [1. С. 125]. Но «варяжским» происхождением может характеризоваться не только губернатор, но и мэр.

В условиях прямых выборов мэров имела значение включённость кандидата в местный политический контекст, его узнаваемость на данной территории, так как ему необходимо было убедить население проголосовать за себя. Поэтому местные кандидаты имели преимущества над «варягами». С введением конкурсной модели избрания связь кандидата с муниципалитетом стала играть меньшую роль, так как региональная власть, губернаторы получили больше институциональных возможностей продвигать на должность местного главы одобряемого ими кандидата [4. С. 262; 5. С. 42; 6. С. 11], в том числе неместного. Исследователи отмечают, что за время функционирования конкурсной модели увеличилось число мэров-«варягов» [6. С. 11]. В таких условиях исследовательский интерес вызывает логика функционирования и политическая выживаемость местных глав-«варягов», что менее изучено по сравнению с губернаторами-«варягами». В данной работе мы концентрируемся на политической выживаемости, под которой понимается сохранение местным главой своего поста. Как «варяжскость» главы влияет на его политическую выживаемость в условиях конкурсной модели избрания? Создаёт ли конкурсная модель какие-то особенности для сохранения мэром-«варягом» своей должности или логика их выживания аналогична логике губернаторов-«варягов»? Эти вопросы рассматриваются в исследовании.

Выживаемость мэров-«варягов» может быть рассмотрена с точки зрения двух теоретических позиций, из которых следуют конкурирующие гипотезы. С одной стороны, логику функционирования «варягов» объясняют теоретические положения, выведенные на основе изучения губернаторов-«варягов». В исследовательской литературе отмечается, что «варяги» – это временные управленцы, отправленные в региона с целью решения элитных противоречий, а также повышения зависимости губернатора от центра [1. С. 135–136]. «Варягам» как выходцам из другого регион сложно в полной мере соответствовать политическим традициям субъекта, эффективно использовать местные политические механизмы, так как они не обладают достаточным социальным капиталом. Кроме того, «варяги» сталкиваются с трудностями

при выстраивании взаимодействия с региональной элитой. Поэтому губернатору-«варягу» сложнее закрепиться в данном регионе, что ведёт к его непереизбранию или непереназначению [2. С. 70; 3. С. 401]. Эту логику можно перенести на локальный уровень. В исследованиях муниципалитетов также отмечается бóльшая конфликтогенность взаимодействия мэра-«варяга» с локальной элитой по сравнению с местным мэром [6. С. 11]. Следовательно, мы выдвигаем гипотезу: мэры-«варяги» с меньшей вероятностью сохраняют свой пост по сравнению с выходцами из данного муниципалитета.

Однако выживаемость мэров-«варягов» в условиях функционирования конкурсной модели можно рассмотреть и с точки зрения теории институционализма рационального выбора, из которой следует противоположная гипотеза. В рамках данного подхода институты понимаются как «ограничительные рамки», формирующие границы возможного поведения акторов [7. С. 17]. Избрание по конкурсу как институт создаёт определённые стимулы для действий как региональных властей, так и местного главы, что может менять логику выживаемости мэра-«варяга». Губернатор заинтересован в контроле над муниципалитетом. Конкурсная модель позволяет ему продвигать на должность главы одобряемого кандидата [4. С. 242; 5. С. 42; 6. С. 11]. «Варяги» более зависимы от способствующей его избранию политической силы, так как не имеют социального капитала на данной территории [1. С. 126]. Следовательно, можно предположить, что губернаторы будут заинтересованы в продвижении на должность местного главы «варяга» как более управляемого кандидата, а также будут заинтересованы и в переизбрании ранее избранного по конкурсу «варяга», чтобы сохранить установленный контроль над муниципалитетом. Поэтому мы выдвигаем вторую гипотезу, противоположную первой: в условиях конкурсной модели мэр-«варяг» с бóльшей вероятностью сохранит свой пост, чем местный мэр. Далее на эмпирическом материале проверяется, какая из двух представленных логик подтверждается в бóльшей степени.

В работе рассматриваются муниципальные образования (далее – МО) Пермского края. Выбор региона обусловлен тем, что во всех муниципалитетах этого субъекта с 2015 г. введена конкурсная модель избрания мэра. Единицей анализа является конкурс на должность главы. Всего исследуется 89 конкурсов за период с 2015 по 2021 г. Источники данных – сайты муниципальных образований Пермского края [8] и местные СМИ.

Группа «варягов» не однородна. В работе «варяжскость» местного главы операционализируется по типологии А. Кынева: «чистые варяги» – главы, никогда не работавшие в данном МО, «возвращенцы» – главы, имевшие некоторое отношение к данному МО в прошлом, но затем покинувшие его, «натурализовавшиеся варяги» – не местные по происхождению, однако проработавшие в МО не менее пяти лет до назначения [1. С. 133]. Также наряду с варягами выделяется группа полностью местных мэров, которые родились и всю жизнь проработали в данном муниципалитете. Распределение глав по группам представлено в табл. 1.

Методом исследования является логистическая регрессия, так как зависимая переменная – выживаемость – принимает только 2 значения. Результаты исследования представлены в табл. 2.

Таблица 1

Распределение местных глав по группам

Группа	Количество мэров
Местные	54
«Натурализовавшиеся»	25
«Возвращенцы»	7
«Чистые варяги»	3
Всего	89

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа

Фактор	Бета-коэффициент	p-уровень значимости
«Чистые варяги»	–1,3041	0,300
«Возвращенцы»	–1,5272	0,084
«Натурализовавшиеся»	–0,3697	0,454

В результате влияние ни одной из групп варягов на выживаемость не оказалось значимым, однако группа «возвращенцев» демонстрирует результат, близкий к 5% уровню значимости (p-уровень = 0,084). Отсутствие значимой связи можно объяснить как методологическими ограничениями – небольшое число случаев, неравномерность распределения мэров по категориям, так и теоретически – на выживаемость местного главы могут оказывать влияние другие факторы (лояльность, экономическая эффективность и др.), но рассмотрение этих связей выходит за рам-

ки данной работы и требует другого исследования. Однако стоит обратить внимание на направление связи: для всех групп «варягов» – отрицательное, т.е. любой тип «варяжскости» местного главы снижает его шансы быть переизбранным на второй срок. Это наблюдение свидетельствует в пользу первой гипотезы: мэры-«варяги» с меньшей вероятностью сохраняют свой пост по сравнению с выходцами из данного МО. То есть на эмпирическом материале в бóльшей степени подтверждается теория о политиках-«варягах», а теоретические ожидания, связанные с функционированием конкурсной модели, не находят подтверждения.

Одним из ограничений исследования является неравномерность распределения мэров по группам (см. табл. 1). Это может потенциально искажать результаты регрессионного анализа, поэтому далее была предпринята попытка объединить все группы «варягов» в одну категорию. Для выявления связи между выживаемостью и «варяжскостью» были применены метод хи-квадрат и кросстабуляция. Результаты кросстабуляции представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты кросстабуляции, %

	Местный мэр	Варяг
Не сохранил пост	35	51
Сохранил пост	65	49
Всего	100	100

В результате теста хи-квадрат статистической значимости между переменными не установлено (p-уровень значимости = 0,1941). Но по таблице кросстабуляции можно заметить, что в процентном соотношении больше мэров-«варягов» не смогли сохранить свой пост по сравнению с местными мэрами (51% против 35%). Это подтверждает тенденцию о бóльшей способности местных глав сохранять свой пост по сравнению с «варягами».

Таким образом, влияние «варяжскости» мэра на его выживаемость встраивается в общие теории о логике функционирования политиков-«варягов» в России: эмпирически подтверждается тенденция о бóльшей вероятности сохранения должности местными мэрами, чем «варягами». Следует отметить, что между переменными нет статистической значимости, что можно объяснить небольшим количеством случаев и неравномерностью распределения мэров по группам, поэтому мы не можем утверждать о связи, можем

говорить лишь о тенденции. Новое институциональное условие – конкурсная модель, несмотря на теоретические ожидания, не изменяет этой тенденции. Мэры-«варяги», как и губернаторы-«варяги», вероятно, сталкиваются с трудностями адаптации к местной политической структуре, далеко не всегда способны выстроить взаимодействие с местной элитой, эффективно использовать местные политические механизмы, в том числе для обеспечения явки избирателей, которая выступает одним из индикаторов оценки местных глав в условиях вертикали власти в России [9. P. 1035].

Проведённое исследование, данные, свидетельствующие в пользу первой гипотезы, демонстрируют целесообразность попыток применения теорий, сформулированных на основе изучения регионального уровня, к исследованию российских муниципалитетов. Представляется, что вертикаль власти достраивается примерно по тем же механизмам до локального уровня и сталкивается со схожими проблемами, как и на линии взаимодействия центр–регион.

Источники и литература

1. Кынев А.В. Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации (опыт 1991–2018 гг.) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2019. № 2 (93). С. 125–150.

2. Подвинцев О.Б. Губернаторы-«варяги» и региональные политические элиты в современной России: условия и тенденции взаимодействия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, № 2. С. 56–71.

3. Подвинцев О.Б. Факторы отторжения губернаторов-«варягов» в субъектах РФ // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России : сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции, Пермь, 14–17 октября 2014 г. Пермь, 2014. С. 399–402.

4. Гилев А.В., Шевцова И.К. Бесконфликтная арена? Эффекты введения процедуры конкурсного отбора глав местной власти в крупных городах России // Политическая наука. 2021. № 2. С. 260–281.

5. Мухаметов Р.С., Позднякова Ю.А. Модели перехода на конкурсную систему избрания мэров: опыт муниципалитетов Свердловской области // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. № 3 (28). С. 41–48.

6. Мэттью К., Сельцер Д.Г. «Свои» vs. «Чужие», «Местные» vs. «Варяги»: политические конфликты в России на локальном уровне // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2015. № 3 (3). С. 5–15.

7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.

8. Муниципальные образования Пермского края. Пермь, 2021. URL: https://www.permarea.ru/ (дата обращения: 26.12.2021).

9. Reuter O.J., Robertson G.B. Subnational appointments in authoritarian regimes: Evidence from Russian gubernatorial appointments // The Journal of politics. 2012. Vol. 74, № 4. P. 1023–1037.

УДК 94(73)

М.Д. Сыромятников

«Сделка века» – очередная ошибка в ближневосточной политике США?

Секция VII: *Восток между радикализацией и модернизацией: исторический опыт и современность*

В данной статье автор пытается разобраться в основных положениях «Сделки века» Дональда Трампа по решению арабо-израильского конфликта и ответить на несколько вопросов: является ли план «Мир во имя процветания» действительно тем самым новшеством, которого так ждал мир в попытке решить затянувшуюся проблему, или же он является лишь попыткой двух лидеров – Д. Трампа и Б. Нетаньяху – не потерять ведущие позиции в своих государствах? И насколько выгоден данный план для обеих стран?

Ключевые слова: Израиль, Дональд Трамп, Палестина, арабо-израильский конфликт, «Сделка века»

Еще во время предвыборной кампании Дональд Трамп успел отличиться рядом крайне эпатажных заявлений и обещаний. Но, как и можно было предполагать, он не выполнил практически ни одного из них. И все же была одна область деятельности, в которой Дональд Трамп достиг некоторых успехов, – арабо-израильский конфликт.

Подтвердить статус Иерусалима как столицы Израиля, приложить огромные усилия для признания Израиля арабскими странами, выйти из ядерной сделки с Ираном – это лишь небольшой список того, что Д. Трамп сделал для израильтян. Но все эти действия являлись лишь частями одного более крупного проекта, который сам Трамп именовал никак не иначе, как «беспрецедентной сделкой века» («the ultimate deal»).

План администрации президента США Дональда Трампа по налаживанию отношений между Израилем и Палестиной или, согласно официальному названию, документ под названием «Мир во имя процветания» был презентован в Вашингтоне в присутствии высокопоставленных лиц из Израиля и США 28 января 2020 г. Позднее документ был опубликован

на сайте президентской администрации Д. Трампа [1]. Над составлением плана трудилось четверо наиболее приближенных к Д. Трампу людей: главный советник Д. Трампа и, по совместительству, его зять Джаред Кушнер; американский посол в Израиле Дэвид Фридман; исполнительный вице-президент Д. Трампа Джейсон Гринблатт; советник по экономическим вопросам Дина Пауэлл [2].

План «Peacy to prosperity» состоит из двух частей и 22 разделов. Часть А представляет собой политическую основу мира между Израилем и Палестиной, в то время как Часть В содержит экономическую основу, обещающую восстановить «разрушенную Палестину».

Значительная половина Части А содержит в себе краткий экскурс в историю арабо-израильского конфликта и переговорного процесса, а завершается – критикой договорённостей, достигнутых в период с 1993 по 2001 г. Наиболее значимыми из них являются договоры «Осло-1» и «Осло-2», которые «…оставили нерешенными многие ключевые вопросы до завершения переговоров о постоянном статусе…» [3. P. 3]. От этой точки плана Д. Трамп уходит уже в сторону собственного видения сложившейся ситуации, говоря о том, что «…только всеобъемлющее соглашение в сочетании с сильным экономическим планом для палестинцев и других может принести сторонам прочный мир» [3. P. 4].

Для того чтобы более точно понять предложенные решения, «Сделку века» следует рассматривать по разделам, среди которых наибольший интерес для нас представляют:

Раздел 4. В данном разделе говорится о границах будущих государств. В основу разграничения положена резолюция СБ ООН № 242, согласно которой учитываются как необходимые для безопасности Израиля территории, так и «территориальная экспансия для палестинцев». При этом Государство Израиль и Соединенные Штаты не считают, что Израиль юридически обязан предоставить палестинцам 100 % территории, присоединённой после 1967 г. Однако же Палестинское государство должно включить в себя земли, разумно сопоставимые по размеру с территорией Сектора Газа и Западного побережья реки Иордан до 1967 г. Взамен ПНА получает для себя помощь в развитии сообщения между двумя этими зонами [3. C. 11].

Раздел 5. В данном разделе Д. Трамп подтверждает, что Иерусалим является единой и неделимой столицей Израиля, так как только он способен за-

щитить все важнейшие святыни 3 религиозных групп, а существование разделенного на части Иерусалима представляет огромную опасность для всего мира. Столица Палестины будет располагаться на окраине Восточного Иерусалима в небольшом поселении Абу-Дис, на данный момент находящемся под совместным контролем ПНА и Израиля [3. С. 14].

Раздел 16. Израильско-палестинское мирное соглашение предусматривает отказ от любых претензий, касающихся статуса беженца или иммиграционного статуса в регионе [3. С. 31].

Раздел 19 и 20. Предусматривается, что обе стороны признают Государство Палестина как национальное государство палестинского народа и Государство Израиль как национальное государство еврейского народа. Государство Палестина совместно с Арабскими странами должны прекратить поддерживать антиизраильские инициативы в ООН и других многосторонних международных организациях. Помимо всего прочего, данным разделом предусматривается сотрудничество арабских стран и Израиля в борьбе с терроризмом, а также в сдерживании Ирана, представляющего наибольшую угрозу для региона [3. С. 36].

Еще до своего официального релиза план «Peace to prosperity» был негативно встречен в мировом сообществе в силу того, что предполагал одностороннее решение конфликта в пользу Израиля. Такая же реакция постигла его и после официальной публикации на сайте Белого дома. Махмуд Аббас, лидер Палестинской автономии, объявил о прекращении действия любых договоренностей с Израилем [4]. Лига Арабских государств назвала эту программу неприемлемым нарушением договоренностей [5]. Генеральный секретарь ООН Антонио Гуттериш заявил о том, что единственный план, который он сможет принять, – это такой план, который подразумевает полное соблюдение резолюций Совета Безопасности и международного права [6].

Кроме того, план вызвал крайне неоднозначную реакцию и в самих США. Сенаторы-демократы подписали и направили президенту коллективное письмо, в котором выразили отказ от признания данной сделки по той причине, что она несет вред обоим государствам: «Ваш план нанесет вред как израильтянам, так и палестинцам, подтолкнув их к дальнейшему конфликту. У него нет нашей поддержки, и израильское правительство не должно воспринимать это как лицензию на нарушение международного права путем аннексии всего Западного берега» [7].

Таким образом, если бы «Сделка века» была реализована, палестинцы потеряли бы практически половину своей территории, получив взамен израильскую пустынную область – Холот Халуц, где предполагалось создание высокотехнологичной научной и промышленной зоны [3. P. 16]. Своими действиями США отказались от решений резолюций СБ ООН № 242, № 338 и № 1397, предусматривающих достижение территориального мира только тогда, когда будут выведены израильские войска с оккупированных в 1967 г. территорий [8]. Кроме того, план Д. Трампа фактически уничтожал все то, что было достигнуто в ходе территориального урегулирования его предшественником Дж. Бушем-младшим в результате работы «квартета» посредников по ближневосточному урегулированию (Россия, ЕС, США и ООН) и их «Дорожной карты».

Также стоит отметить, что и политическая, и социально-экономическая программы Д. Трампа в отношении Палестины и Израиля носили крайне утопический характер. Все государства, оказывающие донорскую поддержку Палестине (Ad Hoc Liaiso Committee (AHLC)), уже давно договорились о количестве выделяемых ими инвестиций [9]. И на данный момент, в условиях пандемии Covid-19 и стагнации многих мировых экономик, вряд ли кто-либо из них стал бы пересматривать свои инвестиционные обязательства. Поэтому сумма в 50 млрд долл. США не просто казалась недостижимой, но и не представляла никакого практического интереса для мирового экономического сообщества.

Как и предполагалось многими аналитиками, предлагаемый Д. Трампом план не устроил ни одну из противоборствующих сторон. Если для ПНА каждый пункт плана предполагал огромные территориальные и экономические уступки, то для Израиля в лице Б. Нетаньяху он нес в большей степени политические проблемы. Один только пункт «Сделки Века» о предоставлении палестинцам части Восточного Иерусалима неминуемо привел бы к падению влияния правительственной коалиции Б. Нетаньяху как среди еврейского народа, так и в Кнессете и дальнейшему разделению правящей партии «Ликуд» на несколько противоборствующих фракций. Наибольшую же опасность для него представлял пункт плана о создании независимого Государства Палестина, так как еще во время предвыборных выступлений на пост премьер-министра Израиля он обещал, что при нем никогда не будет создано никакой палестинской автономии. Б. Нетаньяху заявлял о том, что любой, кто собирается сегодня создать палестинское государство,

«…превращает нашу землю в плацдарм для нападений исламских экстремистов на Государство Израиль» [10].

Представляется очевидным, что своей политикой в отношении Израиля и столь близкой к выборам президента США публикацией плана «Peace to prosperity» Д. Трамп стремился поднять свой авторитет в сознании еврейского лобби Соединенных Штатов, но никак не решить конфликт палестинцев и евреев. Американский президент уже прибегал к подобному шагу в своей первой предвыборной гонке 2016 г. во время выступлений на AIPAC [11] и на других мероприятиях, ведь еврейское лобби всегда являлось сильной опорой для любого из президентов США.

Тем не менее хотя данному плану и не удалось решить арабо-израильскую проблему, благодаря Дональду Трампу были сделаны значительные шаги в сторону её урегулирования. В данном контексте ведется разговор о «Соглашениях Авраама», прямо вытекающих из «Сделки века». Установление дипломатических связей между Израилем, с одной стороны, и ОАЭ, Бахрейном и Марокко – с другой, является не обычным, а одним из самых значимых событий века, способных приблизить конфронтацию на Ближнем Востоке к своему логическому завершению и направить страны региона на общее развитие и взаимное признание. Есть все основания полагать, что это новый толчок к нормализации отношений, и он поможет в деле поиска компромисса в израильско-палестинском конфликте. Как правильно отметил Дэвид Маковский из Вашингтонского института ближневосточной политики в интервью газете The Washington Post, «история и здравый смысл показывают, что арабские государства, поддерживающие дипломатические отношения с Израилем, играют более активную роль в поддержке устремлений палестинцев, чем те, кто этого не делает» [12].

Источники и литература

1. PM Netanyahu's remarks at the joint statements with U.S. President Donald Trump at the White House in Washington, DC // Gov.li. Israeli, 2020. URL: https://www.gov.il/en/Departments/news/event_peace_plan280120 (access date: 20.10.2021).

2. Крылов А.В. Подходы администрации Д. Трампа к ближневосточному урегулированию // Международная аналитика. 2018. № 3. С. 82–88.

3. Peace to prosperity. A Vision to Improve the Lives of the Palestinian and Israeli People // WhiteHouse.gov. Washington, 2020. URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/peacetoprosperity/

4. Anger erupts over Jerusalem embassy move; Palestinian president claims world support // Arab News. [S. l], 2022. URL: https://www.arabnews.com/node/1205596/middle-east

5. Arab Envoys at Trump's Peace Plan Unveiling Were Misled, Diplomat Says // Haaretz. 2020. 1 February.
6. Jacob Eriksson. Master of None: Trump, Jerusalem and the Prospects of Israeli–Palestinian Peace // Middle East Policy. 2018. 04 June.
7. «This is not a peace plan; it is theft»: Democrats denounce Trump's Israel–Palestine plan // Middle East Eye. 2020. 28 January.
8. Резолюции Совета Безопасности ООН 1973 года // Совет Безопасности ООН. [S. l], 2022. URL: https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions–adopted–security–council–1973
9. Пеньков В.Ф., Алфедейлат Ф. «Сделка века»: возможные сценарии будущего политического режима палестинского государства // Мировая политика. 2020. № 1. С. 23–36.
10. Benjamin Netanyahu Administration: Speech at Opening of Knesset Winter Session // Jewish Virtual Library. 2011. 31 October.
11. Donald Trump's Speech to AIPAC // Time. 2016. 21 March.
12. Makovsky D., Daniel B. Shapiro Here's how Palestinians could benefit from the diplomatic deal between Israel and the United Arab Emirates // The Washington Post. 2020. 9 September.

УДК 902.2

А.Д. Тихонова

Грунтовый могильник с керамикой вольско-катакомбного типа в Саратовском правобережье

Секция VIII: *Диалектика прошлого, настоящего, будущего в археологическом и краеведческом контексте*

В статье рассматриваются особенности погребальных обрядностей и подъемного материала обнаруженного памятника эпохи бронзы – Трубино-1. Наибольший интерес представляет керамический сосуд, расчищенный в одном из погребений. Вследствие сравнения с наиболее яркими ему аналогами новый памятник был отнесен к вольско-катакомбному типу. Исследование поднимает проблему, связанную со сложными процессами культурогенеза, приобретающими активную динамику в ходе деструкции культур эпохи средней бронзы и формирования новых культурных блоков позднего бронзового века.

Ключевые слова: Саратовское правобережье, бронзовый век, вольско-катакомбный тип, могильник, керамика

В сентябре 2020 г. между двумя крупными селами Золотое и Нижняя Банновка Красноармейского района Саратовской области был обнаружен

новый памятник эпохи бронзы – грунтовые погребения, частично нарушенные активной овражно-балочной эрозией. Работы были обусловлены постоянной необходимостью наблюдений за состоянием разрушающейся высокой террасы. Данный участок Красноармейского района Саратовской области давно привлекает к себе внимание, поскольку по сравнению с прочими частями этой административной единицы археологически изучен гораздо слабее.

В обозначенном районе направление береговой линии ориентировано с СВВ на ЮЗЗ (рис. 1, 2). Высота отвесной стенки берега местами достигает 20 м. Узкая полоса бичевника между урезом воды и отвесным обрывом сложена намывной галькой древних измельченных палеогеновых пород опочно-мергелевого характера. Здесь отмечена очень активная поверхностная денудация (изрезанность берега балочно-овражными системами). Эти множественные обнажения вскрыли места разрушений древнего памятника, который получил название «Грунтовый могильник у с. Трубино».

Рис. 1. План местности между селами Золотое и Трубино

Рис. 2. Берег Волги между селами Золотое и Трубино (космоснимок)

В мае 2021 г. в таком обнажении небольшого овражка был заложен пробный раскоп на месте выхода скелетного материала (рис. 3).

Раскоп был разбит над выходами двух захоронений (рис. 4). Оба погребения существенно нарушены овражной эрозией: погребение 2 – приблизительно на 40 %, а погребение 3 – на 65%. Грунт в раскопе разрабатывался вручную, условными пластами по 0,2 м. В ходе выборки грунта около северного борта (СБ-2) на глубине 50 см от нулевого репера был обнаружен каменный предмет, скорее всего, оставленный на уровне древнего го-

ризонта. Морфология этого предмета не вполне ясна, он не имеет явных следов обработки, но мог использоваться в качестве небольшой наковаленки или подставки. Судя по его расположению, он мог иметь отношение к погребению 2, край которого зафиксирован в 0,5 м южнее.

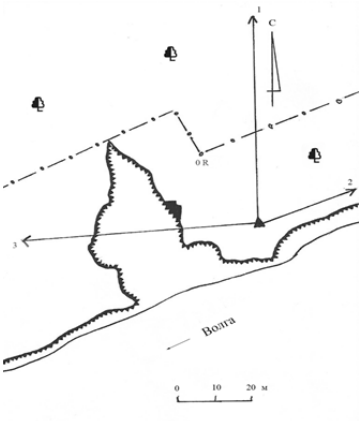

Рис. 3. План грунтового могильника «Трубино-1»

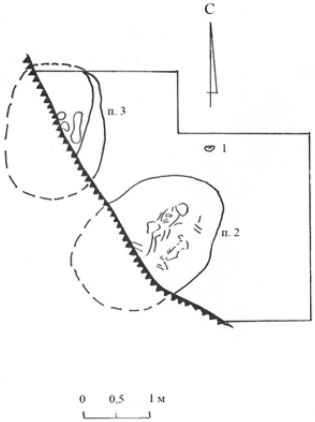

Рис. 4. Раскоп на грунтовом могильнике «Трубино-1»

Погребение 2[1] расчищено в южной части раскопа. Оно было устроено в простой грунтовой яме овальной формы, продольная ось которой ориентирована с юго-запада на северо-восток. В могиле обнаружено два скелета (рис. 5). Скелет взрослого человека (женщина?) находился ближе к северной стенке, умерший погребен скорченно на левом боку, с заметным завалом на грудь, в позе «скачущего всадника». Руки слабо подогнуты в локтях и направлены к коленям. Ноги согнуты в коленях, стопы отсутствуют, скорее всего, они обрушены овражной осыпью. Около левого крыла таза зафиксирована крупная бусина, изготовленная из створки раковины Unio (рис. 7, *2*). К юго-востоку от скелета взрослого человека расчищены скелетные останки ребенка, который был погребен аналогично на левом боку, в позе «скачущего всадника». Его череп был разрушен,

[1] Погребение 1, о котором сообщали туристы, было полностью разрушено овражной осыпью, в которой найдены некоторые разрозненные кости скелета и фрагменты лепного сосуда.

затылочная часть смещена со своего места к северо-западу, рядом зафиксировано скопление косточек мелких частиковых рыб. В 25 см к северу от скелета ребенка обнаружены компактно сложенные шипы спинных плавников крупных сазанов, которые были мелко фрагментированы.

В полуметре к северо-западу от погребения 2 зафиксировано погребение 3, также устроенное в грунтовой яме, имеющей вытянутую овальную форму (рис. 6). Скелетные останки обнаружены не были (очевидно, они обрушены овражной эрозией), но в центральной части погребения in situ сохранились глиняные сосуд и жаровня, а восточнее – запрессованные стенки норы грызуна.

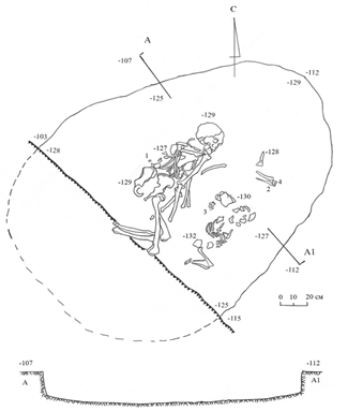

Рис. 5. Грунтовый могильник «Трубино-1». Погребение 2: *1* – бусина; *2, 4* – шипы спинных плавников сазанов; *3* – косточки мелких частиковых рыб

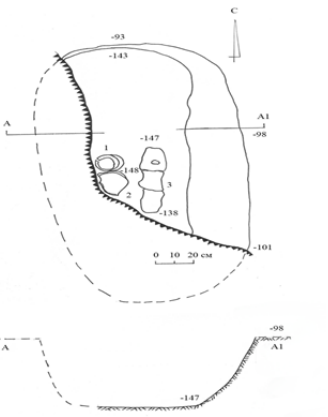

Рис. 6. Грунтовый могильник «Трубино-1». Погребение: *1* – глиняный сосуд; *2* – жаровня; *3* – стенки норы грызуна

Наибольший интерес в сопроводительном инвентаре представляет лепной сосуд из погребения 3, средних пропорций и небольших размеров со сложным орнаментом, выполненным зубчатым штампом и покрывающим всю внешнюю поверхность (рис. 7, *1*). Цвет внешней поверхности сосуда преимущественно темный, сажистый, с осветленными коричневыми пятнами неравномерного обжига. На изломе черепок плотный, черный, заметны включения песка и шамота.

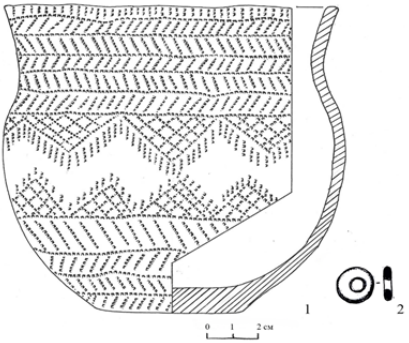

Рис. 7. Материалы раскопа 2021 г. памятника Трубино-1:
1 – керамический сосуд; *2* – бусина

В построении декора заметна узкая горизонтальная зональность, отдельные сюжеты орнамента размещаются в горизонтальных зонах, строго очерченных разделительными линиями. Преобладающие сюжеты – это наклонные горизонтальные ряды, выполненные короткими оттисками штампа. Пять рядов наклонены в правую сторону, четыре – в левую, и один ряд, под самым обрезом устья, составлен строго вертикальными оттисками. Наиболее сложная часть декора располагается в середине, на максимальном расширении тулова. Здесь изображены два ряда штрихованных треугольников с бахромой, верхний ряд – свисающие треугольники, нижний – обычные. Штриховка треугольников выполнена в виде прямой решетки.

Обнаруженный сосуд относится к вольско-катакомбной группе (рис. 8), выделенной на основе материалов памятников нижневолжского правобережья и степного Заволжья [1. С. 74, рис. 4]. Катакомбно-вольское взаимодействие четко прослеживается в подборке керамических находок в курганах и на поселениях к западу от Приволжской возвышенности и в заволжской степи. Среди заметных общих тенденций подборки можно выделить такие, как средние размеры сосудов, их приземистость, в сравнении с вольской группой, и очевидная преемственность с вольской классикой по оформлению закраин венчиков и построению композиций декора. В данной группе характерные профилировки сосудов, которые были заимствованы из среднедонских катакомбных традиций, обобщенно воспринимаются как кубковидность форм с высокими раструбовидными венчиками [2. С. 26].

Декор вольско-катакомбной группы заметно отображает преемственность с вольской и полтавкинской классикой, однако доминирующая «елочка» и присутствие крученого шнура являются признаками катакомбной типизации.

Наиболее ранний блок сосудов с аналогичной узкозональной орнаментацией (рис. 8, *1–3*) был выделен П.Д. Рау в качестве особой ступени («poltavkerstufe») в ходе анализа культур эпохи бронзы в схеме П.С. Рыкова [3. S. 51. Table III, *4*].

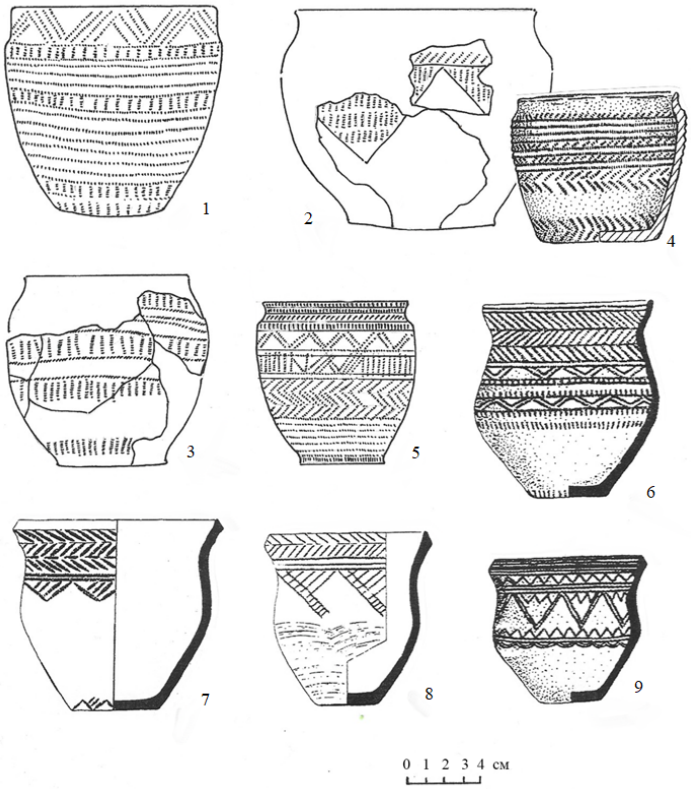

Рис. 8. Аналоги трубинскому сосуду в погребениях Нижнего Поволжья:
1 – Е26: 3; *2* – D37: 7/7; *3* – D37: 7/6; *4* – Ефимовка 4: 2/1; *5* – Колобовка IV: 6/12;
6 – Барановка I: 10/7; *7* – Советское: 2/14; *8* – Белогорское I: 15;
9 – Белогорское I: 28

Данное обстоятельство учитывалось позже при анализе памятников вольского типа в ходе многолетних дискуссий и попыток точной культурно-хронологической интерпретации «вольска», поскольку помимо сходства в орнаментальном оформлении сосудов в одних с ними комплексах обнаруживались металлические изделия полтавкинского времени, в частности, топоры колонтаевского типа [4. С. 8–9].

Среди аналогов следует отметить также сосуды более позднего полтавкинского облика с коротким уступчатым плечиком, но таким же узкозональным декором (рис. 8, *4, 5*). Принципиально важным здесь является изменение погребальной обрядности (переход от широких прямоугольных и квадратных могил, скорченности на спине с восточной ориентировкой к более узким формам могильных ям, подпрямоугольных и овальных с положением на боку в позе «скачущего всадника» и северной ориентировкой). Такая обрядность отмечена, например, в погребении 1 из кургана 2 в курганном могильнике Ефимовка 4 [5. Табл. XXXVIII, *6*, *7*] и погребении 12 из кургана 6 в могильнике Колобовка IV [6. С. 192, рис. 7, *7, 9*].

Вероятно, наиболее поздняя группа сосудов с узкозональной орнаментацией имеет в себе наибольшее количество катакомбных черт (рис. 8, *6–9*).

В детском кенотафе курганного могильника Барановка I расчищен сосуд, форма которого близка к поздним среднедонским катакомбным прототипам, но орнамент аналогичен вольским канонам [2. С. 29]. Этот комплекс является основным в кургане, а его могильная яма оформлена заплечиками и имеет северную ориентировку [7. С. 98, рис. 1*, 4, 5*].

Материалы эпохи средней бронзы в курганном комплексе с керамикой вольско-катакомбного типа около пос. Советское [8. С. 84–97] иллюстрируют характерные особенности традиции соответствующих погребальных обрядов. В одном из захоронений расчищен скелет взрослого человека, который был погребен головой к северо-востоку в позе «скачущего всадника» на левом боку с разворотом на спину. В ногах взрослого человека зафиксирован скелет ребенка, а между обнаруженными скелетами – развал сосуда с примесью шамота, орнамент которого в верхней части до места максимального расширения представлен косо штрихованными треугольниками и трехрядной «елочкой» и выполнен гребенчатым штампом (рис. 8, *7*).

Векторы взаимодействия на рубеже средней и поздней бронзы иллюстрируются памятником Белогорское I, в котором были зафиксированы два комплекса с сосудами вольско-катакомбного типа (рис. 8, *8, 9*). Одно из погребений (№ 15) представляет собой захоронение двух детей, их скелеты располагаются на левом боку с ориентировкой на север, один в позе адорации, второй – «скачущего всадника». Между ними – кубковидный сосуд с орнаментом в виде однорядной «елочки» и косо штрихованными треугольниками, переходящими в узкую лесенку [9. С. 105, рис. 4, *Д, 3*].

Второе захоронение (№ 28) является детским кенотафом с меридиональной ориентировкой ямы, в которой обнаружен сосуд вольско-катакомбного типа [9. С. 108, рис. 6, *Г, 2*].

Все рассмотренные погребения различных памятников имеют общие черты с погребениями «Трубино-1», что подтверждает его определение как памятника вольско-катакомбного типа. Памятники этого типа связаны с периодом общего распада и деструкции катакомбного мира. Их можно помещать в начале формирования многочисленных постката-комбных формирований в аридной зоне Нижнего Поволжья (ориентировочно рубеж III–II тыс. до н.э.).

Источники и литература

1. Лопатин В.А. Вольско-лбищенский вектор культурогенеза // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов : Научная книга, 2012.

2. Лопатин В.А. Начало эпохи поздней бронзы на севере Нижнего Поволжья. Саратов : Изд-во СГУ, 2014. 290 с.

3. Rau P. Hokergraber der Wolgasteppe. Pokrowsk, 1928. 112 p.

4. Качалова Н.К. О локальных различиях в полтавкинской культурно-исторической общности // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1983. Вып. 24. С. 4–19.

5. Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002. 227 с.

6. Кияшко А.В., Малов Н.М., Дьяченко А.Н. Новые данные по эпохе средней бронзы степного Заволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2002. Вып. 5. С. 180–193.

7. Сергацков И.В. Погребения эпохи бронзы I Барановского могильника (раскопки 1987–1988 гг.) // Древности Волго-Донских степей. 1992. Вып. 2. Волгоград, 1992. С. 97–105.

8. Баринов Д.Г. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Вып. 1. Саратов, 1996.

9. Дремов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 г. Саратов, 1996.

УДК 94(571.53)

В.В. Ткачев

Общественная инициатива жителей Иркутской губернии в организации и проведении художественных мероприятий второй половины XIX – начала XX в.

Секция IV: *Городская и сельская истории: социальные общности и культурные практики*

В исследовании рассматривается участие общественности в организации и проведении художественных мероприятий Иркутской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Анализируются источники личного происхождения, которые передают впечатления посетителей о прошедших событиях, замечания организаторов. Цель исследования состоит в том, чтобы определить, как общественная инициатива влияла на процесс формирования художественного пространства Иркутской губернии второй половины XIX – начала XX в.

Ключевые слова: история Сибири, Иркутская губерния, городская культура, художественная жизнь, источники личного происхождения, общественное мнение

Исследования по истории Иркутской губернии стремятся выявлять уникальные архивные документы, которые раскрывают с разных сторон жизнь и деятельность известных купцов, учёных, художников, педагогов и других представителей общественности. Особенностью развития Иркутской губернии второй половины XIX – начала XX в. является то, что появляются свои собственные коллекционеры, которые создавали собрания предметов искусства. Чтобы восстановить историю передвижения произведений, проследить динамику посещаемости художественных мероприятий, впечатления посетителей, необходимо использовать источники личного происхождения коллекционеров. Эпистолярное наследие разных представителей общественности: купеческого сословия (В.Н. Баснин, А.М. Сибиряков, В.П. Сукачев, М.Д. Бутин, М.Я. Лейбович) и деятелей культуры (Р.С. Пророков, А.Н. Турунов) – отвечает на важные вопросы о том, как предметы искусства поступали в собрания, как создавались выставочные пространства, с какими трудностями сталкивались организаторы и т.д.

Во второй половине XIX – начале XX в. происходил процесс приобщения жителей Иркутской губернии к отечественному и зарубежному искусству. Важным условием в проведении любого художественного меро-

приятия является то, что в этих событиях должны были принимать участие специалисты, коллекционеры, которые хорошо понимали все особенности построения экспозиций, музейной работы. Деятельность интеллектуалов, таких как Р.С. Пророков, А.Н. Турунов, М.Я. Лейбович, была направлена на развитие художественного пространства. В данный период активно расширяют свою деятельность общественные и научные организации по приобщению жителей к предметам искусства. Художники, коллекционеры поддерживали работу иркутских учёных и совместно с ними участвовали в создании выставочных пространств, где знакомили городское общество с живописными полотнами и другими ценными экспонатами.

В настоящем исследовании используются материалы фондов Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ВСОИРГО) (ГАИО. Ф. 293) и Н.С. Романова (ГАИО. Ф. 480), входящих в состав Государственного архива Иркутской области, и личные дела художников, коллекционеров из собрания Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева.

Жизнь и деятельность коллекционеров, художников изучали многие сибирские исследователи. В трудах В.Ф. Чиркова, Б.С. Шостаковича, А.Д. Фатьянова, Ю.П. Лыхина и др. восстановлена история формирования собраний предметов искусства в Иркутской губернии [1. С. 8–13; 2. С. 1007; 3. С. 35; 4. С. 20; 5. С. 9]. Изучению особенностей культурного взаимодействия между разными представителями городского общества посвящены работы В.П. Шахерова [6].

Таким образом, исследователи разных направлений изучали жизнь и деятельность коллекционеров и художников, но многие аспекты, связанные с перемещением предметов искусства между разными владельцами коллекций, включением известных живописных полотен в состав передвижных выставок в Иркутской губернии второй половины XIX – начала XX в., не представлены в полной степени. Данное исследование, используя новые источники, восстанавливает историю формирования собраний предметов искусства и создания выставочных пространств для жителей региона.

Источники личного происхождения иркутских коллекционеров можно разделить на следующие разделы: переписка о художественной жизни Иркутской губернии, письма об организации выставок и приглашение художников, переписка по изучению истории формирования собраний предметов искусства [7]. Рассмотрим несколько документов, которые

входят в состав архива Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева и Государственного архива Иркутской области.

Первый блок источников раскрывает особенности развития художественной жизни Иркутской губернии, где деятели культуры дают определенную оценку данному процессу. Так были выявлены письма и переписка А.Н. Турунова и Н.С. Романова в 1920-е гг. (из Москвы в Иркутск) о написании книг по истории Сибири, обсуждение «Программы исторического и статистико-экономического описания города Иркутска» (1892), художественных мероприятий в Иркутской губернии и т.д. [8].

Второй блок показывает то, как общество проводило выставки и приглашало художников из разных городов. Так, сохранились письма по реализации научно-промышленных и других тематических, выставочных и научных проектов при музее ВСОИРГО. Переписка Р.С. Пророкова с М.Я. Лейбовичем в 1917 г. доказывает то, что иркутское общество стремилось провести выставку сибирских и западных мастеров на высоком уровне, так как у города были представлены такие возможности. В одном письме от 1917 г. М.Я. Лейбович писал Р.С. Пророкову: «Наконец-то я собрался вам написать письмо. В переписке я без хвастовства могу сказать, что смог бы устроить в Иркутске выставку нисколько не хуже, чем любая выставка в Москве, так как я заведал отношения со многими художниками всех направлений и лагерей. Но физически сил хватает, чтобы всё это устроить и наладить сроки более в такое время. Эти две недели прошли, как в волшебном, есть несбыточном мечтании, осуществлении как по месту, а также несколько дней без всяких осложнений и трений, по крайней мере, в Москве» [9].

Многие художественные мероприятия Иркутской губернии проводил известный собиратель предметов искусства и исследователь художественной жизни региона Р.С. Пророков (1858–1936). Руфин (Руфим) Самойлович – член распорядительного комитета ВСОИРГО, заведующий астрономической обсерватории. В его собрании были работы сибиряков В.Д. Вучичевича-Сибирского, Г.И. Гуркина, Н.В. Лодейщикова, И.Г. Шешунова, а также этюды самого известного представителя русской художественной школы, создателя исторических полотен В.И. Сурикова. После кончины его вдова передала Иркутскому областному художественному музею им. В.П. Сукачева несколько картин из его коллекции, а также весь архив Р.С. Пророкова, связанный с организацией выставок,

переписку с художниками, фотографии отдельных картин и экспозиции в музее ВСОИРГО, каталоги и списки экспонированных произведений с оценкой их стоимости для продажи. Под его руководством в Иркутске было проведено 9 художественных выставок с 1909 по 1917 г. [10].

Также Р.С. Пророков осуществлял переписку с общественными организациями по привлечению талантливых художников. В качестве примера можно привести его письмо как члена Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества от 11 марта 1904 г.: «Несколько художников любителей обратились ко мне с просьбой возбудить ходатайство о разрешении им выставить в помещении музея масляные и акварельные картины. Имею честь внести этот вопрос на рассмотрение Распорядительного комитета» [11].

Третий блок источников рассказывает о том, как формировались собрания предметов искусства в домах коллекционеров Иркутской губернии. В одном письме к сотрудникам Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева А.Н. Турунов сообщал интересные сведения о сибирских художниках и о работах, которые выставлялись коллекционерами Иркутской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Он писал: «Уважаемые товарищи! Ваш ответ на запрос о работах художника М.И. Пескова получил. Благодарен за сообщение сведения и обещание прислать фотоснимки с имеющихся у Вас двух художественных работ М.И. Пескова. Было бы интересно собрать в Вашем музее фотоснимки всех известных работ этого художника. Возможно, что в Иркутске можно найти и другие его работы. Я уже сообщал Вам, что на выставке “Старый Иркутск” (кажется в 1914 г.) экспонировались два портрета его работы “Лаврентьевых” (из собрания Собакарёва). Возможно, что они и сейчас имеются в семье Собакаревых. Жена Собакарева урождённая Лаврентьева. Хорошо бы сфотографировать эти портреты. Собакаревы жили где-то в районе улицы Желябова (б. Мало-Трапезниковая). На выставку “Старый Иркутск” приходила сестра М.И. Пескова и обещала дать сведения о художнике, но тогда никто не заинтересовался и даже не спросили её адреса. Позднее в местной газете печатали вызов к работам М.И. Пескова, но никто на него уже не откликнулся». Историк сообщает также о том, что недавно в Иркутске умер Р.С. Пророков (1936 г.), который много лет заведовал астрономической обсерваторией. Он сохранил записи о сибирских художниках и о создании своих живописных полотен, так как

принимал активное участие в устройстве художественных выставок и общался со многими мастерами в начале XX в. [12].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. общественность активно участвовала в важном процессе – в формировании художественной жизни Иркутской губернии, приобщении жителей к предметам изобразительного искусства. Многие сюжеты, связанные с организацией и проведением художественных мероприятий, коллекционированием, знакомством гостей купеческих домов с картинами сибирских и западных мастеров, отражены в источниках личного происхождения: письмах, переписке, дневниках. Данные документы передают внутренний мир человека, его размышления о действительности, отражают процесс изучения интересов владельцев собраний картин, рисунков, эскизов, скульптуры и книг. Эпистолярное наследие коллекционеров, которое сохранилось в архивах Иркутской области, даёт возможность понять, как развивалась художественная жизнь в регионе.

Источники и литература

1. Снытко Л.Н. Завещано потомкам : художественная коллекция В.П. Сукачева в Иркутске : художественный альбом. Иркутск : Артиздат, 2009. 237 с.

2. Чирков В.Ф. Изобразительное искусство Сибири XVII – начала XXI в. // Словарь-указатель : в 2 т. Т. 1. Тобольск : Общественный Благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2014. 1648 с.

3. Лыхин Ю.П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века). Иркутск : Тальцы, 2002. 334 с.

4. Фатьянов А.Д. Судьба сокровищ. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1967. 168 с.

5. Фатьянов А.Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. 192 с.

6. Шахеров В.П. Роль купечества в становлении художественной жизни городов Байкальской Сибири в конце XVIII – XIX в. // Материалы научной конференции «Сукачевские чтения – 2020». Иркутск, 2020. С. 14–22.

7. Ткачев В.В. Деятельность городского общества в процессе формирования художественной жизни Иркутска второй половины XIX – начала XX в. // Социальные и гуманитарные исследования сегодня: непредсказуемое прошлое, неопределенное будущее: сборник материалов XVI Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 21–23 апреля 2021 г.) / отв. ред. Д.Н. Шевелев, И.А. Дунбинский. Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. Вып. 16. С. 531–536.

8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 480. Оп. 1. Д. 252. Л. 5.

9. Архив Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева (Архив ИОХМ). Личное дело М.Я. Лейбович. Л. 7.

10. Архив ИОХМ. Личное дело Р.С. Пророкова. Л. 2.
11. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 282. Л. 10.
12. Архив ИОХМ. Личное дело А.Н. Турунова. Л. 3.

УДК 930.27

Д.А. Федотова

Роль заказчика и камнереза в формировании текстов эпитафий каменных надгробий Урала конца XIX – начала XX в.

Секция VIII: *Диалектика прошлого, настоящего, будущего в археологическом и краеведческом контексте*

В статье предпринята попытка рассмотреть эпитафии каменных надгробий как явление культуры, для которого характерно двойное авторство. Использован метод текстологического анализа для выделения композиционных частей эпитафий: оригинальных текстов, сформированных заказчиками надгробия, текстовых клише, характерных для христианских надгробий. Выявлено, что камнерезы применяли систему сокращений для экономии материала.

Ключевые слова: некрополистика, эпитафии, надгробия, текстологический анализ, камнерезное искусство

Со второй половины XIX в. в провинциальной некрополистике, объектами которой являются захоронения за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, утвердилась практика использования эпитафий в качестве источника информации о погребенном на конкретном кладбище. Надгробные надписи заносились в каталоги, по ним проводился архивный поиск с целью установления фактов биографии и генеалогических связей усопших. Этот подход сохраняется и в настоящее время, ощущается недостаток исследований, где эпитафии рассматриваются как части языковой культуры конфессиональных и экономических групп населения определенной территории. Авторы немногочисленных работ фокусируются на анализе композиции текстов надгробных надписей единичных памятников, принадлежащих значимым персонам (в локальной истории) и реконструкции истории памятника. Например, в статье Я.А. Шаврина и А.Ю. Братухина проанализировано происхождение композиционных частей эпитафии памятника кандидата богословия Антония Шостаковского, обнаруженного на Егошихинском кладбище Перми, с целью «проследить

преемственность в развитии жанра эпитафии от античности до XIX в.» [1. С. 151]. В подобных текстологических исследованиях только частично упоминается роль камнереза в формировании эпитафии, которая заключалась в копировании текста при допущении ошибок в резьбе [1. С. 149].

В данной статье предпринимается попытка исследования ряда эпитафий как части языковой культуры локального сообщества, а именно заводского населения Урала на рубеже XIX–XX вв. За основу взят подход, рассматривающий процесс создания надгробия как практики языковой культуры, в которой принимают участие два актора: заказчик и камнерез. Целью исследования является определение ролей акторов в создании источника. В более широкой перспективе понимание соотношения ролей заказчика и камнереза в создании элемента погребального комплекса (надгробия) позволит проследить проблему границ интимного и публичного в отношении к смерти членов общества. Язык эпитафии в концепции Ф. Арьеса выступает индикатором эволюции этого отношения в западном обществе [2]. Источниками исследования являются полевые материалы автора – 13 надписей на надгробиях кладбища села Мраморского Свердловской области, установленных в период с 1890 по 1920 г. и обнаруженных методом натурного обследования. Используется метод текстологического анализа композиционных частей эпитафии, заимствованный из упомянутой выше работы.

В результате проведения текстологического анализа выявлено две типичные для данного кладбища композиции эпитафии. Первый вариант – композиция, состоящая из трех частей: 1 – начертание тринитарной формулы или христианских клише («мир праху твоему», «здесь покоится тело»), 2 – информация о покойном (возраст, дата и обстоятельства смерти), 3 – обращение к покойному в стихотворной или прозаической форме. Второй вариант композиции эпитафии предполагает отсутствие обращения к умершему, такие надписи фиксируют даты рождения и смерти с добавлением характерной для христианских надгробий клише или тринитарной формулы.

Для каменных надгробий кладбища села Мраморского характерно использование сокращений в начертании названий месяцев («ф.» – февраль, «д.» – декабрь), слов: «скончалась/скончался», «года», «лет» («ск.», «г.», «л.»). Сокращения, однако, не могут быть особенностью данной камнерезной школы, так как в целях экономии материала сокращения использовались уже авторами римских эпитафий архаического периода [3. С. 80]. Также особенностями текста эпитафий исследуемого некрополя является

пренебрежение правилами пунктуации в некоторых случаях. Роль камнереза, исходя из этого, заключается в адаптации (сокращении) текста для возможности его нанесения на модель памятника, в котором значительное место занимают архитектурные элементы. Зафиксированы случаи начертания текста эпитафии внутри архитектурного элемента при наличии свободного места в другой части памятника. Например, эпитафия одного из надгробий в виде колонны состоит из одного лишь обращения к погребенной: «Мир праху твоему дорогая дочь Лида» и не имеет никаких других указаний на личность покойного и биографических данных. Часто эпитафии помещались в элементы в виде растительной символики (лавровые венки, дубовые листья). Для начертания некоторых эпитафий характерно использование нескольких шрифтов в одной композиции.

Заказчик надгробия выступает автором оригинальных частей текста эпитафии (посланий усопшему, подробностей биографии). Авторами посланий и биографических ссылок могут быть родственники или супруги погребенных, на это указывают и эмоциональный характер обращений, и детали биографии с обстоятельствами смерти. Примером надписей эмоционального характера может служить эпитафия памятника Марии Петровны Пановой: «Мир праху твоему дорогая и любимая жена» (пунктуация автора сохранена). Подробные обстоятельства смерти содержатся в части эпитафии надгробия Анны Васильевны Самойловой: «скончалась 1896 г. 18 Марта в 10 часов вечера, житія ея 47 летъ 7 месяцевъ 23 дня» (орфография и пунктуация автора сохранены).

Надгробие, таким образом, является эмоциональным посланием умершему от «переживающих его смерть». Отсюда можно сделать вывод, что стиль эпитафий локального общества горнозаводского Урала конца XIX – начала XX в. указывает на бытование представлений о смерти, характерных для «четвертого этапа в многовековой эволюции в переживании смерти», по Ф. Арьесу [4. С. 137]. Так называемая «смерть твоя» проявляется в рефлексивном характере посланий, посвященных мотивам загробной жизни. На могильной плите Юанны Егоровны Южаковой встречается эпитафия в стихотворной форме:

(первая строка нечитаема ввиду плохой сохранности)
Ведь есть мир другой
Где сегодня или завтра
Можно встретиться со мной.

Композиционно модель эпитафии отражает сочетание интимного переживания смерти (оригинальные тексты и послания) и публично принятого в христианской конфессии образца запечатления фактов смерти (через клише и тринитарную формулу). Для надгробия характерно «двойное авторство», когда на формирование текста эпитафии влияют замысел заказчика и устоявшаяся практика работы с материалом камнереза. Надгробные памятники кладбища села Мраморского являются типичными для христианской конфессии, состоят из части, удостоверяющей личность покойного, и части, посвященной религиозным мотивам (обращение к Богу, размышления о загробном мире) [4. С. 137].

Исследование ограничено тем, что часть каменных надгробий кладбища села Мраморского была утеряна в результате практики перезахоронений, трудностями прочтения текстов эпитафий из-за плохой сохранности материала.

Источники и литература

1. Шаврин Я.А., Братухин А.Ю. Латинская эпитафия на Егошихинском кладбище Перми // Мировая литература в контексте культуры. 2020. № 11 (17). С. 147–151.

2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / пер. с фр. С. Оболенской. М. : Прогресс, 1992. 528 с.

3. Федорова Е.В. Введение в латинскую эпиграфику. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 256 с.

4. Горностаева Н.А. Эпитафия как отражение отношения общества к смерти (на материале англоязычных эпитафий) // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. № 2–1. С. 136–138.

УДК 902/01

А.Д. Харланович

Археология деревни Силина (по итогам полевых работ 2021 г.)

Секция VIII: *Диалектика прошлого, настоящего, будущего в археологическом и краеведческом контексте*

В результате разведочных работ на территории бывшей деревни Силина в 2021 г. собрана коллекция подъемных материалов. В статье проводятся подсчеты, описание и классификация обнаруженной керамики на этом памятнике. Привлекаются материалы памятников русского населения на территории Сибири, а именно Красноярского острога, с подворья Летне-

го дома архиерея в Красноярске и Омского Прииртышья, прослеживаются аналогии в находках из этих памятников, делается вывод о возрасте найденных материалов.
Ключевые слова: Новое время, Красноярская лесостепь, русская археология, керамика, типология, деревня

Исследования археологии русского периода на территории Енисейской Сибири редки и обрывочны. Все чаще обнаруживаются памятники русского периода истории Красноярской лесостепи. Находки собираются, но не всегда публикуются. Существует потребность в более полном изучении материалов периода русской археологии в Сибири. Это позволит целостно взглянуть на картину быта русского человека и его жизни в Красноярской лесостепи [1].

В статье публикуются материалы подъемных сборов лета 2021 г., собранные на берегу реки Мингуль, на территории существовавшей ранее деревни Силина. На террасе зафиксированы многочисленные котлованы, один из которых был нарушен грабительскими ямами. Собрана коллекция археологических материалов русского времени. А именно: керамическая посуда, включая фарфоровые и фаянсовые изделия, фрагмент стеклянного предмета, железные ножницы, металлическое кольцо, пластмассовая пуговица, стремя из железа.

Посуда представлена 72 фрагментами, из них 15 фрагментов фаянсовой и фарфоровой посуды, 56 черепков гончарной керамики. Сосуды выделены по сохранившимся верхним частям (венчикам). В коллекции представлена посуда четырех категорий: кухонная, столовая, техническая и для хранения.

Кухонная посуда. Горшки (11 экз.) – сосуды с шаровидным туловом и профилированной невысокой шейкой. Толщина стенок изделий от 0,4 до 1,6 см. Изготовлены на гончарном круге. Три изделия покрыты глазурью коричневого и зеленого цвета с внутренней и внешней стороны. На зеленом горшке шейка украшена горизонтальными прочерченными линиями. Еще один экземпляр без поливы украшен прочерченной волнистой линией в зоне плечиков. Аналоги глазурованного горшка были обнаружены в Красноярске на памятнике Успенского монастыря, датируемого концом XIX – XX в. [2]. Также поливная керамика обнаружена в Красноярске на подворье Летнего дома архиерея и датируется концом XIX – первой третью XX в. [1].

У семи сосудов поверхность дополнительно не обработана. Цвет сосудов от светло-коричневого до черного. На трех сосудах есть следы нагара. Обнаружен горшок, частично сохранивший форму закрытого типа, венчик прямой в сечении, на плечике двумя прочерченными линиями сформирован валик. Дно плоское со следами снятия с гончарного круга. Высота 13 см, диаметр дна 9,5 см. Аналогии по форме изделия прослеживаются на памятниках русского комплекса Омского Прииртышья [3]. На Красноярском остроге аналогичная посуда датируется XVI–XVIII вв. [4].

Сковородки (2 экз.) – открытые низкие утолщенные сосуды для запекания и жарки. Отнесены к подтипу сковородок с резко сужающимися ко дну стенками [3]. Высота бортиков от 4,5 до 6,5 см. Поверхность изделий дополнительно не обрабатывалась, все они серо-коричневого цвета. В коллекции Красноярского острога имеются аналогии XVI–XVIII вв. [4].

Столовая посуда. Тарелки и блюдца (6 экз.) из фарфора и фаянса. Венчик блюдца украшен узкой голубой каймой, на борте частично сохранилось изображение растения, нарисованное зеленой краской. На донышке частично сохранилось клеймо красного цвета «Тва МСКУЗНЕЦОВА Д Ф». Тарелка изготовлена на Дмитровском фарфоровом заводе в период с 1891 по 1917 г. Фрагмент длиной 11,1 см, шириной 8 см.

Найден фрагмент донышка блюдца. Частично сохранилось клеймо с надписью «С.Т. Кузнец..въдуле..». Производство Дулевского завода 1853–1867 гг. Длина 5,3 см, ширина 2,8 см. Обнаружен фрагмент фаянсовой тарелки, борт украшен двойной каймой длиной 3,4 см, шириной 2,9 см. Найден осколок блюдца, украшенного золотистой каймой и двойной узкой каймой красного цвета длиной 4,8 см, шириной 3,1 см, а также фрагмент блюдца, борт которого расписан надглазурным растительно-геометри-ческим орнаментом, длиной 6,7 см, шириной 7,2 см.

Миски (5 экз.) – открытые низкие сосуды. Два изделия покрыты поливой коричнево-зеленого и бежево-зеленого цвета. Один черепок от чернолощеной миски. Две другие миски не имеют дополнительные покрытия, серого и бежево-серого цвета. Форма круглая. Выделяются два подтипа изделий. Первый, с наклонными, сужающимися ко дну стенками, – вариант открытой формы. Второй, подтип переходной к тарелке формы, но глубокой, – вариант закрытой формы. Чернолощеная керамика распространяется на территории современной Европейской России с конца XV – начала XVIII в., но в Сибирь

она пришла позже, в XVII в. Распространение данный вид обработки в Красноярской лесостепи получил в XVIII–XIX вв. [5].

Техническая посуда. Фрагмент носика от рукомойника (1 экз.) из темно-серой глины. Ширина 4,7 см, длина 10,3 см. Крышка (1 экз.) коричневого цвета. Относится к изделиям охватывающий снаружи бортиками венчик сосуда благодаря плоскому держателю с округлыми выступами края. Аналогии на памятнике Ананьино-I в Омском Прииртышье [3].

Посуда для хранения. Крынки (3 экз.) – сосуды с высокой шейкой, диаметр венчика которой приблизительно равен диаметру тулова в зоне «экватора». Фрагменты от двух поливных крынок темно-коричневого цвета. Еще один фрагмент выполнен из теста серого цвета без дополнительной обработки. Толщина стенок от 0,5 до 0,6 см. Аналогии прослеживаются на Красноярском остроге и датируются XVI–XVIII вв. [4].

Можно заметить, что кухонной посуды больше, чем столовой, что говорит о ее большем спросе в применении для ведения хозяйства. После чего идет посуда для хранения, а затем техническая посуда.

Процесс освоения Сибири русскими шел постепенно. Территория Красноярского уезда начала осваиваться только с середины XVII в. Большинство деревень здесь возникло после того, как кочевые племена покинули эти места. В 1646 г. на территории Красноярского уезда Енисейской губернии в Еловской волости на р. Бузим основано село Бузимское [6]. К 1671 г. основаны село Нахвальное, деревня Юксеевская, деревня Подъемная и Павловщина. Деревня Таскина основана в 1713 г. [7. С. 271–275].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос освоения русскими долины р. Бузим. Еще в XVII–XVIII вв. на данных территориях проживали аринцы. Они располагали территориями, начинающимися ниже Айкановой речки, впадающей в Енисей несколько выше Бузима, до границы Енисейского уезда. К началу XVIII в. на реках Енисей и Бузим находились пять аринских родов и две волости, которые затем перекочевали на территорию Хакасии.

Освоение бассейна р. Бузим в его верхнем течении продолжилось в XVIII в. Заселение происходило по водным путям. В 1710–1714 гг. основывались деревни Седельникова, Воробино, Ковригино, Шестаково, Сухобузимская.

Среди деревень, основанных в 1735 г., упоминаются Муртинская, Кантатская, Быстрая, Мингульская и Мендерлинская, Яловская, Сима-

новская и Пяткова. В переписной книге 1747 г. перечислены деревни Шилинская и Свешникова.

Во второй половине XVIII в. образовалась деревня Силина. Первые свидетельства её существования отражены на карте Красноярского уезда из атласа Тобольской губернии 1798 г. Деревня Силина стоит на р. Мингуль, у Г.Ф. Миллера эта река имеет название Минзюл, которая впадает в р. Бузим [8. С. 245–247]. Анализ картографических материалов показывает, что с наибольшей степенью вероятности археологический материал, найденный в 2021 г., можно связать с деревней Силиной.

На р. Бузим строятся небольшие деревни, такие как Солдатово. Относительно деревни Силиной деревня Солдатово расположена на противоположной стороне р. Мингуль. К 1864 г. в Силине насчитывалось 48 дворов, 72 человека мужского пола и 81 женского. Церкви, учебные здания, ярмарки, фабрики отсутствовали. В этом же году в Солдатово на противоположной стороне реки насчитывалось 47 дворов, 166 мужчин и 126 женщин. Присутствовала одна православная часовня [9. С. 51]. По данным 1911 г. деревня Силина стала немного больше. Насчитывалось уже 49 дворов, 146 мужчин и 117 женщин. В Солдатово 36 дворов, 112 мужчин и 123 женщины [10. С. 252–253]. Состав населения деревень на протяжении длительного времени либо совсем не менялся либо менялся незначительно.

Проведя анализ коллекции, можно сделать вывод о том, что данные изделия имеют аналогии с керамикой на памятниках Красноярского уезда, а именно исследования Красноярского острога и Летнего дома архиерея, а также с памятников Омского Прииртышья. Это говорит об одной культуре – культуре русских на территории Сибири и о схожести их приспособлений для ведения домашнего хозяйства. Для этой керамики характерны такие признаки, как высокие, прямые, гладкие венчики. Преобладают сосуды со слабопрофилированной или прямой шейкой. Если говорить о датировке памятника, то стоит проанализировать датировки находок. Шире всего датируется сероглиняная керамика XVIII–XX вв. Глазурованные изделия датируются второй половиной XIX – началом XX в. Чернолощеная керамика датируется XVIII–XIX вв. Фарфоровые тарелки датируются 1853–1867 и 1891–1917 гг. Делая вывод, можно предположить, что памятник можно отнести к концу XIX – началу XX в.

Источники и литература

1. Мандрыка П.В., Вдовенкова М.В., Сенотрусова П.О. [и др.]. Археологические исследования подворья Летнего дома архиерея // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 14, № 8. С. 1139–1153.

2. Бирюлева К.В., Титова Ю.А. Археологические материалы Успенского монастыря конца XIX – XX вв. в г. Красноярске // Древности Приенисейской. 2017. С. 116–127.

3. Татаурова Л.В. О типологии русской керамической посуды XVIII в // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Москва, 31 октября 2013 года. М. : Инст. археологии Российской академии наук, 2015. С. 142–154.

4. Николаева И.Б. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога // Красноярский краевой музей. Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красносярск, 1963. С. 115–123.

5. Коваль В.Ю. Первичная фиксация массового керамического материала (на памятниках эпохи Средневековья и раннего железного века лесной зоны Восточной Европы). М. : ИА РАН, 2016. 128 с.

6. Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта. Научная экспедиция по Енисейской Сибири. 1721–1725 годы: историческая литература / пер. с нем. Г.Ф. Быконя, И.Г. Федоров. Красноярск : РАСТР, 2021. С. 302–303.

7. Сиротинин И.А. Перепись города Красноярска и его уезда. 1719–1722. М. : Ломоносовъ, 2014. 422 с.

8. Элерт А.Х. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1996. 310 с.

9. Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел: [По сведениям 1859]. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1861–1885. 118 с.

10. Список населенных пунктов Енисейской губернии с приложением списка русских поселений в Урянхайском крае и схематической карты волостей Енисейской губернии [По спискам 1911]. Красноярск : Енисейская губернская типография, 1911. 450 с.

УДК 930.85

В.Р. Хохлов

Сравнение образа белогвардейцев на страницах советских школьных учебников 1960–1970 гг. и кинофильмов «Бег» и «Дни Турбиных»

Секция I: *Изобретая прошлое: акторы, практики, нарративы*

Образ Белого движения в СССР при всей кажущийся однородности претерпевал изменения. В 1960–1970 гг. эффект оттепели на сферу культуры приводит к появлению новых взглядов на белых в отечественном кинематографе, в то же время в школьных учебниках образ Белого движения отли-

чается, показывая противников советской власти только в негативных красках и соответствии с советской идеологией, что приводит к существованию в массовом сознании двух «памятей» о Гражданской войне.
Ключевые слова: Белое движение, кинематограф, учебники, белогвардейцы, фильмы, СССР, образ, память, Гражданская война

Революция и Гражданская война в России всегда оставались одними из центральных тем советского идеологического и медийного пространства, своего рода это был «миф основания» советской власти и первое ее серьезное испытание, первый триумф. Триумф, связанный с победой над теми, кто по разным причинам взял в руки оружие и выступил против «первого социалистического государства». Соответственно, обращаясь к этому важному моменту в истории СССР, необходимо было иметь дело с образом врага, объяснять, за что сражались белые и почему победили красные. До сих пор Гражданская война остается в поле внимания государственной власти, недавним примером можно назвать открытие памятника, посвященного окончанию Гражданской войны, на котором присутствовал Президент РФ [1], задачей памятника является примирение воевавших сторон, а Гражданская война показана трагедией, которую пережила Россия. Но как обстояли дела в 1960–1970 гг. в СССР? Можно ли говорить о единой памяти о белых и Гражданской войне вообще, а если можно, то какова эта память?

Советские школьные учебники изображали белых однообразно, в безотрывном соответствии классовой теории. Гражданская война в целом рисуется классовой войной, на которой угнетенный класс рабочих в сотрудничестве с крестьянством воевал с «угнетателями». Силы белых, как говорится в учебнике под ред. И.Б. Берхина за 9-й класс [2. С. 81], состояли из капиталистов, помещиков, кулаков, генералов и офицеров царской армии, верхов казачества, кадетов, меньшевиков и эсеров. Таким образом, по классовому составу белые – это в большинстве своем высшие слои общества. Тем не менее виновниками развязывания Гражданской войны считались не белые или тем более не красные, а международный империализм [2. С. 81], организовавший интервенции с целью возвращения утерянных в годы революции активов и уничтожения первого в мире социалистического государства, оперевшись на внутреннюю контрреволюцию, которую и составляли белые. Тема зависимости от иностранных государств является одной из ведущих в характеристике белогвардейцев и прослеживается во всех школьных учебниках за этот период. Так,

например, армию генерала Краснова создали и вооружили немецкие оккупанты [2. С. 84], а страны Антанты активно поставляли деникинцам новейшее вооружение, адмирала Колчака верховным правителем России поставили англичане, в учебнике за 4-й класс в качестве его характеристики приводится следующий отрывок [3. С. 106]:

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель омский.

В фокусе внимания учебников находится также и белый террор, а антибольшевистские правительства называют «террористическим режимом белогвардейской диктатуры» [2. С. 88], при этом, помимо очевидных жертв террора, таких как деятели коммунистического подполья, акцент делается на крестьянстве, которое, «испытав ужасы белогвардейского режима, поняло, что Советская власть – их родная власть» [4. С. 233]. Отдельно отмечены оснащенность и мощь белых армий, они вооружались странами Антанты по последнему слову техники: танками, самолетами, пулеметами и другими орудиями [4. С. 238]. Вот как описана крымская армия барона Врангеля в учебнике за 4-й класс: «Через год белые начали новое наступление. С юга из Крыма шёл генерал Врангель. Его войска были хорошо вооружены. Они даже имели танки [3. С. 108]. У наших войск танков тогда еще почти не было»; в учебнике за 9-й класс белогвардейцы названы «многочисленными, до зубов вооруженными полчищами врагов». По своим идеологическим установкам белые представлялись ненавистниками всего «советского». Так, в одном из учебников им дается следующая характеристика: «Все они ненавидели Советскую власть и дрались с отчаянием обреченных» [2. С. 104]. Вместе с тем подчеркивается реакционность Белой гвардии, а именно то, что на подконтрольных ей территориях восстанавливались дореволюционные порядки. Подводя итог, три рассмотренных учебника транслируют единый идеологизированный образ Белого движения, для которого характерны зависимость и подчиненность белогвардейцев иностранным империалистам, белый террор, классовая реакционность, при этом белые представлены отнюдь не слабыми и никудышными соперниками советской власти – это был серьезный противник и серьезное испытание для молодой социалистической республики, с которым она успешно справилась.

В советском игровом кинематографе, начиная с периода «оттепели», происходят значительные цензурные и идеологические сдвиги. Что касается изображения Гражданской войны, например, образы белогвардейцев постепенно перестают отвечать определенному шаблону сталинского кинематографа. Если в сталинский период было принято показывать белогвардейцев, акцентируя внимание зрителя на кровожадности белых (террор против большевиков и народа), зависимости от внешних сил [5. С. 6–9], а также строго разделять образы «наших» (красных), которые должны вызывать чувства сопереживания у зрителя, и «врагов» (белых) [6. С. 92], то уже в период «оттепели» белогвардейцы на экране стали выглядеть достойными – храбрыми, умными и благородными, но всё еще противниками [5. С. 69]. В этот же период вторую жизнь, хоть и с большими трудностями, так как настороженность к автору с сомнительной репутацией была всё ещё жива [7. С. 121], обретают некоторые театральные пьесы М.А. Булгакова, в центре сюжета которых находятся белогвардейцы, такие, например, как «Бег» и «Дни Турбиных». А уже в 1970-е гг. эти пьесы получают свои экранизации. Кинофильм «Бег» режиссёров А.А. Алова и В.Н. Наумова показывает тяготы Белого движения изнутри, его Крымский исход и нищую жизнь на улицах Константинополя. Фильм называют гимном Белому движению, так как авторам удалось отразить самую суть пьесы – трагедию Белого движения [6. С. 146]. Основными персонажами, представляющими белых в фильме, являются генералы Хлудов и Чарнота. Они показаны отнюдь не только в черных красках, такой сложный персонаж, как генерал Хлудов, представлен человеком долга [8. С. 158], исполняющим его до самого конца, зритель видит терзания его души за те преступления, которые будучи командующим ему приходилось исполнять. В фильме «Бег» отсутствует прямая связь и зависимость белых от сил империалистов, которые так часто упоминаются в школьных учебниках. Тем не менее нельзя назвать генерала Хлудова положительным персонажем, так как вес совершенных на войне деяний, часто неоправданных, накладывается на положительные стороны характера белогвардейца, такие как чувство долга, храбрость и честность. В разных редакциях пьесы судьба Хлудова имела разное завершение, будь то самоубийство или же возвращение в Россию и получение наказания на родине, в конце фильма судьба Хлудова не определена, и зрителю предлагается решить её самостоятельно [8. С. 158]. Таким образом, белогвардейский генерал выво-

дится на суд истории, если в школьных учебниках подобному Хлудову была бы безоговорочно дана резко негативная идеологизированная оценка, то в пространстве советского киноискусства 1970-х белогвардейцы представали не так однозначно. Показательной и трагичной сценой, определяющей образ белогвардейцев в фильме, является сцена расформирования крымского полка, полковник, понимая, что теперь народ и вся Россия уже не на их стороне, а командование бросает их и бежит с полуострова, принимает волевое решение о роспуске полка для того, чтобы закончить кровопролитие и сохранить жизни кадетов. Позднее полковник, другой офицер и один из кадетов совершают самоубийство. Но далеко не все белогвардейцы выглядят так неоднозначно: главнокомандующий белого Крыма предстает некомпетентным трусом, а товарищ министр торговли Парамон Корзухин, вывезший в эмиграцию богатства Крыма, бросивший жену, совсем забывший о родине, не вызывает никаких эмоций, кроме негативных, по сути, являясь в сюжете антагонистом.

Кинофильм «Дни Турбиных», также снятый по пьесе Михаила Булгакова и вышедший в 1976 г., практически к 60-летию Октябрьской революции, показывает жизнь аристократического семейства Турбиных в 1918–1919 гг. в раздираемом войной и переходящем из рук в руки Киеве. Через призму одного семейства Гражданская война изображается безусловной трагедией, которую пережила Россия. Образы белых представлены офицерами бывшей Русской императорской армии на службе у гетмана Скоропадского, при этом практически все показанные белогвардейцы – это положительные герои фильма. Только Владимир Тальберг, бросивший свою жену в осажденном Киеве, изображен негативно. Остальные белые герои, такие как полковник Турбин, ненавидящий и большевиков, и Петлюру, жертвующий собой для спасения своих подчиненных, капитан Мышлаевский, который к концу киноленты видит в большевиках силу, способную навести порядок, и даже желает вступить в Красную армию, оппонирующий ему капитан Студзинский – убежденный антибольшевик, желающий продолжить борьбу с Советской Россией на Дону в армии Деникина, показаны достойными людьми со своими убеждениями, которые они защищают на гражданской войне. Гражданская война в этих двух фильмах показана не триумфальной победой Советской власти, а трагедией, разделившей народ, из-за которой многим людям, по-своему любившим родину, пришлось покинуть Россию.

Так, образы белогвардейцев в рассмотренных учебниках и фильмах резко отличаются, можно даже сказать о двух «памятях» о Гражданской войне. В учебниках белые – это безусловные классовые враги, представители «эксплуататорских» классов, только победив которых, возможно установление советского государства и освобождение из-под гнета. В кино белогвардейцы показаны с большей симпатией и теплотой, они достойные люди, способные вызывать симпатии зрителя, война же представлена трагедией, в которой одной части народа приходилось сражаться с другой, потеряв целостность. При этом нельзя говорить о полной реабилитации белых в кино в этот период, большевики в этих фильмах выглядят единственной силой, способной в те годы взять власть, победить, навести порядок и изменить Россию.

Источники и литература

1. Путин назвал пронзительным памятник в Севастополе, посвященный жертвам Гражданской войны // ТАСС. СПб., 2021. URL: https://tass.ru/obschestvo/12846383 (дата обращения: 10.05.2022).

2. Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР. 9-й класс : учебник. М. : Просвещение, 1972. 382 с.

3. Алексеев С.П. История СССР : учебная книга для 4-го класса. 6-е изд. М. : Учпедгиз, 1961. 159 с.

4. Берхин И.Б., Федосов И.А. История СССР. 9-й класс : учебник. 7-е изд. М. : Просвещение, 1982. 383 с.

5. Федоров А.В. Образ Белого движения в отечественном киноискусстве 1930-х годов // Медиаобразование. 2015. № 4. С. 64–81.

6. Кондаков Ю.Е. Гражданская война на экране. Белое движение. СПб. : [б. и.], 2015. 362 с.

7. Гудкова В. Несогласный. Михаил Булгаков и отечественный театр // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 111–135.

8. Шимонова Н.В. «Белогвардейская тема» в экранизации пьесы М.А. Булгакова «Бег» // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17, № 1–2 (85–86). С. 155–160.

УДК 324

К.Ф. Шамшидинова

Модернизация Саудовской Аравии

Секция VII: *Восток между радикализацией и модернизацией: исторический опыт и современность*

В статье автор проводит анализ модернизации Королевства Саудовской Аравии с момента вступления на престол короля Салмана ибн Абдул-

Азиза Аль Сауда и его сына – наследного принца Мухаммеда бен Салмана. Модернизацией были затронуты все сферы жизни общества королевства: политическая, экономическая, социальная и в особенности религиозная. На сегодняшний день наследный принц продолжает вести Саудовскую Аравию по модернизационному пути, повышая привлекательность королевства.
Ключевые слова: модернизация Саудовской Аравии, политика, экономика, религия, программа «Видение 2030», реформы

Утверждение того, что Королевство Саудовская Аравия на протяжении достаточного периода времени является ключевым игроком Ближнего Востока, не подлежит сомнению. КСА является примером того, как традиционное и консервативно-религиозное государство превращается в одну из 20 мировых экономик мира с урбанизированным и образованным населением на протяжении последних десятилетий (со второй половины XX – начала XXI в.).

Анализ литературы показал, что большинство работ по данной теме были созданы в период с 2000 по 2016 г., однако дальнейшие попытки критического осмысления модернизации КСА в отечественной литературе практически отсутствуют. Таким образом, автором была поставлена задача – определить эффективность процесса модернизации после вступления на трон внука основателя КСА – Салмана ибн Абдул-Азиз Аль Сауда, а также его сына и наследного принца Мухаммеда бен Салмана, который является представителем сторонников внутриполитической модернизации королевства.

В настоящее время можно говорить о том, что модернизация КСА затронула все сферы жизни общества королевства – политическую, экономическую, социальную и духовную. Для религиозного государства подобный процесс является значимым, поскольку до недавнего времени Саудовская Аравия строго придерживалась традиционного мусульманского уклада, отказываясь от модернизации государственного аппарата и всей политической системы.

Для того чтобы оценить скорость и эффективность модернизации КСА, стоит упомянуть уже реализуемые реформы, способствовавшие протеканию модернизационных процессов и их развитию.

В политической сфере можно отметить самостоятельность короля в принятии решений без обсуждения с Советом высших улемов [1]. С точки зрения политической науки отказ монарха от устоявшегося сотрудничества с каким-либо консультационным органом воспринимается как

усиление абсолютизма. Однако в данном случае, когда монарх КСА отказывается от согласования своих решений с консультационным советом, можно говорить об усилении демократических тенденций, так как основную часть данного совета составляют явные клерикалы, противостоящие любым демократическим переменам. Примером может служить решение об ограничении или даже временном прекращении паломничества во время вирусных заболеваний A/H1N1 в 2009 г. и вспышки эндемического «ближневосточного респираторного синдрома» MERS в 2013–2014 гг. [2]. Имея подобный опыт, власть увереннее принимала решения во время пандемии COVID-19 для сохранения жизней. Властью были запрещены пятничные молитвы, посещения и молитвы в мечетях Мекки и Медины и совершение хаджа. Также модернизация политической сферы, отмеченная после вступления на трон нынешнего короля СА Салмана ибн Абдул-Азиз Аль Сауда, проявилась в изменении системы престолонаследия. В настоящее время в борьбу за власть вступает третье поколение семьи Саудов. Горизонтальная система престолонаследия сменилась на вертикальную, что не могло не вызвать недовольства у консервативного духовенства [3]. Модернизация политической системы КСА проявилась во время выборов в муниципальные советы в 2015 г., в которых впервые участвовали женщины, а также были расширены полномочия протопарламента – Консультационного совета. Таким образом, мы можем говорить о некоем огосударствлении религии [4].

Основу экономики КСА составляют добыча и экспорт нефти, что приносит почти 90% доходов. 2016 г. в королевстве характеризовался 20% дефицитом бюджета, без того уже наметившимся экономическим спадом в 2015 г. [5]. В качестве ответной меры Эр-Рияд предложил ряд программ по приватизации крупнейших государственных компаний – Saudi ARAMCO и Sabic. Ряд программ были направлены на приватизацию земель, здравоохранения, образования, а также средних и малых предприятий. В декабре 2019 г. в продажу было выпущено 5% акций самой крупной нефтяной компании в мире – Saudi Aramco [6]. Подобный шаг, инициированный наследным принцем Мухаммедом бен Салманом, с одной стороны, демонстрирует вынужденность мер, необходимых для привлечения дополнительных средств, но с другой – показывает серьезность намерений нынешней власти по диверсификации экономики и структурных изменений в стране. Прежде экономическая стабильность

Саудовской Аравии опиралась на добычу нефти, подкрепленную высокими ценами, и на религиозный туризм. Для борьбы с такой узкой ориентированностью под руководством принца КСА была разработана программа «Видение 2030», в рамках которой представлены проекты и их цель – вывести экономику не только на новый уровень, но и направить ее на современный и модернизированный путь, отталкиваясь от традиционных и радикальных взглядов [7]. В рамках программы были представлены три крупных строительных проекта:

1. «НЕОМ» – город будущего с бюджетом в 500 млрд долл. Одной из отличительных особенностей «Неома», по заявлению государственного инвестиционного фонда, должна была быть 100% автоматизация всех процессов и услуг, сделав этот город самым эффективным в мире [8]. Вдобавок частью проекта «НЕОМА» является вытянутый на 170 км город без автомобильных дорог, машин и выбросов углерода [9].

2. «The Red Sea Project» – туристический кластер на берегу Красного моря с 50 островами для финансовой элиты, что позволило бы Саудовской Аравии выйти на рынок светского туризма [10]. Создание всевозможных условий для отдыха, упрощенный визовый режим должны были привлечь гостей и инвесторов со всех уголков мира, а ориентированность на сохранение окружающей среды должна стать залогом устойчивого развития.

3. Крупнейший в мире проект в области солнечной энергетики, реализуемый совместно с Японией и подразумевающий строительство солнечной электростанции вкупе с защитой окружающей среды от выбросов со стороны тепловых электростанций [11].

Однако снижение цен на нефть, связанное с давлением на рынок углеводородов, и сокращение потребления энергоресурсов из-за пандемии Covid-19, а также обвал религиозного туризма в связи с уже упомянутой пандемией, подтолкнули Саудовскую Аравию принять решение о замораживании и даже закрытии начатых проектов, так как даже поддержание их в замороженном состоянии в современных условиях наносит тяжелый удар по благосостоянию государства.

В социальной сфере наблюдались такие процессы, как формирование нового поколения саудовцев. Стремление Саудовской Аравии снизить зависимость от нефти заставляет королевство обратить внимание на развитие человеческого капитала. Согласно данным статистического управления КСА на 2020 г., 67% населения составляла «молодежь» – люди до 35 лет [12]. Еже-

годно не менее 90 тыс. молодых жителей страны отправляются на учебу в иностранные вузы, так как государство выделает значительную долю расходов на образование молодежи не только внутри королевства, но и за его пределами. Таким образом, Саудовская Аравия уже представляет собой государство не только молодых, но и образованных людей. Так как принц относит себя к социальной группе «молодежь», он заинтересован в дальнейшем продвижении принципов образования и в количественном наращивании «образованного класса», продвижении и продолжении наращивания «образованного класса», который стал формироваться с 2009 г. [13].

Особая роль модернизации в духовной сфере, где власть и религия уже не придерживаются единых взглядов. Момент вступления на трон в ближайшем будущем наследного принца станет своеобразным историческим поворотом, поскольку еще в роли принца Мухаммед без Салман успел показать себя реформатором и сторонником умеренного ислама, что подтверждается принятыми им мерами в области религии. Религиозная благотворительность, которая прежде всячески поощрялась в королевстве, впервые попала под всеобъемлющий контроль со стороны властей, так как неоднократно звучали претензии о финансировании за счет собранных пожертвований групп и организаций экстремистского и даже террористического толка. Жестким репрессиям подверглись идеологические лидеры ханбалитского террористического подполья, которые вскоре были казнены [1].

Под руководством Мухаммеда без Салмана прошла череда отставок целого ряда имамов и духовных деятелей [14]. Стоит отметить и ограничение деятельности «полиции нравов», которая уже не обладает правом ареста населения. На сегодняшний день Саудовская Аравия представляет собой государство, где женщины имеют право водить машину, а жители могут посещать кинотеатры, которых до недавнего времени даже не существовало. Для активного внедрения упомянутых нововведений был создан департамент развлечений.

Подводя итоги, необходимо отметить, что Саудовская Аравия по-прежнему зависит от нефтедобывающего сектора. В связи с изменениями на мировом энергетическом рынке и стремлением развитых стран снизить зависимость от углеводородного сырья королевство все больше обращает внимание на развитие человеческого капитала и системы образования, а также развитие туризма. Однако в связи с пандемией Covid-19 туристическая сфера все ещё не приносит ожидаемых результатов. Пандемия при-

остановила реализацию важных строительных проектов, которые должны были вывести экономику на новый уровень и повысить привлекательность страны. Стоит отметить и тот факт, что нынешний наследный принц КСА Мухаммед бен Салман намерен ослабить влияние духовенства в королевстве и принять меры по дальнейшей модернизации КСА для сохранения своих позиций как главного и единственного наследника престола.

Источники и литература

1. Косач Г.Г. Саудовская Аравия: государство и политика // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 9. С. 48–56.

2. Косач Г.Г. Эпидемии и реформы: опыт Саудовской Аравии // Международная аналитика. 2020. Т. 11 (1). С. 85–96.

3. Саудовский принц уничтожает механизм престолонаследия // Независимая газета. 2020. 03 ноября.

4. Впервые женщина в Саудовской Аравии получила пост депутата // BBC News. Русская служба. Рига, 2015. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/12/151213_saudi_woman_election (дата обращения: 10.05.2022).

5. Саудовская Аравия намерена продолжать реформы // Ведомости. 2017. 04 мая.

6. Почему приватизация Saudi Aramco может пройти не так, как хотелось бы Эр-Рияду // Еженедельный журнал «Профиль». Москва, 2019. URL: https://profile.ru/abroad/pochemu-privatizaciya-saudi-aramco-mozhet-projti-ne-tak-kak-xotelos-by-er-riyadu-194583/ (дата обращения: 06.05.2022).

7. Vision Realization Programs // Vision 2030. [S. l], 2022. URL: https://www.vision2030.gov.sa/ (access date: 03.05.2022).

8. Neom: made to change // Neom. [S. l], 2022. URL: https://www.neom.com/en–us (access date: 03.05.2022).

9. Saudi Arabia’s revolutionary zero carbon city «The Line» hailed as dawn of tech-based future // Arab news. [S. l], 2021. URL: https://www.arabnews.com/node/1791051/saudi–arabia (access date: 03.05.2022).

10. Saudi Arabia announces launch of Soudah Development Company // Arab news. [S. l.], 2021. URL: https://www.arabnews.com/node/1815251/business-economy (access date: 03.05.2022).

11. Саудовская Аравия начала реализацию проекта «Сакака» // Большая Азия. М., 2021. URL: https://bigasia.ru/content/news/businness/saudovskaya-araviya-zapustila-i-realizatsiyu-proekta-sakaka/ (дата обращения: 07.05.2022).

12. Саудовская молодежь: лидеры перемен // Saudi. Сауди, 2021. URL: https://www.visitsaudi.com/ru/do/culture/youth–culture (дата обращения: 07.05.2022).

13. Куда ведет Саудовскую Аравию модернизация сверху // Крым. Реалии. [S. l], 2021. URL: https://ru.krymr.com/a/saudovskaya-araviya-reformy-ekonomika-politika-obschestvo/31533763.html (дата обращения: 08.05.2022).

14. Перестройка по-саудовски // Московский центр Карнеги. М., 2018. URL: https://carnegie.ru/commentary/75125 (дата обращения: 11.05.2022).

УДК 291.11

А.В. Шепс

Новые лики старых богов. Религии вселенной Волкодава[1]

Секция XI: *Семинар-практикум «Исследуя общество, исследуя себя»*

Статья посвящена религиоведческому исследованию серии книг «Волкодав» Марии Семеновой. Изучение современного общества невозможно без обращения к культуре и ее производным, в частности, к вымышленным религиям, которые позволяют получить представление о современной религиозности, формирующейся на основе духовных и культурных нужд современного человека, находящихся под влиянием популярной культуры. «Волкодав» предлагает попытку построения на базе прошлого новой культурной реальности, отражающей актуальную для общества проблематику.

Ключевые слова: вымышленные религии, религиоведение, фэнтези, Волкодав, популярная культура

1990-е гг. стали переломным моментом в истории нашей страны. Развал СССР, крушение идеологических и культурных ориентиров и как следствие поиск новых идеалов, которые смогли бы восполнить образовавшиеся пробелы. В популярной культуре таким явлением стал литературный жанр, получивший название славянского фэнтези.

Исследователи, обращавшиеся к истории данного жанра, по-разному определяли его истоки. Д.М. Дудко [1], Е.А. Сафрон [2. С. 2], Е.В. Афанасьева [3. С. 196–198], С. Журавлев [4. С. 95] считали прародителями славянского фэнтези произведения отечественной культуры былинного и сказочного характера. Теорию, согласно которой славянское фэнтези выросло на базе западных аналогов, разделяют С.И. Чупринин [5. С. 319] и И.В. Лебедев [6. С. 362–363]. О. Криницына выразила мнение, согласно которому родоначальницей этого жанра была Мария Семенова, написавшая серию книг, посвященную молодому воину Волкодаву [7. С. 4].

Особенностью произведений Марии Семеновой является обращение к историческому отрезку времени с его социальным устройством, вплетенному автором в вымышленный мир. Религиозные представления героев, опирающиеся на дошедшие до наших дней представления о древних ве-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00920 «Постсекулярная религиозность и популярная культура: феномен вымышленных и пародийных религий». https://rscf.ru/project/22-28-00920/

рованиях и религиозных практиках, позволили переключить культурный и сюжетный поиск читателей в направлении рефлексии над историко-культурным наследием.

Вселенная Волкодава стала литературной платформой, на которой был осуществлен скачок от расколдованного, рационального мира к миру заколдованному. Сюжет книг строится не на привычных нашим современникам представлениях о причине и следствии, зависящих от осуществленного выбора и совершенного поступка, а на представлениях о вмешательстве в жизнь героев высших сил, которые создают и изменяют окружающую реальность. Данный подход позволил читателю погрузиться в прошлое с его законами и мышлением, переосмысленными нашими современниками и преподнесенными в доступном для современного человека формате.

Религиозное разнообразие является ключевым фактором вселенной Волкодава, формирующим основные особенности обществ, фигурирующих в книгах. Все религии, встречающиеся в романах, можно классифицировать, разбив на несколько групп по тем или иным отличительным особенностям.

Большинство описанных в книгах верований являются политеистическими. Племя Волкодава поклоняется верховным богам во главе с Великой Матерью Землей и Отцом Небом [8. С. 303]. Отца Небо как главу божественного собрания прославляют также итигулы [9. С. 34]. Народы Нарлака и Нардара обожествляют земные стихии, особо почитая Священный огонь [10. С. 99]. Племена мономатанцев почитают Алую Мать и небесную госпожу Нгуру [11. С. 205]. Главой пантеона сегванов является бог битвы Храмн [10. С. 452], а сольвены поклоняются Богу Грома и Матери Живе [10. С. 601].

Наиболее полно описанным монотеистическими учением, в котором ряд исследователей отмечает сходство с христианством, можно считать культ Богов-Близнецов, избранных Единым Предвечным и Нерожденным Отцом [10. С. 220–222], [8. С. 127–128]. Культ Близнецов является также единственной мировой религией, известной миру Волкодава.

К монотеизму можно отнести учение Лунной Богини Кан – Кан-киро, в основе которого лежит боевое искусство и представление о мировом главенстве справедливости и любви [8. С. 392–396]. Вокруг богини Мораны также образован отдельный культ. Последователи темного учения почитают смерть в образе ревнивой богини и служат Моране посредством убийств и темной магии [10. С. 356].

Помимо богов, миру Волкодава известны персонажи, не имеющие божественного статуса, но обладающие правом вмешиваться в жизнь людей. Такими героями являются Белый Каменотес и Горбатый Рудокоп, люди, окончившие свои дни в самоцветных горах и, согласно поверьям, посмертно получившие право решать участь обитателей гор [12. С. 131–132]. К покровителям людей можно отнести и симуранов – антропоморфных крылатых существ, проводников душ в загробном мире [10. С. 43].

Взаимодействие представителей описанных Марией Семеновой народов невозможно без учета религиозных особенностей, диктующих населению этический и законодательный кодексы, объясняющих происходившие и происходящие в романах события [13]. Личностные качества героев романов обусловлены племенной и религиозной принадлежностью. Например, Морана-Смерть воспринимается большинством народов как кровожадная и жестокая богиня. Однако для жителей Аррантиады богиня смерти и ее вмешательство в повседневную жизнь человека являются благом, ее учение считается гуманным, а смерть, которой страшатся люди, благодаря вмешательству Мораны отступает перед пониманием ценности жизни [10. С. 352–353]. В отношении Богов-Близнецов вселенная Волкодава также не сошлась во мнении, отчасти из-за бескомпромиссных проповедников, призывающих к добру, но именем Близнецов творящих зло каждому, кто не согласен с молодым учением [8. С. 114–115].

Вмешательство обитающих в мире Волкодава богов в жизнь героев является объективным фактором. Молитвы и подношения богам выражают готовность считаться с условиями, выдвигаемыми той или иной религиозной традицией, а соблюдение религиозных законов и клятв порой является единственной возможностью сохранить жизнь. Боевые победы и поражения одерживаются не столько людьми, сколько самими богами, на стороне которых выступают верящие в них люди [8. С. 131].

Серия книг о Волкодаве стала уникальным явлением отечественной популярной культуры, несущим в себе обусловленное накопленным культурно-историческим опытом видение прошлого и формирующим его современную интерпретацию. Данную книжную серию можно анализировать не только как вымышленный мир, но и как попытку обсуждения актуальных межрелигиозных, культурных и политических реалий. На страницах романов Мария Семенова поднимает вопросы свободы совести, религиозной терпимости, трансформации и влияния разных уче-

ний друг на друга, вопросы об исторической принадлежности культовых сооружений и праве владения ими, а также вопрос о роли религии в повседневной жизни человека в целом.

«Волкодав» стал ярким примером актуальности исследований составных популярной культуры, в частности, – вымышленных религий. Как и многие вымышленные религии, представленные в литературной и кинематографической среде, религиозный мир, созданный Марией Семеновой, оказал влияние на российский социум. «Традиционные» религии, знакомые российскому обществу, столкнулись с новыми конкурентами в лице богов, жрецов и последователей вымышленных учений, поставивших под вопрос духовную и культурную монополию реальных религий. Успеху религиозного мира «Волкодава» способствовало то, что описанные Марией Семеновой верования были восприняты обществом не как чужеродные, а как культурно-историческое наследие, переосмысленное и поданное читателю в новом виде и представляющее собой ценность для носителей российской культуры.

Говоря о влиянии вымышленных религий на другие сферы общества, следует вспомнить про игру, являющуюся важным компонентом деятельности человека. Исследователи отмечают ряд схожих черт между религиями и так называемыми ролевыми играми живого действия: возможность эмоционального выхода за пределы реального мира, опора на текстовый «миф» воплощаемой вселенной, создание новой реальности и законов, согласно которым эта реальность функционирует [14. С. 113–114]. Религии «Волкодава» стали неотъемлемой частью российского движения «ролевиков», до публикации романа бравших за основу игровой вселенной произведения зарубежных авторов. Масштабная ролевая игра, посвященная вселенной Волкодава, проводилась в 2007 г. [15]. Популярностью пользовалась серия компьютерных игр, предоставившая игрокам возможность пройти путь Волкодава в мире киберпространства [16].

Изучение социума невозможно без изучения феноменов, составляющих культурную реальность общества. «Волкодав» стал подтверждением сохранения общественного интереса к вымышленным религиям, процессу их создания и проявления в реальном мире, свидетельством того, что религия как таковая продолжает играть важную роль в жизни общества. Дальнейшие исследования данного явления, характерного для постсекулярной эпохи, являются необходимыми для понимания современных со-

циальных процессов, формирования их объективной оценки как значимой части культурного, социального и исторического развития общества.

Источники и литература

1. Дудко Д.М. Славянская фэнтези. Вчера, сегодня, завтра. Харьков, 2001. URl: http://www.rusf.ru/star/doklad/2004/dudko2.htm (дата обращения: 20.02.2022).

2. Сафрон Е.А. Становление жанра «славянской» фэнтези в русской литературе XVIII в. (на материале произведений В.А. Лёвшина, М.И. Попова и М.Д. Чулкова) // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2011. № 73. С. 1–10.

3. Афанасьева Е.А. Эволюция сказочного героя в романе Ю. Никитина «Трое из леса» // Новейшая русская литература рубежа XX–XXI веков: итоги и перспективы : материалы Международной научной конференции, Российский государсвенный педагогический университет имени А.И. Герцена, филологический факультет, кафедра новейшей русской литературы, 23–24 октября 2006 г. СПб., 2007. С. 196–201.

4. Журавлев С.И., Журавлева Ж. Витязь на распутье: основные направления славянского фэнтези // Материалы Международной научной конференции «Фантастика и технологии (памяти С. Лема)», СГАУ им. С.П. Королева, 29–31 марта 2007 г. Самара, 2009. С. 94–100.

5. Чупринин С.И. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М. : Время, 2007. 766 с.

6. Лебедев И.В. Проблема жанровой классификации фэнтези как вида приключенческой литературы // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 362–366.

7. Криницына О.П. Славянские фэнтези в современном литературном процессе: поэтика, трансформация, рецепция : дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2011. 173 с.

8. Семенова М.В. Волкодав. М. : Азбука, 2014. 612 с.

9. Семенова М.В. Волкодав. Знамение пути. М. : Азбука-Аттикус, 2003. 384 с.

10. Семенова М.В. Волкодав. Право на поединок. СПб. : Нева, 1999. 624 с.

11. Семенова М.В. Волкодав. Самоцветные горы. М. : Азбука-классика, 2006. 352 с.

12. Семенова М.В. Волкодав. Истовик-камень. М., 2006. 320 с.

13. Нечипоренко Ю., Семенова М.В. Мир сам по себе // Творчество Марии Семеновой. [S. l], 1996. URL: http://www.semenova.ru/int-s3.php (дата обращения: 17.04.2022).

14. Михельсон О.К. Массовая культура, игра и новая религиозность // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2013. Вып. 1. С. 113–117.

15. Ролевики со всего Дальнего Востока сыграют в «Волкодава» во Владивостоке // Prima Media.ru. Владивосток, 2016. URL: https://primamedia.ru/news/45802/ (дата обращения: 18.04.2022).

16. Серия игр «Волкодав» // Игромания. М., 2009. URL: https://www.igromania.ru/game/series/1711/Volkodav.html (дата обращения: 17.04.2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абаскалов Александр Михайлович, магистрант 1-го года обучения Омского государственного университета (Омск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.П. Бычков. E-mail: ab.mikhail2013@yandex.ru

Андреев Ярослав Михайлович, студент 4-го курса Сибирского федерального университета (Красноярск); науч. рук. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник П.О. Сенотрусова. E-mail: dead_men99@mail.ru

Антипина Дарья Викторовна, студентка 3-го курса Московского государственного университета (Москва); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Л.В. Кузьмичева. E-mail: dari.antipina@mail.ru

Богданов Кирилл Вадимович, аспирант 1-го года обучения Санкт-Петер-бургского государственного университета (Санкт-Петербург); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Л.С. Хейфец. E-mail: kirill_bgd98@inbox.ru

Брилевская Яна Сергеевна, студентка 3-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой В.П. Румянцев. E-mail: yulya.vidman.78@mail.ru

Брянцев Вячеслав Андреевич, магистрант 1-го года обучения Омского государственного университета (Омск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент М.А. Мамонтова. E-mail: zorom3le@mail.ru.

Бугреева Кристина Игоревна, студентка 3-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Н.В. Трубникова. E-mail: k.bugreeva@mail.ru

Бурнаков Артас Алексеевич, научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Л.И. Шерстова. E-mail: artas_burnakov@mail.ru

Бурнатов Аркадий Игоревич, студент 2-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Н.В. Трубникова. E-mail: burnatov.2001@mail.ru

Бурцев Григорий Александрович, студент 1-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой Д.Н. Шевелев. E-mail: grigorburtsev@yandex.ru

Былков Евгений Васильевич, студент 4-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Е.Ф. Троицкий. E-mail: bylkovcommunication@vk.com

Глинкин Виталий Сергеевич, канд. ист. наук, старший преподаватель Томского государственного университета (Томск). E-mail: glinkinvs@yandex.ru

Горбунова Анна Михайловна, студентка 3-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Л.И. Шерстова. E-mail: annime098@gmail.com

Готка Алексей Игоревич, магистрант 1-го года обучения Омского государственного университета (Омск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор С.В. Фоменко. E-mail: gotka.aleksey@gmail.com

Громов Георгий Олегович, студент 4-го курса Высшей школы экономики (Москва); науч. рук. – канд. филол. наук, ученый секретарь М.А. Алонцев. E-mail: gogromov@edu.hse.ru

Данильян Ая Эмилевна, студентка 3-го курса Московского государственного университета (Москва); науч. рук. – канд. эконом. наук, доцент Л.С. Бочарова. E-mail: ayadan110501@gmail.com

Домрачева Анна Алексеевна, студентка 3-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Г.Н. Алишина. E-mail: anna.domracheva2511@gmail.com

Евдокимова Валерия Александровна, студентка 3 курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Л.Н. Смолякова. E-mail: evdokiimovaler@gmail.com

Захаров Владимир Евгеньевич, студент 2-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент А.В. Бочаров. E-mail: vladimirzah85673@gmail.com

Зырянова Анастасия Дмитриевна, студентка 4-го курса Курганского государственного университета (Курган); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент В.М. Щур. E-mail: zyryanova.a.d@mail.ru

Иванченко Ирина Сергеевна, аспирантка 1-го года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Л.И. Шерстова. E-mail: irinalikesjapan@mail.ru

Карими Вала Саназ, аспирант 1-го года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р полит. наук, зав. кафедрой А.И. Щербинин. E-mail: karimivala@gmail.com

Касьянова Татьяна Алексеевна, студентка 2-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой Д.Н. Шевелев. E-mail: Kasyanovatay13@gmail.com

Кожаева Альбина Алексеевна, магистрантка 1-го года обучения Новосибирского государственного университета (Новосибирск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор С.А. Красильников. E-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

Кориневский Юрий Александрович, студент 4-го курса Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва); науч. рук – канд. социал. наук, доцент В.А. Эпштейн. E-mail: korinevski2015@yandex.ru

Котович Ксения Анатольевна, студентка 4-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Е.В. Хахалкина. E-mail: xeniya.cat.ovich@gmail.com

Крохина Ксения Николаевна, студентка 2-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, ассистент А.И. Ермолова. E-mail: erastbeliy@mail.ru

Крылова Диана Дмитриевна, методист Томского государственного университета (Томск). E-mail: diana.krylova90@mail.ru

Кудрина Надежда Сергеевна, магистрантка 2-го года обучения Омского государственного университета (Омск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.В. Миронов, научный консультант – канд. ист. наук, старший научный сотрудник В.А. Герасимова. E-mail: nadezhda_kudrina@vk.com

Кукса Екатерина Николаевна, магистрантка 1-го года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, доцент Д.В. Хаминов. E-mail: kuksa@kspu.ru

Ли Линь, аспирант 2-го года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Л.И. Шерстова. E-mail: 13940309208@139.com

Лыгденов Буда Зоригтоевич, магистрант 2-го года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р полит. наук, профессор А.И. Щербинин. E-mail: buda.lygdenov@mail.ru

Мальчикова Светлана Петровна, ассистент Смоленского государственного университета (Смоленск). E-mail: malchikovasp@yandex.ru

Мананникова Анна Геннадьевна, студентка 4-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Н.В. Трубникова. E-mail: AnytaManannikova@gmail.com

Мартыненко Юрий Анатольевич, учитель истории, руководитель краеведческого объединения «Исследователь» Первомайской средней общеобразовательной школы. E-mail: yam21564@mail.ru

Маснев Данил Вячеславович, магистрант 1-го года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.В. Вольфсон. E-mail: dmasnev1@gmail.com

Мен Ян, аспирант 2-го года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Л.И. Шерстова. E-mail: mengyang777@mail.ru

Миронюк Сергей Алексеевич, канд. ист. наук, сотрудник Российского философского общества (Москва). E-mail: privetsergey95@mail.ru

Мищенко Евгения Аркадьевна, студентка 3-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Е.Е. Дутчак. E-mail: eva.mishchenko.01@mail.ru

Никитина Алина Владимировна, студентка 2-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.В. Шевцов. E-mail: alinanikit@list.ru

Пашаян Диана Арцруновна, магистрант 2-го года обучения Тюменского государственного университета (Тюмень); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Е.О. Муслимова. E-mail: dianapashayan.98@gmail.com

Пискун Анастасия Михайловна, студентка 4-го курса Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва); науч. рук. – канд. социал. наук, доцент В.А. Эпштейн. E-mail: piskun.anastasiya07@gmail.com

Плешивцев Александр Константинович, студент 4-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент О.В. Хазанов. E-mail: shelkopiorov@yandex.ru

Потапова Дарья Денисовна, студентка 3-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – канд. ист. наук, ассистент кафедры политологии НИ ТГУ А.Ю. Краснопёров. E-mail: d24zet12@gmail.com

Прудиус Татьяна Олеговна, студентка 2-го курса Омского государственного университета (Омск); науч. рук. – канд. ист. наук, старший преподаватель А.С. Шестопалова. E-mail: prudiustana1@gmail.com

Расколец Виктор Владимирович, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск). E-mail: predator–101@mail.ru

Романов Марат Павлович, магистр богословия. Красноярск. E-mail: Oglobon@mail.ru

Ромахова Александра Андреевна, студентка 2-го курса Томского государственного университета; науч. рук. – д-р ист. наук, профессор М.В. Грибовский. E-mail: aleksandra522@inbox.ru

Румянцева Екатерина Николаевна, аспирантка 1-го года обучения Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой В.Н. Кудряшев. E-mail: katerum3007@mail.ru

Саитгареева Мадина Азатовна, лаборант Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой В.П. Румянцев. E-mail: madeline2315228@gmail.com

Самбук Данила Сергеевич, студент 2-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – старший преподаватель ТГУ Н.О. Ооржак. E-mail: Ivan.dany1@mail.ru

Скляренко Никита Сергеевич, студент 4-го курса Красноярского государственного педагогического университета; науч. рук. – канд. ист. наук, доцент Л.Э. Мезит. E-mail: nicitasklyarenko@yandex.ru.

Сорочкина Анастасия Алексеевна, студентка 3-го курса Кемеровского государственного университета (Кемерово); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор А.В. Блинов. E-mail: sorochkina01@list.ru

Субботина Анна Александровна, студентка 2-го курса Пермского государственного национального исследовательского университета (Пермь); науч. рук. – д-р полит. наук, профессор П.В. Панов. E-mail: annasubbotina1000@gmail.com

Сыромятников Максим Денисович, студент 3-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой В.П. Румянцев. E-mail: Official_m@inbox.ru

Тихонова Алина Дмитриевна, студентка 2-го курса Саратовского национального исследовательского государственного университета (Саратов); науч. рук. – канд. ист. наук, доцент В.А. Лопатин. E-mail: twabsiacm@gmail.com

Ткачев Виталий Викторович, аспирант 2-го года обучения Иркутского государственного университета (Иркутск); науч. рук. – д-р ист. наук, профессор В.П. Шахеров. E-mail: vitaliy.tkachev.96@mail.ru

Федотова Дарья Александровна, студентка 3-го курса Уральского федерального университета (Екатеринбург); науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой С.Ф. Кокшаров. E-mail: fedotovad21@mail.ru

Харланович Анжелика Дмитриевна, студентка 3-го курса Сибирского федерального университета (Красноярск); науч. рук. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник П.О. Сенотрусова. E-mail: kharlanovich00@mail.ru

Хохлов Василий Романович, студент 3-го курса Томского государственного университета (Томск); науч. рук. – д-р ист. наук, зав. кафедрой Д.Н. Шевелев. E-mail: krayli403@gmail.com

Шамшидинова Камила Фазлиддиновна, студентка 4-го курса Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва); науч. рук. – канд. социол. наук, доцент В.А. Эпштейн. E-mail: kamila.shamshidinova@mail.ru

Шепс Анастасия Валерьевна, лаборант-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); науч. рук. – канд. филос. наук, доцент О.К. Михельсон. E-mail: nastuak_95@mail.ru

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА, СООБЩЕСТВ, ГОСУДАРСТВ

Сборник материалов XVII Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 20–22 апреля 2022 г.)

Выпуск 17

Редактор В.Г. Лихачева
Компьютерная верстка А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 16.12.2022 г. Формат $60\times84^{1}/_{16}$.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 20,3. Усл. печ. л. 18,9.
Тираж 500 экз. Заказ № 5245.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907572-46-1

